

2022 № 2

ISSN (online): 2222-5196

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

Сетевой научный журнал
«Психология и право»

Редакционная коллегия

Дворянчиков Н.В. (Россия) – **главный редактор**
Бовина И.Б. (Россия) – **заместитель главного редактора**
Коноплева И.Н. (Россия) – **заместитель главного редактора**
Нуцкова Е.В. (Россия) – **заместитель главного редактора**

Богданович Н.В. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия), Васкэ Е.В. (Россия), Дебольский М.Г. (Россия), Делибальт В.В. (Россия), Дозорцева Е.Г. (Россия), Ениколопов С.Н. (Россия), Калашникова А.С. (Россия), Курбатова Т.Н. (Россия), Миронова О.И. (Россия), Пимонов В.А. (Россия), Сачкова М.Е. (Россия), Секераж Т.Н. (Россия), Ульянина О.А. (Россия), Чиркина Р.В. (Россия), Шаболтас А.В. (Россия), Шипшин С.С. (Россия), Сафуанов Ф.С. (Россия), Гранхаг Пер-Андерс (Швеция), Гессманн Ханс-Вернер (Германия), Хартвиг Пол (Норвегия), Синг Джей П. (США), Стошич Лазар (Сербия), Козлова Н.В. (Россия), Шаранов Ю.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия), Нуркова В.В. (Россия), Кекелидзе З.И. (Россия), Козлов А.А. (Россия)

Секретарь

Захарова А.В.

Редактор и корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.
Телефон: +7 (495) 608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), Международный Индекс Научного Цитирования Web of Science (ESCI), Международный каталог научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издается с 2011 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66446 от 14.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2022

Electronic Scientific Journal
«Psychology and Law»

Editorial board

Dvoryanchikov N.V. (Russia) – **editor-in-chief**
Bovina I.B. (Russia) – **deputy editor-in-chief**
Konopleva I.N. (Russia) – **deputy editor-in-chief**
Nutskova E.V. (Russia) – **deputy editor-in-chief**

Bogdanovich N.V. (Russia), Bulygina V.G. (Russia), Vaske E.V. (Russia), Debolsky M.G. (Russia), Delibalt V.V. (Russia), Dozortseva E.G. (Russia), Enikolopov S.N. (Russia), Kalashnikova A.S. (Russia), Kurbatova T.N. (Russia), Mironova O.I. (Russia), Pimonov V.A. (Russia), Sachkova M.Ye. (Russia), Sekerage T.N. (Russia), Ulyanina O.A. (Russia), Chirkina R.V. (Russia), Shaboltas A.V. (Russia), Shipshin S.S. (Russia), Safuanov F.S. (Russia), Granhag P.-A. (Sweden), Gessmann H.-W. (Germany), Hartvig P. (Norway), Singh J.P. (USA), Stosic L. (Serbia), Kozlova N.V. (Russia), Sharanov Yu.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia), Nurkova V.V. (Russia), Kekelidze Z.I. (Russia), Kozlov A.A. (Russia)

Secretary

Zakharova A.V.

Editor and proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051
Phone: + 7 495 608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Web: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Index of Scientific Citing database, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), DOAJ

Published quarterly since 2011

The mass medium registration certificate:

EL FS77-66446 number. Registration date 14.07.2016

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSU PE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the polisher.

© MSUPE, 2022

СОДЕРЖАНИЕ:

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК: ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Дебольский М.Г.

Вступительное слово.....1

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Фурманов И.А., Биндасова О.В.

Антисоциальные и агрессивные черты личности осужденных за убийство.....2–14

Колесникова Н.Е., Макаркина О.Е.

Социально-психологическая характеристика осужденных женщин,
отбывающих наказания без изоляции от общества.....15–26

Коноплева И.Н., Князева С.О., Дебольский М.Г., Красненкова С.А.

Особенности саморегуляции у осужденных,
совершивших преступления при рецидиве.....27–41

Ильиных Н.А., Ганишина И.С., Марьин М.И.

Психологические особенности разных типов личности тубинфицированных
осужденных с учетом выраженности суицидального риска.....42–54

Зайцева Д.В., Пушкина Т.П., Дорошева Е.А., Магденко О.В.

Исследование структуры личности мужчин, отбывающих срок наказания
за насильственные преступления.....55–68

Суслов Ю.Е.

К вопросу о проблемах развития эмпатии
у сотрудников пенитенциарной системы.....69–84

ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ | PSYCHOLOGY OF DEVIANT AND CRIMINAL BEHAVIOR

Булыгина В.Г., Пеева О.Д., Лысенко Н.Е.

Принятие решений о выборе способа реагирования в конфликтных ситуациях
у лиц с аффективными расстройствами.....85–98

Кроз М.В., Ратинова Н.А.

Ценностные ориентации преступников-террористов.....99–110

**ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PERSONALITY ORIENTED
PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITY**

Терехова Т.А., Самойлик Н.А., Серегина О.С., Тавилова Н.Н.

Диагностика системы ценностных ориентаций студентов
и курсантов образовательных организаций ФСИН России 111–124

Мальцева Т.В.

Структура субъектности руководителей
органов внутренних дел Российской Федерации 125–140

Виноградов М.В., Ульянина О.А.

Особенности проведения специальных психофизиологических исследований с
применением полиграфа в отношении сотрудников органов внутренних дел,
назначаемых на иные должности в системе МВД России 141–160

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С., Марьин М.И., Ханалиева Д.У.

Субъектные предикторы моделей поведения курсантов
в ситуациях когнитивного диссонанса 161–177

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY**

Журавлев А.Л., Китова Д.А.

Отношение молодежи к коррупции как проявление
экономического менталитета россиян 178–193

Власова Н.В., Буслаева Е.Л.

Психологические особенности лиц, склонных к кибервиктимному поведению 194–206

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.

Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде:
потенциал социально-психологического знания 207–223

**ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
PROBLEMS OF TRAINING OF SPECIALISTS IN LEGAL PSYCHOLOGY**

Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярёв А.В.

Тренинги офлайн или онлайн:
тенденции в подготовке юридических психологов 224–238

**ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД И МЕДИАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В ОБРАЗОВАНИИ И СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ |
RESTORATIVE APPROACH AND MEDIATION TECHNOLOGIES
IN EDUCATION AND IN THE SYSTEM OF PREVENTION OF SOCIAL RISKS**

Михайлова Е.В.

Судебная примирительная процедура в системе защиты гражданских прав 239–248

CONTENTS:

THEMATIC ISSUE: PENITENTIARY PSYCHOLOGY

Debolsky M.G.

Foreword..... 1

THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Fourmanov I.A., Bindasova O.V.

Antisocial and Aggressive Personality Traits of Convicted Murderers 2–14

Kolesnikova N.E., Makarkina O.E.

Social and Psychological Characteristic of Convicted Women
Serving Non-custodial Sentences 15–26

Konopleva I.N., Knyazeva S.O., Debolsky M.G., Krasnenkova S.A.

Self-Regulation of Convicts Who Have Committed Repeated Crimes..... 27–41

Ilinykh N.A., Ganishina I.S., Maryin M.I.

Psychological Features of Different Personality Types of Convicts
Infected with Tuberculosis, depending on the Severity of Suicidal Risk..... 42–54

Zaitseva D.V., Pushkina T.P., Dorosheva E.A., Magdenko O.V.

The Research of Personality Structure of Male Prisoners Convicted for Violent Crimes 55–68

Suslov Yu.E.

On the Issue of Development of Empathy
among the Staff of the Penitentiary System 69–84

PSYCHOLOGY OF DEVIANT AND CRIMINAL BEHAVIOR

Bulygina V.G., Peeva O.D., Lysenko N.E.

Decision-Making on the Choice of a Way to Respond
to Conflict Situations in Persons with Affective Disorders..... 85–98

Kroz M.V., Ratinova N.A.

Value Orientations of Terrorist Criminals..... 99–110

PERSONALITY ORIENTED PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

Terekhova T.A., Samoylik N.A., Seregina O.S., Tavtilova N.N.

Diagnostics of the System of Value Orientations of Students and Cadets
of Educational Organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia..... 111–124

Maltseva T.V.

The Structure of Subjectivity of the Heads
of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation 125–140

Vinogradov M.V., Ulyanina O.A.

Specifics of Conducting Special Psychophysiological Studies with the Use
of a Polygraph on the Employees of Internal Affairs Bodies Appointed
to Other Positions in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia 141–160

Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S., Maryin M.I., Khanalieva D.U.

Subjective Predictors of Cadets' Behavior Patterns
in Situation of Cognitive Dissonance 161–177

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Zhuravlev A.L., Kitova D.A.

Youth Attitudes towards Corruption as a Manifestation
of the Economic Mentality of Russians 178–193

Vlasova N.V., Buslaeva E.L.

Psychological Features of Individuals Prone to Cyber Victimization 194–206

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B.

Radicalisation among Young People: In Search of Risk Assessment Model 207–223

PROBLEMS OF TRAINING OF SPECIALISTS IN LEGAL PSYCHOLOGY

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V.

Online and Offline Training: Trends in Education of Specialists
in the Field of Forensic and Legal Psychology 224–238

**RESTORATIVE APPROACH AND MEDIATION TECHNOLOGIES
IN EDUCATION AND IN THE SYSTEM OF PREVENTION OF SOCIAL RISKS**

Mikhailova E.V.

Conciliation Procedure in the Russian System of Protection of Civil Rights 239–248

Уважаемые читатели, коллеги!

Нам приятно представить вам очередной номер журнала «Психология и право». Как всегда, вы найдете инновационные материалы, результаты новых исследований по основным отраслям юридической психологии: криминальной, судебной, ювенальной, судебно-экспертной практике.

Тема выпуска посвящена пенитенциарной психологии и практике исполнения наказания, и это не случайно. 2 сентября исполняется 30 лет создания психологической службы в уголовно-исполнительной системе. Сегодня в этой сфере социальной практики работают 2300 пенитенциарных психологов. Оказание психологической помощи осужденным закреплено уголовно-исполнительным законодательством. Психокоррекционную и психопрофилактическую работу с осужденными осуществляют также специалисты-волонтеры, студенты старших курсов психологических факультетов высших образовательных заведений. Специалисты, интересующиеся данной проблематикой, смогут ознакомиться в этом выпуске журнала с результатами новых исследований психологических особенностей личности различных категорий осужденных (совершивших убийство, другие особо тяжкие преступления; тубинфицированных осужденных и склонных к суицидальному риску, рецидиву; женщин, отбывающих наказания без изоляции от общества). В выпуске освещаются и вопросы развития профессионально значимых качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Несомненно, специалисты различных отраслей юридической психологии с интересом ознакомятся со статьями по значимой для них тематике. В разделах «Психология девиантного и криминального поведения» и «Личностно-ориентированные психотехнологии в правоохранительной деятельности» представлены результаты исследований способов реагирования в конфликтных ситуациях у лиц с аффективными расстройствами; системы ценностных ориентаций студентов и курсантов образовательных организаций; структуры субъектности руководителей органов внутренних дел; результаты проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа; результаты изучения моделей поведения курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса.

В выпуске обсуждаются актуальные вопросы, относящиеся к методологии юридической психологии, подготовки специалистов по юридической психологии, применения восстановительного подхода и медиативных технологий в образовании и системе профилактики социальных рисков.

Надеемся, что подготовленный нами выпуск журнала станет востребованным у читателей, занимающихся научно-исследовательской деятельностью, подготовкой квалифицированных специалистов, и окажет практическую помощь юридическим психологам в их работе.

М.Г. Дебольский,
член редакционной коллегии журнала «Психология и право»,
ответственный за выпуск номера

Антисоциальные и агрессивные черты личности осужденных за убийство

Фурманов И.А.

Белорусский государственный университет (БГУ), г. Минск, Республика Беларусь
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>, e-mail: formigor@gmail.com

Биндасова О.В.

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (МГУ имени А.А. Кулешова), г. Могилев, Республика Беларусь
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2120-7751>, e-mail: bindasova.olga@bk.ru

Работа направлена на выявление зависимости диспозиционной агрессии от антисоциальных черт личности осужденных за убийство. В исследовании приняли участие преступники (мужчины и женщины по 223 человека), осужденные: 1) за умышленное противоправное лишение жизни другого человека, убийство («непосредственные» убийцы) и 2) незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов («опосредованные» убийцы). Средний возраст $39,3 \pm 10,8$. 33,6% были впервые осужденными преступниками, а 66,4% имели предыдущий опыт тюремного заключения. В исследовании использовались опросник «Темная дюжина», направленный на измерение субклинических личностных свойств; две шкалы ПДТ (Психодиагностического теста); опросник агрессивности А. Басса и М. Перри. В результате исследования были описаны различия в антисоциальных и агрессивных чертах личности «непосредственных» и «опосредованных» убийц, а также взаимосвязи и взаимовлияние антисоциальных и агрессивных черт личности преступников указанных когорт.

Ключевые слова: макиавеллизм, психопатия, нарциссизм, совесть, расторможенность, физическая агрессия, вербальная агрессия, гнев, враждебность.

Для цитаты: Фурманов И.А., Биндасова О.В. Антисоциальные и агрессивные черты личности осужденных за убийство [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 2–14. DOI:10.17759/psylaw.2022120201

Antisocial and Aggressive Personality Traits of Convicted Murderers

Igor A. Fourmanov

Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>, e-mail: formigor@gmail.com

Olga V. Bindasova

Mogilev State University named after A.A. Kuleshov (Kuleshov MSU), Mogilev, Republic of Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2120-7751>, e-mail: bindasova.olga@bk.ru

The work is aimed at finding the relationship between dispositional aggression and antisocial personality traits of convicted murderers. The study involved criminals who were convicted of: 1) intentional unlawful taking of another person's life, i.e. murder ("direct" murderers) and 2) illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors and analogues ("indirect" murderers). The average age was 39.3 ± 10.8 . 33.6% of them were first-time convicted criminals, and 66.4% had previous experience of imprisonment. The study used the "Dark Dozen" questionnaire aimed at measuring subclinical personality traits, two scales of PDT (Psychodiagnostic Test) and the aggressiveness questionnaire by A. Buss and M. Perry. As a result of the study, differences in the antisocial and aggressive personality traits of "direct" and "indirect" murderers were described, as well as the relationship and mutual influence of the antisocial and aggressive personality traits of the criminals from these groups.

Keywords: machiavellianism, psychopathy, narcissism, conscientiousness, disinhibition, physical aggression, verbal aggression, anger, hostility.

For citation: Fourmanov I.A., Bindasova O.V. Antisocial and Aggressive Personality Traits of Convicted Murderers. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 2–14. DOI:10.17759/psylaw.2022120201 (In Russ.).

Введение

Любое преступление так или иначе связано с причинением вреда и ущерба личности, группе или обществу. И хотя возмещение ущерба, например за имущественное преступление, возможно, никто не может должным образом возместить ущерб за насильственное преступление, особенно убийство. Каждое нападение или убийство имеет невосполнимые последствия, выходящие за рамки этого инцидента. Насильственные действия могут разрушить не только жизнь жертвы, но и вызвать пожизненное горе и страдания близких жертвы, родственников и партнеров.

Совершенно очевидно, что убийство является крайней формой проявления агрессивности. В отличие от ситуационной агрессивной реакции, агрессивность представляет собой личностную черту, характеризующуюся устойчивой осознаваемой или неосознаваемой предрасположенностью, диспозицией индивида к нерелевантной и достаточно последовательной реализации агрессивной модели поведения с целью причинения физического и/или психологического вреда, ущерба, страдания другому индивиду, группе или обществу в целом. Существует достаточно обширная междисциплинарная база научно обоснованных фактов того, что агрессивность индивида способствует преступному поведению в целом и тяжким насильственным преступлениям — в частности.

Несмотря на то, что агрессивность индивидов, совершивших насильственные преступления и в том числе убийства, неоднократно становилась предметом исследования, до сих пор мало изучена ее взаимосвязь со структурой антисоциальных личностных черт, обуславливающих детерминацию и регуляцию агрессивного преступного поведения [1; 2; 3; 4; 6; 8; 9; 15; 18; 26].

В настоящее время большое внимание уделяется проблеме влияния на различного рода девиантное поведение так называемых черт «Темной триады»: нарциссизма, психопатии и макиавеллизма [28]. В литературе отмечается, что нарциссизм, психопатия и макиавеллизм концептуализируются как многомерные личностные конструкции, которые варьируются в пределах нормальной популяции. Индивиды с повышенными оценками по показателям этих «темных» черт личности характеризуются недоброжелательностью, черствостью, нечестностью, двуличием и агрессивностью; они склонны вести стремительную и ориентированную на эксплуатацию других, а не заботливую и просоциальную жизнь [7; 22].

Нарциссизм. В целом, нарциссизм связан с такими чертами характера, как нескромность, доминирование в межличностных отношениях, самолюбование, черствость и манипулятивность. В ряде исследований изучались связи между нарциссизмом и агрессией. В частности, было обнаружено, что индивиды с высоким уровнем нарциссических черт чрезмерно гневно реагируют и становятся агрессивными в ответ на угрозы Эго, возможно, из-за их склонности считать себя «особенными» и претензий на привилегированное обращение. Кроме того, индивиды с высоким уровнем нарциссических черт становятся агрессивными, когда их оскорбляют и подвергают остракизму или когда оспариваются их предполагаемые права [29].

Психопатия. Индивиды с психопатическими чертами характера имеют значительный эмоциональный дефицит (неспособны создавать прочные эмоциональные связи с другими), они высокомерны, черствы, поверхностны, импульсивны, склонны к манипуляциям и нарушениям социальных и правовых норм, им не хватает сочувствия и раскаяния [23; 24]. Считается, что именно это отсутствие совести является главной причиной более высокого уровня насильственного поведения у индивидов с психопатическими чертами. Хотя индивиды с психопатическими чертами составляют небольшую часть человечества, они совершают непропорционально большое количество преступлений, отличаются большим разнообразием преступлений, начинают преступную деятельность в более молодом возрасте и проявляют большую жестокость во время этих преступных действий [29]. Например, в метаанализе, проведенном Дж. Блейс с коллегами [16], были обнаружены положительная взаимосвязь между высоким уровнем психопатии и инструментальным насилием (планируемым и осуществляемым для достижения личной цели или других видов выгоды) и умеренная положительная взаимосвязь с реактивным насилием (импульсивное насилие, направленное на причинение вреда другим).

Макиавеллизм. Термином макиавеллизм описывается циничный, безжалостный и обманчивый стиль межличностного поведения. Индивидов с высоким уровнем макиавеллиевских черт, как правило, отличает сопротивление социальному влиянию и их склонность принимать решения на основе анализа затрат и выгод, в котором моральные и межличностные или эмоциональные соображения по существу игнорируются. Э. Витт и его коллеги [30] обнаружили взаимосвязь между макиавеллизмом и агрессией у взрослых людей.

Несмотря на то, что в многочисленной литературе указывается на взаимосвязь антисоциальных черт личности и агрессивного поведения, следует обратить внимание на совершенно недостаточное количество данных, описывающих указанное проблемное поле у насильственных преступников, особенно совершивших убийство. Фактически было обнаружено лишь одно исследование, в котором отмечалась взаимосвязь психопатии с физической и вербальной агрессией у заключенных-мужчин, совершивших насильственные преступления, однако среди которых убийцы составляли только 12,8% [27]. Следует также обратить внимание на достаточно немногочисленную литературу о преступной агрессии психически здоровых взрослых женщин [5; 11], хотя существует мнение о том, что женская агрессивная преступ-

ность может существенно отличаться от мужской. В одном из немногих исследований, в котором основное внимание уделялось женщинам-заключенным, была выявлена положительная связь нарциссизма с диспозиционной агрессией у осужденных за насильственные преступления [25].

Исходя из этого, общей целью данного исследования являлось выявление зависимости диспозиционной агрессии от антисоциальных черт личности осужденных за убийство. Кроме того, представляют интерес данные сравнительного исследования качественно различных категорий убийц, в частности «непосредственных» и «опосредованных». В проведенных исследованиях к когорте «непосредственных» убийц были отнесены преступники, осужденные за умышленное противоправное лишение жизни другого человека (убийство), а к «опосредованным» — осужденные за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Психологическое сходство осужденных этих когорт определяется конечной целью их преступления, а именно причинением физического вреда и ущерба здоровью и жизни другого индивида. Различия состоят в прямом или косвенном характере их преступных действий. В связи с этим можно предположить, что, несмотря на определенную схожесть во влиянии антисоциальных черт личности на агрессивность осужденных, «непосредственные» убийцы в большей мере будут склонны к проявлению прямых, открытых форм физической агрессии [13].

Материал и методы исследования

Исследование проводилось среди осужденных ряда исправительных учреждений Республики Беларусь, которые были разбиты на 2 когорты в соответствии со статьей отбывания наказания: 1) умышленное противоправное лишение жизни другого человека (убийство) ($n=300$); 2) незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов ($n=146$). В исследовании приняли участие как мужчины, так и женщины. Средний возраст $39,3 \pm 10,8$. 33,6% были впервые осужденными преступниками, а 66,4% имели предыдущий опыт тюремного заключения.

В исследовании были использованы:

- опросник «Темная дюжина», направленный на измерение субклинических личностных свойств, адаптированный и валидизированный Т.В. Корниловой и коллегами [7]. Методика оценивает три характеристики: макиавеллизм, психопатию и нарциссизм;
- две шкалы психодиагностического теста В.М. Мельникова, Л.Т. Ямпольского [10] измеряющих асоциальность: совесть и расторможенность;
- опросник агрессивности А. Басса и М. Перри, адаптированный и валидизированный И.А. Фурмановым [12]. Четыре подшкалы опросника оценивали диспозиционную агрессию: физическую агрессию, вербальную агрессию, гнев, враждебность.

Для получения статистических данных рассчитывались средние (M) и стандартное отклонение (SD), сравнение выборок осуществлялось с помощью расчета F -критерия Фишера и размера эффекта Коэна (d); для сравнения средних значений использовались корреляционный и ковариационный анализ.

Результаты и их обсуждение

Сравнительный анализ двух когорт осужденных (табл. 1) позволил установить, что «опосредованные» убийцы имеют значимо более высокие показатели нарциссизма ($d = 0,30$), психопатии ($d = 0,35$), макиавеллизма ($d = 0,44$) и расторможенности ($d = 0,64$). В свою очередь, «непосредственные» убийцы отличаются более высокими показателями вербальной

агрессии ($d = 0,22$) и враждебности ($d = 0,31$). По показателям совестливости, физической агрессии и гнева различия не обнаружены.

Таким образом, следуя рекомендациям [20], в первую очередь необходимо обратить внимание на различия, имеющие размер эффекта выше среднего (0,40), которые свидетельствуют о том, что «опосредованные» убийцы в меньшей степени сдержанны и рассудительны, более склонны к асоциальному поведению. Кроме того, они в большей мере склонны к межличностному манипулированию и эксплуатации других в личных, корыстных интересах; они гораздо больше ориентированы на цель, чем на личность другого человека. Р. Кристи и Ф. Л. Гейс [19] характеризуют индивидов с высокими показателями макиавеллизма как имеющих циничный взгляд на человеческую природу, проявляющих эмоциональную холодность и отстраненность в межличностных отношениях, не заботящихся об общепринятой морали, отличающихся лживостью и сосредоточенностью на реалистичных и достижимых целях.

Таблица 1

Различия в показателях антисоциальных и агрессивных черт личности осужденных

Показатели	«Непосредственные» убийцы (N= 300)	«Опосредованные» убийцы (N= 146)	Достоверность различий	
	M(SD)	M(SD)	F	p
Нарциссизм	10,28 (4,31)	11,53 (3,85)	8,874	0,003
Психопатия	7,29 (3,51)	8,66 (4,21)	13,058	≤0,001
Макиавеллизм	8,09 (4,21)	10,06 (4,62)	20,242	≤0,001
Совестливость	8,98 (3,23)	9,36 (3,21)	1,360	0,244
Расторможенность	6,21 (2,93)	8,10 (2,93)	40,900	≤0,001
Физическая агрессия	21,12 (7,13)	20,95 (6,49)	0,060	0,807
Вербальная агрессия	14,40 (4,45)	13,45 (4,02)	4,741	0,030
Гнев	17,21 (6,04)	17,50 (5,74)	0,234	0,629
Враждебность	22,28 (7,78)	20,04 (6,51)	8,998	0,003

Таблица 2

Различия в показателях антисоциальных и агрессивных черт личности осужденных в зависимости от пола

Показатели	«Непосредственные» убийцы		«Опосредованные» убийцы		Достоверность различий			
	Мужчины (N= 150)	Женщины (N= 150)	Мужчины (N= 73)	Женщины (N= 73)	1—3		2—4	
	M(SD)	M(SD)	M(SD)	M(SD)	F	p	F	p
Нарциссизм	10,43 (4,41)	10,13 (4,20)	11,53 (4,10)	11,52 (3,60)	3,237	0,073	5,911	0,016
Психопатия	7,73 (3,76)	6,85 (3,19)	8,55 (4,47)	8,77 (3,96)	2,067	0,152	15,033	≤0,001
Макиавеллизм	8,78 (4,45)	7,39 (3,86)	9,89 (5,21)	10,23 (3,97)	2,730	0,100	26,097	≤0,001
Совестливость	8,49 (3,14)	9,46 (3,26)	8,84 (3,24)	9,88 (3,11)	0,572	0,450	0,825	0,365
Расторможенность	6,81 (2,96)	5,62 (2,78)	6,81 (2,80)	9,40 (2,45)	0,001	0,997	97,696	≤0,001
Физическая агрессия	23,21 (7,08)	19,03 (6,56)	23,45 (7,30)	18,45 (4,33)	0,055	0,815	0,472	0,493
Вербальная агрессия	14,83 (4,41)	13,97 (4,46)	15,36 (4,55)	11,55 (2,12)	0,675	0,412	19,315	≤0,001
Гнев	16,80 (6,05)	17,62 (6,02)	16,40 (6,52)	18,60 (4,63)	0,207	0,650	1,511	0,220
Враждебность	22,53 (8,00)	22,02 (7,57)	21,66 (7,28)	18,42 (5,19)	0,624	0,430	13,392	≤0,001

Представляют интерес данные о различиях между двумя когортами осужденных в зависимости от пола (табл. 2). Так, в мужской выборке когорты осужденных не различаются ни по одному показателю. Вместе с тем в женской выборке «опосредованные» убийцы имели значимо более высокие показатели нарциссизма ($d = 0,35$), психопатии ($d = 0,53$), макиавеллизма ($d = 0,72$) и расторможенности ($d = 1,44$), а «непосредственные» убийцы — показатели вербальной агрессии ($d = 0,69$) и враждебности ($d = 0,55$).

Исходя из этого, можно заключить, что «опосредованные» убийцы-женщины отличаются отсутствием эмпатии, большей черствостью, поверхностностью аффекта, импульсивностью и расторможенностью социальных ограничений, склонностью к манипулированию и обману, стремлением к краткосрочной выгоде, они используют свое непосредственное окружение для приобретения ресурсов. В свою очередь, «непосредственные» убийцы-женщины в большей мере склонны к вербальной конфронтации, более раздражительны, обидчивы, подозрительны и ревнивы.

Корреляционный анализ позволил установить, что в обеих когортах такие антисоциальные личностные черты, как психопатия и макиавеллизм значимо взаимосвязаны со всеми агрессивными чертами; совестливость отрицательно связана с физической агрессией (табл. 3).

Таблица 3

Взаимосвязь показателей антисоциальных и агрессивных черт личности осужденных

Показатели		Физическая агрессия	Вербальная агрессия	Гнев	Враждебность
«Непосредственные» убийцы					
Нарциссизм	r	0,094	0,098	0,091	0,183
	p	0,104	0,092	0,117	0,001
Психопатия	r	0,318	0,176	0,360	0,219
	p	≤0,001	0,002	≤0,001	≤0,001
Макиавеллизм	r	0,318	0,199	0,191	0,241
	p	≤0,001	0,001	0,001	≤0,001
Совестливость	r	-0,131	0,068	-0,112	0,017
	p	0,023	0,238	0,053	0,771
Расторможенность	r	0,181	0,179	0,124	0,140
	p	0,002	0,002	0,032	0,015
«Опосредованные» убийцы					
Нарциссизм	r	0,207	0,249	0,191	0,107
	p	0,012	0,002	0,021	0,199
Психопатия	r	0,182	0,300	0,395	0,237
	p	0,028	≤0,001	≤0,001	0,004
Макиавеллизм	r	0,263	0,268	0,330	0,309
	p	0,001	0,001	≤0,001	≤0,001
Совестливость	r	-0,174	0,015	0,121	-0,011
	p	0,036	0,860	0,147	0,899
Расторможенность	r	-0,080	0,018	0,215	-0,001
	p	0,335	0,826	0,009	0,994

Вместе с тем обнаруживаются и отличия. В частности, в когорте «непосредственных» убийц нарциссизм положительно коррелирует с враждебностью, а расторможенность со все-

ми агрессивными чертами. В когорте «опосредованных» убийц нарциссизм положительно связан с физической и вербальной агрессией, а также с гневом, как и расторможенностью.

В дополнение к корреляционному анализу был проведен ковариационный анализ с целью определения влияния асоциальных черт личности на характеристики диспозиционной агрессии (табл. 4).

Таблица 4

Влияние показателей антисоциальных черт личности на агрессивность осужденных

Показатели		Физическая агрессия	Вербальная агрессия	Гнев	Враждебность
«Непосредственные» убийцы					
Нарциссизм	F	0,811	0,055	0,212	2,353
	p	0,369	0,815	0,646	0,126
Психопатия	F	11,180	2,055	29,902	2,880
	p	0,001	0,153	≤0,001	0,091
Макиавеллизм	F	9,067	4,396	0,002	4,966
	p	0,003	0,037	0,967	0,027
Совестливость	F	1,974	2,887	1,767	1,040
	p	0,161	0,090	0,185	0,309
Расторможенность	F	4,357	4,539	1,662	1,916
	p	0,038	0,034	0,198	0,167
«Опосредованные» убийцы					
Нарциссизм	F	3,206	3,841	0,170	0,000
	p	0,076	0,052	0,680	0,998
Психопатия	F	1,698	5,524	8,299	1,968
	p	0,195	0,020	0,005	0,163
Макиавеллизм	F	3,075	1,710	3,991	7,337
	p	0,082	0,193	0,048	0,008
Совестливость	F	3,459	0,005	0,769	0,006
	p	0,065	0,946	0,382	0,940
Расторможенность	F	2,786	1,481	1,122	,972
	p	0,097	0,226	0,291	0,326

Так было установлено, что в когорте «непосредственных» убийц психопатия оказывает влияние на предрасположенность к гневу и физической агрессии; макиавеллизм — к физической и вербальной агрессии, а также враждебности; расторможенность — к физической и вербальной агрессии. В когорте «опосредованных» убийц психопатия являлась фактором усиления таких агрессивных черт, как гнев и вербальная агрессия, а макиавеллизм — враждебности и гнева. Замечено, что нарциссизм и совестливость не оказывают существенного влияния на агрессивность осужденных в обеих когортах.

Таким образом, выдвинутая гипотеза о большей склонности «непосредственных» убийц с антисоциальными чертами личности к проявлению прямых, открытых форм физической агрессии, сопровождающихся гневом и враждебностью, подтвердилась. В свою очередь, «опосредованные» убийцы, несмотря на их гневливость и враждебность, отдадут предпочтение выражению вербальной агрессии.

Как уже отмечалось, сходных исследований с изложенной выше проблематикой в литературе не обнаружено. Существуют лишь косвенные подтверждения полученных результатов. В частности, в исследовании трех мужских групп преступников (убийц, насильников и вооруженных грабителей) не было обнаружено существенных различий в показателях диспозиционной агрессии, только убийцы оказались менее враждебными по сравнению с сексуальными насильниками и вооруженными грабителями. Кроме того, были обнаружены значительные попарные различия между обычными насильственными преступниками, у которых были более высокие показатели агрессивности, чем у преступников, совершивших убийства, и сексуальными насильниками [17]. В сравнительном исследовании женщин-заклученных, осужденных за насильственные или ненасильственные преступления, не было обнаружено различий в агрессивности и нарциссических чертах личности [25]. Также было установлено, что такие качества психопатии, как импульсивность и отсутствие эмпатии, повышают вероятность участия в насильственных преступных действиях и преступлениях [21].

Безусловно, полученные данные отчасти согласуются с результатами исследования М. К. Онъедибе и коллег [27], в котором была обнаружена взаимосвязь психопатии с физической и вербальной агрессией у заключенных-мужчин, совершивших насильственные преступления.

Выводы

На основании проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. «Непосредственные» убийцы отличались от «опосредованных» убийц более высокими показателями вербальной агрессии, враждебности и более низкими показателями нарциссизма, психопатии, макиавеллизма и расторможенности. По показателям совестливости, физической агрессии и гнева различия не выявлены.

2. В мужской выборке «непосредственные» убийцы не отличались от «опосредованных» убийц ни по одному показателю антисоциальных и агрессивных черт личности. В женской выборке «опосредованные» убийцы имели значимо более высокие показатели нарциссизма, психопатии, макиавеллизма и расторможенности, а «непосредственные» убийцы — показатели вербальной агрессии и враждебности.

3. В обеих когортах осужденных психопатия и макиавеллизм значимо взаимосвязаны со всеми агрессивными чертами, а совестливость отрицательно связана только с физической агрессией. У «непосредственных» убийц нарциссизм положительно коррелирует с враждебностью, а расторможенность со всеми агрессивными чертами. У «опосредованных» убийц нарциссизм положительно связан с физической и вербальной агрессией, а также с гневом, как и расторможенность.

4. У «непосредственных» убийц психопатия является предиктором склонности к проявлению гнева и физической агрессии; макиавеллизм — к физической и вербальной агрессии, а также враждебности; расторможенность — к физической и вербальной агрессии. У «опосредованных» убийц психопатия является фактором усиления гнева и вербальной агрессии, а макиавеллизм — враждебности и гнева. Нарциссизм и совестливость не оказывают существенного влияния на агрессивность осужденных в обеих когортах.

Настоящее исследование является первым, в котором непосредственно исследуется взаимосвязь и влияние антисоциальных черт Темной триады и диспозиционной агрессии у преступников, совершивших убийство. Это исследование расширило ограниченную литературу по проблемам предсказания совершения насильственных действий среди преступников. Кроме того, безусловно большой научный интерес представляет анализ данных о гендерных

различиях внутри каждой из когорт убийц, что открывает новые перспективы дальнейших исследований в этой области.

Литература

1. *Антонян Ю.М., Эминов В.Е.* Личность преступника. Криминологическое исследование. М.: Норма, 2018. 368 с.
2. *Бартол К.* Психология криминального поведения: Учебное пособие. СПб: Прайм-Еврознак, 2004. 352 с.
3. *Булатчик Э.П.* Особенности агрессивности лиц, совершивших убийство: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2006. 205 с.
4. *Еникеев М.И.* Юридическая психология. М.: Норма, 2003. 256 с.
5. *Казакова Е.Н.* Психологические аспекты изучения мотивации агрессивного поведения женщин, осужденных к лишению свободы: Дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 1999. 247 с.
6. *Кантер Д.* Криминальная психология. М.: Гуманитарный центр, 2021. 368 с.
7. *Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Чумакова М.А., Талмач М.С.* Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: Апробация опросника «Темная дюжина» // Психологический журнал. 2015. Том 36. № 2. С. 99–112.
8. *Логунова О.А.* Психологические особенности личности и поведения различных типов серийных сексуальных убийц: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2018. 256 с.
9. *Логунова О.А., Дворянчиков Н.В.* Исследование психологических особенностей личности и поведения серийных сексуальных убийц различных типов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 54–70. doi:10.17759/psylaw.2019090104
10. *Мельников В.М., Ямпольский Л.Т.* Введение в экспериментальную психологию личности: Учебное пособие. М.: Просвещение, 1985. 319 с.
11. *Смолко Н.А.* К вопросу об особенностях проявления агрессии со стороны женщин, осужденных за совершение насильственных преступлений // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53). С. 49–57.
12. *Фурманов И.А.* Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб: Речь. 2007. 480 с.
13. *Фурманов И.А.* Агрессивность белорусских осужденных с различным составом совершенного преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. Том 1. № 2. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40882.shtml> (дата обращения: 25.04.2022).
14. *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология: Учебник для вузов. 2-е изд. М.: Зерцало, 2006. 272 с.
15. *Biro M., Vuckovic N., Djuric V.* Towards a typology of homicides on the basis of personality // The British Journal of Criminology. 1992. Vol. 32(3). P. 361–371. doi:10.1093/oxfordjournals.bjc.a048224
16. *Blais J., Solodukhin E., Forth A. E.* A meta-analysis exploring the relationship between psychopathy and instrumental versus reactive violence // Criminal Justice and Behavior. 2014. Vol. 41. P. 797–821. doi:10.1177/0093854813519629
17. *Brad C.A., Coupland R.B.A., Olver M.E.* An Examination of Mental Health, Hostility, and Typology in Homicide Offenders // Homicide Studies 2014, Vol. 18(4). P. 323–334. doi:10.1177/1088767914521416

18. Caspi A., Moffitt T.E., Silva P.A., Loeber M.S., Krueger R.F., Schmutte P.S. Are some people crime prone? Replications of the personality crime relationship across countries, genders, races, and methods // *Criminology*. 1994. Vol. 32(2). P. 163–196. doi:10.1111/j.1745-9125.1994.tb01151.x
19. Christie R., Geis F.L. *Studies in Machiavellianism*. New York: Academic Press. 1970. 415 p.
20. Cumming G., Calin-Jageman R. *Introduction to the new statistics: estimation, open science, and beyond*. New York: Routledge, 2017. 594 p.
21. Dhingra K., Boduszek D. Psychopathy and Criminal Behaviour: A Psychosocial Research Perspective // *Journal of Criminal Psychology*. 2013. Vol. 3(2). P. 83–107. doi: 10.1108/jcp-06-2013-0014
22. Furnham A., Richards S.C., Paulhus D.L. The dark triad of personality: A 10 year review: Dark triad of personality // *Social and Personality Psychology Compass*. 2013. Vol. 7. P. 199–216. doi:10.1111/spc3.12018
23. Hare R.D. Psychopaths and their nature: Implications for the mental health and criminal justice systems // T. Millon, E. Simonsen, M. Birket-Smith, R.D. Davis (eds.). *Psychopathy: Antisocial, criminal, and violent behavior*. New York: Guilford Press, 1998. P. 188–212.
24. Hare R.D., Neumann C.S. Psychopathy: Assessment and forensic implications // *Canadian Journal of Psychiatry*. 2009. Vol. 54(12). P. 791–802. doi:10.1177/070674370905401202
25. Kalemi G., Michopoulos I., Efstathiou V., Konstantopoulou F., Tsaklakidou D., Gournellis R., Douzenis A. Narcissism but Not Criminality Is Associated With Aggression in Women: A Study Among Female Prisoners and Women Without a Criminal Record // *Front. Psychiatry*. 2019. Vol. 10. Article 21. P. 1–11. doi:10.3389/fpsy.2019.00021
26. Miller J.D., Lynam D.R. Structural models of personality and their relation to antisocial behavior: A meta-analytic review // *Criminology*. 2006. Vol. 39(4). P. 765–798. doi:10.1111/j.1745-9125.2001.tb00940.x
27. Onyedibe M.C.C., Ifeagwazi C.M., Ugwu D.I. Psychopathy and aggressive behaviour among Nigerian male prison inmates: The moderating role of substance abuse // *Journal of Psychology in Africa*. 2018. Vol. 28(5). P. 365–370. doi:10.1080/14330237.2018.1523342
28. Paulhus D.L., Williams K.M. The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // *Journal of Research in Personality*. 2002. Vol. 36. P. 556–563. doi:10.1016/S0092-6566(02)00505-6
29. Skobkareva A. Aggression in Dark Personalities: The Role of Self-Esteem. 2020. 159 p. [Электронный ресурс] // University of Windsor. URL: <https://scholar.uwindsor.ca/etd/8483> (дата обращения: 12.03.2022).
30. Witt E.A., Donnellan M.B., Trzesniewski K.H. Self-esteem, narcissism, and Machiavellianism: Implications for understanding antisocial behaviour in adolescents and young adults // C.T. Barry, P.K. Kerig, K.K. Stellwagen, T.D. Barry (eds.). *Narcissism and Machiavellianism in youth: Implications for the development of adaptive and maladaptive behavior*. Washington: American Psychological Association, 2011. P. 27–68. doi:10.1037/12352-003

References

1. Antonyan Yu.M., Eminov V.E. Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie. Moscow: Norma, 2018. 368 p. (In Russ.).
2. Bartol C. R. Psikhologiya kriminal'nogo povedeniya. Uchebnoe posobie [Criminal behavior: a psychosocial approach]. Saint Petersburg: Praym-Yevroznak, 2004. 352 p. (In Russ.).
3. Bulatchik E.P. Osobennosti agressivnosti lits, sovershivshikh ubiistvo: Diss. kand. psikhol. nauk. Saint Petersburg, 2006. 205 p. (In Russ.).

4. Enikeev M.I. *Yuridicheskaya psikhologiya*. Moscow: Norma, 2003. 256 p. (In Russ.).
5. Kazakova Ye.N. *Psikhologicheskie aspekty izucheniya motivatsii agressivnogo povedeniya zhenshchin, osuzhdennykh k lisheniyu svobody*: Diss. kand. psikhol. nauk. Ryazan, 1999. 247 p. (In Russ.).
6. Canter D.V. *Kriminalnaya psikhologiya [Criminal psychology]*. Moscow: Gumanitarnyy tsentr, 2021. 368 c. (In Russ.).
7. Kornilova T.V., Kornilov S.A., Chumakova M.A., Talmach M.S. Metodika diagnostiki lichnostnykh chert “Temnoi triady”: Aprobatsiya oprosnika “Temnaya dyuzhina” [The dark triad personality traits measure: approbation of the dirty dozen questionnaire]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2015, Vol. 36, no. 2, pp. 99–112. (In Russ.).
8. Logunova O.A. *Psikhologicheskie osobennosti lichnosti i povedeniya razlichnykh tipov seriinykh seksual’nykh ubiits*: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2018. 256 p. (In Russ.).
9. Logunova O.A., Dvoryanchikov N.V. Issledovanie psikhologicheskikh osobennostei lichnosti i povedeniya seriinykh seksual’nykh ubiits razlichnykh tipov [The research on psychological personality features and behavior of different serial sexual murderers’ types] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019, Vol. 9, no. 1. pp. 54–70. doi:10.17759/psylaw.2019090104 (In Russ.).
10. Melnikov V.M., Yampolsky L.T. *Vvedenie v eksperimental’nyu psikhologiyu lichnosti: Uchebnoe posobie*. Moscow: Prosveshchenie, 1985. 319 p. (In Russ.).
11. Smolko N.A. K voprosu ob osobennostyakh proyavleniya agressii so storony zhenshchin, osuzhdennykh za sovershenie nasil’stvennykh prestuplenii [Peculiarities of the aggression manifestation of women convicted of violent crimes]. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior*, 2021, no. 1 (53), pp. 49–57. (In Russ.).
12. Fourmanov I.A. *Agressiya i nasilie: diagnostika, profilaktika i korektsiya*. Saint Petersburg: Rech’, 2007. 480 p. (In Russ.).
13. Fourmanov I.A. *Agressivnost’ belorusskikh osuzhdennykh s razlichnym sostavom sovershennogo prestupleniya [Aggressiveness in Belorussian Criminals Convicted for Different Types of Crimes]* [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2011. Vol. 1, no. 2. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40882.shtml> (Accessed 25.04.2022). (In Russ.).
14. Shihancov G.G. *Yuridicheskaya psikhologiya: Uchebnik dlya vuzov*. 2nd ed. Moscow: Zertsalo, 2006. 272 p. (In Russ.).
15. Biro M., Vuckovic N., Djuric V. Towards a typology of homicides on the basis of personality. *The British Journal of Criminology*, 1992. Vol. 32, no. 3, pp. 361–371. doi:10.1093/oxfordjournals.bjc.a048224
16. Blais J., Solodukhin E., Forth A.E. A meta-analysis exploring the relationship between psychopathy and instrumental versus reactive violence. *Criminal Justice and Behavior*, 2014. Vol. 41, pp. 797–821. doi:10.1177/0093854813519629
17. Brad C.A., Coupland R.B.A., Olver M.E. An Examination of Mental Health, Hostility, and Typology in Homicide Offenders. *Homicide Studies*, 2014. Vol. 18, no. 4, pp. 323–334. doi:10.1177/1088767914521416
18. Caspi A., Moffitt T.E., Silva P.A., Loeber M.S., Krueger R.F., Schmutte P.S. Are some people crime prone? Replications of the personality crime relationship across countries, genders, races, and methods. *Criminology*, 1994. Vol. 32, no. 2, pp. 163–196. doi:10.1111/j.1745-9125.1994.tb01151.x
19. Christie R., Geis F.L. *Studies in Machiavellianism*. New York: Academic Press. 1970. 415 p.

20. Cumming G., Calin-Jageman R. Introduction to the new statistics: estimation, open science, and beyond. New York : Routledge, 2017. 594 p.
21. Dhingra K., Boduszek D. Psychopathy and Criminal Behaviour: A Psychosocial Research Perspective. *Journal of Criminal Psychology*, 2013. Vol. 3, no. 2, pp. 83–107. doi:10.1108/jcp-06-2013-0014
22. Furnham A., Richards S.C., Paulhus D.L. The dark triad of personality: A 10 year review: Dark triad of personality. *Social and Personality Psychology Compass*, 2013. Vol. 7, pp. 199–216. doi:10.1111/spc3.12018
23. Hare R.D. Psychopaths and their nature: Implications for the mental health and criminal justice systems. In T. Millon, E. Simonsen, M. Birket-Smith, R.D. Davis (eds.). *Psychopathy: Antisocial, criminal, and violent behavior*. New York: Guilford Press. 1998, pp. 188–212.
24. Hare R.D., Neumann C.S. Psychopathy: Assessment and forensic implications. *Canadian Journal of Psychiatry*, 2009. Vol. 54, no. 12, pp. 791–802. doi:10.1177/070674370905401202
25. Kalemi G., Michopoulos I., Efstathiou V., Konstantopoulou F., Tsaklakidou D., Gournellis R., Douzenis A. Narcissism but Not Criminality Is Associated With Aggression in Women: A Study Among Female Prisoners and Women Without a Criminal Record. *Front. Psychiatry*, 2019. Vol. 10. Article 21, pp. 1–11. doi:10.3389/fpsy.2019.00021
26. Miller J.D., Lynam D.R. Structural models of personality and their relation to antisocial behavior: A meta-analytic review. *Criminology*, 2006. Vol. 39, no. 4, pp. 765–798. doi:10.1111/j.1745-9125.2001.tb00940.x
27. Onyedibe M.C.C., Ifeagwazi C.M., Ugwu D.I. Psychopathy and aggressive behaviour among Nigerian male prison inmates: The moderating role of substance abuse. *Journal of Psychology in Africa*, 2018. Vol. 28, no. 5, pp. 365–370. doi:10.1080/14330237.2018.1523342
28. Paulhus D.L., Williams K.M. The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. *Journal of Research in Personality*, 2002. Vol. 36, pp. 556–563. doi:10.1016/S0092-6566(02)00505-6
29. Skobkareva A. Aggression in Dark Personalities: The Role of Self-Esteem. 2020. 159 p. [Elektronnyi resurs]. *University of Windsor*. URL: <https://scholar.uwindsor.ca/etd/8483> (Accessed 12.03.2022).
30. Witt E. A., Donnellan M.B., Trzesniewski K.H. Self-esteem, narcissism, and Machiavellianism: Implications for understanding antisocial behaviour in adolescents and young adults. In C.T. Barry, P.K. Kerig, K.K. Stellwagen, T.D. Barry (eds.). *Narcissism and Machiavellianism in youth: Implications for the development of adaptive and maladaptive behavior*. Washington: American Psychological Association, 2011, pp. 27–68. doi:10.1037/12352-003

Информация об авторах

Фурманов Игорь Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий, кафедра социальной и организационной психологии, Белорусский государственный университет (БГУ), г. Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>, e-mail: formigor@gmail.com

Биндасова Ольга Владимировна, аспирант, кафедра психологии и коррекционной работы, Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова (МГУ им. А.А. Кулешова), г. Могилев, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2120-7751>, e-mail: bindasova.olga@bk.ru

Фурманов И.А., Биндасова О.В
Антисоциальные и агрессивные черты
личности осужденных за убийство
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 2–14.

Fourmanov I.A., Bindasova O.V.
Antisocial and Aggressive Personality Traits
of Convicted Murderers
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 2–14.

Information about the authors

Igor A. Fourmanov, PhD in Psychology, Professor, Head, Department of Social and Organizational Psychology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>, e-mail: formigor@gmail.com

Olga V. Bindasova, postgraduate student, Department of Psychology and Correctional Work, Mogilev State University named after A.A. Kuleshov (Kuleshov MSU), Mogilev, Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2120-7751>, e-mail: bindasova.olga@bk.ru

Получена 14.04.2022
Принята в печать 14.05.2022

Received 14.04.2022
Accepted 14.05.2022

Социально-психологическая характеристика осужденных женщин, отбывающих наказания без изоляции от общества

Колесникова Н.Е.

Псковский филиал Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКОУ ВО Псковский филиал Академии ФСИН России), г. Псков, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5268-3956>, e-mail: kne12-04@ya.ru

Макаркина О.Е.

Псковский филиал Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКОУ ВО Псковский филиал Академии ФСИН России), г. Псков, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2778-1666>, e-mail: ompsk@mail.ru

В статье обосновывается значимость изучения преступного женского поведения, его профилактики. Процедуру социально-психологической диагностики прошли 59 осужденных женщин, отбывающих различные наказания без изоляции от общества. Средний возраст осужденных женщин — 33 года, с невысоким уровнем образования, не занятые в сфере трудовой деятельности или работающие на неквалифицированных работах, наиболее часто — незамужние или разведенные, но воспитывающие детей. Доминирующий мотив совершенных преступлений — корысть. При обследовании по психологическим характеристикам выявлены импульсивность, конфликтность, недоучет объективных обстоятельств и ориентация на ситуативные желания, склонность к агрессии, конфликтным ситуациям и асоциальным поступкам. На основании выявленных показателей социального и психологического развития личности осужденных женщин предлагается ряд мер социально-психологического характера для улучшения адаптации к жизни в обществе и снижения общего индекса делинквентности.

Ключевые слова: женская преступность; осужденная женщина к наказанию без изоляции от общества; социальные, индивидуально-личностные особенности осужденных женщин.

Для цитаты: Колесникова Н.Е., Макаркина О.Е. Социально-психологическая характеристика осужденных женщин, отбывающих наказания без изоляции от общества [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 15–26. DOI:10.17759/psylaw.2022120202

Social and Psychological Characteristic of Convicted Women Serving Non-custodial Sentences

Natalya E. Kolesnikova

Pskov branch of the Academy of law and management of the Federal penitentiary service of Russia,
Russia, Pskov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5268-3956>, e-mail: kne12-04@ya.ru

Oksana E. Makarkina

Pskov branch of the Academy of law and management of the Federal penitentiary service of Russia,
Russia, Pskov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2778-1666>, e-mail: ompsk@mail.ru

The article substantiates the importance of studying criminal female behavior, its prevention. The procedure of socio-psychological diagnostics was carried out on 59 convicted women serving various sentences without isolation from society. The average age of the convicted women is 33 years, the education level is low. The women are either not employed or work in unskilled jobs. They are mostly unmarried or divorced women raising children. The dominant motive of the crimes committed is self-interest. Examining their psychological characteristics revealed impulsivity, underestimation of objective circumstances and focus on situational desires, a tendency to aggression, conflict situations and antisocial behavior. Based on the identified indicators of the social and psychological development of the personality of convicted women, a number of socio-psychological measures have been proposed to improve their adaptation to life in society and reduce the overall delinquency index.

Keywords: female criminality, a woman convicted to serve a non-custodial sentence; social, individual and personal features of female convicts.

For citation: Kolesnikova N.E., Makarkina O.E. Social and Psychological Characteristic of Convicted Women Serving Non-custodial Sentences. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 15–26. DOI:10.17759/psylaw.2022120202 (In Russ.).

Во все времена женская преступность привлекала внимание и заботу государства. В настоящее время нет исключения, что обусловлено следующими причинами: темпы роста числа женщин, совершивших преступления, опережают соответствующий показатель мужской преступности [26]; женская преступность имеет высокую степень латентности — 47—56%, так как эти преступления совершаются на почве семейных конфликтов [21; 28]; традиционными для женщин являются преступления против семьи и детства, но особенно разрушительными для общества являются факты вовлечения каждой второй женщины-преступницы в противоправную деятельность несовершеннолетних [24]; наблюдается рост тяжких насильственных преступлений и рецидивов, особенно со стороны женщин, отбывающих наказание без изоляции от общества или освобожденных из мест лишения свободы [31]; обращает на себя внимание организованный характер преступлений: 40% «женских преступлений» совершаются в группе; доля женщин среди квартирных воров составляет 12,8%, а 80% квартирных краж с участием женщин совершаются в группе с мужчинами [9; 11].

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается незначительная тенденция к снижению количества преступлений, совершаемых женщинами. В 2020 году было осуждено к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, 36,1 тыс. женщин (в 2019 году — 42,8 тыс., в 2018 году — 49,2 тыс., в 2017 году — 51,8) [26].

Следует отметить, что наиболее распространенные преступления совершаются женщинами, ранее судимыми, отбывающими или отбывшими наказание без изоляции от общества. В связи с этим возникает необходимость в знаниях психологических особенностей данной категории и поиске технологий социально-психологической и воспитательной работы, направленной на снижение индекса делинквентности и развитие социальной зрелости личности для адекватной жизни в обществе.

Целью статьи является выявление некоторых социально-психологических особенностей осужденных женщин для дальнейшей разработки комплекса профилактических мероприятий, снижающих общий уровень преступности исследуемой категории осужденных.

В российской правоохранительной науке и практике значительное внимание уделяется женской преступности. В научных трудах Ю.М. Антоняна [1], Т.Н. Волковой [5], А.А. Габриани [6], М.Н. Голоднюк [7], И.В. Корзуна [12], В.В. Лунеева [17], А.Р. Ратинова [21], Е.В. Середы [23] и др. затронуты общие вопросы преступности среди женщин. Анализ статистических и криминологических закономерностей женской преступности был предпринят В.А. Серебряковой [24], А.И. Кирилловой и Л.Ш. Берекашвили [2]. Психологические аспекты женской преступности рассматривались в работах ряда антропологов и психологов, в том числе таких известных ученых, как Л.А. Меликишвили [18], П.Н. Тарновской [27], Н.А. Цветковой [29; 30] и др. Однако следует отметить, что серьезных психологических исследований женской преступности в отечественной психологической науке в последнее десятилетие не проводилось. Следует отметить, что совершенно не исследованной областью является женщина-осужденная, отбывающая наказание без изоляции от общества.

Исследование проводилось в уголовно-исполнительных инспекциях ФКУ УИИ УФСИН России по Псковской области в период с 2016 по 2018 гг.

В связи с тем, что целью исследования явилось выявление некоторых социально-психологических особенностей женщин-осужденных для дальнейшей разработки комплекса профилактических мер, снижающих показатель общего уровня делинквентности, исследователями были поставлены следующие задачи исследования.

Провести социальную диагностику осужденных женщин на основе изучения материалов личного дела и собеседования:

- подобрать перечень диагностических методик, выявляющих психологические особенности, способствующие совершению противоправных действий (склонность к нарушению норм и правил, импульсивность, страх отвержения, отчуждения, склонность ко лжи, личностная агрессивность и конфликтность, разные виды жестокости);
- исследовать социально-психологические характеристики осужденных женщин посредством подобранного диагностического аппарата.

На основе изучения нормативно-правового и научного обеспечения диагностической деятельности пенитенциарных психологов были отобраны следующие методы диагностики.

- Универсальная диагностика нервно-психического состояния со шкалой лжи, определяющая физиологическую или психическую дезадаптацию либо невроз.
- Комплексная оценка делинквентности (далее — КОД), позволяющая выявить страх отвержения, отчуждения, склонность к нарушению норм и правил, склонность ко лжи, импуль-

сивность и объединившая в себе следующие методики: тест-опросник А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции» [8]; тест А. Меграбяна в модификации М.Ш. Магомед-Эминова для диагностики мотивации аффилиации — стремления к принятию и страха отвержения [18]; шкалу «Склонность к нарушению норм и правил»; шкалу достоверности результатов; шкалу «Склонность ко лжи как черту личности»; методику «Импульсивность» В.Б. Никишиной [20]. Следует отметить, что данные психодиагностические процедуры входят в состав методики Е.А. Чебаловой «Комплексное исследование личности осужденного (КИЛО)».

- Оценка личностной агрессивности и конфликтности (авторы Е.П. Ильин и П.А. Ковалев). Методика предназначена для выявления склонности субъекта к конфликтности и агрессивности как личностных характеристик [10].
- Методика диагностики деструктивных установок в межличностных отношениях (автор В.В. Бойко) — использовалась для выявления завуалированной жестокости, открытой жестокости, обоснованного негативизма, брюзжания, негативного личного опыта общения [4].

Процедуру социально-психологической диагностики прошли 59 женщин-осужденных в возрасте от 18 до 58 лет (средний возраст — 33 года) со сроком наказания без изоляции от общества от 3,6 месяцев до 3,6 лет (средний срок — 13,6 месяца).

На основании анализа материалов личного дела и результатов собеседования нами было выявлено, что женщины, отбывающие наказание без изоляции от общества, совершили относительно «легкие» преступления, т. е. совершенные ими деяния имеют небольшую степень тяжести. Однакостораживающим является факт того, что 61,1% женских преступлений совершены против личности, общественной безопасности, материнства и детства.

По роду занятий на момент совершения преступления — это: безработные — 34 чел. (57,6%), рабочие — 22 чел. (37,4%), служащие — 3 чел. (5%).

По образовательному уровню: общее среднее — 21 чел. (35,6%), среднее специальное — 17 чел. (28,8%), неполное среднее — 14 чел. (23,7%), высшее — 7 чел. (11,9%).

По типу родительской семьи, в которой они воспитывались: полная традиционная — 26 чел. (44%), неполная материнская — 16 чел. (27,1%), вне родительской семьи — 8 чел. (13,5%), полная (повторный брак одного или обоих родителей) — 9 чел. (15,2%).

По семейному положению на момент осуждения: не замужем — 26 чел. (44,1%), замужем — 15 чел. (25,4%), в разводе — 12 чел. (20,3%), в сожительстве до брака — 6 чел. (10,2%).

По наличию детей: детей нет — 23 чел. (39%), один ребенок — 25 чел. (42,4%), двое детей — 6 чел. (10,2%), трое и более — 5 чел. (8,4%).

Судимость по счету: 1-я — 47 чел. (79,7%), 2-я — 9 чел. (15,3%), 3-я — 0 чел., 4-я — 1 чел. (1,7%), 5-я — 0 чел., 6-я — 1 чел. (1,7%), 7-я — 0 чел., 8-я — 1 чел. (1,7%).

Вредные пристрастия выражены следующим образом: без вредных привычек — 21 чел. (35,6%), алкогольная зависимость — 10 чел. (16,9%), наркотическая зависимость — 2 чел. (3,4%), курение — 26 чел. (44%).

Характер совершенных преступлений: против собственности — 23 чел. (38,9%), против личности — 7 чел. (11,9%), против общественной безопасности — 21 чел. (35,6%), против материнства и детства — 8 чел. (13,6%).

По видам наказаний без изоляции от общества выборка распределилась следующим образом: условное осуждение — 44 чел. (74,6%); лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью — 1 чел. (1,7%), ограничение свободы —

3 чел. (5,1%), исправительные работы — 9 чел. (15,3%), обязательные работы — 2 чел. (3,4%).

По оценке материально-бытового уровня жизни получены следующие результаты: низкий материально-бытовой уровень — у 19 чел. (32,2%), средний — у 40 чел. (67,8%).

Таким образом, можно сделать вывод, что обследованную группу осужденных составляют женщины в возрасте от 18 до 59 лет (средний возраст — 33 года), имеющие низкий уровень образования, не занятые в сфере труда (57,6%) или работающие на неквалифицированных работах (37,4%). Чуть больше половины опрошенных воспитывались в полной семье (59,2%), вторая половина — либо в неполной, либо вне родительской семьи (40,8%). Это обычно вторые и последующие дети, как у матери (63,1%), так и у отца (51,3%). Большинство опрошенных осужденных составляют одинокие женщины — незамужние или разведенные (64,3%), но имеющие детей (61%). Доминирующим мотивом их преступлений является личный интерес. Значительная часть опрошенных осужденных (79,7%) совершили преступления впервые и были приговорены к условному сроку, т. е. приговор с назначенным наказанием не исполняется, если осужденный доказывает исправление личным поведением в течение установленного судом испытательного срока.

Для выявления неврозов и различных уровней дезадаптации применялась универсальная диагностика нервно-психического состояния. Нервно-психическое состояние в пределах нормативных значений — у 26 человек (44 %), в состоянии физиологической дезадаптации находятся 26 человек (44%), психологической дезадаптации — 6 человек (10,2%), невроза — 1 человек (1,7%). Так, нарушение нервно-психического состояния наблюдается у 55,9% женщин, отбывающих наказание без изоляции от общества. Можно предположить, что психологическая коррекция нервно-психического состояния женщины-осужденной может улучшить этот показатель, что может привести к изменению стратегии поведения в конкретной ситуации.

По результатам психологической диагностики проводится комплексная оценка делинквентности, результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Психологическая диагностика комплексной оценки делинквентности

Психологический признак	Результат, балл
Страх отвержения, отчуждения	6,2
Склонность к нарушению норм и правил	5,9
Установка на социально желательные ответы	5,8
Склонность ко лжи	6,3
Импульсивность	5,9
Комплексная оценка делинквентности	30,1

Общий показатель КОД составил 30,1 балла, что является тревожным фактором, свидетельствующим о возможности совершения повторных преступлений. Согласно исследованию Н.А. Цветковой и Е.А. Дуровой этот показатель у женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы по второй судимости, составил 30,3 балла [30].

Наиболее высокие результаты получены по показателю «склонность ко лжи, как черты личности» (6,3).

Высокие показатели склонности ко лжи свидетельствуют о потребности представить себя в более выгодном положении, чем сложившиеся реальные обстоятельства. Наиболее часто в структуре личности склонность ко лжи является формой защитного поведения, которая сложилась довольно рано и закрепились в форме привычки. В поведении это проявляется в стремлении приукрасить себя, дать «социально желательные» и нужные ответы, лгать, «...всегда ставить на место действительности какой-нибудь предпочтительный для лгущего вымысел и заменять действительно происходившие факты такими, какими их хотелось бы представить лжецу» [18, с. 100].

Высокие результаты получены по показателю «страх отвержения, отчуждения» (6,2), что указывает на наличие в личности женщины-осужденной ситуативной и личностной тревожности, ригидности, неуверенности, невысокого навыка общения. Вероятно, страх отвержения и отчуждения обуславливает склонность к показу себя в лучшем свете и как следствие закрепление склонности ко лжи как черты личности.

Для определения склонности осужденных женщин к конфликтности и агрессивности нами использовался опросник Е.П. Ильина и П.А. Ковалева [10], были получены результаты, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Оценка личностной агрессивности и конфликтности

Психологический признак	Результат, балл	Макс. значение, балл
Вспыльчивость	5,0	10,0
Напористость, наступательность	4,2	10,0
Обидчивость	3,9	10,0
Неуступчивость	4,1	10,0
Бескомпромиссность	6,3	10,0
Мстительность	3,8	10,0
Нетерпимость к мнению других	4,	10,0
Подозрительность	4,9	10,0
Показатель позитивной агрессивности	8,4	20,0
Показатель негативной агрессивности	8,1	20,0
Обобщенный показатель агрессивности	19,7	40,0

Максимальное значение показателей по данной методике у осужденных женщин проявилось по показателю «бескомпромиссность» (6, 3). Высокие результаты по этому показателю свидетельствуют о том, что в поведении женщин, совершивших правонарушения и отбывающих наказания без изоляции от общества, бескомпромиссность проявляется в отсутствии гибкости поведения, стереотипов действий в конфликтных ситуациях, склонностью настаивать на своем, несмотря на очевидную ошибочную позицию. Осужденные женщины могут проявлять излишнюю непреклонность, неуступчивость, неспособность принять иную точку зрения, в некоторых ситуациях имеет место неговорчивость и упрямство.

Для диагностики деструктивных установок в межличностных отношениях была использована методика диагностики деструктивных установок в межличностных отношениях [4]. Результаты диагностики представлены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели деструктивных установок в межличностных отношениях

Психологические показатели	Макс. значение, балл	Значение, балл	% от максимума баллов
Завуалированная жестокость	20	12,9	65
Открытая жестокость	45	25,9	65
Обоснованный негативизм	5	2,9	60
Брюзжание	10	4,9	50
Негативный личный опыт	20	9,3	46,5

В целом по группе обследованных осужденных женщин наблюдается общая тенденция следующего характера: высокий уровень выраженности деструктивных установок в межличностных отношениях. В первую очередь это касается завуалированной жестокости (65%) и открытой жестокости (65%).

Достаточно высокий балл по показателю «обоснованный негативизм» (60%) говорит о том, что женщины имеют склонность делать негативные обобщения фактов в области взаимоотношения с партнерами и в наблюдении за социальной действительностью. При этом наблюдается тенденция недооценивать негативный личный опыт (46,5%), несмотря на наличие судимости и других не слишком удачных экспериментов в жизненном опыте. Кроме того, имеет место брюзжание (50%), возможно обесценивающее положительные жизненные события.

Таким образом, учитывая три составляющие: социальную характеристику женщин, возможности службы уголовно-исполнительных инспекций и возможности региональных Центров занятости населения, — профилактикой рецидивов являются несколько взаимосвязанных действий: социологическое изучение потребностей рынка услуг (в частности, в Псковской области востребованными являются профессии по ремонту и отделке помещений), организация обучения на базе Центра занятости и трудоустройство данной категории женщин.

В связи с отсутствием базовой психологической безопасности личности женщин-осужденных необходимо осуществлять сопровождение по разработанным психологическими программам, нацеленным на выстраивание внутренней безопасности личности и таким образом являющимся профилактикой совершения преступлений на почве страха. Такие программы могут быть разработаны как психологами уголовно-исполнительных инспекций, так и специалистами из социально ориентированных некоммерческих организаций, которые привлекаются к работе с осужденными на регулярной основе. Кроме того, специалисты психологи в арсенале психологических коррекций в индивидуальной работе должны ориентировать женщину-осужденную на проработку таких личностных черт, как импульсивность, конфликтность, склонность к агрессии и асоциальным поступкам. Также необходимо давать рекомендации инспекторам уголовно-исполнительных инспекций по выстраиванию бесконфликтного взаимодействия с этой категорией граждан.

Хотя социальный статус «осужденная к наказаниям без лишения свободы» свидетельствует об углубляющейся маргинализации женщины, тем не менее, именно в период отбывания наказания у нее есть реальный шанс в корне изменить свою жизнь [13; 29]. Об этом также свидетельствуют наблюдаемые тенденции личностного развития — некоторые черты личности могут быть изменены с помощью психологической коррекции. Это может улучшить или изменить показатели личностного развития, что, в свою очередь, возможно, повлечет изменение стратегии поведения в той или иной ситуации.

Литература

1. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М.: Российское право, 2014. 345 с.
2. Берекашвили Л.Ш., Кириллова И.А. Криминологическая характеристика женщин, совершивших преступления. М., 1976. 44 с.
3. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978. 311 с.
4. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Информ.-изд. дом «Филин», 1996. 469 с.
5. Волкова Т.Н. Особенности женской преступности в России. Криминологический анализ. М.: Экзамен, 2008. 146 с.
6. Габияни А.А. Преступность среди женщин: Монография. Тбилиси, 1986. 344 с.
7. Голоднюк М.Н. Некоторые вопросы женской преступности // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1978. № 1. С. 23–30.
8. Зверков А.Г., Эйдман Е.В. Диагностика волевого самоконтроля (опросник ВСК) // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М., 1990. С. 116–124.
9. Иващенко А.П., Алексеева Е.А. Личностные особенности квартирных воров // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2. С. 76–78.
10. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб, 2009. 576 с.
11. Киреева Е.В. Корыстная направленность женской преступности // Альманах мировой науки. 2017. № 4-2 (19). С. 51–54.
12. Корзун И.В. Криминологическая характеристика и профилактика женской преступности: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 187 с.
13. Колесникова Н.Е. Организация психологической работы с осужденными женщинами, отбывающими наказание без изоляции от общества в уголовно-исполнительных инспекциях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1 (56). С. 76–79.
14. Колесникова Н.Е. Психологическое сопровождение осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества: Учебное пособие. 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2020. 175 с.
15. Корбут Е.И. Женская преступность [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы права: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2018 г.). СПб: Свое издательство, 2018. С. 44–47. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/299/14428/> (дата обращения: 13.03.2020).
16. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. 128 с.
17. Лунеев В.В. Криминология: Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. 686 с.
18. Магомед-Эминов М.Ш. Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы. М., 1988. С. 66–102.
19. Меликишвили Л.А. Типологические модели личности женщин-преступниц // Современная преступность: новые исследования: Сборник научных трудов. М., 1993. С. 136–146.
20. Никишина В.Б., Василенко Т. Д. Психодиагностика в системе социальной работы: Учебное пособие. М., 2004. 208 с.
21. Ратинов А.Р. Избранные труды. М., 2016. 212 с.
22. Русина В.В. Оценка состояния психического здоровья женщин-заключенных (обзор зарубежной литературы) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. Том 2. № 2. С. 1–12. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52057.shtml> (дата обращения: 13.01.2020).

Колесникова Н.Е., Макаркина О.Е.
Социально-психологическая характеристика
осужденных женщин, отбывающих наказания
без изоляции от общества
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 15–26.

Kolesnikova N.E., Makarkina O.E.
Social and Psychological Characteristic
of Convicted Women Serving
Non-custodial Sentences
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 15–26.

23. *Середа Е.В.* Применение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин: история и современность: Монография. М., 2000. 83 с.
24. *Серебрякова В.А.* Преступность среди женщин как объект криминологического изучения. М.: Российское право, 2013. 230 с.
25. *Степанян Ш.У.* Современная женская преступность в России и пути ее предупреждения // *Российский следователь*. 2011. № 8. С. 27–33.
26. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 30.06.2021).
27. *Тарновская П.Н.* Женщины-убийцы. СПб, 1902. 510 с.
28. *Унтеров В.А., Ефремова Д.В.* Личностные особенности женщин, совершающих насильственные преступления // *Вестник Самарского юридического института*. 2018. № 4 (30). С. 144–148.
29. *Цветкова Н.А.* Некоторые социально-психологические аспекты профилактики рецидивной женской преступности // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2020. № 2 (213). С. 45–51.
30. *Цветкова Н.А., Дурова Е.А., Лагвилава К.Е.* Средовые и личностные факторы срыва постпенитенциарной ресоциализации у женщин (результаты обследования осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы по второй судимости) [Электронный ресурс] // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2016. Том 15. № 4 (137). С. 51–61. doi:10.17922/2071-5323-2016-15-4-51-60
31. *Шестаков Д.А.* Введение в криминологию семейных отношений. Л., 1980. 81 с.
32. *Шилов А.И., Карпушина М.В.* Социально-демографическая характеристика осужденных женщин, совершивших преступления после отбытия наказания (при рецидиве) // *Психопедagogика в правоохранительных органах*. 2011. № 4. С. 40–42.
33. *Day J.C.* Coercion and social support behind bars testing an integrated theory of misconduct and resistance in U.S. prisons // *Criminal Justice and Behavior*. 2015. Vol. 42 (2). P. 133–155. doi:10.1177/0093854814546352

References

1. Antonyan Yu.M. *Prestupnost' sredi zhenshchin*. Moscow: Rossiiskoe pravo, 2014. 345 p. (In Russ.).
2. Berekashvili L.Sh., Kirillova I.A. *Kriminologicheskaya kharakteristika zhenshchin, sovershivshikh prestupleniya*. Moscow, 1976. 44 p. (In Russ.).
3. Bobneva M.I. *Sotsial'nye normy i regulyatsiya povedeniya*. Moscow: Nauka, 1978. 311 с. (In Russ.).
4. Boiko V.V. *Energiya emotsii v obshchenii: vzglyad na sebya i na drugikh*. Moscow: Inform.-izd. dom "Filin", 1996. 469 p. (In Russ.).
5. Volkova T.N. *Osobennosti zhenskoj prestupnosti v Rossii. Kriminologicheskii analiz*. Moscow: Ekzamen, 2008. 146 p. (In Russ.).
6. Gabiani A.A. *Prestupnost' sredi zhenshchin: Monografiya*. Tbilisi, 1986. 344 p. (In Russ.).
7. Golodnyuk M.N. *Nekotorye voprosy zhenskoj prestupnosti*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 1978, no. 1, pp. 23–30. (In Russ.).

8. Zverkov A.G., Eidman E.V. Diagnostika volevogo samokontrolya (oprosnik VSK). *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii*. Moscow, 1990, pp. 116–124. (In Russ.).
9. Ivashchenko A.P., Alekseeva E.A. Lichnostnye osobennosti kvartirnykh vorov [Personal Peculiarities of Burglars]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2012, no. 2, pp. 76–78 (In Russ.).
10. П'ин Е.Р. Psikhologiya obshcheniya i mezhlchnostnykh otnoshenii. Saint Petersburg, 2009. 576 p. (In Russ.).
11. Kireeva E.V. Korystnaya napravlennost' zhenskoi prestupnosti. *Al'manakh mirovoi nauki = Almanac of World Science*, 2017, no. 4-2 (19), pp. 51–54. (In Russ.).
12. Korzun I.V. Kriminologicheskaya kharakteristika i profilaktika zhenskoi prestupnosti: Diss. kand. jurid. nauk. Moscow, 1994. 187 p. (In Russ.).
13. Kolesnikova N.E. Organizatsiya psikhologicheskoi raboty s osuzhdennymi zhenshchinami, otbyvayushchimi nakazanie bez izolyatsii ot obshchestva v ugovovno-ispolnitel'nykh inspektsiyakh [Organization of psychological work with sentenced women not isolated from society]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2015, no. 1 (56), pp. 76–79. (In Russ.).
14. Kolesnikova N.E. Psikhologicheskoe soprovozhdenie osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie bez izolyatsii ot obshchestva: Uchebnoe posobie. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2020. 175 p. (In Russ.).
15. Korbut E.I. Zhenskaya prestupnost' [Elektronnyi resurs]. *Aktual'nye problemy prava: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, iyul' 2018 g.)*. Saint-Petersburg: Svoe izdatel'stvo, 2018, pp. 44–47. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/299/14428/> (Accessed 13.03.2020). (In Russ.).
16. Leikina N.S. Lichnost' prestupnika i ugovovnaya otvetstvennost'. Leningrad, 1968. 128 p. (In Russ.).
17. Lunev V.V. Kriminologiya: Uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriatov. Moscow, 2016. 686 p. (Accessed 10.02.2020). (In Russ.).
18. Magomed-Eminov M.Sh. Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnosticheskie materialy. Moscow, 1988, pp. 66–102. (In Russ.).
19. Melikishvili L.A. Tipologicheskie modeli lichnosti zhenshchin-prestupnits. *Sovremennaya prestupnost': novye issledovaniya: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, 1993, pp. 136–146. (In Russ.).
20. Nikishina V.B., Vasilenko T.D. Psikhodiagnostika v sisteme sotsial'noi raboty: Uchebnoe posobie. Moscow, 2004. 208 p. (In Russ.).
21. Ratinov A.R. Izbrannye trudy. Moscow, 2016. 212 p. (In Russ.).
22. Rusina V.V. Otsenka sostoyaniya psikhicheskogo zdorov'ya zhenshchin-zaklyuchennykh (obzor zarubezhnoi literatury) [Evaluation of the state of psychical health of female convicts (review of foreign literature)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2012. Vol. 2, no. 2, pp. 1–12. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52057.shtml> (Accessed: 13.01.2020). (In Russ., abstr. in Engl.). (In Russ.).
23. Sereda E.V. Primenenie nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii zhenshchin: istoriya i sovremennost': Monografiya. Moscow, 2000. 83 p. (In Russ.).
24. Serebryakova V.A. Prestupnost' sredi zhenshchin kak ob'ekt kriminologicheskogo izucheniya. Moscow: Rossiiskoe pravo, 2013. 230 p. (In Russ.).

Колесникова Н.Е., Макаркина О.Е.
Социально-психологическая характеристика
осужденных женщин, отбывающих наказания
без изоляции от общества
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 15–26.

Kolesnikova N.E., Makarkina O.E.
Social and Psychological Characteristic
of Convicted Women Serving
Non-custodial Sentences
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 15–26.

25. Stepanyan Sh.U. *Sovremennaya zhenskaya prestupnost' v Rossii i puti ee preduprezhdeniya* [The modern female criminality in Russia and ways of its prevention]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2011, no. 8, pp. 27–33. (In Russ.).
26. *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2020 god* [Elektronnyj resurs]. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii = Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation*. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (In Russ.).
27. Tarnovskaya P.N. *Zhenshchiny-ubiitsy*. Saint Petersburg, 1902. 510 p. (In Russ.).
28. Unterov V.A., Efremova D.V. *Lichnostnye osobennosti zhenshchin, sovershayushchikh nasil'stvennye prestupleniya* [Personal characteristics of women committing violent crimes]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2018, no. 4 (30), pp. 144–148. (In Russ.).
29. Tsvetkova N.A. *Nekotorye sotsial'no-psikhologicheskie aspekty profilaktiki retsidivnoi zhenskoj prestupnosti* [Some socio-psychological aspects of recurrent female crime prevention]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal Service*, 2020, no. 2 (213), pp. 45–51. (In Russ.).
30. Tsvetkova N.A., Durova E.A., Lagvilava K.E. *Sredovye i lichnostnye faktory sryva postpenitentsiarnoi resotsializatsii u zhenshchin (rezul'taty obsledovaniya osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazaniya v mestakh lisheniya svobody po vtoroi sudimosti)* [Environmental and Personal Factors Breakdown of Post-Penitentiary Reintegration of Women (Results of the Survey of Convicts Serving Sentences in places of Imprisonment on a Second Conviction)] [Elektronnyj resurs]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta = Scientific Notes of Russian State Social University*, 2016. Vol. 15, no. 4 (137), pp. 51–61. doi:10.17922/2071-5323-2016-15-4-51-60 (In Russ.).
31. Shestakov D.A. *Vvedenie v kriminologiyu semeinykh otnoshenii*. Leningrad, 1980. 81 c. (In Russ.).
32. Shilov A.I., Karpushina M.V. *Sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika osuzhdennykh zhenshchin, sovershivshikh prestupleniya posle otbytiya nakazaniya (pri retsidive)* [Social and Demographic Characteristics of Female Recidivists]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2011, no. 4, pp. 40–42. (In Russ.).
33. Day J.C. *Coercion and social support behind bars testing an integrated theory of misconduct and resistance in U.S. prisons*. *Criminal Justice and Behavior*, 2015. Vol. 42, no. 2, pp. 133–155. doi:10.1177/0093854814546352

Информация об авторах

Колесникова Наталья Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент, начальник, кафедра социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Псковский филиал Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКОУ ВО Псковский филиал Академии ФСИН России), г. Псков, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5268-3956>, e-mail: kne12-04@ya.ru

Макаркина Оксана Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент, кафедра социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Псковский филиал Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКОУ ВО Псковский филиал

Колесникова Н.Е., Макаркина О.Е.
Социально-психологическая характеристика
осужденных женщин, отбывающих наказания
без изоляции от общества
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 15–26.

Kolesnikova N.E., Makarkina O.E.
Social and Psychological Characteristic
of Convicted Women Serving
Non-custodial Sentences
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 15–26.

ал Академии ФСИН России), г. Псков, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2778-1666>, e-mail: ompsk@mail.ru

Information about the authors

Natalya E. Kolesnikova, PhD in Psychology, Docent, Head, Department of Social and Humanitarian and Natural Science Disciplines, Pskov branch of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pskov branch Of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia), Pskov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5268-3956>, e-mail: kne12-04@ya.ru

Oksana E. Makarkina, PhD in Education, Docent, Assistant Professor, Department of Social and Humanitarian and Natural Science Disciplines, Pskov branch of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pskov branch Of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia), Pskov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2778-1666>, e-mail: ompsk@mail.ru

Получена 20.05.2021
Принята в печать 20.03.2022

Received 20.05.2021
Accepted 20.03.2022

Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве

Коноплева И.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Князева С.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-5873>, e-mail: knyazeva.89@yandex.ru

Дебольский М.Г.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2601-0077>, e-mail: mdebolsky@mail.ru

Красненкова С.А.

Школа № 1 (КОУ ВО «Школа № 1»), г. Воронеж, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8135-1854>, e-mail: skrasnenkova@mail.ru

В статье рассмотрены психологические черты личности преступника, выявленные на основе Миннесотского многофакторного личностного опросника (ММПИ). Проанализированы различные типы мотивов криминальной агрессии преступников. Описан ценностно-нормативный подход к изучению личности преступника, реализованный А.Р. Ратиновым и сотрудниками возглавляемой им лаборатории Института прокуратуры. Существенное внимание уделено проработке вопросов оценки факторов риска рецидива при решении вопросов об освобождении осужденных условно-досрочно и прогнозировании их поведения на свободе. Показано, что важным механизмом в совершении преступления, как и любого поступка, является саморегуляция личности. Выдвинута гипотеза, что у осужденных, совершивших преступления при рецидиве, уровень саморегуляции ниже, чем у лиц, судимых впервые, что способствует совершению повторных преступлений. Выявлены также особенности саморегуляции правонарушителей с учетом структуры их темперамента (по В.М. Русалову) и характера совершенного преступления (насильственные и корыстные). Это позволит сотрудникам психологической службы уголовно-исполнительной системы более индивидуализировано осуществлять подготовку осужденных к освобождению.

Ключевые слова: волевая саморегуляция, преступники-рецидивисты, осужденные, лица, совершившие преступления при рецидиве, рецидивизм, оценка факторов риска рецидива, темперамент и его структура, самостоятельность, планирование.

Коноплева И.Н., Князева С.О.,
Дебольский М.Г., Красненкова С.А.
Особенности саморегуляции у осужденных,
совершивших преступления при рецидиве
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 27–41.

Konopleva I.N., Knyazeva S.O.,
Debolsky M.G., Krasnenkova S.A.
Self-Regulation of Convicts
Who Have Committed Repeated Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 27–41.

Для цитаты: Коноплева И.Н., Князева С.О., Дебольский М.Г., Красненкова С.А. Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 27–41. DOI:10.17759/psylaw.2022120203

Self-Regulation of Convicts Who Have Committed Repeated Crimes

Inga N. Konopleva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Svetlana O. Knyazeva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-5873>, e-mail: knyazeva.89@yandex.ru

Mihail G. Debolsky

Moscow State University of Psychology & Education; Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2601-0077>, e-mail: mdebolsky@mail.ru

Svetlana A. Krasnenkova

School No. 1, Voronezh, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8135-1854>, e-mail: skrasnenkova@mail.ru

The article considers the personality traits of criminals identified on the basis of MMPI. Various types of offenders' motives for criminal aggression are analyzed. The article describes the value-normative approach to the study of the personality of a criminal, implemented by A.R. Ratinov and the staff of the laboratory of the Institute of Public Prosecution led by him. Considerable attention is paid to the elaboration of issues of assessing the risk factors of repeated crime when deciding on the release of convicts on parole and predicting their behavior after the release. It is shown that an important mechanism in the commission of a crime, as well as any act, is self-regulation of the individual. It is hypothesized that convicts who have committed repeated crimes have lower levels of self-regulation than persons who have been convicted for the first time, which contributes to the commission of repeated crimes. The features of self-regulation of offenders have also been revealed, taking into account the structure of their temperament (according to V.M. Rusalov) and the nature of the crime committed (violent and mercenary). This will allow employees of the psychological service of the penitentiary system to prepare convicts for release in a more individualized manner.

Keywords: volitional self-regulation, repeated criminals, recidivists, convicts, individuals who committed repeated crimes, recidivism, repeated crime, assessment of recidivism risk factors, temperament and its structure, autonomy, planning.

For citation: Konopleva I.N., Knyazeva S.O., Debolsky M.G., Krasnenkova S.A. Self-Regulation of Convicts Who Have Committed Repeated Crimes. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 27–41. DOI:10.17759/psylaw.2022120203 (In Russ.).

Введение

Проблема рецидива преступлений в России (как и в большинстве стран), а также учет разного рода преступлений весьма актуальны. По официальным данным МВД РФ, более половины преступлений (58,3%), расследованных в 2018—2019 годах, совершено лицами, ранее имевшими судимость [13]. Изучением психологических причин рецидива занимались многие отечественные ученые (Ю.М. Антонян, Н.С. Артемьев, Ю.И. Бытко, П.Ф. Гришанин, А.И. Гуров, М.Г. Дебольский, А.И. Долгова, П.Н. Кобец, Д.Н. Леонченко, В.В. Питецкий, Т.Г. Понятовская, А.Р. Ратинов и др.).

Рассматривая проблему рецидива в уголовном праве и криминологии, Т.Г. Понятовская утверждает, что «...роль рецидива как обстоятельства, призванного индивидуализировать наказание, может быть реализована, если мы будем трактовать его именно как обстоятельство, отрицательно характеризующее личность. Привязка повышенной опасности рецидива не к самому повторному преступлению, а к личности преступника с неизбежностью ставит вопрос о признании рецидива признаком личности виновного, следовательно, о возможности возвращения в уголовное законодательство понятия «рецидивист» [17, с. 101]. То есть при назначении наказания за второе совершенное преступление суд должен особое внимание обращать на личность преступника-рецидивиста, а одной из черт данной личности становится как раз его предыдущая преступная деятельность, поэтому суд принимает во внимание не только само преступление, но и то, как в данном преступлении проявил себя рецидивист.

Занимаясь разработками этого же направления, П.Н. Кобец [8] указывает, что повторное совершение преступления лицом, ранее судимым за противоправное деяние, представляет собой особое криминологическое и социальное явление. Выделяют его, в первую очередь, потому, что именно оно несет повышенную опасность для общества и государства и предопределяется устойчивым нежеланием лица жить по закону, а также соблюдать этические и другие нормы поведения.

Основной предпосылкой снижения уровня рецидива принято считать более профессиональное изучение психологических особенностей личности преступника и их учет в пенитенциарной практике. Ю.М. Антонян подчеркивает: «Личность осужденного является главным и конечным объектом психолого-педагогического воздействия, а следовательно, центральной точкой приложения всех усилий исправительной системы. Она существует для того, чтобы, оказывая необходимое воздействие на осужденных, не допустить их повторного преступного поведения» [1, с. 20].

Ю.М. Антонян с коллегами приводят результаты исследования усредненного личностного профиля преступника за рубежом с помощью наиболее распространенного теста (Миннесотский многофакторный личностный опросник — MMPI), а также аналогичные результаты исследований различных категорий преступников в России, посредством адаптированного к отечественной культуре психодиагностического теста ММИЛ (Ф.Б. Березин), которые показали, что правонарушители, которые имели высокие показатели по шкалам 4, 6, 8 и 9 чаще совершают преступления [2, с. 28—31]. Сочетание высоких показателей по этим шкалам встречается у значительного количества преступников. И это не случайно, потому что личностные свойства, отражаемые данным профилем, в наибольшей мере предрасполагают к совершению преступления при соответствующих условиях. Аналогичные результаты исследования получены Л.Н. Собчик, на основе использования стандартизированного метода исследования личности (СМИЛ) [23].

А.Р. Ратинов обосновал ценностно-нормативный и ценностно-смысловой подходы к изучению личности преступника [21]. На основе проведенных исследований он сделал следующий вывод: личность преступника отличается от законопослушных граждан прежде всего негативным содержанием своих ценностей и норм поведения. Социальные ценности являются ядром личности и определяют мотивы поведения человека, в том числе противоправные.

С.Е. Борисова утверждает, что создав типологию преступников, исходя из характера совершаемых ими преступлений (с насильственной, корыстной, корыстно-насильственной направленностью) и зная их типичные качества, можно прогнозировать вероятность совершения преступлений в будущем конкретными осужденными [4].

При решении вопроса о досрочном освобождении осужденных основная парадигма отечественной уголовно-исполнительной системы — определение критериев исправления осужденных. В отличие от этого, парадигма большинства зарубежных государств — определение факторов риска рецидива. С позиций гуманистического подхода отечественная парадигма более предпочтительна, так как ориентирована на принцип исправимости, веру в потенциальные возможности положительного развития личности. Вместе с тем она идеализирована и не вполне учитывает вероятность того, что под влиянием, например, неблагоприятных жизненных условий бывший осужденный может совершить новое преступление, хотя в местах лишения свободы вел себя положительно, раскаялся в содеянном, загладил вину. Концепция оценки риска рецидива более прагматична для прогноза поведения человека после отбытия наказания, чем концепция оценки показателей исправимости личности осужденного [5; 24].

Достаточно глубокое исследование, направленное на изучение факторов риска рецидива несовершеннолетних правонарушителей, проведено Н.Г. Назаровой и Д.С. Ошевским. Весомыми факторами риска, по результатам исследования авторов, являются негативный семейный контекст, в котором воспитывается несовершеннолетний, включение подростка в группу диссоциальных сверстников, в которой легко усваиваются криминальные установки, а также низкий уровень волевой саморегуляции [16].

Объектом монографического исследования также было психологическое прогнозирование рецидивных преступлений несовершеннолетних, осужденных без лишения свободы, выполненное под руководством В.М. Позднякова [7]. В данном исследовании также отмечается необходимость учета саморегуляции при прогнозировании рецидива.

По данным исследований О.Л. Дубовик, более 18% лиц, совершивших убийства, оценивали ситуацию перед преступлением как безвыходную (хотя для этого не было достаточных оснований) [6]. По ее мнению, этими лицами явно недооценивались возможности волевых усилий по преодолению конфликтных ситуаций. В ряде случаев неверность оценки определяется эмоциональным состоянием субъекта, быстрым развитием событий, что и приводит к импульсивности и поспешности принимаемых решений.

М. Р. Готтфредсон и Т. Хирши утверждали, что низкий самоконтроль возникает вследствие неэффективной социализации в раннем возрасте и является устойчивой чертой, которая сохраняется всю оставшуюся жизнь [28]. Некоторые исследования даже показали, что низкий уровень самоконтроля позволяет предсказать рецидивизм.

Характерно, что антисоциально настроенные лица практически не испытывают тревоги и страха, поэтому они и не боятся возможных последствий своих действий и, как следствие, не обдумывают их. В XIX веке поведение таких людей определялось как «моральное безумие». С точки зрения психиатров, наблюдавших таких людей, человек с нормальным интеллектом, будучи психически здоровым, не в состоянии совершать подобные действия, так как удо-

вольствие, получаемое им, незначительно, а последствия для других и самого себя разрушительны [12]. Таким людям присущ примитивный гедонизм, когда они не учитывают реальную возможность наказания, которое последует за антисоциальным действием. Получение удовольствия любой ценой — вот их кредо. Некая «животная тяга» к наслаждениям. Поэтому наказание их не пугает.

Таким образом, способность к саморегуляции, многие специалисты признают значимым фактором сдерживания преступного поведения. Во многих ситуациях волевая саморегуляция может играть ключевую роль в совершении или не совершении преступления. Конечно, взгляды на жизнь и ценности человека, его воспитание и другие личностные особенности также оказывают влияние на поведения человека. Но именно саморегуляция обеспечивает направленность этого поведения [11; 22]. И если у впервые осужденных преступников уровень саморегуляции может существенно не отличаться от законопослушных граждан, то у лиц, совершивших преступление при рецидиве, высок риск нарушения процессов саморегуляции. При этом может страдать как один ее компонент, так и несколько. В данной работе мы исследовали взаимосвязь уровня саморегуляции с повторным совершением преступления.

Под волевой саморегуляцией понимается сознательный процесс управления своим поведением и деятельностью. Именно она помогает человеку управлять своими чувствами, эмоциями, действиями и познавательными процессами. В процесс саморегуляции входят постановка цели, планирование деятельности по ее достижению, моделирование различных ситуаций, продумывание способов своих действий, оценка достигнутых результатов и в случае, если нужная цель не достигнута, возможность изменения программы действий [9; 10; 15; 29]. Воля непосредственно связана с эмоциями. Положительные или отрицательные эмоции могут сигнализировать человеку о том, надо ли ему осуществлять данную деятельность, стремиться к ней или избегать ее.

Как отмечают юристы, проблема ответственности в праве может быть раскрыта как проблема управления преступника своим собственным поведением через оценку, охватывающую все наиболее важные аспекты его саморегуляции: принципиальную возможность субъекта деяния выполнять предписанные ему требования; в какой мере он их правильно понял и истолковал; как далеко простираются границы его способностей при достижении требуемого результата (цели действий); каков уровень (мера) осознания им последствий тех действий, на которые оказывают влияние внешние обстоятельства; мог ли он предвидеть и управлять этими последствиями [14].

Волевая саморегуляция играет значительную роль в механизме преступного поведения, особенно при неосторожных преступлениях. Не только антиобщественные взгляды и стиль воспитания могут определять наличие склонности к общественно опасным деяниям. Низкий уровень самоконтроля связан с множеством форм антисоциального поведения. Именно от самоконтроля зависит как преступное поведение, так и отказ от него. Самоконтроль может сдерживать склонности и желания человека, особенно если они противоречат его внутренним ценностям [20, с. 773; 27, с. 241].

Если человек уже встал на преступный путь, то во многом от уровня его самоконтроля зависит, будет ли он повторять содеянное или нет. Причины рецидивизма, как мы выяснили, кроются не только в самом человеке, но и в наказании. Нередко наказание оказывает совсем не то влияние, на которое оно направлено, и путь исправления оказывается не пройден. Но даже если цель достигнута, человеку после освобождения предстоит сложный путь реадaptации к жизни на свободе, ибо он сталкивается со множеством проблем. В ряде исследова-

ний, выполненных на уровне докторских и кандидатских диссертаций, показано, что именно в этой ситуации и важны личностная направленность человека, его волевой самоконтроль, умение строить планы на будущее и воплощать их в жизнь [19, с. 55, 272, 273; 25; 26].

Методы и структура исследования

Рассмотренные нами работы отечественных и зарубежных авторов по вопросам выявления криминогенных свойств личности преступника и саморегуляции правонарушителей легли в основу проведенного эмпирического исследования. Его целью является сравнительный анализ саморегуляции у осужденных, совершивших преступление впервые и при рецидиве.

В исследовании приняли участие 60 человек в возрасте от 22 лет до 71 года. Испытуемые отбывали наказание в исправительной колонии общего режима (30 человек, имеющие первую судимость) и в исправительном учреждении строгого режима (30 человек, имели 2 и более судимостей) УФСИН России по Воронежской области. И первая и вторая выборки включали осужденных за преступления против жизни и здоровья (15 человек) и за преступления против собственности (15 человек).

1-я группа — осужденные, совершившие преступление впервые и содержащиеся на общем режиме за преступления против жизни и здоровья (статьи 105, 107, 111, 112 и другие насильственного характера);

2-я группа — осужденные, имеющие две и более судимости, содержащиеся в ИК строгого режима за преступления против жизни и здоровья;

3-я группа — осужденные, совершившие преступление впервые и содержащиеся на общем режиме за преступления против собственности (статьи 158, 159, 160 и др.);

4-я группа — осужденные, имеющие две и более судимости, содержащиеся в ИК строгого режима за преступления против собственности.

Используемые методы — тестовые опросники и методы математической статистики (корреляционный критерий Пирсона, t-критерий Стьюдента для независимых выборок, непараметрический критерий Н Крускалла—Уоллеса).

В соответствии с целью и задачами исследования, выбраны следующие психодиагностические методики: «Стиль саморегуляции поведения» (ССП), автор В.И. Моросанова [15]; «Исследование волевой саморегуляции» (ВСК), авторы Е.В. Эйдман и А.Г. Зверков [18]; «Опросник структуры темперамента» (ОСТ), автор В.М. Русалов [18].

Результаты и обсуждение

Нами получены статистические различия на значимом уровне между всеми четырьмя группами испытуемых, а также отдельно между группами рецидивистов и впервые осужденных, между группами осужденных за корыстные и насильственные преступления (уровень значимости по критерию хи-квадрат равен 0,05).

Мы проанализировали, насколько верно отнесены наши испытуемые к группам, в которых проведено исследование, с помощью дискриминантного анализа (табл. 1, 2).

В группах лиц, осужденных за насильственные преступления, обнаружено, что несколько испытуемых (6 человек — 20%), впервые осужденных, по результатам диагностики могут быть отнесены к группе рецидивистов, что дает нам право предполагать повторное совершение ими преступлений.

При анализе групп осужденных, совершивших корыстные преступления, можно говорить только о единичном случае перехода впервые осужденного в группу рецидивистов (1 человек — 3%).

Таблица 1

Результаты классификации осужденных за насильственные преступления

Код	Классификация			Всего
Исходный				97
	РУ	19	96	115
в %	Несгруппированные наблюдения	73	146	219
	ПУ	75,3	24,7	100,0
	РУ	16,5	83,5	100,0
	Несгруппированные наблюдения	33,3	66,7	100,0

Примечание: 79,7% исходных сгруппированных наблюдений классифицированы правильно.

Таблица 2

Результаты классификации осужденных за корыстные преступления

Код	Классификация			Всего
Исходный				93
	РК	9	117	126
в %	Несгруппированные наблюдения	143	69	212
	ПК	100,0	0,0	100,0
	РК	7,1	92,9	100,0
	Несгруппированные наблюдения	67,5	32,5	100,0

Примечание: 95,9% исходных сгруппированных наблюдений классифицированы правильно.

Далее мы проанализировали особенности личности каждой из выделенных нами групп.

Данные сходства в четырех группах позволяют утверждать, что волевая регуляция имеет связь не только со своими отдельными компонентами (моделирование, оценка результатов и т. п.), но и с такими личностными характеристиками, как самообладание (которое отвечает за контроль эмоциональных реакций) и настойчивость (которая характеризует силу намерений человека). Такие корреляционные связи говорят о том, что у осужденных за преступления против собственности волевая саморегуляция зависит от уровня развития, а также от компонентов сферы темперамента (табл. 3, 4).

Таблица 3

Впервые осужденные за преступления против собственности

Шкалы	Моде- лиро- вание	Оцен- ка ре- зультатов	Гиб- кость	Само- стоя- тель- ность	Об- щий уро- вень само- регу- ляции	Воле- вая само- регу- ляция	Нас- тойчи- вость	Само- обла- дание
Социальная пластичность	-,799**	-,610**	-,668**	-,665**	-,848**	-,755**	-,654**	-,734**
Эмоциональность					-,590**	-,740**	-,716**	-,671**
Социальная эмоциональность	-,520**	-,606**		-,520**	-,601**	-,784**	-,660**	-,834**

Планирование						,638**		,719**
Моделирование						,664**	,552**	,701**
Программирование						,511**		,487**
Оценка результатов						,583**	,677**	,531**
Гибкость						,513**		
Общий уровень саморегуляции						,817**	,722**	,801**

Примечание: «**» — корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя); «*» — корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя) (в следующих таблицах те же обозначения).

Таблица 4

Рецидивисты, осужденные за преступления против собственности

Шкалы	Моде- лиро- вание	Оцен- ка ре- зульт- атов	Гиб- кость	Само- стоя- тель- ность	Об- щий уро- вень само- регу- ляции	Воле- вая само- регу- ляция	Нас- тойчи- вость	Само- обла- дание
Предметная эргичность			,716**					
Социальная эргичность			,543**				,549**	
Пластичность		,673**			,601**			
Социальная пластичность				,528**				
Темп или скорость	,598**	,615**	,698**		,542**	,626**	,777**	
Социальный темп	,501**	,607**	,534**					
Эмоциональность		-,559**						
Социальная эмоциональность	-,584**	-,669**						
Планирование								,534**
Моделирование						,672**	,583**	,568**
Программирование						,526**		,630**
Оценка результатов						,531**	,577**	
Гибкость						,563**	,630**	
Самостоятельность								-,516**
Общий уровень саморегуляции						,681**	,646**	,617**

У осужденных за преступления против жизни и здоровья, особенно у осужденных впервые, связи между компонентами не такие существенные (табл. 5). Впервые осужденные имеют самое большое количество связей с компонентом «Настойчивость», что может говорить о том, что сила их намерений равна силе компонентов волевой саморегуляции (моделирование, оценка результатов, гибкость и общий уровень саморегуляции). Также это может говорить о независимости других компонентов друг от друга.

Таблица 5

Впервые осужденные за преступления против жизни и здоровья

Шкалы	Оценка результатов	Гибкость	Общий уровень саморегуляции	Волевая саморегуляция	Настойчивость	Самообладание
Социальная пластичность	,618**					
Социальный темп	,524**	,537**	,540**			
Программирование					,510**	
Общий уровень саморегуляции				,630**	,693**	,517**

Осужденные, совершившие преступление при рецидиве, имеют самое большое количество связей с компонентом «Гибкость» и «Социальная пластичность» (табл. 6). По сути, эти компоненты отвечают за схожие сферы — способность быстро перестраиваться. Это может говорить о том, что у этой группы возможности перестройки своей деятельности, адаптации к новым условиям напрямую зависят от компонентов волевой регуляции (моделирование, оценка результатов, самостоятельность). То есть то, произойдет ли перестройка планов и поведения в целом, зависит от того, насколько развито умение правильно выделить значимую цель, умение оценивать достигнутые результаты и делать все это самостоятельно, без чужой помощи.

Таблица 6

Осужденные при рецидиве за преступления против жизни и здоровья

Шкалы	Планирование	Программирование	Волевая саморегуляция	Настойчивость	Самообладание
Социальная эргичность		-,654**			
Контрольная шкала	,506**				
Моделирование			,656**	,632**	,619**
Оценка результатов			,667**	,694**	,638**
Гибкость				,549**	
Общий уровень саморегуляции				,526**	,500**

Применение методов математической статистики позволяет сделать вывод как о различиях, так и о сходстве выявленных закономерностей. Впервые осужденные, имеют четкие взаимосвязи между многими компонентами процесса волевой саморегуляции и сферы темперамента.

Выводы

Лица, впервые осужденные за преступления против жизни и здоровья, показали самые высокие баллы (по сравнению с остальными группами) по процессам волевой саморегуляции. Это говорит о том, что они больше всех способны использовать адекватную программу действий, самостоятельно спланировать свое поведение, изменить стратегию поведения, если это требуют обстоятельства, и оценить полученные результаты. При этом общий уровень саморегуляции (по двум методикам) у них немного ниже, чем у остальных групп, что вполне успешно компенсируется высоким уровнем развития остальных процессов.

Осужденные, совершившие преступление при рецидиве, показали себя более активными, энергичными, стремящимися к общению. Но при этом уровень социальной пластичности у них невысок, что говорит о том, что они стремятся к контактам, но не привыкли учитывать мнение и интересы других людей, подстраиваться под них (это считается одной из черт антисоциальных личностей). При этом у них низкий уровень самостоятельности, что говорит о том, что хоть они и не привыкли подстраиваться под других людей, они все же не могут самостоятельно спланировать программу своих действий. Также у рецидивистов, осужденных за преступления против жизни и здоровья, достаточно низкий эмоциональный отклик, они менее чувствительны к неудачам в работе, менее тревожны. Это подтверждает теорию о наличии такого типа антисоциальных личностей, как лица с низким уровнем возбудимости. Они уверены в себе и своих силах, действуют быстро, но не склонны планировать свою деятельность и не могут перестроить ее в изменившихся условиях; мнение других они не учитывают, поэтому и не расстраиваются из-за расхождения между ожидаемым и реальным результатом. Таким образом, можно сделать вывод, что выдвинутая нами гипотеза о слабо выраженной потребности в планировании и низкой самостоятельности у рецидивистов, осужденных за преступления против жизни и здоровья, нашла свое подтверждение.

Заключение

Уровень саморегуляции у осужденных, совершивших различные виды преступлений, в настоящее время не является фокусом для исследования в юридической психологии. Однако во многих ситуациях волевая саморегуляция может играть ключевую роль в механизме совершения (или не совершения) преступления. Конечно, взгляды на жизнь, социальные ценности человека, его личностные и индивидуально-психологические свойства также оказывают влияние на поведение человека. Но именно саморегуляция является тем психологическим механизмом, посредством которого осуществляется сознательный процесс управления своим поведением в сложной, криминальной (в нашем случае) ситуации. Если у многих, впервые осужденных преступников, уровень саморегуляции может не отличаться от законопослушных граждан, то у лиц, которые осознанно или (в некоторых случаях) неосознанно вновь оказались в ситуации совершения преступления, явно могут быть какие-то проблемы с волевой саморегуляцией. Может страдать как один ее компонент, так и несколько. В данной работе мы исследовали взаимосвязь уровня саморегуляции с повторным совершением преступления.

Полученные данные показали, что у осужденных, совершивших преступление при рецидиве, действительно более низкая потребность в планировании своей деятельности. Также у рецидивистов низкий эмоциональный отклик в ответ на неудачу в достижении поставленных целей.

Перспективным, на наш взгляд, было бы развитие волевой саморегуляции у осужденных в процессе отбывания наказания и при подготовке к освобождению. Данная научная работа дополняет имеющиеся в современной литературе данные об особенностях и учете в коррекционной работе психических процессов осужденных.

Литература

1. Антоян Ю.М. Личность осужденного как объект исправительного воздействия // Реформа уголовно-исполнительной системы России: состояние, проблемы, перспективы: Тези-

Коноплева И.Н., Князева С.О.,
Дебольский М.Г., Красненкова С.А.
Особенности саморегуляции у осужденных,
совершивших преступления при рецидиве
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 27–41.

Konopleva I.N., Knyazeva S.O.,
Debolsky M.G., Krasnenkova S.A.
Self-Regulation of Convicts
Who Have Committed Repeated Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 27–41.

сы выступ. участников междунар. науч.-практ. конф. 28–29 октября 2004 г. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2004. С. 20–23.

2. Антоян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юристъ, 1996. 336 с.

3. Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Бовина И.Б. Механизмы психологической защиты и доминирующее защитное поведение осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 86–105. doi:10.17759/psylaw.2021110207.

4. Борисова С.Е. Психологические особенности личности преступника // Юридическая психология. 2007. № 3. С. 26–32.

5. Дебольский М.Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 1. С. 35–49. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68316.shtml> (дата обращения: 27.12.2021).

6. Дубовик О.Л. Принятие решения в механизме преступного поведения и индивидуальная профилактика преступлений. М.: РИО Акад. МВД СССР, 1977. 76 с.

7. Дядченко Е.А., Поздняков В.М. Психологическое прогнозирование рецидивных преступлений несовершеннолетних, осужденных без лишения свободы: Монография. Самара: АС-ГАРД, 2014. 230 с.

8. Кобец П.Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения рецидива тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья: Монография. М.: НУ ОАОУ, 2009. 120 с.

9. Конопкин О.А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2012. Том 9. № 4. С. 97–101. URL: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2012/n4/Konopkin.shtml (дата обращения: 16.12.2021).

10. Конопкин О.А. Участие эмоций в осознанной регуляции целенаправленной активности человека // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 38–48

11. Коноплева И.Н., Калягин Ю.С. Саморегуляция психических состояний как элемент психологической готовности к деятельности в экстремальных условиях [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. Том 1. № 4. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49298.shtml> (дата обращения: 27.12.2021).

12. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Личностные расстройства. СПб: Питер, 2010. 400 с.

13. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2018 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения: 27.12.2021).

14. Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка). М.: Изд-во МГУ, 2000. 192 с.

15. Моросанова В.И. Развитие теории осознанной саморегуляции: дифференциальный подход // Вопросы психологии. 2011. № 3. С. 132–144.

16. Ошевский Д.С., Назарова Н.Г. Психологические факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних осужденных // Юридическая психология. 2013. № 4. С. 15–19.

17. Понятовская Т.Г. Проблема рецидива в уголовном праве и криминологии [Электронный ресурс] // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 96–102. URL: <http://cj.bgu.ru/reader/article.aspx?id=19508> (дата обращения: 25.12.2021).

Коноплева И.Н., Князева С.О.,
Дебольский М.Г., Красненкова С.А.
Особенности саморегуляции у осужденных,
совершивших преступления при рецидиве
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 27–41.

Konopleva I.N., Knyazeva S.O.,
Debolsky M.G., Krasnenkova S.A.
Self-Regulation of Convicts
Who Have Committed Repeated Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 27–41.

18. Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции / Ред. колл. А.И. Зеличенко и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 160 с.
19. Преступление и наказание от «А» до «Я» (словарь по пенитенциарной психологии) / Под общ. ред. Д.В. Сочивко. М.: МПСИ, 2009. 459 с.
20. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб: Питер, 2006. 1096 с.
21. Ратинов А.Р. К ядру личности преступника // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии: Сборник научных трудов. М., 1981. С. 67–86.
22. Рассказова Е.И. Психологическая саморегуляция как фактор успешности управления поведением в различных сферах функционирования личности [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2019. Том 12. № 3. С. 148–163. doi:10.17759/exppsy.2019120312
23. Собчик Л.Н. Криминальные наклонности и психодиагностика [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 131–143. doi:10.17759/psylaw.2017070111
24. Сочивко Д.В., Ганишина И.С., Марьин М.И., Сундукова В.В. Психологические особенности преступников-коррупционеров, отбывающих наказания в местах лишения свободы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 5–19. doi:10.17759/psylaw.2020100301
25. Ушатиков А.И. Психология волевой активности несовершеннолетних правонарушителей: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1990. 25 с.
26. Харина Н.А. Психологические особенности волевой саморегуляции несовершеннолетних осужденных женского пола: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2001. 25 с.
27. Энциклопедия юридической психологии / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2003. 607 с.
28. Conner B.T., Stein J.A., Longshore D. Examining Self-Control as a Multidimensional Predictor of Crime and Drug Use in Adolescents with Criminal Histories // The Journal of Behavioral Health Services & Research. 2009. Vol. 36(2). P. 137–149. doi: 10.1007/s11414-008-9121-7
29. Morosanova V. Self-regulation and Personality [Электронный ресурс] // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 86. P. 452–457. doi:10.1016/j.sbspro.2013.08.596

References

1. Antonyan Yu.M. Lichnost' osuzhdenного kak ob'ekt ispravitel'nogo vozdeistviya. *Reforma ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy: Tezisy vystup. uchastnikov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 28–29 oktyabrya 2004 g.* Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Minyusta Rossii Publ., 2004, pp. 20–23. (In Russ.).
2. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. *Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestuplenii.* Moscow: Yurist, 1996. 336 p. (In Russ.).
3. Bovin B.G., Kazberov P.N., Bovina I.B. Mekhanizmy psikhologicheskoi zashchity i dominiruyushchee zashchitnoe povedenie osuzhdennykh za terroristicheskuyu i ekstremistskuyu [Mechanisms of Psychological Defense and Dominant Defense Behavior of Convicts for Terrorist and Extremist Activities] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 86–105. doi:10.17759/psylaw.2021110207 (In Russ.).
4. Borisova S.E. Psikhologicheskie osobennosti lichnosti prestupnika. *Yuridicheskaya psikhologiya = Juridical Psychology*, 2007, no 3, pp. 26–32. (In Russ.).
5. Debolsky M.G. Problemy riska retsidiva pri uslovno-dosrochnom osvobozhdenii osuzhdennykh [The problem of crime repetition risk after early release on parole] [Elektronnyj resurs].

Коноплева И.Н., Князева С.О.,
Дебольский М.Г., Красненкова С.А.
Особенности саморегуляции у осужденных,
совершивших преступления при рецидиве
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 27–41.

Konopleva I.N., Knyazeva S.O.,
Debolsky M.G., Krasnenkova S.A.
Self-Regulation of Convicts
Who Have Committed Repeated Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 27–41.

Psikhologiya i pravo = Psychology and Law, 2014, no. 1, pp. 35–49. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68316.shtml> (Accessed 27.12.2021). (In Russ.).

6. Dubovik O.L. Prinyatie resheniya v mekhanizme prestupnogo povedeniya i individual'naya profilaktika prestuplenii. Moscow: RIO Akad. MVD SSSR, 1997. 76 p. (In Russ.).

7. Dyadchenko E.A., Pozdnyakov V.M. Psikhologicheskoe prognozirovaniye retsidivnykh prestuplenii nesovershennoletnikh osuzhdennykh bez lisheniya svobody: Monografiya. Samara: ASGARD, 2014. 230 p. (In Russ.).

8. Kobets P.N. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy preduprezhdeniya retsidiva tyazhkikh nasil'stvennykh prestuplenii protiv zhizni i zdorov'ya: Monografiya. Moscow: NU OAOU Publ., 2009. 120 p. (In Russ.).

9. Konopkin O.A. Osoznannaya samoregulyatsiya kak kriterii sub'ektnosti [Elektronnyj resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2012. Vol. 9, no. 4, pp. 97–101. URL: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2012/n4/Konopkin.shtml (Accessed 16.12.2021)

10. Konopkin O.A. Uchastie emotsii v osoznannoi regulyatsii tselenapravlennoi aktivnosti cheloveka [Role of emotions in conscious regulation of goal-oriented activity]. *Voprosy Psikhologii*, 2006, no. 3, pp. 38–48. (In Russ.).

11. Konopleva I.N., Kalyagin Yu.S. Samoregulyatsiya psikhicheskikh sostoyanii kak element psikhologicheskoi gotovnosti k deyatelnosti v ekstremal'nykh usloviyakh. [Self-regulation of psychic conditions as an element of psychological readiness to act in extreme conditions] [Elektronnyj resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2011. Vol. 1, no. 4. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49298.shtml> (Accessed 27.12.2021) (In Russ.).

12. Korolenko C.P., Dmitrieva N.V. Lichnostnye rasstroistva. Saint Petersburg: Piter, 2010. 400 p. (In Russ.).

13. Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar' — dekabr' 2018 goda [Elektronnyi resurs]. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (Accessed 27.12.2021). (In Russ.).

14. Kudryavtsev I.A., Ratinova N.A. Kriminal'naya agressiya (ekspertnaya tipologiya i sudebno-psikhologicheskaya otsenka). Moscow: MGU Publ., 2000. 192 p. (In Russ.).

15. Morosanova V.I. Razvitie teorii osoznannoi samoregulyatsii: differentsial'nyi podkhod [Development of the theory of conscious self-regulation: a differential approach]. *Voprosy Psikhologii*, 2011, no. 3, pp. 132–144. (In Russ.).

16. Oshevskij D.S., Nazarova N.G. Psikhologicheskie faktory riska agressivnogo povedeniya u nesovershennoletnikh osuzhdennykh [Psychological factors of risk of aggressive behavior of minor convicts]. *Yuridicheskaya psikhologiya = Juridical Psychology*, 2013, no. 4, pp. 15–19. (In Russ.).

17. Ponjatovskaja T.G. Problema retsidiva v ugovnom prave i kriminologii [Recidivism in criminology and criminal law] [Elektronnyi resurs]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 3, pp. 96–102. URL: <http://cj.bgu.ru/reader/article.aspx?id=19508> (Accessed 27.12.2021) (In Russ.).

18. Zelichenko A.I. et al. (eds.). Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1990. 160 p. (In Russ.).

19. Sochivko D.V. (ed.). Prestuplenie i nakazanie ot "A" do "Ya" (slovar' po penitentsiarnoi psikhologii). Moscow: MPSI Publ., 2009. 459 p. (In Russ.).

Коноплева И.Н., Князева С.О.,
Дебольский М.Г., Красненкова С.А.
Особенности саморегуляции у осужденных,
совершивших преступления при рецидиве
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 27–41.

Konopleva I.N., Knyazeva S.O.,
Debolsky M.G., Krasnenkova S.A.
Self-Regulation of Convicts
Who Have Committed Repeated Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 27–41.

20. Corsini R.J., Auerbach A. (eds.). *Psikhologicheskaya entsiklopediya* [Concise encyclopedia of psychology]. 2nd ed. Saint Petersburg: Piter, 2006. 1096 p. (In Russ.).
21. Ratinov A.R. К ядру личности преступника. *Aktual'nye problemy ugolovnoogo prava i kriminologii: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, 1981, pp. 67–86. (In Russ.).
22. Rasskazova E.I. Psikhologicheskaya samoregulyatsiya kak faktor uspekhnosti upravleniya povedeniem v razlichnykh sferakh funktsionirovaniya lichnosti [Psychological self-regulation as factor of success in the management of own behavior in different life domains] [Elektronnyi resurs]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 2019. Vol. 12, no. 3, pp. 148–163. doi:10.17759/exppsy.2019120312. (In Russ., abstr. in Engl.).
23. Sobchik L.N. Kriminal'nye naklonnosti i psikhodiagnostika [Criminal tendencies and psychological testing] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 1, pp. 131–143. doi:10.17759/psylaw.2017070111 (In Russ.).
24. Sochivko D.V., Ganishina I.S., Maryin M.I., Sundukova V.V. Psikhologicheskie osobennosti prestupnikov-korruptsionerov, otbyvayushchikh nakazaniya v mestakh lisheniya svobody [Psychological Make-up of Corrupt Officials Serving their Sentences in Confinement Institutions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 5–19. doi:10.17759/psylaw.2020100301 (In Russ.).
25. Ushatikov A.I. Psikhologiya volevoi aktivnosti nesovershennoletnikh pravonarushitelei: Avtoref. diss. dokt. psikhol. nauk. Moscow, 1990. 25 p. (In Russ.).
26. Kharina N.A. Psikhologicheskie osobennosti volevoi samoregulyatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh zhenskogo pola: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Ryazan', 2001. 25 p. (In Russ.).
27. Stolyarenko A.M. (ed.). *Entsiklopediya yuridicheskoi psikhologii*. Moscow: YUNITI-DANA; Zakon i pravo, 2003. 607 p. (In Russ.).
28. Conner B.T., Stein J.A., Longshore D. Examining Self-Control as a Multidimensional Predictor of Crime and Drug Use in Adolescents with Criminal Histories. *The Journal of Behavioral Health Services & Research*, 2009. Vol. 36, no. 2, pp. 137–149. doi: 10.1007/s11414-008-9121-7
29. Morosanova V. Self-regulation and Personality. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 2013. Vol. 86, pp. 452–457. doi:10.1016/j.sbspro.2013.08.596

Информация об авторах

Коноплева Инга Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Князева Светлана Олеговна, магистр, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-5873>, e-mail: knyazeva.89@yandex.ru

Дебольский Михаил Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, профессор, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2601-0077>, e-mail: mdebolsky@mail.ru

Коноплева И.Н., Князева С.О.,
Дебольский М.Г., Красненкова С.А.
Особенности саморегуляции у осужденных,
совершивших преступления при рецидиве
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 27–41.

Konopleva I.N., Knyazeva S.O.,
Debolsky M.G., Krasnenkova S.A.
Self-Regulation of Convicts
Who Have Committed Repeated Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 27–41.

Красненкова Светлана Александровна, кандидат психологических наук, заместитель директора по социально-психологической работе, Школа № 1 (КОУ ВО «Школа № 1»), г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8135-1854>, e-mail: skrasnenkova@mail.ru

Information about the authors

Inga N. Konopleva, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Svetlana O. Knyazeva, Master of Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-5873>, e-mail: knyazeva.89@yandex.ru

Mihail G. Debolsky, PhD in Psychology, Docent, Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education; Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2601-0077>, e-mail: mdebolsky@mail.ru

Svetlana A. Krasnenkova, PhD in Psychology, Deputy Director for Social and Psychological Work, School No. 1, Voronezh, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8135-1854>, e-mail: skrasnenkova@mail.ru

Получена 12.11.2021
Принята в печать 12.02.2022

Received 12.11.2021
Accepted 12.02.2022

Психологические особенности разных типов личности тубинфицированных осужденных с учетом выраженности суицидального риска

Ильиных Н.А.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2795-9129>, e-mail: ilinykh1983@mail.ru

Ганишина И.С.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Марьин М.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

В статье рассмотрены психологические особенности суицидального риска различных типов личности тубинфицированных осужденных, отбывающих наказание в лечебно-исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. В ходе эмпирического исследования установлено, что у тубинфицированных осужденных наблюдается низкий уровень суицидального риска. С помощью кластерного анализа выделено три типа личности тубинфицированных осужденных с учетом выраженности у них суицидального риска: демонстративно-аффективный, антисуицидально-максималистический, несостоятельно-пессимистический. Демонстративно-аффективному типу свойственно отрицание болезни, безразличное отношение к заболеванию, общеобвинительная позиция по отношению к медицинскому персоналу и собственному лечению. Для антисуицидально-максималистического типа характерно стремление к жизни, ориентация на полное излечение от болезни в более короткие сроки. Несостоятельно-пессимистический тип, хотя и дорожит жизнью, однако не демонстрирует высокую заинтересованность в скорейшем выздоровлении и выполнении рекомендаций лечащих врачей. Знание психологических особенностей суицидального риска у различных типов личности тубинфицированных осужденных позволит обеспечить их психологическое сопровождение в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: суицидальный риск, осужденные, тубинфицированные осужденные, тип личности, лечебно-исправительное учреждение, уголовно-исполнительная система.

Ильиных Н.А., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологические особенности разных типов личности тубинфицированных осужденных с учетом выраженности суицидального риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 42–54.

Ilinykh N.A., Ganishina I.S., Maryin M.I.
Psychological Features of Different Personality Types of Convicts Infected with Tuberculosis, depending on the Severity of Suicidal Risk
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 42–54.

Для цитаты: *Ильиных Н.А., Ганишина И.С., Марьин М.И.* Психологические особенности разных типов личности тубинфицированных осужденных с учетом выраженности суицидального риска [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 42–54. DOI:10.17759/psylaw.2022120204

Psychological Features of Different Personality Types of Convicts Infected with Tuberculosis, depending on the Severity of Suicidal Risk

Natalia A. Ilinykh

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia), Ryazan, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2795-9129>, e-mail: ilinykh1983@mail.ru

Irina S. Ganishina

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia), Ryazan, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Mikhail I. Maryin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

The article discusses the psychological features of suicidal risk in various personality types of convicts infected with tuberculosis and serving their sentences in medical correctional institutions of the penal system. The empirical study revealed that such convicts have low levels of suicidal risk. Using cluster analysis, three personality types of convicts infected with tuberculosis were identified, depending on the severity of their suicidal risk: demonstrative-affective, antisuicidal-maximalistic, untenable-pessimistic. The demonstrative-affective type is characterized by denial of the disease, an indifferent attitude to it, a generally blaming attitude towards medical personnel and the treatment he/she gets. The antisuicidal-maximalist type is characterized by a desire for life, an orientation towards a complete cure from the disease in a shorter time. The untenable-pessimistic type, although valuing his life, does not show high interest in speedy recovery or following the recommendations of the attending physicians. Knowledge of the psychological characteristics of suicidal risk in different personality types of infected convicts will help provide them with psychological support in institutions of the penal system.

Keywords: suicidal risk, convicts, convicts infected with tuberculosis, personality type, medical correctional institution, penal enforcement system.

For citation: Ilinykh N.A., Ganishina I.S., Maryin M.I. Psychological Features of Different Personality Types of Convicts Infected with Tuberculosis, depending on the Severity of Suicidal Risk. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 42–54. DOI:10.17759/psylaw.2022120204 (In Russ.).

Введение

Изучением психологических особенностей аутоагрессивного поведения и суицидального риска в уголовно-исполнительной системе занимались А.М. Сысоев (2002), М.Г. Дебольский, И.А. Матвеева (2013), О.И. Сочивко (2018), Е.Н. Макарова (2019).

Изучая психологию аутоагрессивного поведения осужденных, А.М. Сысоев (2002) составил портрет личности типичного суицидента уголовно-исполнительной системы. По данным автора, к усредненному профилю склонного к суициду осужденного относится: «неженатый мужчина до 35 лет, осужденный за корыстно-насильственные преступления, придерживающийся отрицательных или нейтральных взглядов, систематически нарушающий режим отбывания наказания» [12, с. 159]. А.И. Ушатиков, И.С. Ганишина, А.М. Сысоев и другие предлагают типологизировать психологические особенности осужденных и на их основе выделить осужденных по группам [13, с. 79; 16 с. 905]. А.М. Сысоев (2002) предложил «типологию осужденных, склонных к суициду: эгоцентрично-волевой, аффективно-эмоциональный, демонстративно-шантажный, истинно-волевой, неуверенно-зависимый типы» [12, с. 156—158]. Автор указывает, что «осужденным, склонным к аутоагрессии, свойственны демонстративность, агрессивность, импульсивность, эгоцентризм, антисоциальное поведение, самооправдание и деформация мотивационно-волевой сферы» [12, с. 158].

В работах М.Г. Дебольского, И.А. Матвеевой (2013) отмечается, что причинами суицидов являются «переживания в связи с арестом, вынужденной необходимостью общаться и жить в одной камере с другими людьми, потеря смысла жизни, социального статуса, репутации, а также чувство позора, фрустрация» [3, с. 8]. По мнению В.И. Нестеренко, «...отличительными чертами суицидентов, содержащихся в уголовно-исполнительной системе, является преобладание состояния фрустрации, пессимизма, депрессии» [9, с. 120].

Изучая несовершеннолетних, О.И. Сочивко (2018) установила, что «...склонным к суициду свойственно чувство тревоги, дезадаптация, ощущение безысходности, предчувствие неблагоприятного развития событий, отверженность, утрата смысла жизни и мысли о смерти» [11, с. 114].

Ряд авторов исследовали гендерные и возрастные особенности склонности осужденных к суициду [15, с. 578]. По данным Е.Н. Макаровой (2019), «осужденным-женщинам, склонным к суициду, свойственны: демонстративность, аффективность, социальный пессимизм» [8, с. 64]. Также автором выявлено, что «...у 97% обследованных женщин очень низкий анти-суицидальный фактор» [14; 22; 23]. В.И. Нестеренко (2020), «изучая юношей в условиях следственного изолятора, склонных к суициду, установила, что им свойственно восприятие мира враждебным, непринятие окружающего мира, ощущение ненужности, несостоятельности, социальный пессимизм, обидчивость, склонность к конфликтам» [9, с. 105].

По данным П.Б. Зотова (2017) «...трудноизлечимые заболевания (туберкулез) являются фактором, оказывающим влияние на повышение уровня суицидального риска у лиц, находящихся в местах лишения свободы» [4, с. 3; 5, с. 64].

Таким образом, проведенный нами теоретический анализ проблемы суицидального поведения личности в учреждениях уголовно-исполнительной системы позволил сделать вывод о значительных различиях в психологических особенностях, влияющих на повышение суицидального риска у различных категорий осужденных.

Учитывая, что в Российской Федерации изучением психологических особенностей тубинфицированных осужденных и влияния трудноизлечимого заболевания на эти особенно-

сти занимается ограниченное количество ученых [1; 10], в отличие от зарубежной практики [17; 18; 19; 20; 24; 25], данное исследование приобретает свою актуальность.

Структура и методы исследования

Эмпирическое исследование суицидального риска тубинфицированных осужденных было проведено в лечебно-исправительном учреждении УФСИН России по Республике Хакасия, в рамках которого было обследовано 154 тубинфицированных осужденных. Оно состояло из четырех блоков, каждый из которых включал различные методы исследования. Для оценивания суицидального риска тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказание в лечебно-исправительных учреждениях, использовались методы тестирования, беседы, наблюдения, математической статистики [2, с. 48].

В рамках реализации первого блока эмпирического исследования было проведено психологическое тестирование с использованием методики «Опросник суицидального риска» (ОСР) [6, с. 105]. Во втором блоке проводилась беседа, направленная на уточнение результатов тестирования. Третий блок включал проведение наблюдения за тубинфицированными осужденными мужского пола, отбывающими наказание в лечебно-исправительном учреждении, при осуществлении взаимодействия с психологом. Реализация четвертого блока подразумевала проведение кластерного анализа на основе полученных психодиагностических данных.

Результаты исследования

В рамках первого блока были диагностированы особенности суицидального риска тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказание в лечебно-исправительных учреждениях Российской Федерации (рис. 1).

Установлено, что в структуре суицидального риска тубинфицированных осужденных в лечебно-исправительном учреждении наблюдается соотношение демонстративности, аффективности, уникальности, несостоятельности, социального пессимизма, слома культурных барьеров, максимализма, временных перспектив, антисуицидального фактора и общего показателя суицидального риска. Рассмотрим уровень выраженности каждого элемента суицидального риска в отдельности.

Анализируя усредненный профиль суицидального риска тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказание в лечебно-исправительном учреждении, установлено, что низким уровнем выраженности характеризуются демонстративность, аффективность, несостоятельность, социальный пессимизм, слом культурных барьеров. Уровень ниже среднего наблюдается у таких элементов, как уникальность и временная перспектива. Максимализм у тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказание в лечебно-исправительном учреждении, имеет средний уровень выраженности.

Общий показатель выраженности суицидального риска тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказание в лечебно-исправительных учреждениях, имеет низкий уровень. Таким образом, тубинфицированным осужденным мужского пола, отбывающим наказания в лечебно-исправительных учреждениях, свойственен *низкий уровень суицидального риска*. Это обусловлено трудной излечимостью заболевания и высоким уровнем смертности осужденных от туберкулеза. Как результат, к осужденным приходит осознание ценности собственной жизни, актуализация желания жить и страх перед смертью.

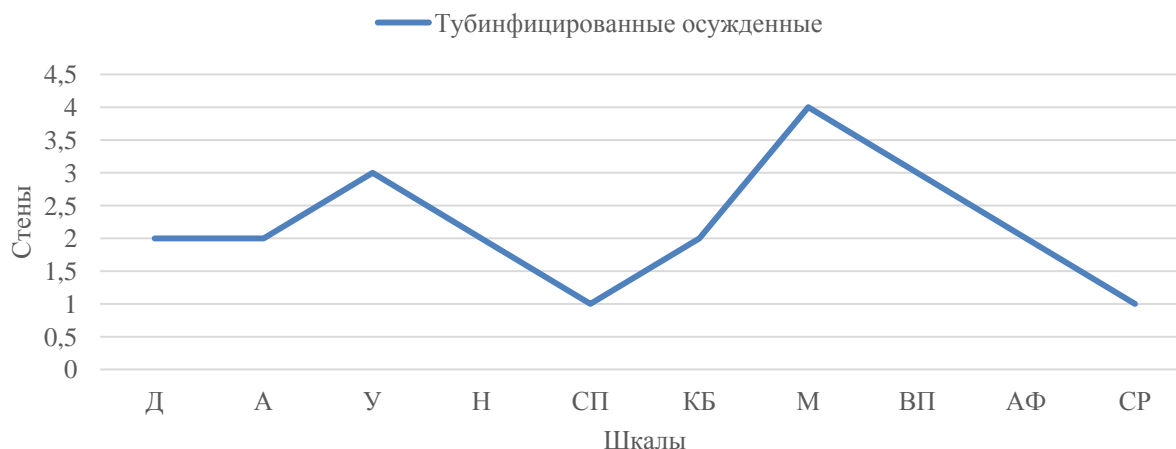

Рис. 1. Усредненный профиль суицидального риска тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказание в лечебно-исправительных учреждениях, по методике «Опросник суицидального риска (ОСР)»

Д — Демонстративность, А — Аффективность, У — Уникальность, Н — Несостоятельность, СП — Социальный пессимизм, КБ — Слом культурных барьеров, М — Максимализм, ВП — Временная перспектива, АФ — Антисуицидальный фактор, СР — Общий показатель

В процессе реализации второго блока исследования по результатам тестирования нами проводилась беседа с тубинфицированными осужденными. Было установлено, что ответы осужденных в основном совпадают с результатами психологического тестирования.

В процессе беседы мы разделили осужденных на три группы: осужденные, отрицающие болезнь, обвиняющие сотрудников лечебно-исправительного учреждения и медицинский персонал в приписывании им заболевания; осужденные, высказывающие желание жить и поскорее излечиться; осужденные, изъявившие желание жить, но при этом не желающие качественно ее менять, перекладывающие инициативу и ответственность на окружающих.

В рамках третьего блока проводилось наблюдение за тубинфицированными осужденными.

По результатам психодиагностики установлено, что большая часть осужденных (64%) не проявляли инициативы при встрече с врачами; при любой возможности могли пропустить лечебную процедуру. Свои действия они объясняли тем, что у них отсутствуют симптомы заболевания.

Часть осужденных (27%) проявляли инициативу при взаимодействии с медицинским персоналом, беспрекословно выполняли все назначения врача, дополнительно посещали медицинскую часть.

Меньшая часть осужденных (9%) ставили все медицинские мероприятия под сомнение, спорили с медицинским персоналом, отказывались принимать лекарства и посещать назначенные процедуры.

В рамках реализации четвертого блока исследования был проведен кластерный анализ, в результате которого выделено три типа личности тубинфицированных осужденных (рис. 2).

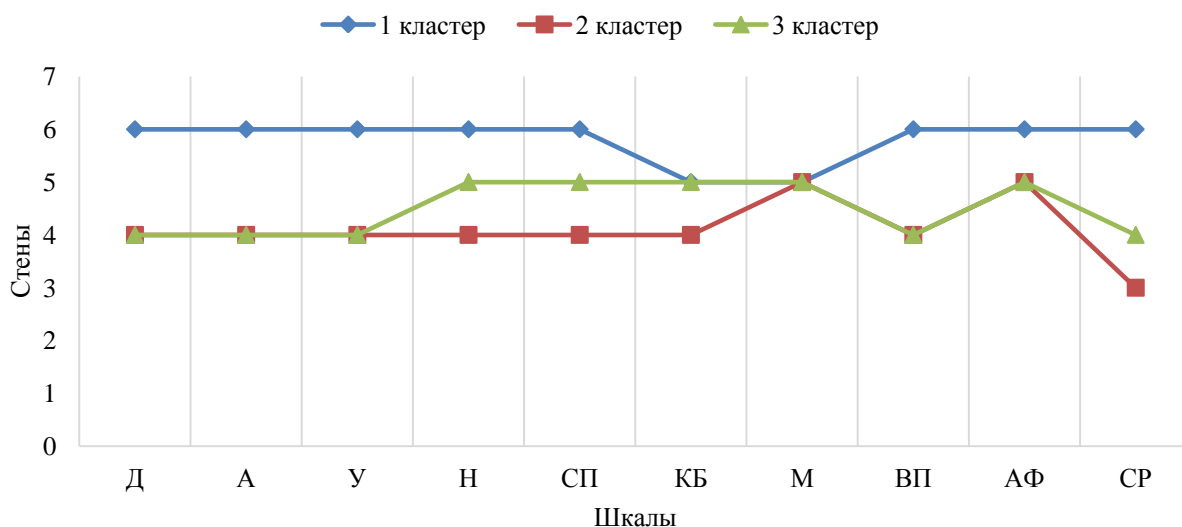

Рис. 2. Типология личности тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказание в лечебно-исправительных учреждениях, с учетом выраженности суицидального риска:

Д — Демонстративность, А — Аффективность, У — Уникальность, Н — Несостоятельность, СП — Социальный пессимизм, КБ — Слом культурных барьеров, М — Максимализм, ВП — Временная перспектива, АФ — Антисуицидальный фактор, СР — Общий показатель;
1-й кластер — демонстративно-аффективный тип личности;
2-й кластер — антисуицидально-максималистический тип личности;
3-й кластер — несостоятельно-пессимистический тип личности

Процентное распределение тубинфицированных осужденных по группам характеризуется доминированием 3-го кластера (несостоятельно-пессимистический тип) — 41%. 1-й кластер (демонстративно-аффективный тип) характеризуются 30% выраженностью в заявленной выборке. Представители 2-го кластера (антисуицидально-максималистический тип) составили 29%.

Анализируя кластеризацию тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказания в лечебно-исправительных учреждениях, с учетом суицидального риска были сделаны выводы о том, что 1-я группа (кластер) тубинфицированных осужденных имеют более высокий уровень суицидального риска; самый низкий из трех кластеров имеет 2-я группа (кластер) тубинфицированных осужденных. Уровень суицидального риска у тубинфицированных осужденных 3-й группы (кластера) находится на среднем уровне. Рассмотрим эти группы более подробно.

Результаты проведенного исследования показали, что у демонстративно-аффективного типа личности тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказание в лечебно-исправительных учреждениях, с учетом суицидального риска в меньшей степени выражен уровень максимализма и слома культурных барьеров. При этом повышенный уровень имеют демонстративность, аффективность, уникальность, несостоятельность, социальный пессимизм, временная перспектива. Стоит отметить, что уровень антисуицидального фактора и общего показателя суицидального риска находятся на одном уровне, но при этом

более выражены по сравнению с максимализмом и сломом культурных барьеров у тубинфицированных осужденных (рис. 3).

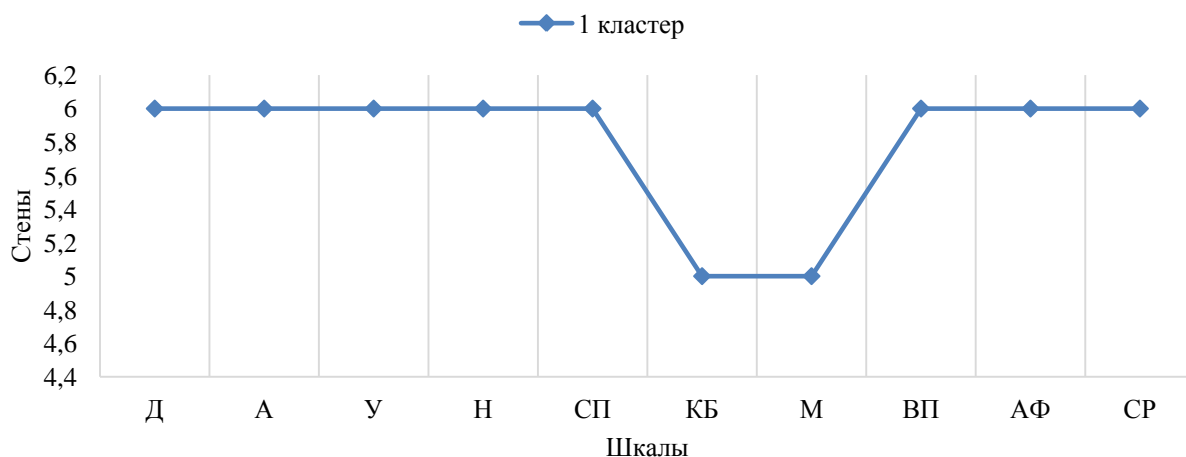

Рис. 3. Демонстративно-аффективный тип личности тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказание в лечебно-исправительных учреждениях, с учетом суицидального риска:

Д — Демонстративность, А — Аффективность, У — Уникальность, Н — Несостоятельность, СП — Социальный пессимизм, КБ — Слом культурных барьеров, М — Максимализм, ВП — Временная перспектива, АФ — Антисуицидальный фактор, СР — Общий показатель

Таким образом, тубинфицированным осужденным демонстративно-аффективного типа личности свойственны безразличное отношение к заболеванию, своей жизни и общеобвиняющая позиция по отношению к лечению и медицинскому персоналу, а в ряде случаев, отрицание болезни.

Рассматривая особенности суицидального риска у антисуицидально-максималистического типа личности тубинфицированных осужденных стоит отметить, что у данного типа общий показатель суицидального риска ниже среднего, а уровень антисуицидального фактора имеет самые высокие показатели по сравнению с другими составляющими суицидального риска (рис. 4).

Анализ полученных результатов позволил установить, что у антисуицидально-максималистического типа личности тубинфицированных осужденных доминирующим является максимализм. Данный показатель имеет самый высокий уровень выраженности, в сочетании с повышенным уровнем антисуицидального фактора и пониженным уровнем общего показателя суицидального риска — это указывает на стремление к жизни, ориентацию на полное излечение в более короткие сроки и как результат беспрекословное исполнение всех назначений и рекомендаций врачей. Таким осужденным свойственно чрезмерное стремление к достижению своей цели, сохранение жизни для них является конкретной целью самой жизни.

Несостоятельно-пессимистическому типу личности тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказание в лечебно-исправительных учреждениях, с учетом суицидального риска свойственен повышенный уровень несостоятельности, социального пессимизма, слома культурных барьеров и максимализма (рис. 5).

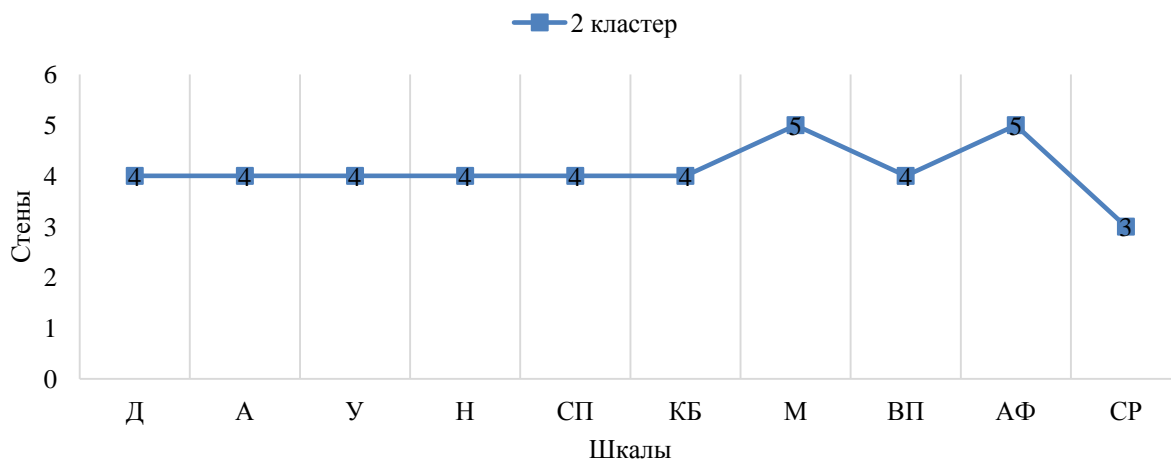

Рис. 4. Антисуицидально-максималистический тип личности тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказание в лечебно-исправительных учреждениях, с учетом суицидального риска:

Д — Демонстративность, А — Аффективность, У — Уникальность, Н — Несостоятельность, СП — Социальный пессимизм, КБ — Слом культурных барьеров, М — Максимализм, ВП — Временная перспектива, АФ — Антисуицидальный фактор, СР — Общий показатель

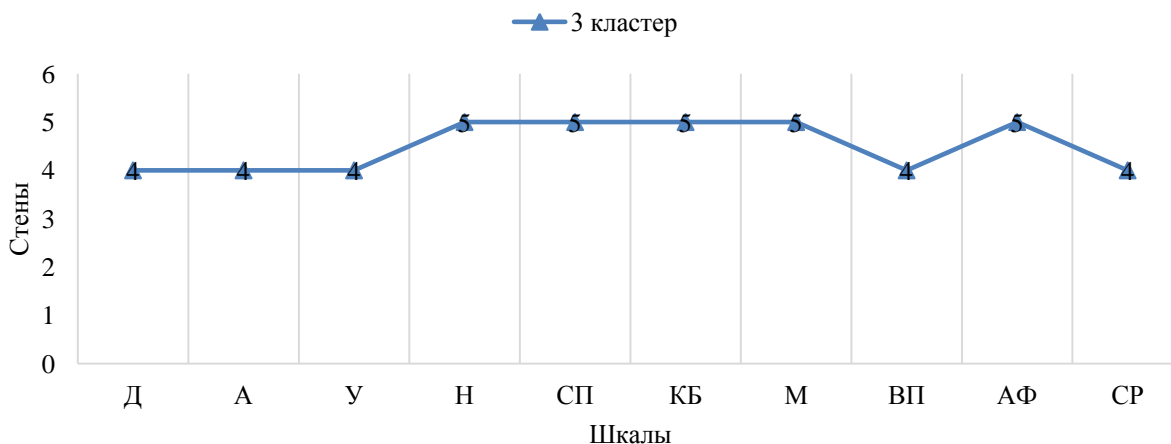

Рис. 5. Несостоятельно-пессимистический тип личности тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказание в лечебно-исправительных учреждениях, с учетом суицидального риска:

Д — Демонстративность, А — Аффективность, У — Уникальность, Н — Несостоятельность, СП — Социальный пессимизм, КБ — Слом культурных барьеров, М — Максимализм, ВП — Временная перспектива, АФ — Антисуицидальный фактор, СР — Общий показатель

Осужденные данного типа имеют пониженный уровень выраженности демонстративности, аффективности, уникальности и временной перспективы. У осужденных этого типа снижен уровень общего показателя суицидального риска и повышен уровень антисуицидального фактора. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что данному типу

осужденных свойственно дорожить жизнью, но при этом они не демонстрируют высокой заинтересованности в скорейшем излечении и выполнении рекомендаций лечащих врачей.

Подводя итоги четвертого диагностического блока, мы установили, что доминирующий процент среди тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказание в лечебно-исправительных учреждениях, с учетом суицидального риска, имеет несостоятельно-пессимистический тип личности, который характеризуется сниженным уровнем общего показателя суицидального риска и повышенным уровнем антисуицидального фактора.

Выводы

1. В результате проведенного эмпирического исследования было установлено, что в целом большинству тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающим наказания в лечебно-исправительном учреждении, свойственен низкий уровень суицидального риска.

2. Тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказания в лечебно-исправительном учреждении, с учетом выраженности суицидального риска, можно разделить на три типа личности: демонстративно-аффективный, антисуицидально-максималистический, несостоятельно-пессимистический. Демонстративно-аффективному типу личности свойственно отрицание болезни, безразличное отношение к собственному заболеванию, общеобвиняющая позиция по отношению к лечению и медицинскому персоналу. Антисуицидально-максималистическому типу личности осужденных свойственно стремление к жизни, они ориентированы на полное излечение от болезни в более короткие сроки. Несостоятельно-пессимистический тип личности дорожит жизнью, но при этом не демонстрирует высокую заинтересованность в скорейшем излечении и выполнении рекомендаций лечащих врачей.

3. Большинство тубинфицированных осужденных мужского пола, отбывающих наказание в лечебно-исправительных учреждениях, с учетом особенностей суицидального риска, имеют несостоятельно-пессимистический тип личности и характеризуются сниженным уровнем общего показателя суицидального риска и повышенным уровнем антисуицидального фактора.

На основе проведенного теоретико-эмпирического исследования необходимо сделать вывод о том, что для всестороннего анализа психологических особенностей разных типов личности тубинфицированных осужденных с учетом выраженности суицидального риска перспективным является проведение исследования по выявлению психологических особенностей, свойственных тубинфицированным осужденным и не свойственных соматически здоровым осужденным.

Литература

1. *Ганишина И.С., Ильиных Н.А.* Некоторые ментальные нарушения тубинфицированных осужденных молодежного возраста и особенности их коррекции // Ментальное здоровье — интеграция подходов: Сборник всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2019. С. 92–96.
2. *Ганишина И.С., Ильиных Н.А.* О комплексном исследовании личностных особенностей тубинфицированных осужденных молодежного возраста [Электронный ресурс] // Прикладная юридическая психология. 2020. № 1 (50). С. 46–51. doi:10.33463/2072-8336.2020.1(50).046-051
3. *Дебольский М.Г., Матвеева И.А.* Суицидальное поведение осужденных, подозреваемых и обвиняемых, в местах лишения свободы [Электронный ресурс] // Психология и право.

Ильиных Н.А., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологические особенности разных типов личности тубинфицированных осужденных с учетом выраженности суицидального риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 42–54.

Ilinykh N.A., Ganishina I.S., Maryin M.I.
Psychological Features of Different Personality Types of Convicts Infected with Tuberculosis, depending on the Severity of Suicidal Risk
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 42–54.

2013. Том 3. № 3. С. 2–12. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63783full.shtml> (дата обращения: 06.06.2021).

4. *Зотов П.Б.* Суицидальное поведение заключенных следственного изолятора // Тюменский медицинский журнал. 2017. Том 19. № 2. С. 3–11.

5. *Зотов П.Б.* Суицидальное поведение заключенных под стражу и осужденных // Суицидология. 2017. Том 8. № 2 (27). С. 60–70.

6. *Истратова О.Н.* Психодиагностика: коллекция лучших тестов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 375 с.

7. *Макарова Е.Н.* Уровень выраженности суицидальных намерений у осужденных женщин, состоящих на профилактическом учете, как склонные к суициду и членовредительству [Электронный ресурс] // Colloquium-journal. 2019. № 17 (41). С. 69–71. URL: <https://colloquium-journal.org/wp-content/uploads/2022/05/Colloquium-journal-2019-41-6.pdf> (дата обращения: 06.06.2021).

8. *Нестеренко В.И.* Исследование взаимосвязи личностных особенностей и склонности к суицидальному риску у юношей, находящихся в следственном изоляторе // СМАЛЬТА. 2020. № 1. С. 101–108.

9. Пенитенциарная клиническая психология: Учебное пособие / Под ред. Д.В. Сочивко. М.: ЮНИТИ, 2020. 175 с.

10. *Сочивко О.И.* К вопросу о профилактике суицидов у несовершеннолетних в следственном изоляторе // Прикладная юридическая психология. 2018. № 1 (42). С. 112–116.

11. *Сысоев А.М.* Психология аутоагрессивного поведения осужденных и его предупреждение: Дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2002. 220 с.

12. *Ушатиков А.И., Ганишина И.С.* Психологическая типология и классификация осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России: история и современное состояние // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 4. С. 76–81.

13. *Ушатиков А.И., Казак Б.Б.* Пенитенциарная психология. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003. 758 с.

14. *Dean K., Mortensen P.B., Stevens H., Murray R.M., Walsh E., Agerbo E.* Criminal conviction among offspring with parental history of mental disorder // Psychol Med. 2012. Vol. 42(3). P. 571–581. doi:10.1017/S0033291711001395

15. *Ganishina I., Komarova E., Ilinykh N., Korysheva S., Kholopova E., Fetisov A.* Meaning of Life Orientations of TB-Infected Male Convicts: Analysis of the Pilot Research // Conference: “New Silk Road: Business Cooperation and Prospective of Economic Development” (NSRBCPED 2019). 2020. P. 902–906. doi:10.2991/aebmr.k.200324.166

16. *Gebreweld F.H., Kifle M.M., Gebremicheal F.E., Simel L.L., Gezae M.M., Ghebreyesus S.S.* Factors Influencing Adherence to Tuberculosis Treatment in Asmara, Eritrea: A Qualitative Study // Journal of Health, Population, and Nutrition. 2018. Vol. 37(1). P. 1. doi:10.1186/s41043-017-0132-y

17. *Ghatage S., Aithal S., Angadi N.* A Study on Reasons for Nonadherence to 99DOTS among HIV-Tuberculosis Coinfected Patients in Davanagere District, Karnataka // International Journal of Medical Science and Public Health. 2018. No. 7. P. 805–808. doi:10.5455/IJMSPH.2018.0618015062018

18. Heiden D., Saranchuk P., Keenan J.D., Ford N., Lowinger A., Yen M. An Examination for Early Diagnosis of Disseminated Tuberculosis in Patients with AIDS // *The Lancet Infectious Diseases*. 2016. Vol. 16(4). P. 493–499. doi:10.1016/S1473-3099(15)00269-8
19. Kendall E.A., Fofana M.O., Dowdy D.W. Burden of Transmitted Multidrug Resistance in Epidemics of Tuberculosis: A Transmission Modelling Analysis // *The Lancet Respiratory Medicine*. 2015. Vol. 3(12). P. 963–972. doi:10.1016/S2213-2600(15)00458-0
20. Marcoa R., Ribeiro A.I., Zao I., Duarte R. Tuberculosis and Gender-Factors Influencing the Risk of Tuberculosis among Men and Women by Age Group // *Pulmonology*. 2018. Vol. 24(3). P. 199–202. doi:10.1016/j.pulmoe.2018.03.004
21. Rohit R.T., Niranjana A., Pawan P.A. Socio-Demographic Profile and Outcome of TB Patients Registered at DTC Rewa of Central India // *Indian Journal of Tuberculosis*. 2018. Vol. 65(2). P. 140–144. doi: 10.1016/j.ijtb.2016.11.015
22. Soh A.Z., Chee C.B.E., Wang Y.T., Yuan J.M., Koh W.P. Alcohol Drinking and Cigarette Smoking in Relation to Risk of Active Tuberculosis: Prospective Cohort Study // *BMJ Open Respiratory Research*. 2017. Vol. 4 (1). e000247. doi:10.1136/bmjresp-2017-000247
23. Wurie F.B., Cooper V., Horne R., Hayward A.C. Determinants of Non-Adherence to Treatment for Tuberculosis in High-Income and Middle-Income Settings: A Systematic Review Protocol // *BMJ Open*. 2018. Vol. 8(1). e019287. doi:10.1136/bmjopen-2017-019287

References

1. Ganishina I.S., Ilinykh N.A. Nekotorye mental'nye narusheniya tubinfitsirovannykh osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta i osobennosti ikh korrektsii. *Mental'noe zdorov'e — integratsiya podkhodov: Sbornik vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Nizhny Novgorod, 2019, pp. 92–96. (In Russ.).
2. Ganishina I.S., Ilinykh N.A. O kompleksnom issledovanii lichnostnykh osobennostei tubinfitsirovannykh osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta [On the integrated study of personal characteristics of HIV-infected convicts of youth age] [Elektronnyi resurs]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2020, no. 1 (50), pp. 46–51. doi:10.33463/2072-8336.2020.1(50).046-051 (In Russ.).
3. Debolsky M.G., Matveeva I.A. Suitsidal'noe povedenie osuzhdennykh, podozrevaemykh i obvinyaemykh v mestakh lisheniya svobody [Suicidal behavior of convicted, suspects and accused in penitentiary institutions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2013. Vol. 3, no. 3, pp. 2–12. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63783_full.shtml (Accessed 06.06.2021). (In Russ.).
4. Zotov P.B. Suitsidal'noe povedenie zaklyuchennykh sledstvennogo izolyatora [Suicide behavior of detained in custody]. *Tyumenskii meditsinskii zhurnal = Tyumen Medical Journal*, 2017. Vol. 19, no. 2, pp. 3–11. (In Russ.).
5. Zotov P.B. Suitsidal'noe povedenie zaklyuchyonnykh pod strazhu i osuzhdyonnykh [Suicide behavior of detained in custody and convicted prisoners]. *Suicidologiya = Suicidology*, 2017. Vol. 8, no. 2 (27), pp. 60–70. (In Russ.).
6. Istratova O.N. Psikhodiagnostika: kolleksiya luchshikh testov. Rostov-on-Don: Feniks, 2008. 375 p. (In Russ.).
7. Makarova E.N. Uroven' vyrazhennosti suitsidal'nykh namerenii u osuzhdennykh zhenshchin, sostoyashchikh na profilakticheskom uchete, kak sklonnye k suitsidu i chlenovreditel'stvu [The level of severity of suicidal intentions in convicted women who are on preventive registration, as suicidal and self-harming] [Elektronnyi resurs]. *Colloquium-journal*, 2019, no. 17 (41), pp. 69–71.

Ильиных Н.А., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологические особенности разных типов личности тубинфицированных осужденных с учетом выраженности суицидального риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 42–54.

Ilinykh N.A., Ganishina I.S., Maryin M.I.
Psychological Features of Different Personality Types of Convicts Infected with Tuberculosis, depending on the Severity of Suicidal Risk
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 42–54.

URL: <https://colloquium-journal.org/wp-content/uploads/2022/05/Colloquium-journal-2019-41-6.pdf> (Accessed 06.06.2021). (In Russ.).

8. Nesterenko V.I. Issledovanie vzaimosvyazi lichnostnykh osobennostei i sklonnosti k suitsidal'nomu risku u yunoshei, nakhodyashchikhsya v sledstvennom izolyatore [Research of the relationship of personal features and insufficiency to suicidal risk in young people in the investigative insulator]. *SMAL'TA*. = *SMALTA*, 2020, no. 1, pp. 101–108. (In Russ.).
9. Sochivko D.V. (ed.). *Penitentsiarnaya klinicheskaya psikhologiya: Uchebnoe posobie*. Moscow: YuNITI, 2020. 175 p. (In Russ.).
10. Sochivko O.I. K voprosu o profilaktikesuicidov u nesovershennoletnix v sledstvennom izolyatore [On the problem of prevention of suicides among adolescent in pre-trial prison]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2018, no. 1 (42), pp. 112–116. (In Russ.).
11. Sysoev A.M. *Psikhologiya autoagressivnogo povedeniya osuzhdennykh i ego preduprezhdenie*: Diss. kand. psikh. nauk. Ryazan, 2002. 220 p. (In Russ.).
12. Ushatkov A.I., Ganishina I.S. *Psikhologicheskaya tipologiya i klassifikatsiya osuzhdennykh, sodержashchikhsya v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii: istoriya i sovremennoe sostoyanie* [The question of psychological typology convicted and classification contained in correctional institutions penal system Russia: history and current status]. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyy zhurnal = International Penitentiary Journal*, 2015, no. 4, pp. 76–81. (In Russ.).
13. Ushatkov A.I., Kazak B.B. *Penitentsiarnaya psikhologiya*. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Minyusta Rossii Publ., 2003. 758 p. (In Russ.).
14. Dean K., Mortensen P.B., Stevens H., Murray R.M., Walsh E., Agerbo E. Criminal conviction among offspring with parental history of mental disorder. *Psychol Med*, 2012. Vol. 42, no. 3, pp. 571–581. doi:10.1017/S0033291711001395
15. Ganishina I., Komarova E., Ilinykh N., Korysheva S., Kholopova E., Fetisov A. Meaning of Life Orientations of TB-Infected Male Convicts: Analysis of the Pilot Research. *Conference: "New Silk Road: Business Cooperation and Prospective of Economic Development" (NSRBCPED 2019)*. 2020, pp. 902–906. doi:10.2991/aebmr.k.200324.166
16. Gebreweld F.H., Kifle M.M., Gebremicheal F.E., Simel L.L., Gezae M.M., Ghebreyesus S.S. Factors Influencing Adherence to Tuberculosis Treatment in Asmara, Eritrea: A Qualitative Study. *Journal of Health, Population, and Nutrition*, 2018. Vol. 37, no. 1, pp. 1. doi:10.1186/s41043-017-0132-y
17. Ghatage S., Aithal S., Angadi N. A Study on Reasons for Nonadherence to 99DOTS among HIV-Tuberculosis Coinfected Patients in Davanagere District, Karnataka. *International Journal of Medical Science and Public Health*, 2018, no. 7, pp. 805–808. doi:10.5455/IJMSPH.2018.0618015062018
18. Heiden D., Saranchuk P., Keenan J.D., Ford N., Lowinger A., Yen M. An Examination for Early Diagnosis of Disseminated Tuberculosis in Patients with AIDS. *The Lancet Infectious Diseases*, 2016. Vol. 16, no. 4, pp. 493–499. doi:10.1016/S1473-3099(15)00269-8
19. Kendall E.A., Fofana M.O., Dowdy D.W. Burden of Transmitted Multidrug Resistance in Epidemics of Tuberculosis: A Transmission Modelling Analysis. *The Lancet Respiratory Medicine*, 2015. Vol. 3, no. 12, pp. 963–972. doi:10.1016/S2213-2600(15)00458-0

Ильиных Н.А., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологические особенности разных типов
личности тубинфицированных осужденных
с учетом выраженности суицидального риска
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 42–54.

Ilinykh N.A., Ganishina I.S., Maryin M.I.
Psychological Features of Different Personality
Types of Convicts Infected with Tuberculosis,
depending on the Severity of Suicidal Risk
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 42–54.

20. Marcoa R., Ribeiro A.I., Zao I., Duarte R. Tuberculosis and Gender-Factors Influencing the Risk of Tuberculosis among Men and Women by Age Group. *Pulmonology*, 2018. Vol. 24, no. 3, pp. 199–202. doi:10.1016/j.pulmoe.2018.03.004
21. Rohit R.T., Niranjana A., Pawan P.A. Socio-Demographic Profile and Outcome of TB Patients Registered at DTC Rewa of Central India. *Indian Journal of Tuberculosis*, 2018. Vol. 65, no. 2, pp. 140–144. doi: 10.1016/j.ijtb.2016.11.015
22. Soh A.Z., Chee C.B.E., Wang Y.T., Yuan J.M., Koh W.P. Alcohol Drinking and Cigarette Smoking in Relation to Risk of Active Tuberculosis: Prospective Cohort Study. *BMJ Open Respiratory Research*, 2017. Vol. 4, no. 1, e000247. doi:10.1136/bmjresp-2017-000247
23. Wurie F.B., Cooper V., Horne R., Hayward A.C. Determinants of Non-Adherence to Treatment for Tuberculosis in High-Income and Middle-Income Settings: A Systematic Review Protocol. *BMJ Open*, 2018. Vol. 8, no. 1, e019287. doi:10.1136/bmjopen-2017-019287

Информация об авторах

Ильиных Наталья Анатольевна, адъюнкт, факультет подготовки научно-педагогических кадров, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2795-9129>, e-mail: ilinykh1983@mail.ru

Ганишина Ирина Сергеевна, доктор психологических наук, доцент, начальник, кафедра юридической психологии и педагогики, психологический факультет, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Марьин Михаил Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Information about the authors

Natalia A. Ilinykh, Adjunct, Faculty of Research and Teaching Staff Training, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID:<https://orcid.org/0000-0002-2795-9129>, e-mail: ilinykh1983@mail.ru

Irina S. Ganishina, Doctor of Psychology, Docent, Head, Department of Legal Psychology & Pedagogy, Psychological Faculty, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Mikhail I. Maryin, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Получена 21.12.2021
Принята в печать 14.03.2022

Received 21.12.2021
Accepted 14.03.2022

Исследование структуры личности мужчин, отбывающих срок наказания за насильственные преступления

Зайцева Д.В.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2517-9767>, e-mail: dashazaitseva.psy@gmail.com

Пушкина Т.П.

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), г. Новосибирск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3289-6759>, e-mail: pushkina.nsk@gmail.com

Дорошева Е.А.

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ); Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины (НИИ нейронаук и медицины), г. Новосибирск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9593-4345>, e-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Магденко О.В.

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), г. Новосибирск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8092-9722>, e-mail: olga_mag@academ.org

Исследование личности преступника выступает важной задачей не только в рамках современной криминальной психологии, но также и в ряде других наук: криминалистике, юриспруденции, социологии и др. Понимание особенностей личности преступника важно с точки зрения диагностики, формирования психокоррекционных мероприятий, создания превентивных мер. С точки зрения психологии в первую очередь вызывает интерес изучение глубинных аспектов личности, что позволяет выявить первопричины того, что поддается внешнему наблюдению — поведение, эмоциональные реакции. Таким образом, целью данной работы явилось исследование особенностей структуры личности лиц, совершивших тяжкие преступления. В качестве методологического основания данной работы выступает концепция Г. Аммона. Выборку составили 30 мужчин, осужденных за насильственные преступления (ст. 105, ст. 111, УК РФ: убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), и 30 мужчин, не совершавших правонарушений. Полученные результаты говорят о том, что у лиц, совершивших насильственные преступления, нарушены как внешние ($p=0,000$), так и внутренние ($p=0,000$) границы личности; выявляются нарушения функционирования Self-системы (отражение целостности личности, ее психического единства).

Зайцева Д.В., Пушкина Т.П.,
Дорошева Е.А., Магденко О.В.
Исследование структуры личности мужчин, отбывающих
срок наказания за насильственные преступления
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 55–68.

Zaitseva D.V., Pushkina T.P.,
Dorosheva E.A., Magdenko O.V.
The Research of Personality Structure of Male
Prisoners Convicted for Violent Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 55–68.

Ключевые слова: личность преступника, границы личности, Self-система, структура личности, личностные особенности, идентичность, структура личности преступника, тяжкие преступления.

Для цитаты: Зайцева Д.В., Пушкина Т.П., Дорошева Е.А., Магденко О.В. Исследование структуры личности мужчин, отбывающих срок наказания за насильственные преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 55–68. DOI:10.17759/psylaw.2022120205

The Research of Personality Structure of Male Prisoners Convicted for Violent Crimes

Daria V. Zaitseva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2517-9767>, e-mail: dashazaitseva.psy@gmail.com

Tatiana P. Pushkina

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3289-6759>, e-mail: pushkina.nsk@gmail.com

Elena A. Dorosheva

Novosibirsk State University; Research Institute of Neuroscience and Medicine, Novosibirsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9593-4345>, e-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Olga V. Magdenko

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8092-9722>, e-mail: olga_mag@academ.org

The study of a criminal personality is a crucial task not only in the scope of criminal psychology of today but also for others: forensic sciences, jurisprudence, sociology, etc. Understanding the criminal personality's characteristics is important for diagnosis, designing of psycho-corrective measures, and development of preventive measures. For psychological research, it is interesting to study the deep aspects of personality, it can help to identify the main causes of what is amenable to external observation: one's behaviour, emotional reactions. Thus, the purpose of this work is to study the personality structure of people who have committed serious crimes. The theory of G. Ammon serves as the methodological basis. The sample: 30 men convicted of violent crimes (art. 105, art. 111 of the Criminal Code of the Russian Federation: murder and intentional infliction of grievous bodily harm, respectively) and 30 men who did not commit offences. The obtained results indicate that the perpetrators of violent crimes have both external ($p=0.000$) and internal ($p=0.000$) personality boundaries violated; the research revealed violations in the functioning of the Self-system (reflection of the integrity of the personality, its mental unity).

Keywords: personality of a criminal, personality boundaries, Self-system, personality structure, personality characteristics, identity, personality structure of a criminal, serious crimes.

For citation: Zaitseva D.V., Pushkina T.P., Dorosheva E.A., Magdenko O.V. The Research of Personality Structure of Male Prisoners Convicted for Violent Crimes. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 55–68. DOI:10.17759/psylaw.2022120205 (In Russ.).

Введение

Понятие «личность преступника» используется различными науками: в юриспруденции, криминологии, социологии, психологии, философии и др. Каждое из направлений рассматривает этот термин под определенным углом и ставит различные цели при исследовании тех или иных аспектов данного вопроса. Психологические исследования направлены, прежде всего, на описание личностных и мотивационных аспектов, особенностей познавательных процессов, взаимосвязи гендера и типа правонарушения и т. д.

Проблема исследования психологических аспектов личности преступника остается актуальной, в частности, из-за современной криминальной статистики в России и за рубежом [10; 20]. Другая сторона вопроса, которая требует все больше внимания, — рецидив преступлений. По данным статистики, число лиц, осужденных три и более раз продолжает возрастать с 2005 года [4; 12]. Анализ зарубежных порталов статистики и работ, направленных на решение проблемы повторного совершения преступлений, показывает актуальность данной темы в ряде европейских стран [16; 19; 23]. Решение сложившейся ситуации требует, в том числе, задействования психологических служб [3; 21; 25]. Кроме того, в зависимости от типа правонарушения мы сталкиваемся с разными личностными характеристиками, присущими тому или иному типу правонарушителя, что расширяет круг исследований, и, как следствие, адаптацию методов диагностики и коррекции [5; 15; 18; 22; 27].

Анализ русскоязычных теоретических работ показал, что основной массив данных был получен исследователями из сферы юридических наук, где упор делается на исследование мотивационной, эмоциональной, социальной и пр. сфер. Задачи психологического исследования должны быть направлены, в том числе, и на изучение более глубоких аспектов личности. Описываемые характеристики личности преступника, например, высокий уровень импульсивности, агрессивность, чрезмерная чувствительность и т. д., носят описательный характер, но не объясняют причин возникновения [2; 3]. Некоторые характеристики встречаются при описании лиц, совершивших как корыстные преступления, так и преступления против личности: слабый самоконтроль, импульсивность, низкая адаптивность. Исходя из этих данных, нельзя ответить на вопрос, почему одни преступники совершают кражи, а другие убийство. Также остается малоизученным вопрос взаимосвязи различных сфер личности преступника: эмоциональной, интеллектуальной, волевой.

Другой аспект, который важно осветить в данном контексте, — теоретическое обоснование исследований. К сожалению, практически отсутствуют российские эмпирические исследования с опорой на существующие психологические теории личности, основной массив полученных данных носит скорее прикладной характер.

Исходя из теоретического анализа проблемы психологических аспектов преступности, было решено провести исследование, направленное на изучение «ядра личности» людей, совершивших преступление. Изучение глубоких аспектов личности позволяет выявить первопричины того, что поддается наблюдению — поведения, эмоциональных реакций. Все, что доступно внешнему наблюдателю, — следствие определенных структурных особенностей личности, поэтому исследование ее ядерных компонентов может позволить объяснить те или

иные реакции и, как следствие, составить план работы для коррекционных работ и превентивных мер.

Таким образом, целью работы явилось исследование структуры личности лиц, совершивших насильственные преступления, в сравнении с личностями лиц, соблюдающих законы.

Решались следующие задачи.

- сравнить развитие гуманфункций у мужчин, осужденных за насильственные преступления, и мужчин, не нарушающих законы;
- сравнить типы реагирования на фрустрацию у мужчин, осужденных за насильственные преступления, и мужчин, не нарушающих законы;
- выявить особенности функционирования Self-системы у мужчин, осужденных за насильственные преступления, в сравнении с мужчинами, не нарушающими законы.

Теоретической основой данного исследования выступает психодинамический подход Г. Аммона. Гуманструктуральная концепция личности Г. Аммона была сформирована в рамках психоанализа, но в отличие от классического психоанализа максимально интегрирует различные аспекты понимания сущности человека.

Структура личности, согласно Г. Аммону, представляет собой взаимосвязь первичных, вторичных и центральных Я-функций [1].

- Первичные — объединяют биологические и нейрофизиологические функции человека.
- Вторичные — это поведенческая и сознательная деятельность человека.
- Центральные бессознательные — формируют ядро личности (агрессия, креативность, сексуальность, нарциссизм, тревога, способность самоотграничения).

Для развития Я-функций большую роль играет первичная группа, которая сама способна без страха преодолевать конфликты. Так как психические структуры развиваются на основе приобретенного опыта, окружающая ребенка или взрослого человека группа должна создавать условия для процессов обучения и изменения.

Объединяющей силой всех гуманфункций выступает идентичность, ее задача — динамизировать, интегрировать и соединить гуманфункции друг с другом. В целом, она составляет личность человека. С точки зрения динамической психиатрии, идентичность находится в постоянном развитии. Формы проявления идентичности могут быть конструктивными, деструктивными и дефицитарными, в зависимости от того, насколько созидательной была среда вокруг ребенка [1].

Также вводится понятие Self, отражающее целостность личности, ее психическое и биологическое единство. Self представляет собой регуляторный и стержневой компонент личности, он ответственен за поддержание аффективного равновесия, собственных ценностей, уверенности в себе. Self-система понимается как организованная система мира человека, в центре этой системы стоит его собственная личность [8]. Исходя из анализа теоретических публикаций, мы можем заключить, что идентичность выступает аналогом Self-системы.

Мы выдвинули предположение о существовании различий в структуре личности у лиц, совершивших насильственные преступления, и лиц, не нарушающих законы. Данное предположение конкретизировано в частных гипотезах для лиц, совершивших насильственные преступления, в сравнении с лицами, не совершавшими преступлений:

- у них более выражен, в первую очередь, деструктивный характер гуманфункций, а также их дефицитарный характер;
- для них в большей степени характерен тип реагирования на фрустрацию, проявляющийся в увеличении внешних обвинительных реакций и снижении фрустрационной толерантности;

- у них в большей степени присутствуют нарушения в функционировании Self-системы, чем у испытуемых контрольной группы.

Материалы и методы

Выборка исследования составила 60 мужчин в возрасте от 25 до 50 лет. В экспериментальную группу вошли 30 мужчин, заключенных ФКУ ИК-2 ГУФСИН по Новосибирской области, осужденных по ст. 105, 111 УК РФ (убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью соответственно), не имеющие высшего образования, не состоящие в браке, не имеющие детей.

Контрольную группу составили 30 мужчин того же возраста со сходными социодемографическими характеристиками, не нарушавших закон.

Респондентам из обеих групп предлагалось заполнить четыре методики:

- сокращенный вариант опросника Д. П. Кроуна и Д. А. Мароу «Шкала социальной желательности, включающий 20 утверждений. Русскоязычная версия стандартизирована, имеет хорошие показатели валидности и надежности [11];
- Я-структурный тест Г. Аммона (ISTA). Опросник состоит из 220 утверждений, которые оцениваются испытуемыми как верные или неверные по отношению к ним. 18 шкал объединены в 6 блоков. Каждый блок отражает деятельность одной из 6 центральных Я-функций, описываемых тремя шкалами, которые оценивают степень их развития: конструктивной, деструктивной и дефицитарной. В Санкт-Петербургском научно-исследовательском психоневрологическом институте имени В.М. Бехтерева получены данные о хорошей валидности и надежности методики [9];
- тест «Индекс функционирования Self-системы», авторы-составители: Н.М. Залуцкая, А.Я. Вукс, В.Д. Вид. Тест состоит из 163 утверждений, 18 шкал. Позволяет подсчитать нарциссический коэффициент и общий индекс функционирования Self-системы. В Санкт-Петербургском научно-исследовательском психоневрологическом институте имени В.М. Бехтерева получены данные о хорошей валидности и надежности методики [8].
- Тест рисуночной фрустрации С. Розенцвейга. Тест состоит из 24 рисунков с изображением различных фрустрирующих ситуаций. Испытуемому необходимо дать ответ, как бы отреагировал человек, которому на рисунке адресовано сообщение, в этой ситуации. Адаптация теста была проведена Н.В. Тарабариной [13].

Для обработки данных использовалась программа STATISTICA 10.0. Исследуемые показатели в группах сравнивали с помощью непараметрического U-критерия Манна—Уитни.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе рассматривалась социальная желательность участников исследования. Показатели шкалы социальной желательности в экспериментальной группе значимо выше, чем в контрольной (среднее контрольной группы — 5,7; среднее экспериментальной группы — 11,34). Для выявления возможных искажений результатов по остальным шкалам было проведено дополнительное сравнение результатов испытуемых, у которых по данной методике были высокие (от 10 и выше), и низкие (от 0 до 10) баллы. Ни по одной из шкал методик исследования значимых различий выявлено не было. Таким образом, мы предполагаем, что в целом социальная желательность не оказывает существенного влияния на полученные результаты.

Проверялось предположение о том, что у лиц, совершивших насильственные преступления, развитие гуманфункций носит преимущественно деструктивный характер, дефицитарный и менее всего конструктивный. При деструктивном развитии внутренних Я-отграничений контакты становятся формальными, эмоционально бедными, это может способствовать игнорированию личности другого человека; отрицание ее ценности и, как следствие, причинение тяжких телесных повреждений и даже убийство не будут нести значительной смысловой и эмоциональной нагрузки.

Действительно, согласно приведенным в табл. 1 результатам сравнения групп, значительное число различий между группами присутствует в области деструктивных гуманфункций (тревога, внешнее и внутреннее Я-отграничения, нарциссизм).

Таблица 1

Сравнение групп (1 — совершившие преступления, 2 — не совершавшие преступления) по методике «Я-структурный тест Аммона», U-критерий Манна—Уитни

Название шкал	Сумма рангов		U	p	Средние значения	
	1	2			1	2
Конструктивная агрессия	771,5	1058,5	306,5	0,034	8,56	10,16
Дефицитарная агрессия	1090,0	740,0	275,0	0,009	5,23	3,4
Конструктивная тревога	674,0	1156,0	209,0	0,000	6,16	8,9
Деструктивная тревога	1149,0	681,0	216,0	0,000	4,5	2
Конструктивное внешнее Я-отграничение	695,5	1134,5	230,5	0,001	6,26	8,2
Деструктивное внешнее Я-отграничение	1287,5	542,50	77,5	0,000	7,36	3,06
Конструктивное внутреннее Я-отграничение	569,0	1261,0	104,0	0,000	5,46	10,1
Деструктивное внутреннее Я-отграничение	1290,5	539,5	74,5	0,000	8,7	3,4
Конструктивный нарциссизм	663,0	1167,0	198,0	0,000	6,1	9,06
Деструктивный нарциссизм	1260,5	569,5	104,5	0,000	7,63	3,9
Дефицитарный нарциссизм	1106,	723,5	258,5	0,004	4,36	2,13

У лиц, совершивших преступления, в сравнении с лицами, не совершавших преступлений, наблюдаются более высокие показатели по шкале «деструктивное внешнее Я-отграничение». Так как данная Я-функция, совместно с Я-функцией «конструктивная агрессия», ответственна за установление взаимоотношений и их качество, ее развитие по деструктивному типу предполагает недоступность чувств окружающих, восприятие их как отдельной значимой личности, отсутствие эмоциональной включенности при взаимодействии.

Основная задача гуманфункции «внутреннее Я-отграничение» заключается в умении определять собственные чувства и эмоции, потребности, интегрировать свой опыт. Так как у совершивших преступления эта функция развита деструктивно, у них могут наблюдаться трудности в понимании собственных эмоций, потребностей. Если личность не способна определять свои внутренние процессы, дифференцировать их, то и понимание чувств другого человека будет крайне трудной задачей. Будет проявляться неспособность присоединиться к другому человеку эмоционально, что также может способствовать совершению преступления.

Другой важный аспект — функция «агрессия» у лиц, совершивших преступление, в большей степени дефицитарна, чем у контрольной группы. В соответствии с теорией, при дефи-

цитарной агрессии наблюдается отсутствие взаимодействия с окружающими, с духовными аспектами, уход в себя. Подобное развитие может сочетаться с нарушенными внешними / внутренними отграничениями и способствовать дезадаптации в социуме.

Значимо более высокие показатели по шкале «Деструктивный нарциссизм» говорит о неадекватном расширении внешних Я-границ, т. е. отсутствии учета границ другой личности. При деструктивном нарциссизме могут наблюдаться неадекватная самооценка, обиды, неспособность принимать критику в свой адрес. Таким образом, мы можем предположить, что у лиц, совершивших преступление, при возникновении конфликтной ситуации будет наблюдаться ее искаженное восприятие, критика может сильно «задеть», а в силу сложности различения собственных эмоций возможны неоправданно жестокие действия по отношению к оппоненту.

Согласно анализу теоретических публикаций, личностные особенности преступников включают стремление к немедленному удовлетворению спонтанно возникших желаний, примитивизм и цинизм [14; 24]. Характерно частое использование средств психологической самозащиты: самооправдание антисоциального поведения, переложение вины и ответственности на потерпевшего и внешние обстоятельства [6; 7; 17]. Опираясь на полученный материал, мы выдвинули предположение о том, что для экспериментальной группы, вследствие нарушения границ Я, характерны внешнеобвинительный тип реагирования и снижение фрустрационной толерантности. Значимые результаты сравнения групп по методике С. Розенцвейга представлены в табл. 2. Преобладание «эго-защитных» реакций, согласно теории С. Розенцвейга, указывает на то, что внешнее препятствие воспринимается опасным для личности в целом, т. е. грозит разрушить ее. Это свидетельствует о слабости Эго в целом и недостаточной сформированности принципа «реальности». Как следствие могут возникать неспособность отсрочить инстинктивные побуждения, обесценивание объективной ситуации, что также говорит о снижении фрустрационной толерантности.

Необходимо упомянуть, что повышение реакций «эго-защитного» характера наблюдается в форме агрессии и порицания других участников ситуации. Исходя из этого, мы можем предположить, что в ситуации фрустрации происходит немедленное удовлетворение потребности, игнорирование реальной ситуации и обвинение в произошедшем других участников.

Таблица 2

Значимые различия групп (1 — совершившие преступления, 2 — не совершавшие преступлений) по тесту рисуночной фрустрации С. Розенцвейга, U-критерий Манна—Уитни

Типы реакций	Сумма рангов		U	p
	1	2		
ED, реакции с фиксацией на самозащите	1086,00	744,00	279,00	0,011
E, экстрапунитивные реакции	1083,0	747,0	282,0	0,013
I, интропунитивные реакции	730,0	1100,0	265,0	0,006
$\bar{E}\bar{D}$, тенденция с фиксацией на самозащите	1066,0	764,0	299,0	0,026
GCR, коэффициент групповой конформности	498,0	1332,0	33,0	<0,001

Также мы предположили, что у испытуемых экспериментальной группы в большей степени, чем у испытуемых контрольной группы, будут отмечены нарушения в функционировании Self-системы.

Согласно теории, нарушение в одной из структур ведет к изменению функционирования Self в целом, так как все его элементы тесно связаны. Центральным симптомом нарушения функционирования Self-системы выступает чрезмерно завышенное либо, наоборот, заниженное чувство собственной ценности. Мы выдвинули предположение о том, что у испытуемых экспериментальной группы завышены чувство собственной ценности, оценка своих возможностей и сил, они испытывают собственную неотразимость и превосходство над остальными. Результаты проверки данного предположения представлены в табл. 3.

Восемь характеристик Self значимо различаются в группах по шкалам: грандиозное Self, стремление к идеальному Self-объекту, идеал самодостаточности, обесценивание объекта, ипохондрическая защита от тревоги, нарциссическая выгода от болезни. Также интегральные показатели — индекс функционирования Self-системы и нарциссический коэффициент значимо выше у лиц, совершивших преступление.

Все перечисленное является отражением нарушенных внутренних границ Я таким образом, что происходит их «расширение». В поведении это может проявляться как неспособность принимать критику в свой адрес; искаженное ее восприятие может вызывать аффективную вспышку агрессии и, как следствие, неоправданно жестокие действия. Эти факты согласуются с данными по тесту Г. Аммона, с характеристиками деструктивного нарциссизма.

Таблица 3

Значимые различия групп (1 — совершившие преступления, 2 — не совершавшие преступлений) по методике «Индекс функционирования Self-системы», U-критерий Манна—Уитни

Шкалы	Сумма рангов		U	p
	1	2		
9. Грандиозное Self	1102,5	727,5	262,5	0,006
10. Стремление к идеальному Self-объекту	1203,0	627,0	162,0	0,000
13. Идеал самодостаточности	1074,0	756,0	291,0	0,019
14. Обесценивание объекта	1123,0	707,0	242,0	0,002
17. Ипохондрическая защита от тревоги	1082,0	748,0	283,0	0,014
18. Нарциссическая выгода от болезни	1075,0	755,0	290,0	0,018
19. Индекс функционирования Self-системы	1264,0	565,5	100,5	0,000
20. Нарциссический коэффициент	1201,5	628,5	163,5	0,000

Завышенная собственная значимость может выступать защитой от реальных или мнимых обид, угрожающих нестабильности личности. Признаками этого выступают иллюзорные представления о собственном всемогуществе, отрицание границ собственных возможностей, за которыми стоит гиперкомпенсаторная жажда власти. Исходя из этого, мы предполагаем, что для испытуемых экспериментальной группы характерны снижение удовлетворенности собой, но вместе с тем поиск более сильного объекта, с которым можно идентифицироваться. Идентификация с таким объектом стимулирует слабую личность, позволяет разделять его могущество, компенсируя нарциссический дефицит. Стремление слабой личности присоединиться к сильной характерно в силу слабости собственного Эго. Можно предположить, что и иллюзорное всемогущество, и стремление к присоединению к «идеалу» выступают защитами для слабой личности, предохраняют от распада и серьезных потрясений.

Несмотря на стремление присоединиться к сильной личности, есть также попытки защититься от собственной настоящей или предвосхищаемой слабости и от возможности оказаться в зависимости от потенциально ненадежного объекта, угрожающей последующим чувством беспомощности. Так как у слабой личности есть стремление к соучастию с сильной, она одновременно стремится избежать этого, чтобы сохранить себя от разрушительных воздействий последнего. Другой способ самозащиты — обесценивание окружающих, восприятие их как опасных либо разочаровывающих. За этим скрывается защита от нарциссического шока — быть униженным или отвергнутым тем объектом, от которого ожидается обратное поведение. Подобное искусственное обесценивание значимого объекта снижает зависимость слабой личности и ослабляет нарциссическую обиду (например: «Этот человек не может меня обидеть или унижить, потому что он ничего не стоит, он вообще не стоит того, чтобы от него что-то ожидать»). Также возникают проекции собственных деструктивных характеристик и тенденций на обесцениваемый объект (например: «Это не я агрессивный, это другие заслуживают такое отношение к себе»). Когда проекция зафиксировалась, деструктивное поведение слабой личности становится позволительным и оправдательным для нее самой (например: «В том, что произошло, нет моей вины, он сам достоин подобного обращения»). Таким образом, формируется замкнутый круг — личность создает разочаровывающие объекты, а затем вынуждена защищаться от них. Стратегия обесценивания возникает еще в раннем детстве, когда идеализируемый объект должен был быть «хорошим», но по каким-либо причинам не был им.

Следует отметить у лиц, совершивших преступление, увеличение таких показателей, как «ипохондрическая защита от тревоги» и «нарциссическая выгода от болезни», которое может указывать на существование у них «маски» обиженного, несчастного, пострадавшего; поведение оправдывается собственной позицией «жертвы».

Мы обнаружили нарушения в частных компонентах Self-системы: удовлетворение потребностей в уверенности/безопасности, в стабильной самооценке. Эти частные нарушения могут повлечь за собой нарушения работы всей системы, поскольку она является целостным образованием. Подобные нарушения проявляются в поведении как стремление дистанцироваться, отчужденность от чувств и эмоций, как своих, так и окружающих, аффективные вспышки агрессии в ответ на критику, преувеличение собственных возможностей и обесценивание других людей.

Выводы и заключение

Таким образом, сформулированные нами гипотезы подтвердились. Мужчины, совершившие тяжкие преступления, по сравнению с не совершавшими преступлений, характеризуются более деструктивным, дефицитарным и менее конструктивным характером гуманфункций. У них отмечается снижение фрустрационной толерантности, наблюдается внешнеобвинительный тип реагирования на фрустрирующие события, а функционирование Self-системы ближе к слабому типу. Особенности нарушений Self-системы и реакций на фрустрацию позволяют сделать общий вывод о повышении у них уровня притязаний, представлений о собственной ценности (желание быть значимым, самодостаточным) в сочетании с переносом ответственности на внешние факторы (фиксация на препятствиях, усиление ипохондрической защиты). В проблемных ситуациях, неудачах оказываются в большей степени «виноваты» внешние обстоятельства. Коррекционные воздействия должны быть направлены, в первую очередь, на возвращение ответственности, на формирование инструментальных спо-

Зайцева Д.В., Пушкина Т.П.,
Дорошева Е.А., Магденко О.В.
Исследование структуры личности мужчин, отбывающих
срок наказания за насильственные преступления
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 55–68.

Zaitseva D.V., Pushkina T.P.,
Dorosheva E.A., Magdenko O.V.
The Research of Personality Structure of Male
Prisoners Convicted for Violent Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 55–68.

собов, позволяющих достигать реальную, а не иллюзорную уверенность в себе. Полученные результаты согласуются и с рядом зарубежных исследований [24; 26].

Результаты исследования могут быть использованы психологами исправительных учреждений в работе с заключенными по указанным выше статьям: при составлении более подробных психологических заключений и прогнозировании поведения; при консультировании заключенных, если возникает подобная необходимость. Поскольку исследование направлено на изучение глубинных аспектов личности, оно может дать дополнительную информацию для психокоррекции: работа психолога может быть направлена на интеграцию Self, развитие конструктивных гуманфункций, обучение эффективным типам реагирования на фрустрирующие ситуации, увеличение толерантности к таким ситуациям. Также результаты исследования могут использоваться при работе с персоналом исправительного учреждения, а именно для консультирования по вопросам взаимодействия с заключенными, урегулирования конфликтных ситуаций между заключенными и охранным персоналом, урегулирования конфликтов между заключенными.

Литература

1. Аммон Г. Динамическая психиатрия в ракурсах времени: к столетию со дня рождения. М.: ИД Городец, 2019. 568 с.
2. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юристь, 1996. 336 с.
3. Антонян Ю.М., Эминов М. Личность преступника. Криминологическое исследование. М.: Норма; Инфра-М, 2010. 368 с.
4. Данные судебной статистики. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003—2007 годы и 2008—2020 годы. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 15.12.2021).
5. Дворянчиков Н.В., Логунова О.А., Решетова Д.В. Взаимосвязь некоторых личностных особенностей и характеристик криминального поведения у серийных сексуальных убийц [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. Том 1. № 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39334.shtml> (дата обращения: 18.12.2021).
6. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: РКА, 2003. 572 с.
7. Еникеев М.И. Юридическая психология. М.: Норма, 2005. 640 с.
8. Залуцкая Н.М., Вукс А.Я., Вид В.Д. Индекс функционирования Self-системы (на основе теста оценки нарциссизма). СПб: Изд-во Психоневрологического института имени В.М. Бехтерева, 2003. 47 с.
9. Кабанов М.М., Незнанов Н.Г. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование. СПб: Изд-во Психоневрологического института имени В.М. Бехтерева, 2003. 438 с.
10. Показатели преступности России. Динамика [Электронный ресурс] // Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 15.12.2021).
11. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. М.: Бахрах-М, 2011. 635 с.
12. Сырейщиков Д.В. Рецидив и повторность в преступлениях, предусмотренных главой 30 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Академическая мысль.

Зайцева Д.В., Пушкина Т.П.,
Дорошева Е.А., Магденко О.В.
Исследование структуры личности мужчин, отбывающих
срок наказания за насильственные преступления
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 55–68.

Zaitseva D.V., Pushkina T.P.,
Dorosheva E.A., Magdenko O.V.
The Research of Personality Structure of Male
Prisoners Convicted for Violent Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 55–68.

2019. Том 9. № 4. С. 131–134. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1730322> (дата обращения: 18.12.2021).

13. Яньшин П.В. Клиническая психодиагностика личности. СПб: Речь, 2007. 320 с.
14. Blackburn R. The Psychology of Criminal Conduct. Theory, Research and Practice. Liverpool: University of Liverpool and Ashworth Hospital, 1998. 630 p.
15. Voccio C.M., Beaver K.M. Psychopathic Personality Traits and the Risk for Personal Victimization // Journal of Interpersonal Violence. 2021. Vol. 36. P. 6981–7004. doi:10.1177/0886260518824658
16. Butorac K., Gracin D., Stanić N. The challenges in reducing criminal recidivism // Visuomenės saugumas ir viešoji tvarka. 2017. Vol. 18. P. 115–131.
17. Canter D. Forensic Psychology: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010. 160 p.
18. Cazala F., Harenski K.A., Thornton D.M., Kiehl K.A., Harenski C.L. Neural Correlates of Moral Judgment in Criminal Offenders with Sadistic Traits // Archives of Sexual Behavior. 2021. Vol. 50(5). P. 2163–2171. doi:10.1007/s10508-020-01818-4
19. Fazel S. et al. Prediction of violent reoffending on release from prison: derivation and external validation of a scalable tool // The Lancet Psychiatry. 2016. Vol. 3(6). P. 535–543. doi:10.1016/S2215-0366(16)00103-6
20. Gabriel A. Nigeria and United States Prisons: A comparative Analysis of Mass Overcrowding // Journal of Forensic Psychology. 2018. Vol. 3(1). P. 1–6. doi:10.4172/2475-319X.1000129
21. Gibbon S., Khalifa N.R., Cheung N.H.-Y., Völlm B.A., McCarthy L. Psychological interventions for antisocial personality disorder // The Cochrane Database of Systematic Reviews. 2020. Vol. 9(9). doi:10.1002/14651858.CD007668.pub3
22. Martínez-López J.N.I., Medina-Mora M.E., Robles-García R., Madrigal E., Juárez F., Tovilla-Zarate C.A., Reyes C., Monroy N., Fresán A. Psychopathic Disorder Subtypes Based on Temperament and Character Differences. // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16(23). doi:10.3390/ijerph16234761
23. Nadesu A. Reconviction patterns of released prisoners: A 48-months follow-up analysis. Recidivism Report. Policy, Strategy and Research Department of Corrections, 2008 // New Zealand Government, Department of Corrections. URL: https://www.corrections.govt.nz/resources/research_and_statistics/reconviction-patterns-of-released-prisoners-a-48-months-follow-up-analysis/re-imprisonment-rates-first-timers-and-recidivists.html (дата обращения: 15.12.2021).
24. de Pádua Serafim A., de Barros D.M., Bonini Castellana G., Gorenstein C. Personality traits and violent behavior: a comparison between psychopathic and non-psychopathic male murderers // Psychiatry Research. 2014. Vol. 219(3). P. 604–608. doi:10.1016/j.psychres.2014.06.026
25. Ribeiro R.A.B., de Matos Soeiro C.B.B. Analysing criminal profiling validity: Underlying problems and future directions // The International Journal of Law and Psychiatry. 2021. Vol. 74. doi:10.1016/j.ijlp.2020.101670
26. Sinha S. Personality correlates of criminals: A comparative study between normal controls and criminals // Industrial Psychiatry Journal. 2016. Vol. 25(1). P. 41–46. doi:10.4103/0972-6748.196058
27. Tharshini N.K., Ibrahim F., Kamaluddin M.R., Rathakrishnan B., Che Mohd Nasir N. The Link between Individual Personality Traits and Criminality: A Systematic Review // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18(16). doi:10.3390/ijerph18168663

References

1. Ammon G. *Dinamicheskaya psikhatriya v rakursakh vremeni: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya*. Moscow: ID Gorodets, 2019. 568 p. (In Russ.).
2. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. *Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestuplenii*. Moscow: Yurist, 1996. 336 p. (In Russ.).
3. Antonyan Yu.M., Eminov M. *Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie*. Moscow: Norma; Infra-M, 2010. 368 p. (In Russ.).
4. *Dannye sudebnoi statistiki. Osnovnye statisticheskie pokazateli sostoyaniya sudimosti v Rossii za 2003-2007 gody i 2008-2020 gody*. [Elektronnyi resurs]. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii = Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation*. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (Accessed 15.12.2021). (In Russ.).
5. Dvoryanchikov N.V., Logunova O.A., Reshetova D.V. *Vzaimosvyaz' nekotorykh lichnostnykh osobennostei i kharakteristik kriminal'nogo povedeniya u seriinykh seksual'nykh ubiits* [Linking some personal peculiarities and characteristics of criminal behavior of serial sexual murderers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2011. Vol. 1, no. 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39334.shtml> (Accessed 18.12.2021). (In Russ.).
6. Dolgova A.I. *Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshchestvo*. Moscow: RKA Publ., 2003. 572 p. (In Russ.).
7. Enikeev M.I. *Yuridicheskaya psikhologiya*. Moscow: Norma, 2005. 640 p. (In Russ.).
8. Zalutskaya N.M., Vuks A.Ya., Vid V.D. *Indeks funktsionirovaniya Self-sistemy (na osnove testa otsenki nartsissizma)*. Saint Petersburg: Izd-vo Psikhonevrologicheskogo instituta imeni V.M. Bekhtereva, 2003. 47 p. (In Russ.).
9. Kabanov M.M., Neznanov N.G. *Ocherki dinamicheskoi psikhatrii. Transkul'tural'noe issledovanie*. Saint Petersburg: Izd-vo Psikhonevrologicheskogo instituta imeni V.M. Bekhtereva, 2003. 438 p. (In Russ.).
10. *Pokazateli prestupnosti Rossii. Dinamika* [Elektronnyi resurs]. *Portal pravovoi statistiki*. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (Accessed 15.12.2021). (In Russ.).
11. Raigorodskii D.Ya. *Prakticheskaya psikhodiagnostika*. Moscow: Bakhrakh-M, 2011. 635 p. (In Russ.).
12. Syreishchikov D.V. *Retsidiv i povtornost' v prestupleniyakh, predusmotrennykh glavoi 30 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Recurrence and Repetition in Crimes Provided Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation] [Elektronnyi resurs]. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 131–134. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1730322> (Accessed 18.12.2021). (In Russ.).
13. Yanjshin P.V. *Klinicheskaya psikhodiagnostika lichnosti*. Saint Petersburg: Rech', 2007. 320 p. (In Russ.).
14. Blackburn R. *The Psychology of Criminal Conduct. Theory, Research and Practice*. Liverpool: University of Liverpool and Ashworth Hospital, 1998. 630 p.
15. Boccio C.M., Beaver K.M. *Psychopathic Personality Traits and the Risk for Personal Victimization*. *Journal of Interpersonal Violence*, 2021. Vol. 36, pp. 6981–7004. doi:10.1177/0886260518824658
16. Butorac K., Gracin D., Stanić N. *The challenges in reducing criminal recidivism*. *Visuomenės saugumas ir viešoji tvarka*, 2017. Vol. 18, pp. 115–131.
17. Canter D. *Forensic Psychology: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 160 p.

Зайцева Д.В., Пушкина Т.П.,
Дорошева Е.А., Магденко О.В.
Исследование структуры личности мужчин, отбывающих
срок наказания за насильственные преступления
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 55–68.

Zaitseva D.V., Pushkina T.P.,
Dorosheva E.A., Magdenko O.V.
The Research of Personality Structure of Male
Prisoners Convicted for Violent Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 55–68.

18. Cazala F., Harenski K.A., Thornton D.M., Kiehl K.A., Harenski C.L. Neural Correlates of Moral Judgment in Criminal Offenders with Sadistic Traits. *Archives of Sexual Behavior*, 2021. Vol. 50, no. 5, pp. 2163–2171. doi:10.1007/s10508-020-01818-4
19. Fazel S. et al. Prediction of violent reoffending on release from prison: derivation and external validation of a scalable tool. *The Lancet Psychiatry*, 2016. Vol. 3, no. 6, pp. 535–543. doi:10.1016/S2215-0366(16)00103-6
20. Gabriel A. Nigeria and United States Prisons: A comparative Analysis of Mass Overcrowding. *Journal of Forensic Psychology*, 2018. Vol. 3, no. 1, pp. 1–6. doi:10.4172/2475-319X.1000129
21. Gibbon S., Khalifa N.R., Cheung N.H.-Y., Völlm B.A., McCarthy L. Psychological interventions for antisocial personality disorder. *The Cochrane Database of Systematic Reviews*, 2020. Vol. 9, no. 9. doi:10.1002/14651858.CD007668.pub3
22. Martínez-López J.N.I., Medina-Mora M.E., Robles-García R., Madrigal E., Juárez F., Tovilla-Zarate C.A., Reyes C., Monroy N., Fresán A. Psychopathic Disorder Subtypes Based on Temperament and Character Differences. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019. Vol. 16, no. 23, doi:10.3390/ijerph16234761
23. Nadesu A. Reconviction patterns of released prisoners: A 48-months follow-up analysis. Recidivism Report. Policy, Strategy and Research Department of Corrections, 2008. *New Zealand Government, Department of Corrections*. URL: https://www.corrections.govt.nz/resources/research_and_statistics/reconviction-patterns-of-released-prisoners-a-48-months-follow-up-analysis/re-imprisonment-rates-first-timers-and-recidivists.html (Accessed: 15.12.2021).
24. de Pádua Serafim A., de Barros D.M., Bonini Castellana G., Gorenstein C. Personality traits and violent behavior: a comparison between psychopathic and non-psychopathic male murderers. *Psychiatry Research*, 2014. Vol. 219, no. 3, pp. 604–608. doi:10.1016/j.psychres.2014.06.026
25. Ribeiro R. A. B., de Matos Soeiro C. B. B. Analysing criminal profiling validity: Underlying problems and future directions. *The International Journal of Law and Psychiatry*, 2021. Vol. 74. doi:10.1016/j.ijlp.2020.101670
26. Sinha S. Personality correlates of criminals: A comparative study between normal controls and criminals. *Industrial Psychiatry Journal*, 2016. Vol. 25, no. 1, pp. 41–46. doi:10.4103/0972-6748.196058
27. Tharshini N.K., Ibrahim F., Kamaluddin M.R., Rathakrishnan B., Che Mohd Nasir N. The Link between Individual Personality Traits and Criminality: A Systematic Review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021. Vol. 18, no. 16. doi:10.3390/ijerph18168663

Информация об авторах

Зайцева Дарья Викторовна, аспирант, кафедра медицинской психологии и психофизиологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2517-9767>, e-mail: dashazaitseva.psy@gmail.com

Пушкина Татьяна Петровна, старший преподаватель, кафедра клинической психологии, Институт медицины и психологии В. Зельмана, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), г. Новосибирск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-3289-6759>, e-mail: pushkina.nsk@gmail.com

Дорошева Елена Алексеевна, кандидат биологических наук, доцент, доцент, кафедра сравнительной психологии, Институт медицины и психологии В. Зельмана, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), г. Новосибирск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-3289-6759>, e-mail: dorosheva.elena@gmail.com

*Зайцева Д.В., Пушкина Т.П.,
Дорошева Е.А., Магденко О.В.*
Исследование структуры личности мужчин, отбывающих
срок наказания за насильственные преступления
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 55–68.

*Zaitseva D.V., Pushkina T.P.,
Dorosheva E.A., Magdenko O.V.*
The Research of Personality Structure of Male
Prisoners Convicted for Violent Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 55–68.

нальный исследовательский государственный университет (НГУ); старший научный сотрудник, отдел клинической нейронауки, поведения и нейротехнологий, Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины (НИИ нейронаук и медицины), г. Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9593-4345>, e-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Магденко Ольга Владиславовна, кандидат психологических наук, преподаватель, кафедра клинической психологии, Институт медицины и психологии В. Зельмана, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), г. Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8092-9722>, e-mail: olga_mag@academ.org

Information about the authors

Daria V. Zaitseva, Postgraduate Student, Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2517-9767>, e-mail: dashazaitseva.psy@gmail.com

Tatiana P. Pushkina, Senior Lecturer, Department of Clinical Psychology, V. Zelman Institute of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3289-6759>, e-mail: pushkina.nsk@gmail.com

Elena A. Dorosheva, PhD in Biology, Docent, Associate Professor, Department of Comparative Psychology, V. Zelman Institute of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University; Senior Researcher, Department of Clinical Neuroscience, Behavior and Neurotechnology, Research Institute of Neuroscience and Medicine, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9593-4345>, e-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Olga V. Magdenko, PhD in Psychology, Lecturer, Department of Clinical Psychology, V. Zelman Institute of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8092-9722>, e-mail: olga_mag@academ.org

Получена 15.07.2021

Принята в печать 15.04.2022

Received 15.07.2021

Accepted 15.04.2022

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ |
THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

К вопросу о проблемах развития эмпатии у сотрудников пенитенциарной системы

Суслов Ю.Е.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России); Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО РГСУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>, e-mail: zimburu@mail.ru

Проблема исследования эмпатии в современном мире как никогда актуальна. Особенно эта тема важна в правоохранительных органах и, в частности, в пенитенциарной системе. Этому аспекту научного познания и посвящена настоящая работа. Основу представленной статьи составили результаты проведенного теоретического анализа научных исследований, как зарубежных, так и отечественных авторов, сконцентрировавших свое внимание на проблеме эмпатии, который показал недостаточность изучения данного феномена. Автором отражены специфические особенности профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов и, более детально, сотрудников пенитенциарной системы, которые непосредственным образом отражаются на уровне развития и проявления у них эмпатии. Сопоставление характеристик эмпатии, общественного запроса к силовым структурам и особенностей службы показало наличие противоречия, отраженного и рассмотренного в статье.

Ключевые слова: сотрудники, исправительные учреждения, УИС, уголовно-исполнительная система, эмпатия, исправление, подозреваемые, обвиняемые, осужденные.

Для цитаты: Суслов Ю.Е. К вопросу о проблемах развития эмпатии у сотрудников пенитенциарной системы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 69–84. DOI:10.17759/psylaw.2022120206

On the Issue of Development of Empathy among the Staff of the Penitentiary System

Yury E. Suslov

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Russian State Social University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>, e-mail: zimburu@mail.ru

The problem of studying empathy in the modern world is more relevant than ever. This topic is especially important in law enforcement agencies and, in particular, in the penitentiary system. The present work is devoted to this aspect of scientific knowledge. The presented ar-

ticle is based on the results of a theoretical analysis of scientific research papers, both by foreign and domestic authors, who focused their attention on the problem of empathy. The analysis showed insufficient study of this phenomenon. The author presents certain specific features of the professional activities of law enforcement officers and, in more detail, of employees of the penitentiary system, which directly affect the level of development and manifestation of their empathy. Comparison of the characteristics of empathy, public demand for law enforcement agencies and the characteristics of the service indicated a contradiction, which this article deals with.

Keywords: employees, staff, correctional institutions, penal system, empathy, correction, suspects, accused, convicted.

For citation: Suslov Yu.E. On the Issue of Development of Empathy among the Staff of the Penitentiary System. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 69–84. DOI:10.17759/psylaw.2022120206 (In Russ.).

Введение

Современный вектор развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее — УИС) направлен на гуманизацию, что в свою очередь ведет к необходимости концептуального преобразования профессиональной деятельности сотрудников пенитенциарной системы. Вначале гуманизация должна найти свое выражение в индивидуально-личностном подходе не только к подозреваемым, обвиняемым и осужденным, но и во взаимодействии сотрудников друг с другом в системе горизонтальных и вертикальных организационных отношений. Профессиональная деятельность сотрудников УИС относится к системе «человек—человек», именно поэтому в ней так важно умение коммуницировать, для чего необходимо адекватно воспринимать субъекта взаимодействия. Общение выполняет не только информационную функцию, но также побудительную и интегративную, т. е. путем общения можно, например, замотивировать человека или группу лиц на выполнение какой-либо важной работы, или же, наоборот, несвоевременные и неправильно подобранные слова способны не только оказать сильное негативное воздействие на отношения, но даже и разрушить их. В условиях УИС, в которой труд сотрудников имеет исключительно коллективный характер, низкий уровень коммуникативных умений напрямую вреден.

В настройке межличностных и межгрупповых отношений одно из важных мест занимает эмпатия. Проблема эмпатии, ее развития остро стоит не только для системы исполнения наказаний, но и для военизированных организаций в целом, в которых присутствуют жесткая регламентация деятельности, строгая субординация между членами служебного коллектива. Общение в таких сообществах имеет, как правило, лаконичный характер с низкой долей рефлексии исполнителя и командира, осуществляющееся по принципу «приказал—выполнил—доложил». Такая формула взаимоотношений в некоторой степени обезличена.

Кроме этого, в ряде актуальных исследований, посвященных вопросу эмпатии, отмечено изменение характера общения между людьми в целом. Этому способствует ускорение темпа современной жизни, появление и широкое распространение средств связи для опосредованного общения (мобильная связь, общение через сеть «Интернет» и т. д.), что приводит к большей ориентации его на передачу информации, чем на обмен эмоциональным состоянием.

Таким образом, влияние обозначенных факторов на личность человека в современном обществе, в том числе и на личность сотрудника УИС, не способствует, а скорее препятству-

ет развитию эмпатии, что негативным образом отражается на профессиональной деятельности последних.

Прежде чем определить, какими путями и способами развивать эмпатию у сотрудников УИС необходимо понять, что это за явление, какова его сущность. И здесь следует отметить, что история научного осмысления эмпатии в контексте человеческих отношений и человеческой коммуникации относительно небольшая; начало ее связано с именами Роберта Фишера, Теодора Липпса, Эдварда Титченера.

Важно указать, что изначально понятие «Einführung» («вчувствование») рассматривалось не в контексте человеческих взаимоотношений, взаимовосприятия, взаимопонимания, а как процесс «вчувствования», переживания неких состояний, вызванных объектами природы и искусства. Считается, что впервые данный термин был применен Р. Фишером в его диссертационном исследовании 1873 года «Оптическое чувство формы: вклад в эстетику» [48].

Теодор Липпс развил идеи Р. Фишера, перенеся идею «вчувствования», или «объективирования» (по Т. Липпсу), на систему человеческих отношений. Т. Липпс утверждал, что человек воспринимает не внешние проявления Другого индивидуума как таковые, а выраженные через них чувства, представления, личностные особенности и т. д. [16]. Далее описанный феномен «вчувствования» был преобразован в термин «empathy». Считается, что произошло это благодаря англо-американскому психологу Эдварду Титченеру [18], и уже данный термин прочно вошел в науку.

В силу своей многогранности феномен эмпатии обладает междисциплинарным характером. В частности, эмпатия получила продолжение своего научного познания не только в рамках искусства и психологии, но и в таких дисциплинах, как юриспруденция, педагогика, антропология, физиология, философия, педиатрия и т. д.

Изучение эмпатии входило и входит в сферу научного интереса таких зарубежных и отечественных исследователей, как Ч. Д. Бэтсон, Ф. де Вааль, Ф. Камм, К. Штубер, Дж. Мид, Г. Олпорт, С. Престон, Т. Сингер, М. Слоут, М. Хоффман, Т. Шибутани, К. Штубер, Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, Т.П. Гаврилова, А.В. Петровский и многие другие.

Одним из первых, кто рассматривал особенности и механизм взаимного восприятия психического и, в частности, эмоционального состояния человека человеком был З. Фрейд, отразившей это в своей работе «Остроумие и его отношение к бессознательному». В обозначенном труде З. Фрейд говорил о том, что при взаимодействии с другим человек «мысленно переносится» в такое же состояние, сравнивая его со своим, тем самым формируя понимание его текущего состояния [29]. В рамках психоанализа и изучения защитных механизмов психики эмпатия рассматривалась как одно из проявлений проекции [25]. Представленное описание З. Фрейда во многом созвучно с обозначенным выше определением «вчувствования» Р. Фишера и близко по своему содержанию к пониманию эмпатии К. Роджерсом.

К. Роджерс уделял большое внимание эмпатии, подчеркивая ее важность в работе психолога. Он говорил об «эмпатическом (со-чувственном) понимании», благодаря которому терапевт может ощущать чувства и личностные смыслы клиента в каждый момент времени, при этом воспринимать их так, как их ощущает сам клиент. «Понять внутренний мир клиента, как будто он твой собственный, но не теряя этого «как будто» — это и есть эмпатия» [23]. То есть К. Роджерс определял эмпатию как некое состояние, в котором человек способен воспринимать внутренний мир Другого, как будто становясь этим Другим, но без потери самосознания [31].

Гордон Олпорт говорил о том, что восприятие личности другого человека сравнимо с восприятием произведения искусства. Наблюдение за бесчисленными движениями человека

(например, движением глаз, бровей, туловища, конечностей и т. д.) вызывает у нас определенные суждения о приятности или неприятности видимого, а также определенное эмоциональное состояние. Он отмечал, что люди с развитой способностью к имитации (актеры, мимики) лучше воспринимают других людей, а также, если имитировать мимику, пантомимику другого человека, то можно лучше понять его текущее психологическое состояние. Кроме этого, Г. Олпорт отмечал зависимость эмпатии от опыта человека [32].

Более современные исследователи эмпатии рассматривали и рассматривают ее в различных аспектах человеческого бытия.

Чарльз Дэниел Бэтсон, изучая эмпатию в разрезе мотивации человека, утверждал, что от степени ее развития зависит мировоззрение, а, следовательно, и поведение человека в диапазоне между двумя полярностями: эгоизмом и альтруизмом. То есть можно сделать вывод о том, что исследователь придает фундаментальное значение эмпатии в формировании взаимоотношения и взаимодействия человека не только с себе подобными, но и с самим собой и с миром в целом [33; 34].

Мартин Хоффман, исследовавший вопросы онтогенетического развития эмпатии, придавал ей большое значение в образовании и развитии социального взаимодействия [38], что схоже с идеями Дж. Мида [19; 40]. То есть существование общества как системы взаимоотношений людей, осуществляемых по установленным принципам и правилам, невозможно без наличия у людей эмпатии как способа познания Других. Отчасти это объясняется близостью понятий «идентификация» и «эмпатия» [1]. Динамический характер эмпатии отмечает и Т.П. Гаврилова, которая говорит также о наличии зависимости эмпатии от уровня развития когнитивной, эмоциональной и нравственной сфер [9; 11].

Франс де Вааль в своей работе «Истоки морали: В поисках человеческого у приматов», посвященной, в том числе, и изучению эмпатии у животных, указывает на наличие и широкое распространение ее проявлений в животном мире. Его наблюдения позволяют сделать вывод о необходимости эмпатии в оказании поддержки особям одной группы, в заботе о потомстве, т. е. от эмпатии зависит текущее состояние группы (стаи, племени и т. д.) особей, ее функционирование, а также перспективы ее существования в будущем, выживание в целом [8].

Ф. де Виньмон и Т. Сингер в своих исследованиях задались вопросом о появлении эмпатии у людей. Опираясь на работы Д. Риццолатти, ими было сделано предположение о том, что в основе механизма эмпатии лежит функционирование зеркальных нейронов, наличие которых было открыто у обезьян [42]. Более того, как утверждает Д. Риццолатти, действие зеркальных нейронов лежит в основе механизма подражания, имитации [43], а, следовательно, викарного научения. Ф. де Виньмон и Т. Сингер обозначили условия, при которых возникает эмпатия: человек должен находиться в определенном эмоциональном состоянии; это состояние должно быть сходно эмоциональному состоянию другого человека; эмоциональное состояние человека вызвано наблюдением или представлением об эмоциональном состоянии Другого. Кроме этого, эмпатия, ее проявления зависят от контекста (кто перед человеком, знаком ли он с ним, вызывает ли эмпатию, обладает ли человек с ним сходством и т. д.) от оценки, заслуживает ли человек такого состояния или нет (например, в ответ на причинение боли) [47]. Социальная контекстуальность эмпатии подчеркивается, в частности, К. Штубером, который также отмечает важную эпистемологическую роль эмпатии [46].

Эмпатия проявляется не только в понимании другого человека, но и в проявлении заботы, солидарности, а также в сочувствия [41]. Вопросы взаимосвязи эмпатии и справедливости приводят к не менее важному аспекту существования общества — организации правосудия,

борьбы с преступностью, назначении наказания и исправлении лиц, совершивших преступления. Эмпатия в данном случае дает возможность комплексно понять причины и условия совершения человеком преступления, что, в свою очередь, позволит разработать систему эффективной профилактики преступного поведения.

В психологическом разрезе эмпатия необходима для подбора адекватных мер наказания за совершенные преступления, тем самым поддерживая идею справедливости в обществе [36; 37]. Справедливо назначенное наказание за преступление важно не только для жертвы, но и для самого преступника. Неадекватные, избыточные меры наказания способствуют озлоблению, укоренению деструктивных антиобщественных установок лица, преступившего закон. Следствием этого, как нам представляется, является снижение возможности исправить человека, убедить в правильности ведения правопослушного образа жизни и т. д.

В продолжение развития идеи взаимосвязи эмпатии, правосознания, правопослушного поведения и предупреждения преступлений обратимся к работам М. Слоута. Как утверждает Майкл Слоут, эмпатия играет определяющую роль для моральных суждений и позволяет человеку оценивать свои поступки и поступки других людей с точки зрения их нравственной правильности или неправильности [44; 45]. Следовательно, можно предположить, что эмпатия является одним из тех факторов, которые определяют систему морально-нравственных координат человека.

А.В. Петровский обращал внимание на проблемы «значимого другого» и «значимых отношений» в контексте формирования и развития межличностных и межгрупповых отношений. В предложенной им трехфакторной концептуальной модели «значимого Другого» один из основных факторов — эмоциональный статус «значимого Другого» (аттракция). Эмоциональный статус определяет привлекательность, способность вызывать симпатию или антипатию к человеку. Во многом это эмоциональное отношение влияет на успех или неуспех осуществляемой деятельности [20]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что способность «эмоционально» понять «Другого» определяет возможность, характер и силу взаимоотношений людей и групп, которые, в свою очередь, влияют на человека.

Один из известнейших исследователей эмоционального интеллекта Р. Кестенбаум под эмпатией понимал «...эмоциональный и поведенческий ответ на эмоциональное состояние другого человека, который подобен эмоциональному тону этого человека и основан на его обстоятельствах, больше, чем на своих собственных» [10; 39]. Большая российская энциклопедия дает такое определение эмпатии: процессы понимания чужого переживания и отклика на него [6]. Согласно «Большому современному толковому словарю русского языка» эмпатия имеет два значения: 1) способность входить в чужое эмоциональное состояние, сопереживать; 2) интеллектуальная идентификация собственных чувств с чувствами и мыслями другого человека [7]. Также в научной литературе встречается определение эмпатии как процесса понимания и отклика на переживание Другого, основанного на сопереживании и ориентированного относительно внутренней феноменологической перспективы другого [14; 21]. Отмечается, что эмпатическая способность возрастает с ростом жизненного опыта. При этом направленность эмпатии может быть весьма разной. Например, эмпатия к родителям, пожилым людям, детям, животным и т. д. [17]. Изучая научные источники, посвященные эмпатии, невозможно не обратить внимание на работу И.Б. Бовиной, которая провела глубокий анализ применения термина «эмпатия» в актуальной литературе. В частности, в своей статье она ссылается на работу Б. Каффа, который отмечал наличие 43 определений эмпатии и предложил свое, 44-е [4]. Приведенный пример множества дефиниций явления наилучшим образом демонстрирует то, что, несмотря на наличие значительного количества научных исследова-

ний, до сих пор единого понимания феномена эмпатии. Тем не менее, имеющиеся обоснованные данные исследований эмпатии позволяют наметить некоторые ориентиры в последующем более подробном познании явления.

Также И.Б. Бовина подчеркивает, что эмпатия может различаться по своей направленности, т. е. она может быть направлена не только на реально существующего человека или группу лиц, но и на вымышленные личности, что в полной мере соотносится с теорией психологического воздействия искусства [4].

Марк Дэвис, отмечая многомерность природы эмпатии, подчеркивал наличие в ней как минимум двух составляющих: эмоциональной и интеллектуальной — как путей восприятия других людей. Он подчеркивает, что эмпатия позволяет, основываясь на верном понимании актуального состояния человека, предугадывать его дальнейшее поведение. Это дает возможность более адекватно выстраивать межличностные отношения [35].

А.А. Бодалев также соглашался, что эмпатия — сложное психологическое образование, в котором познавательные и эмоциональные процессы взаимосвязаны самым теснейшим образом. Помимо понимания состояния Другого у человека формируется собственный эмоциональный отклик. Таким образом, сопереживание другому человеку оказывает влияние на самого сопереживающего, изменяя его поведение [5].

В настоящее время можно говорить о наличии нескольких видов эмпатии:

- эмоциональная эмпатия, которая основана на механизмах проекции и подражания моторным и аффективным реакциям другого человека;
- когнитивная эмпатия, базирующаяся на интеллектуальных процессах (сравнение, аналогия и т. д.);
- предиктивная эмпатия, как способность предсказывать аффективные реакции Другого в конкретных ситуациях [24; 27].

Наличие развитой эмпатии позволяет более адекватно воспринимать другого человека. Е.А. Соколов указывает, что эмпатия представляет собой умение поставить себя на место другого, взглянуть на происходящее с его точки зрения, но без отождествления себя с этим человеком [24]. При эмпатии понимается позиция Другого, но не обязательно принимается.

Тамоцу Шибутани характеризовал людей с развитой эмпатией как проявляющих большую социальную гибкость, оптимистичность. Им интересны окружающие их люди, к которым они относятся с вниманием, в отличие от людей, у которых эмпатия развита в меньшей степени. Такие люди, как описывал Т. Шибутани, отличаются непреклонностью, эгоистичностью, интеллектуальным подходом к жизни. Интересен тот факт, что автор в своей работе «Социальная психология» указывал, что для ряда людей, страдающих психическими расстройствами, симптоматично резкое снижение или даже отсутствие эмпатии. Окружающие их люди для них как бы «расчеловечиваются», индивидуально-личностные качества перестают восприниматься [30]. То есть эмпатию можно рассматривать как показатель психического здоровья человека.

Таким образом, можно резюмировать, что в настоящее время дискуссия по поводу того, чем же является эмпатия и какова ее роль, не исчерпана и продолжает активно развиваться.

Материалы и методы исследования

В работе отражены результаты проведенного теоретического анализа научной зарубежной и отечественной литературы. Основное внимание было сфокусировано на изучении особенностей проявления эмпатии у сотрудников правоохранительных органов в целом и пенитенциарной системы — в частности. Несмотря на значимость исследуемой проблематики, науч-

ных работ, посвященных указанной теме, оказалось, как нам кажется, недостаточно. Не учтены специфические условия службы в УИС, оказывающие влияние на формирование и развитие эмпатии у сотрудников.

Результаты и обсуждение

Проведенный теоретический анализ отечественных и зарубежных научных источников, посвященных обсуждаемой проблематике, позволил сделать ряд выводов. Во-первых, понимание понятия «эмпатии» находится в процессе развития, что отражается в имеющихся различных дефинициях. Во-вторых, остается дискуссионным вопрос о природе «эмпатии», каково соотношение биологической и социальной в нем, является ли это биологически заложенной способностью человеческой психики или же приобретенной в ходе социализации. Между этими полярными точками зрения также существуют теоретические взгляды, совмещающие в себе в различных пропорциях оба подхода, делая акценты ближе к тому или иному «полюсу».

В контексте поднимаемой проблематики в данной работе мы предлагаем такое обобщенное «рабочее» определение эмпатии. Эмпатия — это свойство личности, выражающееся в способности на эмоциональном и когнитивном уровне формировать представление об актуальном эмоциональном состоянии человека. Изучение эмпатии у сотрудников следует рассматривать в контексте условий службы, присущих военизированным организациям, к которым можно отнести и УИС. К таким особенностям относятся иерархичность, строгая нормативно-правовая регламентация служебной деятельности [15], следствием чего может быть развитие формализма в межличностном взаимодействии. Также сотрудники наделены определенными властными полномочиями, т. е. имеют возможность оказывать влияние на поведение других людей. Это обстоятельство зачастую является одним из «развращающих» факторов службы, приводящих к негативным личностным изменениям: бескомпромиссности, ригидности, агрессивности, решению возникающих противоречий с позиции силы и т. д. Кроме этого, деятельность сотрудников правоохранительных органов характеризуется высокими физическими и психическими нагрузками и даже перегрузками, дефицитом времени, высокой социальной ответственностью за принятые решения, экстремальностью и т. д. Следует отметить, что данные обстоятельства являются неотъемлемой частью службы сотрудников правоохранительных органов, которые необходимо воспринимать как некую «константу»; но для того чтобы эффективно действовать в заданных условиях, важно изменить отношение к ним у сотрудников, а также научить справляться с их деструктивным воздействием на психику. В конечном итоге такая деятельность отличается высокими рисками развития эмоционального выгорания и профессиональной деформации, что непременно образом отражается на взаимодействии с людьми, их восприятии друг друга. В качестве примеров таких изменений можно назвать развитие у сотрудников подозрительности и недоверия к людям, равнодушия, утрату чувствительности к бедам других и т. д. [13].

Сотрудники УИС занимают отдельную нишу в общей системе правоохранительных органов. Помимо вышеперечисленных характеристик службы, пенитенциарная система обладает исключительной специфичностью профессиональной деятельности, особенно это рельефно проявляется в работе сотрудников, которые непосредственно взаимодействуют со спецконтингентом. В качестве таких особенностей следует отметить, во-первых, наличие относительной изолированности рабочего пространства сотрудников, так как доступ в исправительные учреждения ограничен и предполагает строгую процедуру прохода на территорию. В условиях следственных изоляторов и тюрем данное обстоятельство усиливается в связи с

тем, что сотрудники фактически большую часть служебного времени находятся в помещении и испытывают, как и спецконтингент, определенные сенсорные депривации.

Далее следует обратить внимание на то, что качественный состав спецконтингента, с которым контактируют сотрудники, весьма разнообразен (например, по своему культурному, социальному уровню, характеру совершенного преступления, состоянию физического и психического здоровья и т. д.). Стоит также заметить, что это люди, совершившие преступления, т. е. причинившие другим горе и страдания. Зачастую это связано в том числе и с тем, что у преступников нарушено адекватное восприятие других людей, для них последние объективируются, расчеловечиваются, воспринимаются как объекты, способные удовлетворить их потребности [2]. Это касается в первую очередь лиц, совершивших насильственные преступления (убийцы, насильники, педофилы и т. д.). Психика таких людей может иметь врожденные или приобретенные аномалии, личность — ярко выраженную ущербность. Поведение их отличается непоследовательностью и непредсказуемостью, а также агрессивностью. Так, в условиях исправительного учреждения, в котором сконцентрировано относительно большое количество осужденных, находящихся в ограниченном пространстве, последствия необдуманного поступка со стороны администрации учреждения могут иметь весьма серьезные последствия — способствовать дестабилизации оперативной обстановки в учреждении, развитию деструктивных процессов в группах осужденных, проявлению неповиновения законным требованиям администрации исправительного учреждения, провокации сотрудников, совершению противоправных действий в отношении персонала исправительного учреждения. То есть сотрудники вынуждены постоянно находиться в состоянии внутренней мобилизации, быть готовыми действовать во внезапно возникших нестандартных экстремальных ситуациях, что весьма ресурсозатратно и способствует психическому и физическому истощению. Таким образом, прямое взаимодействие со спецконтингентом может быть весьма травматично для психики сотрудника.

Тем не менее, несмотря на обозначенное, перед сотрудниками стоит задача не только изолировать подозреваемых, обвиняемых и осужденных от общества и общество от них, но и осуществить сложную задачу — исправить их. Для этого сотруднику необходимо иметь развитую эмпатию для нахождения контакта с каждым из осужденных и понимания его актуального эмоционального состояния. Помимо вероятных экстремальных ситуаций, которые могут возникнуть в исправительном учреждении, выраженных в противостоянии сотрудников и осужденных, в результате длительного отбывания наказания в местах лишения свободы у самих осужденных могут возникать различные трудные жизненные обстоятельства, остро ими переживаемые (развод, смерть близких, изменение материального положения и т. д.). Особенно сильные переживания могут быть связаны с ощущением «потери времени», нахождении в местах лишения свободы в самый активный и перспективный свой возраст; тяжело в условиях изоляции могут переживаться страхи, связанные с изменением возраста — старением.

Не всегда осужденные сами могут справиться с возникшими у них личными проблемами, поэтому так важно, чтобы сотрудники могли в такие моменты проявить чуткость и внимание к ним, оказать посильную помощь в преодолении тяжелого периода жизни. При этом оказание такой помощи касается не только психологов исправительного учреждения, но и всех сотрудников, непосредственно контактирующих с осужденными. Современные исследователи пенитенциарной системы отмечают необходимость развития эмоциональной составляющей личности сотрудников УИС. В частности, обращается внимание на развитие эмоционального интеллекта у сотрудников, частью которого является эмпатия, на необходимость

учитывать уровень его развития при профотборе персонала на службу, так как от этого параметра зависит состояние морально-психологического климата в коллективе, а также эффективность взаимодействия со спецконтингентом [12].

Эмпатия как умение почувствовать, понять эмоциональную составляющую причин и побудителей определенного поведения людей, одновременно является причиной и следствием развития широкого спектра стратегий поведения самого сотрудника, что делает его более адаптивным к новым изменяющимся условиям, а также позволяет найти комплиментарные действия поступкам окружающих его людей (как коллег, так и спецконтингента).

В ходе изучения имеющихся научных сведений об исследованиях, посвященных эмпатии, мы пришли к выводу о недостаточности научного осмысления данной проблематики. В частности, это выражается в неоднозначности трактовки данного термина различными авторами, что размывает границы допустимости его применения, не дает возможности четкого понимания природы происхождения, назначения, а, следовательно, понимания эффективных путей развития данной способности у людей. Следствием сделанного вывода по результатам теоретического исследования явилось утверждение об отсутствии достаточного количества исследований, посвященных изучению эмпатии у сотрудников правоохранительных органов в целом и сотрудников УИС — в частности. В имеющихся работах эмпатия зачастую не являлась непосредственным предметом исследования, а представляла один из компонентов или взаимосвязанных факторов другого изучаемого психологического феномена, например, стрессоустойчивости [28], толерантности [26], эмоционального выгорания [3], эмоционального интеллекта [22] и т. д. В связи с этим приходится применять метод экстраполяции результатов исследований, проведенных на сотрудниках иных силовых структур на сотрудников УИС, понимая, что подобный «перенос» оставляет широкий спектр вероятностей и допущений.

Важной составляющей настоящего исследования является выявление имеющегося противоречия в теме познания эмпатии у сотрудников УИС в контексте присущих ей специфических особенностей. Противоречие заключается в необходимости развития эмпатии у сотрудников УИС для более эффективного выполнения своих профессиональных обязанностей и одновременно способности оградить себя от негативной деструктивной информации, с которой имеют дело сотрудники при взаимодействии с осужденными. То есть при развитии полезной для профессиональной деятельности способности понимания других людей создаются предпосылки к развитию и личностных деструкций у сотрудника в связи с более тесным контактом сотрудника и спецконтингента. Решение этой задачи, имеющей высокое как теоретическое, так и практическое значение, невозможно без проведения комплексных и масштабных исследований, сконцентрированных именно на сотрудниках УИС, с учетом специфики службы.

Выводы

Несмотря на кажущийся, на первый взгляд, «академизм» обсуждаемой проблематики, развитие эмпатии у сотрудников УИС принципиально важно для осуществления ими своей профессиональной деятельности в условиях современных общественных требований. Таким образом, можно утверждать, что эмпатия в настоящее время является обязательной составляющей профессионализма сотрудников. Во многом это обусловлено тем, что профессия сотрудника УИС относится к системе «человек—человек», в которой коммуникация и взаимное восприятие играют наиважнейшую роль. Можно в полной мере согласиться с утверждением о том, что эмпатия во многом определяет успешность выполнения профессиональной

деятельности [10]. Практическая значимость развитой эмпатии для профессиональной деятельности сотрудников УИС является неоспоримой. Как показывают имеющиеся исследования, эмпатию можно считать важной составляющей профессионализма сотрудников. Низкий уровень эмпатии, непонимание сотрудником эмоционального состояния окружающих его людей, а, следовательно, неадекватная оценка текущих условий, приводят к неадекватному выбору стратегии поведения. В результате человек не может в полной мере применить имеющиеся у него профессиональные знания, умения и навыки. Действия такого сотрудника могут быть не только не полезны, но и вредны, по причине их неадекватности актуальной действительности. В условиях УИС, профессиональная деятельность которой справедливо можно быть отнесена к экстремальной, подобное поведение может спровоцировать, например осужденных или лиц, содержащихся под стражей, к агрессивным преступным действиям. В коллективе сотрудников наличие низко развитой эмпатии может приводить к конфликтам и формированию нездорового морально-психологического климата.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. 363 с.
2. Антонян Ю.М. Особый криминологический тип личности: расчеловеченные люди // Человек: преступление и наказание. 2017. Том 25. № 1. С. 7–11.
3. Ахрямкина Т.А., Горохова М.Ю. Специфика феномена «Эмоционального выгорания» у сотрудников правоохранительных органов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2009. № 2. С. 104—115.
4. Бовина И.Б. Исследование эмпатии: критический анализ и новые перспективы [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 1. С. 88–95. doi:10.17759/chp.2020160109
5. Бодалев А.А. Личность и общение. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 328 с.
6. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения 27.09.2020).
7. Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html> (дата обращения 27.09.2020).
8. Вааль Ф. де Истоки морали: В поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 376 с.
9. Гаврилова Т.П. Анализ эмпатичных переживаний младших школьников и младших подростков // Психология межличностного познания. М.: Педагогика, 1981. С. 122–139.
10. Гаранина А.В., Поляков А.С. Роль психологической защиты при низком уровне эмпатии у сотрудников ОВД [Электронный ресурс] // Психология и психотехника. 2017. № 2. С. 88–95. doi:10.7256/2454-0722.2017.2.23659
11. Горбатова Е.А. Эмпатия: психологическая структура и механизмы реализации // Ученые записки СПбГИПСР. 2014. Том 21. № 1. С. 23–29.
12. Дворников В.А. Характеристика эмоционального интеллекта личности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник молодого ученого Кузбасского института: Сборник научных статей. Новокузнецк, 2018. С. 159–162.
13. Ефимов А.А. Профессиональная деформация личности сотрудника ОВД // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 1 (50). С. 247–249.

14. *Карягина Т.Д.* Эволюция понятия «эмпатия» в психологии: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2013. 175 с.
15. *Кузнецова И.В.* Динамика профессиональной деформации сотрудников ОВД в зависимости от стажа работы и коррекционных мероприятий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 8. С. 128–133.
16. *Липс Т.* Эстетика [Электронный ресурс] // Психологическая библиотека. URL: https://bookap.info/book/lipps_estetika/ (дата обращения: 31.01.2021).
17. *Малюшина Ю.А., Филиппов В.В.* Проявление эмпатии сотрудниками спецподразделений, проходившими службу на Северном Кавказе // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. Том 18. № 4. С. 54–56.
18. *Махов А.Е.* 2016.01.007. Вильке Т. Вчувствование как метафора. Wilke T. Einfühlung Als Metapher // Deutsche Vierteljahrsschrift Für Literaturwissenschaft Und Geistesgeschichte. — Stuttgart, 2014. — JG. 88, N. 3. — S. 321-344 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2016. № 1. С. 57–62.
19. *Мид Дж. Г.* Избранное: Сборник переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; сост. и переводчик В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2009. 290 с.
20. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1998. 528 с.
21. *Поддубная Т.В.* Проблематика эмпатии в исследованиях психологических аспектов профессиональной медицинской деятельности (обзор) [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 2. С. 9–36. doi:10.17759/crp.2015230202
22. *Птицын С.Д., Хромова А.В., Матвеева В.П.* Роль эмоционального интеллекта в работе современных руководителей // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 11 (39). С. 497–503.
23. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.
24. *Соколов Е.А.* Влияние деятельности на эмпатию сотрудника // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2002. № 1 (17). С. 16–19.
25. *Туран Н.К.* О взаимосвязи защитных механизмов психики с уровнем эмпатии у студентов-психологов // Психологические науки: теория и практика: Материалы II Междунар. науч. конф. (г. Москва, март 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014. С. 50–51.
26. *Турская Е.Р.* Сущность и структура профессиональной толерантности сотрудника органов внутренних дел // Преподаватель XXI век. 2016. № 2. С. 143–149.
27. *Улюкин И.М., Емельянов В.Н., Болахан В.Н., Орлова Е.С.* Эмпатия как составляющая диалогового общения в процессе передачи новой информации // Известия Российской Военно-медицинской академии. 2017. Том 36. № 2. С. 23–30.
28. *Федорова А.А., Горбунова Н.И.* Влияние эмпатии на профессиональное выгорание и стрессоустойчивость у сотрудников противопожарной службы с разным стажем профессиональной деятельности // Вестник ХГУ имени Н.Ф. Катанова. 2013. № 5. С. 93–95.
29. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб: Университетская книга, 1997. 319 с.
30. *Шибутани Т.* Социальная психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 544 с.
31. *Шнайдер М.И.* Эмпатия как форма отражения другого человека // Гуманизация образования. 2016. № 2. С. 60–65.

32. *Allport G.* Personality: A psychological interpretation [Электронный ресурс]. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1937. URL: <https://ia601608.us.archive.org/20/items/in.ernet.dli.2015.155561/2015.155561.Personality-A-Psychological-Interpretation.pdf> (дата обращения: 02.02.2021).
33. *Batson C.D.* The Altruism Question: Toward a Social-Psychological Answer, Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1991. 257 p.
34. *Batson C.D., Duncan B.D., Ackerman P., Buckley T., Birch K.* Is Empathic Emotion a Source of Altruistic Motivation? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1981. Vol. 40(2). P. 290–302. doi:10.1037/0022-3514.40.2.290
35. *Davis M.* Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach // *Journal of personality and social psychology*. 1983. Vol. 44(1). P. 113–126. doi:10.1037/0022-3514.44.1.113
36. *Enright R.D., Fitzgibbons R.P.* Helping clients forgive: An empirical guide for resolving anger and restoring hope. Washington, DC: American Psychological Association, 2000.
37. *Enright R.D., Santos M.J.O., Al-Mabuk R.H.* The adolescent as forgiver // *Journal of Adolescence*. 1989. Vol. 12(1). P. 95–110. doi: 10.1016/0140-1971(89)90092-4
38. *Hoffman M.* Empathy and Moral Development: Implications for Caring and Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 331 p.
39. *Kestenbaum R., Farber E.A., Sroufe L.A.* Individual differences in empathy among preschoolers: relation to attachment history // *New Directions for Child Development*. 1989. Vol. 44. P. 51–64. doi: 10.1002/cd.23219894405
40. *Mead H.* Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago, 1934.
41. *Rique Neto J., Camino C., Formiga N., Medeiros F., Luna V.* Consideração Empática e Tomada de Perspectiva para o Perdão Interpessoal Empathic Concern and Perspective Taking for Interpersonal Forgiveness // *Revista Interamericana de psicologia = Interamerican Journal of Psychology*. 2013. Vol. 44. P. 515–522.
42. *Rizzolatti G., Fadiga L., Gallese V., Fogassi L.* Premotor cortex and the recognition of motor actions // *Brain Res. Cogn. Brain Res.* 1996. Vol. 3(2). P. 131–141. doi: 10.1016/0926-6410(95)00038-0
43. *Rizzolatti G., Craighero L.* The Mirror-Neuron System // *Annual Review of Neuroscience*. 2004. Vol. 27(1). P. 169–192. doi:10.1146/annurev.neuro.27.070203.144230
44. *Slote M.* Moral Sentimentalism. Oxford, USA: Oxford University Press, 2010.
45. *Slote M.* The Ethics of Care and Empathy. London: Routledge, 2007.
46. *Stueber K.* Empathy [Электронный ресурс] // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/empathy> (дата обращения: 05.02.21).
47. *Vignemont F. de, Singer T.* The empathic brain: How, when and why? // *Trends in Cognitive Sciences*. 2006. Vol. 10(10). P. 435–441. doi:10.1016/j.tics.2006.08.008
48. *Vischer R.* Über das optische Formgefühl. Ein Beitrag zur Ästhetik [Электронный ресурс]. Leipzig: Hermann Credner, 1873 // *ECHO. Cultural Heritage Online*. URL: <https://echo.mpiwg-berlin.mpg.de/ECHOdocuView?url=/permanent/vlp/lit39646/index.meta> (дата обращения: 28.01.2021).

References

1. *Andreeva G.M.* Sotsial'naya psikhologiya: Uchebnik dlya vuzov. Moscow: Aspekt Press, 2008. 363 p. (In Russ.).

2. Antonyan Yu.M. Osobyi kriminologicheskii tip lichnosti: raschelovechennye lyudi [Special criminological type of personality: people lost their human face]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2017. Vol. 25, no. 1, pp. 7–11. (In Russ.).
3. Akhryamkina T.A., Gorokhova M.Yu. Spetsifika fenomena “Emotsional’nogo vygoraniya” u sotrudnikov pravookhranitel’nykh organov [Specificity of the phenomenon of emotional burning out at law enforcement officers]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Psikhologiya = The Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. A series Psychology*, 2009, no. 2, pp. 104–115. (In Russ.).
4. Bovina I.B. Issledovanie empatii: kriticheskii analiz i novye perspektivy [Empathy: Critical Analysis and New Research Perspectives] [Elektronnyi resurs]. *Kul’turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 1, pp. 88–95. doi:10.17759/chp.2020160109 (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Bodalev A.A. Lichnost’ i obshchenie. Moscow: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya, 1995. 328 p. (In Russ.).
6. Bol’shaya rossiiskaya entsiklopediya [Elektronnyi resurs]. URL: <https://bigenc.ru/> (Accessed 27.09.2020). (In Russ.).
7. Bol’shoi sovremenniy tolkovyi slovar’ russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html> (Accessed 27.09.2020).
8. Waal F. de Istoki morali: V poiskakh chelovecheskogo u primatov [The Bonobo and the Atheist: In Search of Humanism among the Primates]. Moscow: Al’pina non-fikshn, 2015. 376 p. (In Russ.).
9. Gavrilova T.P. Analiz empatichnykh perezhivaniy mladshikh shkol’nikov i mladshikh podrostkov. Psikhologiya mezhlichnostnogo poznaniya. Moscow: Pedagogika, 1981, pp. 122–139. (In Russ.).
10. Garanina A.V., Polyakov A.S. Rol’ psikhologicheskoi zashchity pri nizkom urovne empatii u sotrudnikov OVD [The Role of Psychological Defense for Department of Internal Affairs Officers with Low Empathic Ability] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i psikhotekhnika = Psychology and Psychotechnics*, 2017, no. 2, pp. 88–95. doi:10.7256/2454-0722.2017.2.23659 (In Russ.).
11. Gorbatova E.A. Empatiya: psikhologicheskaya struktura i mekhanizmy realizatsii [Empathy: psychological structure and mechanisms of realization]. *Uchenye zapiski SPbGIPSR = Scientific Notes Journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*, 2014. Vol. 21, no. 1, pp. 23–29. (In Russ.).
12. Dvornikov V.A. Kharakteristika emotsional’nogo intellekta lichnosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel’noi sistemy. *Vestnik molodogo uchenogo kuzbasskogo instituta: Sbornik nauchnikh statei. Novokuznetsk*, 2018, pp. 159–162. (In Russ.).
13. Efimov A.A. Professional’naya deformatsiya lichnosti sotrudnika OVD [Professional deformation of identity of a police officer]. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture And Education*, 2015, no. 1 (50), pp. 247–249. (In Russ.).
14. Karyagina T.D. Evolyutsiya ponyatiya “empatiya” v psikhologii: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2013. 175 p. (In Russ.).
15. Kuznetsova I.V. Dinamika professional’noi deformatsii sotrudnikov OVD v zavisimosti ot stazha raboty i korrektsionnykh meropriyatii [Dynamics of professional deformation of DIA officers depending on length of service and correctional measures]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, 2008, no. 8, pp. 128–133. (In Russ.).

16. Lipps T. Estetika [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya biblioteka*. URL: https://bookap.info/book/lipps_estetika/ (Accessed 31.01.2021). (In Russ.).
17. Malyushina Yu.A., Filippov V.V. Proyavlenie empatii sotrudnikami spetspodrazdelenii, prokhodivshimi sluzhbu na Severnom Kavkaze [Display of empathy by employees of the special divisions serving in the North Caucasus]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Social Work. Juvenology. Sociokinetics*, 2012. Vol. 18, no. 4, pp. 54–56. (In Russ.).
18. Makhov A.E. 2016.01.007. Vil'ke T. Vchuvstvovanie kak metafora. Wilke T. Einfühlung Als Metapher. *Deutsche Vierteljahrsschrift Für Literaturwissenschaft Und Geistesgeschichte*. — Stuttgart, 2014. — JG. 88, H. 3. — S. 321–344. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: literaturovedenie = Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7, Literary studies*, 2016, no.1, pp. 57–62. (In Russ.).
19. Mead G.H. Izbrannoe: Sbornik perevodov. Moscow, 2009. 290 p. (In Russ.).
20. Petrovsky A.V., Yaroshevsky M.G. Osnovy teoreticheskoi psikhologii: Uchebnoe posobie. Moscow: INFRA-M, 1998. 528 p. (In Russ.).
21. Poddubnaya T.V. Problematika empatii v issledovaniyakh psikhologicheskikh aspektov professional'noi meditsinskoj deyatelnosti (obzor) [problematic in psychological aspects of professional medical care (review)] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2015. Vol. 23, no. 2, pp. 9–36. doi:10.17759/cpp.2015230202 (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Ptitsyn S.D., Khromova A.V., Matveeva V.P. Rol' emotsional'nogo intellekta v rabote sovremennykh rukovoditelei [The role of emotional intelligence in the work of modern leaders]. *Skif. Voprosy studencheskoj nauki*, 2019, no. 11 (39), pp. 497–503. (In Russ.).
23. Rogers C. R. Vzgljad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka. M.: Progress, 1994. (In Russ.).
24. Sokolov E.A. Vliyanie deyatelnosti na empatiyu sotrudnika. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2002, no. 1 (17), pp. 16–19. (In Russ.).
25. Turan N.K. O vzaimosvyazi zashchitnykh mekhanizmov psikhiki s urovnem empatii u studentov-psikhologov. *Psikhologicheskie nauki: teoriya i praktika: Materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, mart 2014 g.)*. Moscow: Buki-Vedi, 2014, pp. 50–51. (In Russ.).
26. Turskaya E.R. Sushchnost' i struktura professional'noi tolerantnosti sotrudnika organov vnutrennikh del [The essence and structure of professional tolerance of the employee of law-enforcement bodies]. *Prepodavatel' XXI vek = Prepodavatel XXI vek*, 2016, no. 2, pp. 143–149. (In Russ.).
27. Ulyukin I.M., Emel'yanov V.N., Bolekhan V.N., Orlova E.S. Empatiya kak sostavlyayushchaya dialogovogo obshcheniya v protsesse peredachi novoi informatsii. *Izvestiya Rossijskoj Voенно-meditsinskoj akademii = Russian Military Medical Academy Reports*, 2017. Vol. 36, no. 2, pp. 23–30. (In Russ.).
28. Fedorova A.A., Gorbunova N.I. Vliyanie empatii na professional'noe vygoranie i stressoustoichivost' u sotrudnikov protivopozharnoi sluzhby s raznym stazhem professional'noi deyatelnosti [Empathy influence on professional burnout and stress resistance among the fire service staff with different professional work experience]. *Vestnik KhGU im. N.F. Katanova*, 2013, no. 5, pp. 93–95. (In Russ.).

29. Freud S. Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu [Jokes and Their Relation to the Unconscious]. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 1997. 319 p. (In Russ.).
30. Shibutani T. Sotsial'naya psikhologiya. Rostov-on-Don: Feniks, 1999. 544 p. (In Russ.).
31. Shnaider M.I. Empatiya kak forma otrazheniya drugogo cheloveka [Empathy as a form of reflection of another person]. *Gumanizatsiya obrazovaniya = Humanization of Education*, 2016, no. 2, pp. 60–65. (In Russ.).
32. Allport G. Personality: A psychological interpretation. New York: Holt, Rinehart, & Winston. 1937 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ia601608.us.archive.org/20/items/in.ernet.dli.2015.155561/2015.155561.Personality-A-Psychological-Interpretation.pdf> (Accessed 02.02.2021).
33. Batson C.D. The Altruism Question: Toward a Social-Psychological Answer, Hillsdale. NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1991. 257 p.
34. Batson C.D., Duncan B.D., Ackerman P., Buckley T., Birch K. Is Empathic Emotion a Source of Altruistic Motivation? *Journal of Personality and Social Psychology*, 1981. Vol. 40, no. 2, pp. 290–302. doi:10.1037/0022-3514.40.2.290
35. Davis M. Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach. *Journal of personality and social psychology*, 1983. Vol. 44, no. 1, pp. 113–126. doi:10.1037/0022-3514.44.1.113
36. Enright R.D., Fitzgibbons R.P. Helping clients forgive: An empirical guide for resolving anger and restoring hope. Washington, DC: American Psychological Association, 2000.
37. Enright R.D., Santos M.J.O., Al-Mabuk R.H. The adolescent as forgiver. *Journal of Adolescence*, 1989. Vol. 12, no. 1, pp. 95–110. doi: 10.1016/0140-1971(89)90092-4
38. Hoffman M. Empathy and Moral Development: Implications for Caring and Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 331 p.
39. Kestenbaum R., Farber E.A., Sroufe L.A. Individual differences in empathy among preschoolers: relation to attachment history. *New Directions for Child Development*, 1989. Vol. 44, pp. 51–64. doi: 10.1002/cd.23219894405
40. Mead H. Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago, 1934.
41. Rique Neto J., Camino C., Formiga N., Medeiros F., Luna V. Consideração Empática e Tomada de Perspectiva para o Perdão Interpessoal Empathic Concern and Perspective Taking for Interpersonal Forgiveness. *Revista Interamericana de psicologia = Interamerican Journal of Psychology*, 2013. Vol. 44, pp. 515–522.
42. Rizzolatti G., Fadiga L., Gallese V., Fogassi L. Premotor cortex and the recognition of motor actions. *Brain Res. Cogn. Brain Res*, 1996. Vol. 3, no. 2, pp. 131–141. doi: 10.1016/0926-6410(95)00038-0
43. Rizzolatti G., Craighero L. The Mirror-Neuron System. *Annual Review of Neuroscience*, 2004. Vol. 27, no. 1, pp. 169–192. doi:10.1146/annurev.neuro.27.070203.144230
44. Slote M. Moral Sentimentalism. Oxford, USA: Oxford University Press, 2010.
45. Slote M. The Ethics of Care and Empathy. London: Routledge, 2007.
46. Stueber K. Empathy [Elektronnyi resurs]. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/empathy> (Accessed 05.02.21).
47. Vignemont F. de, Singer T. The empathic brain: How, when and why? *Trends in Cognitive Sciences*, 2006. Vol. 10, no.10, pp. 435–441. doi:10.1016/j.tics.2006.08.008
48. Vischer R. Über das optische Formgefühl. Ein Beitrag zur Ästhetik [Elektronnyi resurs]. Leipzig: Hermann Credner, 1873. *ECHO. Cultural Heritage Online*. URL: <https://echo.mpiwg-berlin.mpg.de/ECHODOcuView?url=/permanent/vlp/lit39646/index.meta> (Accessed 28.01.2021).

Суслов Ю.Е.
К вопросу о проблемах развития эмпатии
у сотрудников пенитенциарной системы
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 69–84.

Suslov Yu.E.
On the Issue of Development of Empathy
among the Staff of the Penitentiary System
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 69–84.

Информация об авторах

Суслов Юрий Евгеньевич, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России); доцент, факультет психологии, Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО РГСУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>, e-mail: zimburu@mail.ru

Information about the authors

Yury E. Suslov, PhD in Psychology, Senior Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Associate Professor, Faculty of Psychology, Russian State Social University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>, e-mail: zimburu@mail.ru

Получена 28.06.2021
Принята в печать 28.01.2022

Received 28.06.2021
Accepted 28.01.2022

Принятие решений о выборе способа реагирования в конфликтных ситуациях у лиц с аффективными расстройствами

Булыгина В.Г.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Пеева О.Д.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0461-4830>, e-mail: olesya.peeva@mail.ru

Лысенко Н.Е.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6081-0043>, e-mail: nlisenko@yandex.ru

С целью изучения связи индивидуально-психологических особенностей и процесса принятия решений при восприятии острых конфликтных ситуаций у лиц с аффективными расстройствами было проведено эмпирическое исследование. Обследовано 39 человек в возрасте от 19 до 55 лет ($M=24$; $SD=10,3$), из которых 67% — женского пола. Основную группу составили лица с аффективными расстройствами, группу сравнения — психически здоровые. Исследовались волевая, интеллектуальная регуляция поведения и выбор способа реагирования после предъявления видеозаписей единичной и длительной острых конфликтных ситуаций, а также нейтральной ситуации. Диагностический комплекс включал: методики «Словесно-цветовая интерференция», «Сравнение похожих рисунков», опросники «Стиль саморегуляции поведения», «Способы совладающего поведения», «Мельбурнский опросник принятия решений», «Госпитальная шкала тревоги и депрессии» (HADS). Были выделены стилевые особенности принятия решений, саморегуляции поведения и способов совладающего поведения у лиц с аффективными расстройствами. Выявлено, что они склонны к принятию импульсивных решений, предпочтению стратегий избегания и конфронтации в острых конфликтных ситуациях. Показаны специфические изменения волевой и интеллектуальной регуляции у лиц с аффективными расстройствами в зависимости от предъявленной ситуации. Были сделаны выводы о том, что у лиц с аффективными

Булыгина В.Г., Пеева О.Д., Лысенко Н.Е.
Принятие решений о выборе способа
реагирования в конфликтных ситуациях
у лиц с аффективными расстройствами
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 85–98.

Bulygina V.G., Peeva O.D., Lysenko N.E.
Decision-Making on the Choice
of a Way to Respond to Conflict Situations
in Persons with Affective Disorders
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 85–98.

расстройствами скорость выбора способа реагирования связана со стилевыми особенностями принятия решения, а ригидность когнитивного стиля — со стилевыми особенностями саморегуляции поведения и способами совладающего поведения.

Ключевые слова: восприятие конфликтной ситуации, принятие решений, саморегуляция, стратегии совладающего поведения, когнитивный стиль, аффективные расстройства.

Для цитаты: Булыгина В.Г., Пеева О.Д., Лысенко Н.Е. Принятие решений о выборе способа реагирования в конфликтных ситуациях у лиц с аффективными расстройствами [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 85–98. DOI:10.17759/psylaw.2022120207

Decision-Making on the Choice of a Way to Respond to Conflict Situations in Persons with Affective Disorders

Vera G. Bulygina

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Olesya D. Peeva

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0461-4830>, e-mail: olesya.peeva@mail.ru

Nadezhda E. Lysenko

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6081-0043>, e-mail: nlisenko@yandex.ru

In order to research the relationship between individual psychological characteristics and the decision-making process in the perception of acute conflict situations in persons with affective disorders, an empirical study was conducted. 39 people aged 19 to 55 years ($M=24$, $SD=10.3$) were examined, of which 67% were females. The main group consisted of persons with affective disorders ($N=11$), the comparison group were mentally healthy. The research looked into volitional, intellectual regulation and the choice of the method of reaction after the subjects were presented some video recordings of single and long-term acute conflict situations, as well as neutral situations. The diagnostic complex included: methods of “Verbal-color interference”, “Comparison of similar patterns”, questionnaires “Style of self-regulation of behavior”, “Methods of coping behavior”, “Melbourne Decision-making Questionnaire”, “Hospital Anxiety and Depression Scale” (HADS). The stylistic features of decision-making, self-regulation of behavior and ways of coping behavior in persons with affective disorders were highlighted. It was revealed that people with affective disorders tend to make impulsive decisions, prefer avoidance strategies and confrontation in acute conflict

situations. Specific changes of volitional and intellectual regulation in persons with affective disorders depending on the presented situation are shown. It was concluded that in persons with affective disorders, the speed of choosing a response method is associated with the stylistic features of decision-making. The rigidity of cognitive style is associated with the stylistic features of self-regulation of behavior and coping behavior.

Keywords: perception of a conflict situation, decision-making, self-regulation, coping strategies, cognitive style, affective disorders.

For citation: Bulygina V.G., Peeva O.D., Lysenko N.E. Decision-Making on the Choice of a Way to Respond to Conflict Situations in Persons with Affective Disorders. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 85–98. DOI:10.17759/psylaw.2022120208 (In Russ.).

Введение

В судебно-психологической экспертизе оценка процесса принятия решения о способе реагирования имеет особые правовые последствия в контексте исследования влияния эмоционального состояния на поведение подэкспертного лица в юридически значимой ситуации, связанной с межличностным конфликтом [15].

Принятие решения (ПР) является одним из компонентов, обеспечивающих произвольную регуляцию поведения человека [8]. В существующих подходах подчеркивается важнейшая роль интеллектуальных, волевых и эмоциональных процессов в принятии решений [4; 19]. Так, к теориям, в которых принятие решения является одним из процессов интеллектуальной сферы личности, относятся теории Ю. Козелецкого, «Теория проспектов» Д. Канемана и А. Тверски. При ПР человек совершает определенную деятельность, которую Ю. Козелецкий представил в виде стадий выбора. Первые три стадии являются предрешениями, когда у человека создается субъективное представление о задаче, происходят оценка последствий выбора и прогнозирование условий, определяющих решение. Затем следует собственно выбор, означающий разрешение ситуации неопределенности [7]. В контексте «Теории полезности» Дж. Фон Неймана и О. Моргенштерна считается, что человек действует рационально. При сравнении двух объектов человек оценивает полезность каждого и выбирает тот, полезность которого выше. В противовес «Теории полезности» Г. Саймон предлагает «Теорию ограниченной рациональности» [25], в соответствии с которой человек стремится достичь максимального успеха, а выбирает тот объект, полезность которого для него удовлетворительна. Автор говорит о том, что не рациональность определяет поведение, а восприятие человека и представление о проблемной ситуации. Выбор носит ценностный характер и определяется установками, стереотипами и т. д. Развитие данная теория получила в работах Д. Канемана и А. Тверски [23; 24; 27]. «Теория проспектов» говорит о существовании двух систем, которые обуславливают принятие решений. Первая включает в себя быстрые когнитивные процессы, которые являются автоматическими, бессознательными, протекающими одновременно. Примером таких процессов служат узнавание лиц, ориентация в пространстве и времени, простые моторные акты и т. п. Вторая система включает в себя когнитивные процессы, которые являются целенаправленными, произвольными, требуют концентрации внимания.

В некоторых системных теориях внимание уделяется как интеллектуальному, так и личностному компонентам ПР. В психологической модели множественной многоуровневой регуляции выбора Т.В. Корниловой акцентируется важность усилий, которые прилагает чело-

век при ПР. Из-за возникающей неопределенности интеллектуальная ориентировка становится невозможной. И тогда человек компенсирует ее за счет личностного компонента, который выражается в ценностях, предпочтениях и т. д. Такие усилия и являются новообразованиями, результатом последовательных актов преодоления субъективной неопределенности.

Несмотря на достаточную теоретическую разработанность и эмпирическую наполненность проблемы ПР и обозначение неопределенности как существенной и неотъемлемой части этого процесса, авторы не рассматривали в качестве самостоятельного предмета исследований характеристики и механизмы ПР в ситуации конфликта, и тем более острого межличностного конфликта, и, в частности, у лиц с психическими расстройствами. И тем более в ситуации острого конфликта, который завершился криминальным деликтом.

Необходимо упомянуть, что конфликтная ситуация сопровождается столкновением интересов и эмоциональным напряжением ее участников, что оказывает влияние на выбор поведения лицом, принимающим решение [13; 18]. Оппоненты строят индивидуальные образы одной и той же ситуации, ставят разные цели выбора и в разной степени личностно включаются в конфликт [9]. На выбор стратегии поведения в ситуации острого конфликта влияют индивидуально-психологические [4; 19], нейрофизиологические [5; 6] и социальные факторы [3]. Острые конфликтные ситуации сопровождаются развитием состояния стресса, который оказывает деструктивное влияние на произвольную регуляцию морального поведения [1; 20].

Исследования показывают, что значительную часть лиц, совершивших агрессивно-насильственные ООД, составляют лица с различными аффективными нарушениями. Существуют данные о связи депрессивного расстройства с различными проявлениями агрессии, которые обусловлены нейрохимическими механизмами, в частности нарушениями обмена серотонина [2; 12; 26]. По данным зарубежных исследований, депрессивные симптомы связаны с повышенным риском насильственных преступлений, а распространенность обвинительных приговоров за насильственные преступления среди лиц с биполярным расстройством составила 8,4%, в то время как этот показатель составил 3,5% в общей контрольной группе населения [21; 22]. На саморегуляцию, совладающее поведение и когнитивный стиль, которые относятся к личностным особенностям потенциальных участников конфликта, оказывает влияние симптоматика аффективных расстройств. Лица с депрессией отличаются сниженным уровнем саморегуляции поведения. Получаемая обратная связь от других трактуется искаженно, что снижает способности регулировать свое состояние и выбирать адаптивную стратегию поведения [11]. Более того, тревожно-депрессивные состояния и негативные эмоции оказывают деструктивное влияние на внимание, память, программирование и контроль своих действий. Когнитивный стиль характеризуется ригидностью когнитивного контроля, связан с нейротизмом, возбудимостью, низкой помехоустойчивостью и лабильностью [16; 17]. Выявлено, что у больных аффективными расстройствами процесс принятия решений нарушен преимущественно на этапе выбора альтернатив. При невротической депрессии к анализу принимаются альтернативы, связанные с кругом болезненных переживаний, однако их значимость сопоставима со значимостью других альтернатив. При психотической депрессии выбор альтернативы непосредственно обусловлен аффективным расстройством [9].

Таким образом, исследование процесса принятия решений о выборе способа реагирования в конфликтных ситуациях у лиц с аффективными расстройствами, а также нарушения интеллектуальной и волевой регуляции в условиях стресса, связанного с межличностным конфликтом, является актуальной научно-практической задачей для клинической и судебной

психологии и судебной психиатрии. Что и определило **цель** настоящего исследования — изучение индивидуально-психологических особенностей принятия решений о способе реагирования в острых конфликтных ситуациях у лиц с аффективными расстройствами. Для решения заявленной цели были поставлены следующие **задачи**: 1) оценка качественных и временных характеристик способов реагирования при восприятии конфликтной ситуации; 2) выявление особенностей индивидуального стиля принятия решений, саморегуляции поведения и способов совладающего поведения у лиц с аффективными расстройствами; 3) определение взаимосвязи между показателями индивидуального стиля принятия решений, волевой, интеллектуальной регуляцией и скоростью принятия решений у лиц с аффективными расстройствами и психически здоровых лиц при восприятии ситуации острого конфликта.

Материал, методы и процедура исследования

Было обследовано 39 человек (26 женщин и 13 мужчин) в возрасте от 19 до 55 лет. В основную группу вошли лица с аффективными расстройствами (тревожно-депрессивное расстройство, БАР1, БАР2, клинически выраженная тревога и депрессия) в количестве 11 человек, в группу сравнения — здоровые лица.

Диагностический комплекс.

1. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова В.И., 1999). Опросник направлен на выявление уровня осознанной саморегуляции поведения. Данный опросник позволяет диагностировать индивидуальный профиль саморегуляции, который состоит из следующих процессов: планирование, моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость, самостоятельность.

2. «Мельбурнский опросник принятия решений» (в адаптации Т.В. Корниловой, 2013). Опросник направлен на определение индивидуального стиля принятия решений. Индивидуальный стиль определяют следующие паттерны совладания со стрессом при принятии угрожающих и сложных решений: бдительность, избегание, прокрастинация, сверхбдительность.

3. Опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус, в адаптации Л.И. Вассермана с соавт., 2010). Опросник направлен на выявление копинг-стратегий. Выделяются следующие способы совладающего поведения с трудными жизненными ситуациями: конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения проблемы, положительная переоценка.

4. «Госпитальная шкала тревоги и депрессии» (в адаптации М.Ю. Дробизева). Шкала направлена на определение уровней тревоги и депрессии. Шкала состоит из 14 утверждений, семь из которых относятся к подшкале «тревога» и еще семь — к подшкале «депрессия».

Процедура изучения принятия решений о способе реагирования при восприятии конфликтных ситуаций включала использование визуальных стимулов и методик «Словесно-цветовая интерференция» (Дж. Р. Струп, 1935) и «Сравнение похожих рисунков» (Дж. Каган, 1966).

Визуальные стимулы представляли собой видеозаписи конфликтных ситуаций, отрывки 30—40 секунд из художественных фильмов, выбор которых осуществлялся с использованием метода фокус-групп. Конфликтные ситуации были подобраны на основании следующих параметров: длительность конфликта (продолжительный, единичный) и интенсивность конфликта (угроза физической безопасности).

По окончании видеозаписи обследуемому необходимо было принять решение о способе ответного реагирования. Основанием для квалификации вариантов ответов были выделенные Томасом-Килманном ведущие стратегии поведения в конфликте. В стратегии «конфрон-

тация» были выделены три подтипа: навязывание предпочтительного для себя решения, открытая агрессия, помощь авторитетного третьего.

Далее проводилась диагностика волевой регуляции с помощью методики «Словесно-цветовая интерференция» Дж.Р. Струпа (в адаптации А.П. Бизюка) и интеллектуальной регуляции с помощью методики «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием SPSS Version 17.0 и включала в себя следующие методы исследования: непараметрический метод сравнения групп U Манна—Уитни, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена), кластерный анализ методом k-средних для сегментирования выборки по уровню тревоги и депрессии.

Результаты

Дескриптивный анализ особенностей способа реагирования при восприятии конфликтной ситуации у лиц с аффективными расстройствами и психически здоровых лиц показал, что в нейтральной ситуации представители обеих групп чаще делали выбор в пользу отстаивания собственной позиции. В сравнении с психически здоровыми, которые были готовы уступить оппоненту, лица с аффективными расстройствами чаще выбирали избегание и компромисс.

В ситуации острого единичного конфликта психически здоровые чаще звали на помощь и были готовы отстаивать свои интересы. Лица с аффективными расстройствами одинаково часто выбирали избегание конфликта, проявление открытой агрессии по отношению к оппоненту и были готовы пойти на компромисс.

В ситуации острого длительного конфликта участники обеих групп предпочитали избегание. Однако лица с аффективными расстройствами также выбирали решение конфликта с помощью авторитетного третьего или проявление агрессии, при этом реагировали более импульсивно, в то время как психически здоровые чаще были готовы настаивать на своей позиции.

Анализ взаимосвязи между показателями индивидуального стиля принятия решений и скоростью принятия решений при восприятии острого конфликта лицами с аффективными расстройствами выявил, что увеличение скорости принятия решений в ситуации острого длительного конфликта (СОДК) связано с защитным избеганием через прокрастинацию ($-0,653^*$), а в ситуации острого единичного конфликта (СОЕК) — с анализом проблемы и ее решения ($-0,801$).

Анализ особенностей индивидуального стиля принятия решений показал, что лица с аффективными расстройствами склонны к защитному избеганию через перекалывание ответственности и прокрастинацию, а также к сверхбдительности, включающей импульсивность в принятии решений и панику при выборе альтернатив. Их значимо отличают невысокий общий уровень саморегуляции, а также снижение показателей регуляторной гибкости и несвязанность этапов саморегуляции. Среди способов совладающего поведения значимо чаще преобладали стратегия избегание проблем (табл. 1).

При оценке изменений волевой и интеллектуальной регуляции при восприятии конфликтной ситуации было выявлено, что при выполнении теста «Словесно-цветовая интерференция» Дж.Р. Струпа у лиц с аффективными расстройствами наблюдалось уменьшение количества слов и большее количество ошибок после просмотра СОЕК и нейтральной ситуации (НС) по сравнению с психически здоровыми. Однако, после просмотра СОДК у лиц с аффективными расстройствами было выявлено, что уменьшение количества ошибок и снижение когнитивного контроля было менее выраженным, чем у психически здоровых.

Таблица 1

Значимые различия показателей стилевых особенностей принятия решений, саморегуляции поведения и способов совладающего поведения (U критерий Манна—Уитни)

Параметр	Средние ранги		Значимость
	Лица с аффективными расстройствами	Психически здоровые лица	
Стилевые особенности принятия решений			
Избегание ответственности	24,59	16,63	<0,05
Прокрастинация	25,45	16,27	<0,05
Сверхбдительность	26,23	15,94	<0,01
Стилевые особенности саморегуляции поведения			
Общий уровень саморегуляции	12,58	21,59	<0,05
Гибкость	11,73	22,08	<0,01
Самостоятельность	12,50	21,75	<0,05
Способ совладающего поведения			
Бегство-избегание	28,09	15,15	<0,001

При выполнении теста «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана после просмотра СО-ЕК лица с аффективными расстройствами в среднем дольше принимали решение и делали больше ошибочных выборов по сравнению с психически здоровыми. После просмотра СОДК лица с аффективными расстройствами также допускали больше ошибочных решений, однако давали ответы за более короткое время, нежели психически здоровые. После просмотра НС в основной группе принятие решения занимало больше времени, при этом было меньше ошибочных выборов по сравнению с группой сравнения.

Необходимо указать, что анализ изменения волевой и интеллектуальной регуляции при восприятии конфликтной ситуации у лиц с аффективными расстройствами и психически здоровых статистически значимых различий не выявил.

Следующим этапом анализа стала оценка взаимосвязи между показателями саморегуляции, способами совладающего поведения и изменениями волевой, интеллектуальной регуляции у больных аффективными расстройствами и психически здоровых. В группе лиц с аффективными расстройствами снижение скорости выдвижения гипотез альтернативного выбора после просмотра НС сопряжено с низким уровнем регуляторной гибкости и несвязанностью этапов саморегуляции, в то время как в группе психически здоровых такое снижение скорости связано со «сцепленностью» между собой этапов саморегуляции.

Помимо этого, в группе лиц с аффективными расстройствами снижение скорости выдвижения гипотез альтернативного выбора после просмотра СОДК также сопряжено со снижением регуляторной гибкости, а у психически здоровых — со снижением способности планирования и оценки результатов своей деятельности (табл. 2).

В группе лиц с аффективными расстройствами снижение скорости выдвижения гипотез альтернативного выбора после просмотра СОДК и СОЕК взаимосвязано с усилиями, направленными на снижение значимости ситуации. Также такое снижение скорости после просмотра СОЕК сопряжено со стратегиями, направленными на избегание проблемы и попытками рационализировать ситуацию (табл. 3).

Таблица 2

Значимые корреляции показателей когнитивного стиля и стиля саморегуляции поведения (коэффициент корреляции Спирмена)

Когнитивный стиль	Стиль саморегуляции поведения			
	Лица с аффективными расстройствами		Психически здоровые лица	
Время ответа после просмотра НС	Гибкость	-0,668		
	Самостоятельность	-0,747	Самостоятельность	0,441
Время ответа после просмотра СОДК	Гибкость	-0,831	Оценка результатов	-0,501
Время ответа после просмотра СОЕК			Планирование	-0,395

Таблица 3

Значимые корреляции показателей когнитивного стиля и способов совладающего поведения (коэффициент корреляции Спирмена)

Когнитивный стиль	Способ совладающего поведения	
	Лица с аффективными расстройствами	
Время ответа после просмотра СОДК	Дистанцирование	-0,775
Время ответа после просмотра СОЕК	Дистанцирование	-0,606
	Бегство-избегание	-0,711
	Планирование решения проблемы	-0,645

Обсуждение результатов

В ходе исследования было выявлено, что лиц с аффективными расстройствами отличают стратегии избегания через прокрастинацию и переключивание ответственности, отрицание или игнорирование проблемы с использованием копинг-стратегии «бегство-избегание», импульсивное принятие решений для избавления от проблемной ситуации, сверхбдительность¹ при выборе альтернатив, сниженный уровень саморегуляции поведения, в основном за счет сниженной способности адекватно реагировать на изменения ситуации и зависимости от мнения окружающих.

При восприятии нейтральной ситуации им свойственны копинг-стратегии избегания и поиска компромисса, достаточно быстрое принятие решения при низких показателях концентрации внимания, неэффективные стратегии поведения в условиях информационной нагрузки и большая рефлексивность когнитивного стиля по сравнению с группой условной нормы. Невысокий темп выдвижения гипотез в ситуации альтернативного выбора связан с зависимостью от мнения окружающих и недостаточной способностью реагировать на изменения ситуации, возможно, в связи со сцепленностью всех этапов процесса саморегуляции.

При восприятии ситуации острого единичного конфликта лица с аффективными расстройствами чаще выбирали как избегание конфликта, так и агрессивный способ реагирования, делали выбор с большей скоростью и по сравнению с принятием решения в НС, и по сравне-

¹ Т.В. Корнилова определяет сверхбдительность, как поиск выхода из дилеммы, не включающий интеллектуальную ориентировку, импульсивное ПР, обещающее избавление от ситуации; в экстремальных формах — «паника» в выборе между альтернативами.

нию с группой условной нормы. При этом у лиц с аффективными расстройствами происходило снижение когнитивного контроля, выполнение теста Кагана занимало большее количество времени с большим количеством ошибок, чем у психически здоровых лиц. Импульсивность в принятии решения в СОЕК связана с повышением способности к анализу проблемной ситуации. Время принятия решения в СОЕК о способе реагирования связано с бдительностью (уточнение целей и задач решения, рассмотрение альтернатив, связанное с поиском информации, ассимиляцией ее «без предрассудков» и оценки перед выбором — по Корниловой). При этом решения они принимали быстрее по времени, чем в группе психически здоровых лиц. Возможно, бдительность повышается за счет высокого уровня тревоги, увеличивающего восприимчивость к негативным стимулам. Замедленность выдвижения гипотез в ситуации альтернативного выбора у лиц с аффективными расстройствами связана с рационализацией ситуации, усилиями, направленными на снижение эмоциональной вовлеченности в ситуацию и избеганием проблемы. Выбираемые больными копинг-стратегии преимущественно направлены на управление эмоциональным состоянием, а не на решение жизненных трудностей, что согласуется с результатами предыдущих исследований В.Ю. Кудряшовой с соавторами (2017).

При восприятии ситуации острого длительного конфликта лица с аффективными расстройствами чаще, чем психически здоровые, делали выбор в пользу как проявления открытой агрессии, так и выхода из конфликта с помощью авторитетного третьего и компромисса. Значимо чаще принимались импульсивные решения, что, возможно, происходило за счет снижения когнитивного контроля. Увеличение скорости выдвижения гипотез в ситуации альтернативного выбора определялось актуализацией стратегии избегания через прокрастинацию и усилиями, направленными на снижение значимости ситуации, что сопровождалось большим количеством ошибочных решений.

Заключение

В ходе эмпирического исследования были проанализированы качественные и временные характеристики реагирования при восприятии конфликтной ситуации у лиц с аффективными расстройствами. Исследование особенностей индивидуального стиля принятия решений, саморегуляции поведения и способов совладающего поведения, оценки характера изменений волевой и интеллектуальной регуляции выявило взаимосвязь этапов процесса саморегуляции и актуализацией копинг-стратегий с различными составляющими принятия решений.

Анализ показателей саморегуляции, способов совладающего поведения и изменений волевой, интеллектуальной регуляции позволяет прийти к заключению о том, что у больных аффективными расстройствами импульсивность в условиях ситуации острого длительного конфликта сопряжена со снижением регуляторной гибкости и усилиями, направленными на снижение эмоциональной значимости ситуации. При восприятии длительного острого конфликта происходит снижение когнитивного контроля, что связано со стратегиями выбора, направленными на избегание проблемы и попытками рационализации проблемы.

Использование новой процедуры изучения принятия решений о способе реагирования при восприятии конфликтных ситуаций с использованием визуальных стимулов позволило более детально проанализировать взаимосвязи между показателями индивидуального стиля принятия решений, волевой, интеллектуальной регуляцией и скоростью принятия решений, что при дальнейшем эмпирическом наполнении указанной задачи позволит экстраполировать выявленные закономерности и механизмы принятия решений на юридически значимые ситуации.

Безусловно, непосредственная оценка эмоционального состояния человека в период и сразу после криминальных действий позволила бы объективно оценивать причины выбора агрессивного способа реагирования в конфликтной ситуации межличностного взаимодействия. Однако из-за процессуальных особенностей судебно-психологической экспертной деятельности, определяющих значительный временной разрыв между юридически значимым моментом и экспертно-диагностическим исследованием, снижается точность экспертной оценки влияния эмоционального состояния на поведение в юридически значимой ситуации. В связи с этим исследователям приходится экспериментально моделировать аналоги конфликтных ситуаций с контролем различных целевых переменных.

Ограничения исследования

Для более полного объяснения выявленных закономерностей и валидации эмпирических результатов необходимо увеличение выборки исследования, уравнивание основной группы по половой принадлежности обследуемых, введение более жестких критериев включения и исключения, связанных с верификацией актуального клинико-психопатологического статуса и фармакотерапевтической нагрузки.

Литература

1. Арутюнова К.Р. Психофизиологический анализ закономерностей актуализации индивидуального опыта при моральной оценке действий: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии Российской академии наук, 2017. 28 с.
2. Бардеништейн Л.М., Можгинский Ю.Б. Патологическое гетероагрессивное поведение у подростков. М.: ООО «Зеркало М», 2002.
3. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб: Питер, 2008. 544 с.
4. Индина Т.А. Регуляторно-личностные механизмы принятия решений в чрезвычайных ситуациях // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 124. С. 336–347.
5. Карabanов А.П. Современные направления исследования аффективных механизмов принятия решений // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2017. № 3 (9). С. 167–182.
6. Ключарев В.А., Шмидс А., Шестакова А.Н. Нейроэкономика: нейробиология принятия решений [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2011. Том 4. № 2. С. 14–35. URL: <https://psyjournals.ru/exp/2011/n2/41980.shtml> (дата обращения: 14.03.2022).
7. Козелецкий Ю. Человек многомерный: Психологическое эссе. Киев: Лыбидь, 1991. 285 с.
8. Конопкин О.А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 22–34.
9. Корзун Д.Н., Ткаченко А.А. Психопатологические механизмы принятия юридически значимых решений [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2013. № 2. С. 11–19. doi:10.24411/1560-957X-2013-11317
10. Корнилова Т.В., Тихомиров О.К. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М.: МГУ, 1990. 192 с.
11. Кудряшова В.Ю., Сарайкин Д.М., Иванов М.В. Копинг-стратегии и саморегуляция поведения у больных шизофренией и аффективными расстройствами // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2017. № 2. С. 33–39.

Булыгина В.Г., Пеева О.Д., Лысенко Н.Е.
Принятие решений о выборе способа
реагирования в конфликтных ситуациях
у лиц с аффективными расстройствами
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 85–98.

Bulygina V.G., Peeva O.D., Lysenko N.E.
Decision-Making on the Choice
of a Way to Respond to Conflict Situations
in Persons with Affective Disorders
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 85–98.

12. Кузнецова С.О., Абрамова А.А., Ениколопов С.Н., Разумова А.В. Психологические особенности враждебности у больных с шизофренией, шизоаффективными и аффективными расстройствами // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 3. С. 92–103.
13. Леонтьев Д.А., Овчинникова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. Психология выбора. М.: Смысл, 2019.
14. Леонтьев Д.А. Проблема выбора в науках о человеке: от рациональных моделей к экзистенциальным // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения: материалы Всерос. науч. конф., 27—28 окт. 2015 г., ИФ РАН: В 3 т. Т. 1. М.: Научная мысль, 2015. С. 18–33.
15. Лысенко Н.Е., Булыгина В.Г. Проблема исследования принятия решений у лиц, совершивших общественно опасные действия в конфликтных ситуациях [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2021. № 3. С. 56–66. doi:10.47877/1560-957X-2021-10306
16. Падун М.А. Когнитивный стиль и депрессия [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2009. Том 2. № 4. С. 81–90. URL: <https://psyjournals.ru/exp/2009/n4/26609.shtml> (дата обращения: 11.02.2022).
17. Плужников И.В. Нарушения эмоционального интеллекта при расстройствах аффективного спектра и шизофрении // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 329. С. 211–213.
18. Солнцева Г.Н., Смолян Г.Л. Принятие решений в ситуации неопределенности и риска (психологический аспект) // Труды Института системного анализа РАН. Том 41. 2009. С. 266–280.
19. Чумакова М.А. Личностные предпосылки рационального выбора в условиях неопределенности: Автореф. ... дисс. кан. психол. наук. М., 2010. 31 с.
20. Яцык Г.Г., Воробьева Е.В. Современные психофизиологические исследования решения когнитивных задач в условиях стресса // Северо-Кавказский психологический вестник. 2017. № 15/2. С. 39–49.
21. Fazel S., Wolf A., Chang Zh., Larsson H., Goodwin G.M., Lichtenstein P. Depression and violence: a Swedish population study // The Lancet. 2015. Vol. 2(3). P. 224–232. doi:10.1016/S2215-0366(14)00128-X
22. Fazel S., Lichtenstein P., Grann M., Goodwin G.M., Långström N. Bipolar Disorder and Violent Crime: New Evidence from Population-Based Longitudinal Studies and Systematic Review // Arch Gen Psychiatry. 2010. Vol. 67(9). P. 931–938. doi:10.1001/archgenpsychiatry.2010.97
23. Kahneman D. Thinking, fast and slow. Farrar, Straus and Giroux, 2011. 512 p.
24. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. XLVII. P. 263–291.
25. Simon H.A. Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T. Ely Lecture // American Economic Review. 1978. Vol. 68(2). P. 1–16.
26. Srikumar M.A., Gruber-Baldini A.L., Richard J.H. Relationship between aggressive behaviors and depression among nursing home residents with dementia // International Journal of Geriatric Psychiatry. 2001. Vol. 16(2). P. 139–146. doi:10.1002/1099-1166(200102)16:2<139::aid-gps284>3.0.co;2-5
27. Tversky A., Kahneman D. Judgement Under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science. 1974. Vol. 185. P. 1124–1131.

References

1. Arutyunova K.R. Psikhofiziologicheskii analiz zakonomernosti aktualizatsii individual'nogo opyta pri moral'noi otsenke deistvii: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Moscow: Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk, 2017. 28 p. (In Russ.).
2. Bardenshtein L.M., Mozhginskiy Yu.B. Patologicheskoe geteroagressivnoe povedenie u podrostkov. Moscow: OOO "Zerkalo M", 2002. (In Russ.).
3. Grishina N.V. Psikhologiya konflikta. 2 ed. Saint Petersburg: Piter, 2008. 544 p. (In Russ.).
4. Indina T.A. Regulyatorno-lichnostnye mekhanizmy prinyatiya reshenii v chrezvychainykh situatsiyakh [Regulation personality mechanisms of decision making in emergency situations]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2010, no. 124, pp. 336–347. (In Russ.).
5. Karabanov A.P. Sovremennye napravleniya issledovaniya affektivnykh mekhanizmov prinyatiya reshenii [Modern trends in the study of affective mechanisms of decision-making]. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie" = RSUH / RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, 2017, no. 3 (9), pp. 167–182. (In Russ.).
6. Klyucharev V.A., Shmids A., Shestakova A.N. Neuroekonomika: neurobiologiya prinyatiya reshenii [Neuroeconomics: the neurobiology of decision-making] [Elektronnyi resurs]. *Ekspertim'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2011. Vol. 4, no. 2, pp. 14–35. URL: <https://psyjournals.ru/exp/2011/n2/41980.shtml> (Accessed 14.03.2022). (In Russ.).
7. Kozeletskii Yu. Chelovek mnogomernyi: Psikhologicheskoe esse. Kiev: Lybid', 1991. 285 p. (In Russ.).
8. Konopkin O.A. Osoznannaya samoregulyatsiya kak kriterii sub'ektnosti [Conscious self-regulation as a criterion of subjectness]. *Voprosy psikhologii = Voprosy psikhologii*, 2008, no. 3, pp. 22–34. (In Russ.).
9. Korzun D.N., Tkachenko A.A. Psikhopatologicheskie mekhanizmy prinyatiya yuridicheskii znachimykh reshenii [Psychopathological mechanisms of making legally valid decisions] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2013, no. 2, pp. 11–19. doi:10.24411/1560-957X-2013-11317 (In Russ.).
10. Kornilova T.V., Tikhomirov O.K. Prinyatie intellektual'nykh reshenii v dialoge s komp'yuterom. Moscow: MGU Publ., 1990. 192 p. (In Russ.).
11. Kudryashova V.Yu., Saraikin D.M., Ivanov M.V. Koping-strategii i samoregulyatsiya povedeniya u bol'nykh shizofreniei i affektivnymi rasstroistvami [Copings and self-regulation of behavior in patients with schizophrenia and affective disorders]. *Obozrenie psikhiiatrii i meditsinskoi psikhologii imeni V.M. Bekhtereva = V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, 2017, no. 2, pp. 33–39. (In Russ.).
12. Kuznetsova S.O., Abramova A.A., Enikolopov S.N., Razumova A.V. Psikhologicheskie osobennosti vrazhdebnosti u bol'nykh s shizofreniei, shizoaffektivnymi i affektivnymi rasstroistvami [Psychological characteristics of hostility in patients with schizophrenia, schizoaffective and affective disorders]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2014, no. 3, pp. 92–103. (In Russ.).
13. Leontiev D.A., Ovchinnikova E.Yu., Rasskazova E.I., Fam A.Kh. Psikhologiya vybora. Moscow: Smysl, 2019. (In Russ.).
14. Leontiev D.A. Problema vybora v naukakh o cheloveke: ot ratsional'nykh modelei k ekzistentsial'nym. *Chelovek pered vyborom v sovremennom mire: problemy, vozmozhnosti,*

Булыгина В.Г., Пеева О.Д., Лысенко Н.Е.
Принятие решений о выборе способа
реагирования в конфликтных ситуациях
у лиц с аффективными расстройствами
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 85–98.

Bulygina V.G., Peeva O.D., Lysenko N.E.
Decision-Making on the Choice
of a Way to Respond to Conflict Situations
in Persons with Affective Disorders
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 85–98.

resheniya: materialy Vseros. nauch. konf., 27–28 okt. 2015 g., IF RAN: V 3 t. T. 1. Moscow: Nauchnaya mysl', 2015, pp. 18–33. (In Russ.).

15. Lysenko N.E., Bulygina V.G. Problema issledovaniya prinyatiya reshenii u lits, sovershivshikh obshchestvenno opasnye deistviya v konfliktnykh situatsiyakh [The problem of studying decision-making in persons who have committed socially dangerous actions in conflict situations] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2021, no. 3, pp. 56–66. doi:10.47877/1560-957X-2021-10306 (In Russ.).

16. Padun M.A. Kognitivnyi stil' i depressiya [Cognitive Style and Depression] [Elektronnyi resurs]. *Ekspperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2009. Vol. 2, no. 4, pp. 81–90. URL: <https://psyjournals.ru/exp/2009/n4/26609.shtml> (Accessed 11.02.2022). (In Russ.).

17. Pluzhnikov I.V. Narusheniya emotsional'nogo intellekta pri rasstroistvakh affektivnogo spektra i shizofrenii [Emotional intelligence impairments in affective spectrum disorders and schizophrenia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2009, no. 329, pp. 211–213. (In Russ.).

18. Solntseva G.N., Smolyan G.L. Prinyatie reshenii v situatsii neopredelennosti i riska (psikhologicheskii aspekt). *Trudy Instituta sistemnogo analiza RAN. Tom 41.* 2009, pp. 266–280. (In Russ.).

19. Chumakova M.A. Lichnostnye predposylki ratsional'nogo vybora v usloviyakh neopredelennosti: Avtoref. diss. kan. psikhol. nauk. Moscow, 2010. 31 p. (In Russ.).

20. Yatsyk G.G., Vorobyeva E.V. Sovremennye psikhofiziologicheskie issledovaniya resheniya kognitivnykh zadach v usloviyakh stressa [Modern psychophysiological studies of solving cognitive tasks in the stress state]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik = North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2017, no. 15/2, pp. 39–49. (In Russ.).

21. Fazel S., Wolf A., Chang Zh., Larsson H., Goodwin G.M., Lichtenstein P. Depression and violence: a Swedish population study. *The Lancet*, 2015. Vol. 2, no. 3, pp. 224–232. doi:10.1016/S2215-0366(14)00128-X

22. Fazel S., Lichtenstein P., Grann M., Goodwin G.M., Långström N. Bipolar Disorder and Violent Crime: New Evidence from Population-Based Longitudinal Studies and Systematic Review. *Arch Gen Psychiatry*, 2010. Vol. 67, no. 9, pp. 931–938. doi:10.1001/archgenpsychiatry.2010.97

23. Kahneman D. Thinking, fast and slow. Farrar, Straus and Giroux, 2011. 512 p.

24. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*, 1979. Vol. XLVII, pp. 263–291.

25. Simon H.A. Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T. Ely Lecture. *American Economic Review*, 1978. Vol. 68, no. 2, pp. 1–16.

26. Srikumar M.A., Gruber-Baldini A.L., Richard J.H. Relationship between aggressive behaviors and depression among nursing home residents with dementia. *International Journal of Geriatric Psychiatry*, 2001. Vol. 16, no. 2, pp. 139–146. doi:10.1002/1099-1166(200102)16:2<139::aid-gps284>3.0.co;2-5

27. Tversky A., Kahneman D. Judgement Under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Science*, 1974, Vol. 185, pp. 1124–1131.

Булыгина В.Г., Пеева О.Д., Лысенко Н.Е.
Принятие решений о выборе способа
реагирования в конфликтных ситуациях
у лиц с аффективными расстройствами
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 85–98.

Bulygina V.G., Peeva O.D., Lysenko N.E.
Decision-Making on the Choice
of a Way to Respond to Conflict Situations
in Persons with Affective Disorders
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 85–98.

Информация об авторах

Булыгина Вера Геннадьевна, доктор психологических наук, руководитель, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); профессор, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Пеева Олеся Дмитриевна, лаборант-исследователь лаборатории психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0461-4830>, e-mail: olesya.peeva@mail.ru

Лысенко Надежда Евгеньевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6081-0043>, e-mail: nlisenko@yandex.ru

Information about the authors

Vera G. Bulygina, Doctor of Psychology, Head, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Olesya D. Peeva, Laboratory Assistant, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0461-4830>, e-mail: olesya.peeva@mail.ru

Nadezhda E. Lysenko Senior Researcher, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6081-0043>, e-mail: nlisenko@yandex.ru

Получена 15.03.2022
Принята в печать 15.05.2022

Received 15.03.2022
Accepted 15.05.2022

Ценностные ориентации преступников-террористов

Кроз М.В.

Университет прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО УП РФ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9705-2365>, e-mail: m.kroz@mail.ru

Рапинова Н.А.

Университет прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО УП РФ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7080-1853>, e-mail: ratinova.n@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования ценностей лиц, совершивших преступления террористического характера (N=124), в сравнении с законопослушными гражданами (N=80). В соответствии с концепцией М. Рокича отдельно рассмотрены терминальные и инструментальные ценности. Использовалась авторская версия методики «Незаконченные предложения» с оригинальной схемой качественно-количественной обработки данных. Среди наиболее важных различий в терминальных ценностях отмечается высокая значимость религиозных ценностей для преступников-террористов. Существенные различия по частоте упоминания среди инструментальных ценностей наблюдались по качеству «справедливость». Ее чаще называли преступники, а законопослушные лица чаще упоминали «порядочность».

Ключевые слова: личность, преступления террористического характера, ценностные ориентации, методика «Незаконченные предложения».

Для цитаты: Кроз М.В., Рапинова Н.А. Ценностные ориентации преступников-террористов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 99–110. DOI:10.17759/psylaw.2022120208

Value Orientations of Terrorist Criminals

Mikhail V. Kroz

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9705-2365>, e-mail: m.kroz@mail.ru

Nataliya A. Ratinova

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7080-1853>, e-mail: ratinova.n@yandex.ru

The article presents the research results of the values of persons who have committed terrorist crimes (N=124), in comparison with law-abiding citizens (N=80). In accordance with the concept of M. Rokeach, terminal and instrumental values are considered separately. The au-

thor's version the sentence completion test was used with an original scheme of qualitative and quantitative data processing. Among the most significant differences in terminal values is the high importance of religious values for terrorist criminals. Significant differences in the frequency of mentioning among the instrumental values were observed in the quality of "fairness". It was mostly used by criminals, and law-abiding persons mentioned "decency" more often.

Keywords: personality, terrorist crimes, value orientations, Sentence completion test.

For citation: Kroz M.V., Ratinova N.A. Value Orientations of Terrorist Criminals. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 99–110. DOI:10.17759/psylaw.2022120208 (In Russ.).

Введение

В 2019—2021 годах в Университете прокуратуры Российской Федерации проводилось комплексное психолого-криминологическое исследование личности участника террористической деятельности. Психологическую часть исследования осуществляли авторы настоящей статьи.

Ключевое теоретическое положение, которым мы руководствовались, заключалось в том, что наиболее важные психологические особенности личности террориста связаны не с отдельными качествами (например, с повышенной агрессивностью, жестокостью), а обусловлены его наиболее глубинными «ядерными» личностными структурами: мотивационно-потребностной, ценностной сферами, системой отношений личности. Именно они, радикально изменяясь в процессе включения индивида в террористическую деятельность, опосредуют изменение его отдельных характерологических свойств.

В соответствии с ценностно-нормативной теорией личности преступника А.Р. Ратинова [5; 6], большое внимание в исследовании было уделено анализу системы ценностей террористов. При этом авторы использовали подход, предложенный М. Рокичем. Согласно его концепции, выделяются терминальные ценности (жизненные ценности или цели-ценности, к достижению которых стремится субъект) и инструментальные ценности (человеческие качества, ценности-средства (инструменты), обладая которыми можно достигнуть ценностей-целей) [8; 9].

Выборка исследования включала две группы: *основную* — лица, совершившие преступления террористической направленности (124 человека, в том числе 114 ответили на тест «Незаконченные предложения»), и *контрольную* — законопослушные граждане (80 человек).

В *основную группу* вошли 117 мужчин и 7 женщин в возрасте от 20 лет до 81 года (средний возраст 36,5 лет), отбывавших наказание за совершение преступлений террористического характера в исправительных учреждениях различных субъектов Российской Федерации. 21% обследованных имели начальное и незаконченное среднее образование, столько же — высшее и незаконченное высшее, остальные — среднее и среднее специальное. Более половины (51,6%) изученных террористов состояли в браке, при этом 18,6% имели трех и более детей.

Около пятой части обследованных (19,4%) не являлись гражданами Российской Федерации, большинство из них приехали в Россию из государств Средней Азии: Таджикистана (6,5%), Киргизии (5,6%), Узбекистана (3,2%). Анализ этнической принадлежности террористов также показал, что 21% из них включал представителей народов Средней Азии и Казахстана. Кроме того, больше половины обследованных террористов (58,1%) относились к представителям народов Северного Кавказа, в первую очередь, народов Республики Даге-

стан (24,2%), а также чеченцам (23,4%). Русских среди изученных лиц было лишь 13 человек (10,5%). Почти 90% исповедовали ислам.

Многие обследованные террористы были осуждены сразу по нескольким статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (вплоть до 10 статей). Всего же они были осуждены по 44 статьям Особенной части УК РФ, причем ряд этих норм не относился к перечню преступлений террористического характера¹, например, по статье 105 («Убийство»). 62,1% изученных лиц были осуждены впервые, остальные имели две и более судимости.

41 человек (33,1%) в интервью с психологами признавали свою вину, а почти столько же — 42 человека (33,9%) считали, что были осуждены безвинно. Наконец, 29 человек (23,4%) признали вину частично. Большинство из последних были согласны с тем, что совершили преступление, однако полагали, что их противоправные действия были неверно квалифицированы следствием и судом по более «тяжелой» статье (статьям) УК РФ.

Контрольную группу составляли законопослушные граждане, не привлекавшиеся к уголовной ответственности, в том числе 36 мужчин и 44 женщины в возрасте от 22 до 62 лет (средний возраст 36,9 лет). В подавляющем большинстве это были прокурорские работники — преподаватели, научные работники, аспиранты Университета прокуратуры Российской Федерации, а также практические работники, повышавшие в нем профессиональную квалификацию.

Метод исследования. В работе использовался метод незаконченных предложений — авторская модификация методики Сакса — Леви [см., например: 7], существенно сокращенная по сравнению с оригинальным вариантом. Для изучения ценностных ориентаций личности предполагалось использовать незаконченные предложения «Самое важное для человека в жизни...» (терминальные ценности), «Я ценю в людях...» (инструментальные ценности).

Авторами была разработана оригинальная система обработки и обобщения данных по методике. Так, традиционно при использовании метода незаконченных предложений (как правило, в консультационной и психотерапевтической практике) оценивается лишь эмоциональный компонент высказывания испытуемого — направленность его эмоциональной реакции. В стандартных инструкциях к данным методикам предлагается количественно оценить направленность высказываний субъекта, которая проявляется в каждом законченном предложении, и на этой основе проанализировать его систему отношений и установок, выделить проблемные зоны. В отдельных модификациях методики результаты подсчитывались и интерпретировались более содержательно, с использованием различных классификаций эмоций [см., например: 1].

В проведенном исследовании оценке, в первую очередь, подлежал содержательный компонент высказываний: о чем именно писали (говорили) испытуемые. Из этого содержания уже вытекал и вектор оценки. С этой целью по каждому пункту методики строился самостоятельный классификатор высказываний обследованных, что позволило количественно и качественно сопоставить содержание и направленность ответов представителей основной (преступники-террористы) и контрольной (законопослушные лица) групп. По некоторым

¹ См. Перечень № 22 в Приложении к совместному Указанию Генерального прокурора Российской Федерации № 35/11 и Министра внутренних дел Российской Федерации № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». В нем к преступлениям террористического характера относят без каких-либо условий 12 составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, а также при выполнении ряда условий еще 22 состава преступления.

пунктам методики строилось несколько классификаторов по различным основаниям. Кроме того, система подсчета данных позволяла зафиксировать число содержательно законченных ответов испытуемого по каждому пункту (например, число приведенных качеств, положительно оцениваемых у других людей; каждое из них кодировалось отдельно).

Классификаторы носили чисто эмпирический характер, они составлялись на основе анализа и типологизации ответов испытуемых. Поэтому некоторые из них включали категории различной степени общности, например, и группы человеческих качеств (интеллектуальные, морально-нравственные, волевые и др.), и наиболее часто встречавшиеся в ответах отдельные качества (доброта, честность, справедливость, порядочность и т. д.).

Классификаторы уточнялись и дополнялись в процессе кодировки полученных данных. По ее окончании кодировка производилась повторно с учетом изменений и дополнений классификаторов, сделанных в процессе их доработки.

Использование данной методики, несмотря на ее высокую трудоемкость, было обусловлено, во-первых, тем, что с ее помощью можно было получить самостоятельно сформулированные испытуемыми ответы — богатый и крайне интересный материал для анализа, который не дают традиционно применяемые в таких исследованиях тесты-опросники. Во-вторых, методика незаконченных предложений, как и другие проективные методы, считается значительно лучше защищенной от влияния фактора социальной желательности в ответах, чем те же тесты-опросники (что проявилось и в результатах настоящего исследования). В связи с этим следует отметить, что стремление давать не искренние, а социально желательные ответы в значительной мере характерно для лиц, находящихся в местах отбывания наказания за совершенные преступления, а в особенности для осужденных за участие в террористической деятельности. Специалисты системы ФСИН также отмечали, что для представителей данной категории осужденных при взаимодействии с психологом характерны напряженность, нетерпимость и подозрительность [см., например: 2, с. 65].

Результаты исследования

Терминальные ценности

Как следует из табл. 1, подавляющее большинство ответов (завершений предложения) испытуемых характеризуют их базовые (терминальные) ценности. И у террористов, и у представителей контрольной группы на первом месте с большим отрывом от остальных категорий находятся ценности семейной жизни (ответы «семья», «дети», «родители», «близкие» и др.). Следующие за ними по частоте ответов ценности имеют разную значимость для членов двух групп. Так, существенное значение для лиц, отбывающих наказание за совершение преступлений террористического характера, имеют ценности, связанные с религиозной сферой («своя вера», «религия», «молиться Аллаху» и пр.; их указали 13,2% лиц, ответивших на тест). В контрольной группе сходным образом закончил предложение лишь один человек. Очевидно, что для террористов эта сфера играет значительно большую роль в жизни, чем для обследованных нами законопослушных граждан.

Обратное соотношение ответов между группами имело место по категориям «любовь» и «здоровье». Последнее представляется странным, поскольку проблемы со здоровьем, в том числе достаточно серьезные, испытывали многие обследованные нами лица, находившиеся в местах лишения свободы. Однако лишь два человека из 114 ответивших на тест считали, что здоровье — это главное, что необходимо в жизни человеку, остальные же выдвигали на первое место иные ценности и цели деятельности. В этой связи следует отметить, что в другом нашем исследовании, посвященном изучению психологических особенностей личности кор-

рупционеру, ценности здоровья и любви (по шкале терминальных ценностей М. Рокича) находились у них на первых строчках рейтинга (2—3 места) [3, с. 185—187; 4, с. 19—20].

Таблица 1

Самое важное для человека в жизни...

Ответы ²	Основная группа		Контрольная группа	
	Число ответов	% ³	Число ответов	%
Семейные ценности	55	48,3	36	45,0
Религиозные ценности	15	13,2	1	1,3
Экзистенциальные ценности и цели	12	10,5	16	20,0
Здоровье	2	1,8	10	12,5
Любовь	1	0,9	5	6,3
Материальные ценности ⁴	1	0,9	1	1,3
Иные ценности ⁵	5	4,4	2	2,5
Инструментальные ценности — человеческие качества ⁶	15	13,2	9	11,3
Жизненные цели ⁷	4	3,5	7	8,8
Иные ответы	9	7,9	4	5,0

Можно предположить, что подобное расхождение было вызвано несколькими причинами. Во-первых, многие заполнявшие методику осужденные по своему социальному происхождению относились к так называемым «нижним социальным стратам» — были мигрантами, безработными либо выполняли малоквалифицированную работу на низкооплачиваемых должностях. Следует отметить, что повышенное внимание к состоянию своего здоровья, забота о нем свойственны скорее достаточно образованным и материально обеспеченным людям, способным позволить себе выбор правильного (и более дорогого) питания, систематические занятия спортом и т. д. Именно к такой социальной группе принадлежали многие изученные в прошлом исследовании «коррупционеры». Во-вторых, это расхождение может быть обусловлено религиозной принадлежностью большинства лиц, вошедших в основную группу,

² Здесь и в следующих таблицах не приводится графа «неясные, двусмысленные ответы, ответы не в плане заданного вопроса» и т.д. для обеих групп, но в подсчет общего числа процентов они включены.

³ Здесь и далее в таблицах в графе «%» дается процент ответов от числа лиц в группах, выполнивших этот тест (114 и 80 человек соответственно). По ряду показателей сумма процентов меньше 100%, поскольку не все участники исследования, заполнившие тест, ответили на соответствующий вопрос, или больше 100%, когда респонденты давали несколько содержательно различных ответов, заканчивая предложение.

⁴ Данная категория выделена и включена в классификатор, несмотря на очень малое число ответов ввиду ее важности с точки зрения задач исследования: насколько материальные блага входят в число ведущих ценностей террористов.

⁵ Например, «честь».

⁶ Такие как «честность», «преданность», «порядочность», «справедливость», «прямота».

⁷ Например, «месть».

присущим им фатализмом, в том числе и в отношении собственного здоровья («все по воле Аллаха!»).

Среди представителей контрольной группы в два раза больше лиц поставили на первое место различные экзистенциальные ценности (ответы «быть собой», «найти себя, свой путь, смысл жизни», «понять, зачем живешь», «свобода», «истина» и др. — 20% против 10,5% в основной группе). Вместе с тем, если объединить в одну группу близкие по смыслу и по духу категории религиозных и экзистенциальных ценностей, соотношение ответов почти полностью выравнивается (23,7% и 21,3%).

Сходство данных групп ценностей не исключает и серьезных различий между ними, в первую очередь в плане их генеза на индивидуальном уровне. Так, религиозные ценности, как правило, задаются субъекту извне: социумом, семьей, ближайшим окружением, характером обучения, т. е. формируются социальными институтами в процессе социализации, начиная с раннего детства (усваиваются «с молоком матери»). Особенно сильно такой тип общения к религии проявляется в странах (регионах), где основной, часто государственной религией является ислам. Реже обретение религиозной идентичности становится осознанным выбором взрослого человека. А к поиску и обретению экзистенциальных ценностей индивид значительно чаще приходит сам, в более зрелом возрасте, путем внутреннего саморазвития, постановки перед собой «бытийных» вопросов: «Кто Я?», «Зачем Я?», «В чем смысл моей жизни?».

Инструментальные ценности

Основным индикатором для оценки инструментальных ценностей обследованных служило незаконченное предложение «Я ценю в людях...». Обобщенные ответы (завершения) по нему представлены в табл. 2.

Таблица 2

Я ценю в людях...

Ответы	Основная группа		Контрольная группа	
	Число ответов	%	Число ответов	%
Морально-этические, нравственные качества	110	96,5	115	143,9
В том числе честность, правдивость	42	36,8	29	36,3
В том числе доброта	18	15,8	20	25,0
В том числе справедливость	15	13,2	3	3,8
В том числе порядочность	9	7,9	22	27,5
В том числе искренность	9	7,9	10	12,5
В том числе верность	5	4,4	2	2,5
В том числе преданность	3	2,6	3	3,8
Волевые качества	7	6,1	12	15,0
Религиозные качества	5	4,4	-	-
Коммуникативные качества	4	3,5	8	10,0
Интеллектуальные качества	1	0,9	14	17,5
Иные ответы	17	14,9	21	26,3

И террористы, и законопослушные граждане наиболее важными для человека считают различные морально-нравственные качества. На них указали практически все обследованные из обеих групп, а некоторые называли сразу несколько таких качеств. В свою очередь, из всей совокупности морально-этических свойств наиболее значимыми опять же представители обеих групп считают «честность» («правдивость») (36,8% и 36,3% ответивших на тест) и «доброту» (15,8% и 25%). А вот по другим качествам из этой группы (за исключением равно малозначимых «верности» и «преданности» и среднестатистической «искренности») такого сходства мнений уже не наблюдается. Так, для многих лиц, осужденных за участие в террористической деятельности, важна «справедливость» (13,2%), вероятно потому, что они испытывают ее дефицит со стороны других людей, считают, что с ними поступили несправедливо. Для законопослушных граждан важнее «порядочность», ее указали 27,5% обследованных (а среди террористов — лишь 7,9%).

Качества из трех других групп также намного чаще назывались представителями контрольной группы. Наиболее яркие различия в оценках были получены по группе интеллектуальных качеств (ответы «ум», «интеллект» и пр.). На одного указавшего интеллектуальные качества террориста приходится 14 законопослушных граждан. Вероятно, в этнокультурной среде и социальных стратах, представителями которых являются большинство обследованных террористов, интеллектуальные качества не имеют особо высокой ценности. Для юристов же, составлявших большинство контрольной группы, это крайне важные, профессионально значимые свойства, поэтому их оценивают высоко.

Несколько ниже, чем законопослушные граждане, террористы оценивают также коммуникативные («общительность», «коммуникабельность», «открытость» и др.) и волевые («целеустремленность», «воля», «настойчивость») качества. Зато некоторые из лиц, осужденных за участие в террористической деятельности, давали ответы, которые мы включили в категорию «религиозные качества»: «праведность», «богобоязненность», «кто молится как Пророк» и т. д. (4,4%). У законопослушных лиц таких ответов не было.

В целом, ответы законопослушных граждан по данному пункту были более разнообразны; спектр качеств, которых они ценят в людях, был шире, чем у террористов. Вероятно, это связано с более широким кругом их интересов, высоким образовательным и интеллектуальным уровнем, а также с лучшим знанием русского языка, богатым вокабуляром, умением точно сформулировать нюансы своих предпочтений.

Инструментальные ценности фигурировали в ответах испытуемых и по другим пунктам теста «Незаконченные предложения», изначально не предназначавшихся для их диагностики. Например, предложение «*Больше всего я люблю людей, которые...*» было включено в тест прежде всего для оценки системы отношений обследованных. Однако лишь небольшая часть участников исследования указали, кто эти люди: либо персонально, либо по принципу принадлежности к определенной группе (ответы «Пророк Мухаммед», «мать», «моя семья» и др.). Большинство же обследованных указали на то, *какие* это люди, какими свойствами и качествами они обладают (например, «честные», «добрые», «открытые»). Эти ответы фактически уточняли, дополняли и расширяли информацию, полученную в завершениях предложения «Я ценю в людях...».

При сравнении групп качеств в табл. 2 и 3, указанных террористами, видно, что в них в очень большой степени повторяются не только приведенные группы качеств и отдельные свойства, но и их иерархия в верхней части таблицы. Так, в обоих случаях с большим отрывом лидируют морально-этические качества, а среди них — честность, доброта и справедливость. Некоторые различия в ранге тех или иных качеств, их значимости для обследованных наблюдаются лишь в середине и нижней части таблиц. Например, интеллектуальные качест-

ва в одном случае указали 6 человек из основной группы (табл. 3), а в другом — лишь один (табл. 2).

Таблица 3

Больше всего я люблю людей, которые...

Ответы	Основная группа		Контрольная группа	
	Число ответов	%	Число ответов	%
Морально-этические качества	78	68,4	55	68,8
В том числе честные, правдивые	31	27,2	30	37,5
В том числе добрые	17	14,9	8	10,0
В т.ч.: справедливые	8	7,0	2	2,5
Религиозные качества и религиозные деятели	11	9,5	-	-
Это моя семья или ее отдельные члены	10	8,8	1	1,3
Интеллектуальные качества (умные, мудрые), образованность	6	5,3	6	7,5
Волевые качества (целеустремленные, сильные духом)	4	3,5	9	11,3
Коммуникативные качества	3	2,6	20	25,0
Эмоциональные характеристики	-	-	7	8,8
Нормальные, адекватные	3	2,6	3	3,8
Иные качества	14	12,3	15	18,8

Сходные данные были получены и в распределении ответов по пункту методики «Люди, которыми я восхищаюсь...». И здесь ответы в основном формировали образ такого человека через перечень его наиболее важных качеств, а лишь меньшая часть испытуемых прямо указывали на каких-либо конкретных лиц («отец», «мать», «Пророк Мухаммед» и др.).

Наконец, завершения предложения «Ненавижу людей, которые...» (табл. 4) дают представление об инструментальных ценностях испытуемых методом «от противного», т. е. об основных негативных качествах, отвергаемых обследованными, тех, которыми, по их мнению, обладают «плохие, скверные люди».

Таблица 4

Ненавижу людей, которые...

Ответы	Основная группа		Контрольная группа	
	Число ответов	%	Число ответов	%
Отрицательные морально-этические и нравственные качества и их поведенческие эквиваленты ⁸	83	72,8	82	102,5
В том числе лжецы, обманщики	36	31,6	43	53,8
В том числе несправедливые	9	7,9	-	-
В том числе злые	7	6,1	1	1,3

⁸ По сути, здесь речь идет о разных грамматических формах, имеющих очень близкое содержание: «Ненавижу людей, которые... “лжецы” или “обманывают”».

В том числе предатели	7	6,1	2	2,5
В том числе подлецы	6	5,3	8	10,0
В том числе наглые, хамы	3	2,6	2	2,5
В том числе хитрецы	2	1,8	-	-
В том числе корыстные, жадные	1	0,9	2	2,5
Интеллектуальные качества	2	1,8	3	3,8
Религиозные качества	1	0,9	-	-
Преступники, нарушители закона	9	7,9	24	30,0
В том числе насильники, убийцы	5	4,4	-	-
Лица, совершающие негативные действия или демонстрирующие негативное отношение к своей семье	2	1,8	-	-
Иные качества ⁹	11	9,7	12	15,0

Если сравнивать табл. 3 и 4, видно, что четыре верхние строки в них у террористов занимают диаметрально противоположные качества (честность—ложь, доброта—злость и др.) и обобщающая их группа (положительные либо отрицательные морально-нравственные свойства личности). Первые две позиции в этих таблицах эквивалентны по содержанию, но противоположны по знаку и у законопослушных лиц.

Примечательно, что и в этом незаконченном предложении антитеза справедливости — несправедливость была важна лишь для лиц, отбывавших наказание. Сказанное верно и для отвергаемых «антирелигиозных» качеств («безбожники»).

Лишь меньшую часть завершений этого предложения образуют ответы, в которых говорится уже не о негативно оцениваемых человеческих качествах, а о лицах, совершающих неодобряемые обследованными действия. В первую очередь это «преступники», «нарушители закона». Примечательно, что законопослушные граждане давали такие ответы почти в четыре раза чаще, чем террористы (30% и 7,9% ответивших на тест). Вероятно, важную роль здесь сыграла специфика профессиональной деятельности большинства членов контрольной группы (прокурорские работники). Зато лишь представители основной группы уточняли, что речь идет не о любых преступниках, а только о «насильниках» и/или «убийцах» (4,4%).

В целом, сходство инструментальных ценностей, полученных по разным пунктам методики, как напрямую, так и «от обратного», свидетельствует о высокой надежности и достоверности этих данных.

Выводы

1. Особое значение и для преступников-террористов, и для законопослушных граждан имеет сфера семейной жизни. Ценности, связанные с ней (семья, дети, родители, супруги др.), со значительным отрывом опережают все остальные для обеих групп.

2. Крайне значимую роль в жизни для многих обследованных преступников-террористов играет религиозная сфера, религиозные ценности (в отличие от подавляющего большинства представителей контрольной группы). Вероятно, искаженные представления об основных постулатах и требованиях религии, своем религиозном долге, о том, что такое «быть истинным мусульманином» (а как уже отмечалось, около 90% изученных нами лиц, отбывавших

⁹ В том числе предельно обобщенные формулировки («плохие люди», «скверные люди»).

наказание за совершение преступлений террористического характера, исповедовали ислам), в сочетании с яркой религиозностью подтолкнули их на путь террора. В связи с этим отметим, что потребность людей в обретении позитивной социальной идентичности, принадлежности к группе единомышленников, объединенных высокой идеей, активно эксплуатируют вербовщики террористических организаций. Давая вербуемым ими людям «простые ответы на сложные вопросы», предлагая несведущим в догматах ислама упрощенную и искаженную трактовку этого вероучения, они вовлекают в ряды своих организаций новых членов, убеждая их в том, что они будут бороться за защиту истинной веры.

3. Материальное благосостояние не является ведущей, главной ценностью для подавляющего большинства террористов, однако эта сфера, как показали другие результаты исследования, играет важную роль в иерархии потребностей у значительной части обследованных, стремящихся к достатку, повышению материального уровня.

4. Среди наиболее важных, значимых человеческих качеств (инструментальных ценностей), которыми субъекту необходимо обладать для достижения поставленных целей в жизни, и террористы, и законопослушные лица на первый план выдвигали морально-нравственные качества личности, а среди них — честность и доброту.

5. Различия в предпочтениях отдельных качеств из этой группы между преступниками и законопослушными лицами также проявились вполне отчетливо. Так, многие обследованные террористы считали, что с ними поступили и продолжают поступать несправедливо, из-за чего страдают не только они, но и их семьи, близкие. Поэтому тема справедливости была для них крайне значимой, болезненной. Соответственно, среди различных морально-нравственных свойств они называли справедливость как одно из важнейших, ключевых человеческих качеств, указывали ее значительно чаще, чем законопослушные лица.

Представители контрольной группы, в свою очередь, значительно чаще среди различных морально-нравственных качеств указывали на порядочность; они считали ее более важным качеством, чем террористы.

7. Среди других групп качеств законопослушные лица относительно чаще указывали на интеллектуальные, коммуникативные и эмоциональные характеристики, а также на профессиональные качества личности, практически не упоминавшиеся террористами. Последние же, как уже отмечалось, достаточно часто делали акцент на религиозных качествах личности.

Эти результаты также дают представление о соотносительной значимости соответствующих жизненных сфер для преступников-террористов по сравнению с законопослушными гражданами. Например, понятно относительно невысокое место области профессиональной деятельности для представителей основной группы: большинство из них ранее либо не имели постоянной работы, либо выполняли работу, не требующую высокой квалификации. Та работа, которой они занимались в период исполнения наказания, тем более не могла вызвать у них каких-либо особых положительных эмоций и симпатий к «коллегам» просто по факту ее выполнения. Очень многие члены контрольной группы, напротив, заняты важным и зачастую любимым делом; профессиональная деятельность является для них приоритетной сферой.

Значимость интеллектуальной сферы для представителей контрольной группы была выше, чем у основной, вероятно потому, что большинство ее представителей заняты интеллектуальным трудом, в целом они имели более высокий образовательный и культурный уровень, чем многие преступники-террористы. Соответственно, интеллектуальные качества первые оценивали несколько выше.

8. Наконец, в методическом плане результаты исследования продемонстрировали пригодность разработанного авторами варианта проективной методики «Незаконченные предложе-

ния» для изучения ценностных ориентаций такого специфического контингента испытуемых, как преступники-террористы.

Литература

1. Казачкова В.Г. Метод незаконченных предложений при изучении отношений личности // Вопросы психологии. 1989. № 3. С. 154–157.
2. Казберов П.Н. Особенности психологической работы с осужденными за террористическую и экстремистскую деятельность // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 61–66.
3. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Личность коррупционного преступника: психологическое исследование // Личность коррупционного преступника: монография / Под общ. ред. Р.В. Жубрина. М.: Проспект, 2019. С. 125–259.
4. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психологические особенности коррупционных преступников [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 2. С. 15–34. doi:10.17759/psylaw.2018080202
5. Ратинов А.Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход // Личность преступника как объект психологического исследования: Сборник научных трудов / Под ред. А.Р. Ратинова. М., 1979. С. 3–33.
6. Ратинов А.Р. К ядру личности преступника // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии: Сборник научных трудов. М., 1981. С. 67–86.
7. Пахомов А.П. Методика «Незаконченные предложения» Сакса — Леви как учебное пособие // Экспериментальная психология. 2012. Том 5. № 4. С. 99–116.
8. Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values. San Francisco: Josey-Bass Co, 1972.
9. Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y.: Free Press, 1973.

References

1. Kazachkova V.G. Metod nezakonchennykh predlozhenii pri izuchenii otnoshenii lichnosti. *Voprosy psikhologii*, 1989, no. 3, pp. 154–157. (In Russ.).
2. Kazberov P.N. Osobennosti psikhologicheskoi raboty s osuzhdennymi za terroristicheskuyu i ekstremistskuyu deyatel'nost' [Features of psychological work with convicted terrorist and extremist activity]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2013, no. 4 (56), pp. 61–66. (In Russ.).
3. Kroz M.V., Ratinova N.A. Lichnost' korruptsionnogo prestupnika: psikhologicheskoe issledovanie. In R.V. Zhubrin (ed.). *Lichnost' korruptsionnogo prestupnika: Monografiya*. Moscow: Prospekt, 2019, pp. 125–259. (In Russ.).
4. Kroz M.V., Ratinova N.A. Psikhologicheskie osobennosti korruptsionnykh prestupnikov [Psychological features of corruption criminals] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo. = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 15–34. doi:10.17759/psylaw.2018080202 (In Russ.).
5. Ratinov A.R. Psikhologiya lichnosti prestupnika. Tsennostno-normativnyi podkhod. In R.V. Ratinov (ed.). *Lichnost' prestupnika kak ob"ekt psikhologicheskogo issledovaniya: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, 1979, pp. 3–33. (In Russ.).
6. Ratinov A.R. K yadru lichnosti prestupnika. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava i kriminologii: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, 1981, pp. 67–86. (In Russ.).
7. Pakhomov A.P. Metodika “nezakonchennye predlozheniya” Saksa — Levi kak uchebnoe posobie [The sentence completion test (Sacks & Levy) as a training manual]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 2012. Vol. 5, no. 4, pp. 99–116. (In Russ.).
8. Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values. San Francisco: Josey-Bass Co, 1972.

Кроз М.В., Ратинова Н.А.
Ценностные ориентации преступников-террористов
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 99–110.

Kroz M.V., Ratinova N.A.
Value Orientations of Terrorist Criminals
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 99–110.

9. Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y.: Free Press 1973.

Информация об авторах

Кроз Михаил Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел психологического обеспечения прокурорской деятельности, Научно-исследовательский институт, Университет прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО УП РФ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9705-2365>, e-mail: m.kroz@mail.ru

Ратинова Наталья Александровна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел психологического обеспечения прокурорской деятельности, Научно-исследовательский институт, Университет прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО УП РФ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7080-1853>, e-mail: ratinova.n@yandex.ru

Information about the authors

Mikhail V. Kroz, PhD in Psychology, Docent, Leading Researcher, Department of Psychological Support of Prosecutorial Activity, Research Institute, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9705-2365>, e-mail: m.kroz@mail.ru

Nataliya A. Ratinova, PhD in Psychology, Leading Researcher, Department of Psychological Support of Prosecutorial Activity, Research Institute, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7080-1853>, e-mail: ratinova.n@yandex.ru

Получена 27.11.2021
Принята в печать 21.03.2022

Received 27.11.2021
Accepted 21.03.2022

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ |
PERSONALITY ORIENTED PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGIES
IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

Диагностика системы ценностных ориентаций студентов и курсантов образовательных организаций ФСИН России

Терехова Т.А.

Иркутский государственный университет (ФГБОУ ВО ИГУ), г. Иркутск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9413-9817>, e-mail: terehovata@mail.ru

Самойлик Н.А.

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России), г. Новокузнецк, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>, e-mail: nat-samojlik@yandex.ru

Серегина О.С.

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт, Кемеровский государственный университет (КГПИ ФГБОУ ВО КемГУ), г. Новокузнецк, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1187-2165>, e-mail: sereginaos@mail.ru

Тавилова Н.Н.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1310-0487>, e-mail: natta2575@yandex.ru

В работе раскрываются результаты сравнительного анализа выраженности ценностных ориентаций студентов и курсантов ведомственных вузов ФСИН России. Было выдвинуто предположение о наличии различий в ценностной сфере респондентов в связи со спецификой организации образовательного процесса. В исследовании приняли участие 280 обучающихся возрасте 19—21 лет ($M=20,05$; $\sigma=0,3$); из них 69% юношей и 31% девушек. Исследование осуществлялось с помощью следующих методик: «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (С.С. Бубнова), «Опросник терминальных ценностей» (И.Г. Сенин), «Диагностика профессионально-ценностных ориентаций личности» (Н.А. Самойлик). Отмечается, что в условиях обучения в ведомственном вузе организуется целенаправленный процесс формирования системы профессионально значимых ориентиров, являющихся ведущим фактором паттерна профессиональной деятельности и отражающих результативность выполнения поставленных служебных задач. У студентов гражданских вузов ценностная направленность на будущую профессию также выражена, но есть незначительные расхождения с курсантами в понимании содержания личностного и профессионального развития.

Ключевые слова: ценностные ориентации, курсанты, студенты, ведомственные вузы, гражданские вузы, пенитенциарная система.

*Терехова Т.А., Самойлик Н.А.,
Серегина О.С., Тавтилова Н.Н.*
Диагностика системы ценностных ориентаций
студентов и курсантов образовательных
организаций ФСИН России
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 111–124.

*Terekhova T.A., Samoylik N.A.,
Seregina O.S., Tavtilova N.N.*
Diagnostics of the System of Value Orientations
of Students and Cadets of Educational Organizations
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 111–124.

Для цитаты: *Терехова Т.А., Самойлик Н.А., Серегина О.С., Тавтилова Н.Н.* Диагностика системы ценностных ориентаций студентов и курсантов образовательных организаций ФСИН России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 111–124. DOI:10.17759/psylaw.2022120209

Diagnostics of the System of Value Orientations of Students and Cadets of Educational Organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia

Terekhova T.A.

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9413-9817>, e-mail: terehovata@mail.ru

Samoylik N.A.

Kuzbass Institute of Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>, e-mail: nat-samoylik@yandex.ru

Seregina O.S.

Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute, Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1187-2165>, e-mail: sereginaos@mail.ru

Tavtilova N.N.

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1310-0487>, e-mail: natta2575@yandex.ru

The paper reveals the results of a comparative analysis of the pronouncedness of value orientations of students and cadets of departmental universities of the Federal Penitentiary Service of Russia. It was hypothesized that there are differences in the value sphere of the respondents due to the specifics of their educational organizations. The study involved 280 students aged 19–21 years ($M=20.05$; $\sigma=0.3$); 69% of them were males and 31% were females. The study was carried out using the following methods: “diagnostics of the real structure of the value orientations of an individual” (by Bubnova S.S.), “questionnaire of terminal values” (Senin I.G.), “diagnostics of the professional and value orientations of an individual” (Samoylik N.A.). It is pointed out that in a departmental university they organize a targeted process of developing a system of professionally significant orientations in cadets. Such orientations are the leading factor in the pattern of cadets’ future professional activities and reflect the success in the accomplishment of their designated tasks. Students of civil universities also have a strong value orientation towards their future profession, but there are minor differences with cadets in understanding of the substance of their personal and professional development.

Keywords: value orientations, cadets, students, departmental universities, civil universities, the penitentiary system.

Терехова Т.А., Самойлик Н.А.,
Серегина О.С., Тавтилова Н.Н.
Диагностика системы ценностных ориентаций
студентов и курсантов образовательных
организаций ФСИН России
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 111–124.

Terekhova T.A., Samoylik N.A.,
Seregina O.S., Tavtilova N.N.
Diagnostics of the System of Value Orientations
of Students and Cadets of Educational Organizations
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 111–124.

For citation: Terekhova T.A., Samoylik N.A., Seregina O.S., Tavtilova N.N. Diagnostics of the System of Value Orientations of Students and Cadets of Educational Organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 111–124. DOI:10.17759/psylaw.2022120209 (In Russ.).

Введение

Система ценностных ориентаций представляет собой многогранное сложное социально-психологическое образование личности и влияет на все стороны жизни человека. Осознанные позиционные грани отношений к себе и обществу обуславливают содержание и направление непрерывности процесса развития личности.

Отечественные психологи традиционно рассматривают формирование личности в системе развития ее ценностной сферы. В работах Б.Г. Ананьева [2], Н.А. Журавлевой [9], В.П. Зинченко [10], Д.А. Леонтьева [14], С.Л. Рубинштейна [18] выявлено и охарактеризовано единство и неразрывность индивидуального и общественного, внешнего и внутреннего содержания индивида. При этом конкретно-регуляторные образования, а именно потребности и личностные ценности, выступают как трансситуативные. Ценностные ориентации, как трансситуативный и наиболее стабильный компонент направленности, задают определенный вектор всей жизнедеятельности субъекта.

По мнению Д.И. Фельдштейна, формирование системы ценностных ориентаций проходит через опыт отношений с окружающим миром и актуализируется в период ранней юности [20]. Юношеский возраст — «период высокой сензитивности к формированию мировоззрения и целостной картины мира, в которой ценностные ориентации выступают как психологические новообразования» [17, с. 16].

Период юности связан и с проблемой профессионального самоопределения. При выборе будущей профессии особую роль играет ценностный компонент, «формирующий на основе личностных новообразований психологического возраста, определяющий наличие интереса к выбранной специальности, осознанность сделанного выбора, желание учиться в вузе по выбранной профессии» [20, с. 111].

Однако вопрос о том, какие именно ценности играют большую роль в профессиональном становлении специалиста, что движет им и ради чего он выбирает тот или иной профессиональный путь, какие особенности в системе ценностных ориентаций развиты у студентов и курсантов образовательных организаций, какие трансформируются и преобладают, представляется нам недостаточно изученным.

На формирование и развитие профессионально-ценностных ориентаций большое влияние оказывают вузовская среда, процесс образования и обучения, в рамках которых обучающиеся приобретают не только профессиональные знания, но и первый опыт профессионально-практической деятельности [7]. На современном этапе науки изучением ценностных ориентаций учащихся вузов занимаются М.Л. Алемасова [1], Н.В. Богданович [3], Н.А. Буравлева [6], Т.И. Куликова [13], Е.И. Мишина [23], С.Ю. Шалова [23] и др. В данных исследованиях отражается идея о необходимости формирования ценностных категорий труда, обуславливающих успешность будущих специалистов. Именно в ходе специализированного обучения формируются образ будущей профессиональной деятельности, профессионально-ценностные ориентации, происходит развитие личности и постепенное утверждение себя как представителя определенной трудовой области [2].

Особое место в контексте изучения и анализа ценностных ориентаций занимают представители групп профессий с особыми условиями службы, связанными с высоким уровнем конфликтности и стрессогенности. К ним относятся сотрудники уголовно-исполнительной системы (далее — УИС). Рассмотрению ценностных ориентаций представителей пенитенциарной сферы труда посвящены работы Н.Н. Белогорцева [3], Э.В. Дарбиняна [8], М.М. Ицковича [11], В.С. Красника [12], С.В. Маришина [15], Н.А. Самойлик [19], В.А. Шалаева [22] и др. Несмотря на активный интерес исследователей к данному вопросу, в настоящее время отсутствуют исследования, содержание которых представляет собой сравнительный анализ ценностных ориентаций студентов и обучающихся ведомственных вузов, что и определило проблематику и актуальность нашей статьи.

Целью эмпирического исследования стало изучение особенностей в системе ценностных ориентаций студентов и курсантов образовательных организаций ФСИН России и выявление статистически значимых различий в выраженности структурных компонентов ценностей. Предполагалось, что система ценностных ориентаций студентов и курсантов ведомственных вузов будет различаться в связи со спецификой организации образовательного процесса.

Метод исследования

Исследование проводилось в 2020 году на базе таких образовательных учреждений, как ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань), ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России» (г. Новокузнецк), Новокузнецкий филиал-институт ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк), ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (г. Иркутск). Выборку составили 140 курсантов и 140 студентов, обучающихся на третьем курсе. Возраст испытуемых — 19—21 год ($M=20,05$; $\sigma=0,3$); из них 69% юношей и 31% девушек. Диагностика осуществлялась с помощью следующих методик: «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (С.С. Бубнова), «Опросник терминальных ценностей» («ОТеЦ») (И.Г. Сенин), «Диагностика профессионально-ценностных ориентаций личности» («ДиПЦОЛ») (Н.А. Самойлик).

Результаты исследования

На основе полученных результатов диагностики по опроснику «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (С.С. Бубнова) можно констатировать, что у студентов НФИ КемГУ в большей степени выражена значимость приятного времяпрепровождения и отдыха ($M=4,47$) (рис. 1). Подобная тенденция наблюдается и у обучающихся ИГУ ($M=4,16$). В то же время у курсантов ведомственных вузов данный показатель несколько снижен в виду того, что их свободное время занято различными служебными и воспитательными мероприятиями, включенными в образовательный процесс. Осознание важности материального положения и благосостояния выражено в диапазоне $2\div 3,52$, что свидетельствует о равной представленности данного ценностного компонента в структуре личности представителей выборки.

Для курсантов Академии характерно понимание важности эстетических ценностей ($M=4,18$), демонстрирующее общую направленность на наслаждение прекрасным и достижение гармонии. Студенты НФИ КемГУ и ИГУ также определяют названную ценностную ориентацию как лидирующую ($M=4,00$ и $M=3,92$ соответственно). Однако по данному показателю обнаружены достоверно значимые различия ($N=138,23$ при $p\leq 0,05$), свидетельствующую

щие о выраженности мотивации поддержки и участия, равнодушия и заботы о людях в исследуемых группах (табл. 1).

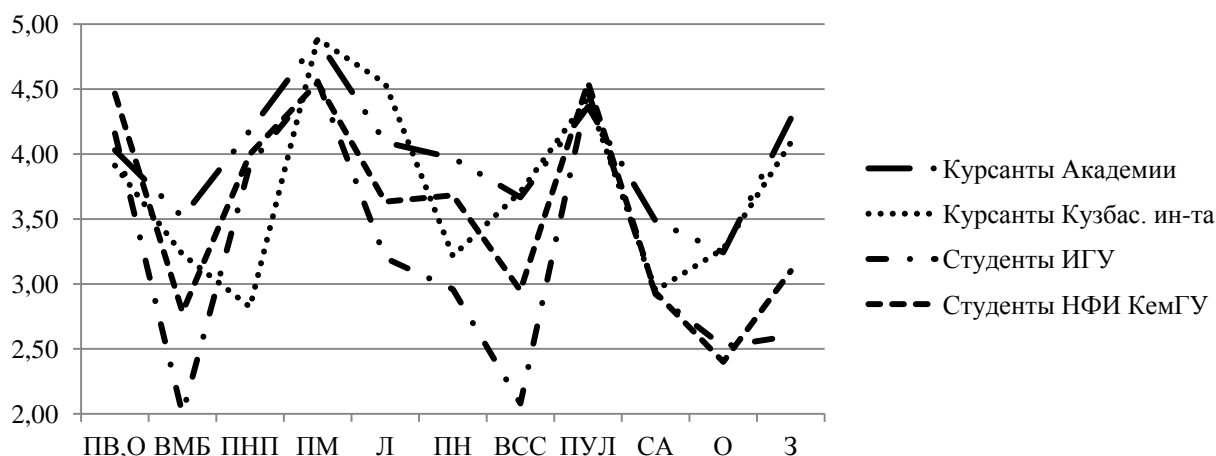

Рис. 1. Выраженность структурных элементов ценностных ориентаций у студентов и курсантов: ПВ,О — приятное времяпрепровождения, отдыха; ВМБ — высокое материальное благосостояние; ПНП — поиск и наслаждение прекрасным; ПМ — помощь и милосердие к другим людям; Л — любовь; ПН — познание нового в мире, природе, человеке; ВСС — высокий социальный статус и управление людьми; ПУЛ — признание и уважение людей и влияние на окружающих; СА — социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе; О — общение; З — здоровье (в табл. 1 используются те же сокращения)

Таблица 1

Сравнительный анализ выраженности структурных элементов ценностных ориентаций у студентов и курсантов (N=280)

Ценностные ориентации	Курсанты Академии		Курсанты Кузбас. ин-та		Студенты ИГУ		Студенты НФИ КемГУ		Н-критерий Краскала—Уоллиса
	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ	
ПВ,О	4,03	1,13	3,91	0,99	4,16	0,78	4,41	0,98	173,16
ВМБ	3,52	1,14	3,23	1,21	2	0,96	2,80	1,04	214,18
ПНП	4,18	1,01	2,82	1,32	3,92	0,98	3,97	1,00	138,23*
ПМ	4,88	0,74	4,89	0,73	4,56	0,78	4,48	1,05	109,53
Л	4,09	0,77	4,54	0,79	3,2	1,23	3,63	1,04	153,05
ПН	3,97	0,95	3,22	1,30	2,96	1,08	3,61	1,13	162,28
ВСС	3,67	1,19	3,71	1,26	2,08	1,23	2,85	1,29	178,35**
ПУЛ	4,36	0,98	4,43	0,95	4,48	0,86	4,47	0,96	150,94
СА	3,48	1,20	2,95	1,00	2,92	0,99	2,90	0,92	126,27
О	3,24	0,91	3,27	0,71	2,52	0,86	2,37	0,74	173,61*
З	4,27	0,98	4,05	0,69	2,6	1,10	3,03	0,85	134,59

Примечание: здесь и далее в таблице 2: «*» — различия значимы на уровне $p \leq 0,05$; «**» — различия значимы на уровне $p \leq 0,01$.

Данный результат в некоторой степени отражает установки на будущую профессиональную деятельность. Часть респондентов — педагоги и психологи, чья работа связана с необходимостью целенаправленного развития личности с богатым внутренним миром. Будущая служебная деятельности курсантов направлена на систематическое взаимодействие с различными категориями осужденных в процессе их исправления, что также предполагает активную альтруистическую позицию.

Понимание социальной активности для достижения позитивных изменений в обществе присуще курсантам Академии ($M=3,48$) и выражается, с точки зрения И.Ф. Бережной и А.О. Зыковой, в «...активной жизненной позиции человека и характеризует ее высший этап, на котором жизнедеятельность человека приобретает социально значимый смысл» [4, с. 174]. Несколько менее выражено понимание данной ценности в других группах респондентов, что демонстрирует частичное осмысление роли социальной инициативы не только для общества, но и для личностного развития.

Следует заметить, что такой компонент ценностных ориентаций, как общение, носит обязательный характер для всех представителей выборки. В то же время в ходе анализа получены достоверно значимые различия по данному показателю ценностных ориентаций ($N=173,61$ при $p \leq 0,05$). У обучающихся Кузбасского института и Академии обнаружены более высокие показатели значимости общения, чем у студентов. Незначительные расхождения в показателях связаны с интенсивностью взаимодействия между курсантами и сотрудниками ведомственного вуза по причине того, что в первые годы обучения большая часть времени отводится на совместные мероприятия. Такие условия образовательной деятельности созданы для интериоризации ценностных норм служебной деятельности и идентификации себя с представителями профессионального сообщества. Некоторое снижение понимания общения как ценностной категории характерно для студентов, насыщенность межличностных контактов которых определяется только образовательным процессом.

Отсутствие статистически значимых различий по показателю «здоровье» в исследуемых группах свидетельствует об одинаковой представленности данной ценности и общей направленности на поддержание физических и психологических ресурсов организма.

Анализ полученных результатов диагностики респондентов по «Опроснику терминальных ценностей» И.Г. Сенина в рамках обозначенной проблемы в полном объеме невозможно в силу большого объема шкал. Но некоторые результаты представляют научный интерес. Так, достоверно значимые различия были получены по пониманию собственного престижа в профессиональной деятельности ($N=259,05$ при $p \leq 0,01$). У обучающихся ведомственных вузов более выражено стремление иметь профессию, которая обладает высоким социальным статусом, детерминированным функциональными обязанностями по обеспечению безопасности общества от наиболее опасных преступников. В то же время студенты вузов, оценивая престижность выбранной сферы труда, скорее ориентированы на заинтересованность в мнении окружающих и референтных лиц относительно правильности выбора будущей профессии.

В сфере обучения и образования ведущую роль в выборке курсантов играют социальные контакты, отражающие потребность идентификации себя с определенной профессиональной группой и формирования авторитета среди коллег ($N=302,47$ при $p \leq 0,05$). Желание достигнуть определенных успехов в учебной деятельности у них обосновано необходимостью вхождения в профессиональную группу сотрудников УИС. Студенты в вышеназванной жизненной сфере предпочитают развивать креативность ($N=249,11$ при $p \leq 0,05$), а также понимают

важность достижений в труде ($N=236,7$ при $p \leq 0,05$). Полученный результат определяет характер обучения, ориентированный на тесное и эффективное взаимодействие с объектами педагогического и психологического воздействия. Данный факт подтверждается и высокими показателями в развитии личностных качеств именно у студентов, обучающихся по профессиям типа «человек—человек» ($M=7,0 \div 7,21$). При этом по критерию U Манна—Уитни достоверных различий между студентами ИГУ и НФИ КемГУ не было выявлено ($U=629,5$ при $p=0,412$), а между курсантами и обучающимися гражданских вузов были обнаружены достоверные различия ($U=409,0$ при $p=0,013$), что позволяет утверждать нетождественное представление студентов и курсантов относительно формирования своей личности и ее внутреннего мира с учетом особенностей будущей профессии.

В то же время практически равнозначно в исследуемых группах выражено понимание значимости обучения и образования в контексте личностного и профессионального развития ($N=465,11$ при $p=0,108$), позволяющее констатировать особую заинтересованность в изучении своих способностей, умений и навыков и возможности их развития.

Результаты анализа важных жизненных сфер в группах показывают, что курсанты Кузбасского института ($M=57,24$) и студенты НФИ Кемгу ($M=54,10$) более ориентированы на обучение и образование, курсанты Академии — на профессиональную деятельность ($M=55,11$), студенты ИГУ — на сферу семейной жизни ($M=53,56$). Данный факт отражает специфику ценностного мира респондентов, представляющего собой неотъемлемую часть личностного и профессионального развития.

Следующим этапом диагностики ценностных ориентаций студентов и курсантов образовательных организаций ФСИН России стало изучение системы профессионально-ценностных ориентаций. Типы профессионально-ценностных ориентаций в исследуемых группах представлены на рис. 2.

На рис. 2 наглядно видны различия в показателях проявления типов профессионально-ценностных ориентаций: у курсантов ведомственных вузов ФСИН России преобладает когнитивный тип, связанный с осознанием необходимости получения новых знаний и последующей реализацией их в практической деятельности. Приобретение профессиональных знаний не только повышает качественные показатели службы, но и задает траекторию личностного роста в процессе труда. Смешанный тип профессионально-ценностных ориентаций присущ студентам вузов. Данное обстоятельство, вероятно, отражает неопределенность относительно сферы будущей профессиональной деятельности, в связи с чем несколько затруднен когнитивный аспект осмысления специфики будущей профессии и профессиональных обязанностей. Кроме того, у обучающихся специализированных вузов намечается тенденция к формированию поведенческого типа профессионально-ценностных ориентаций, включающая в себя активную личностную позицию по некоторым служебным вопросам. Реализация данного типа в условиях получения высшего образования предполагает выполнение поставленных задач для совершенствования способов предстоящей службы. В то же время заметим, что для студентов лидирующим типом профессионально-ценностных ориентаций является эмоциональный, выражающий высокий уровень удовлетворенности результатами обучения и определения личностно значимой цели профессионального развития в части самореализации.

В таблице 2 представлены средние значения выраженности профессионально-ценностных ориентаций у курсантов и студентов. При помощи H -критерий Краскала—Уоллиса было доказано, что статистически значимыми являются такие профессионально-ценностные ориен-

тации, как ценности-отношения (N=297,4 при $\rho \leq 0,05$), ценности-результат (N=269,5 при $\rho \leq 0,05$) и ценности-умения (N=262,0 при $\rho \leq 0,05$).

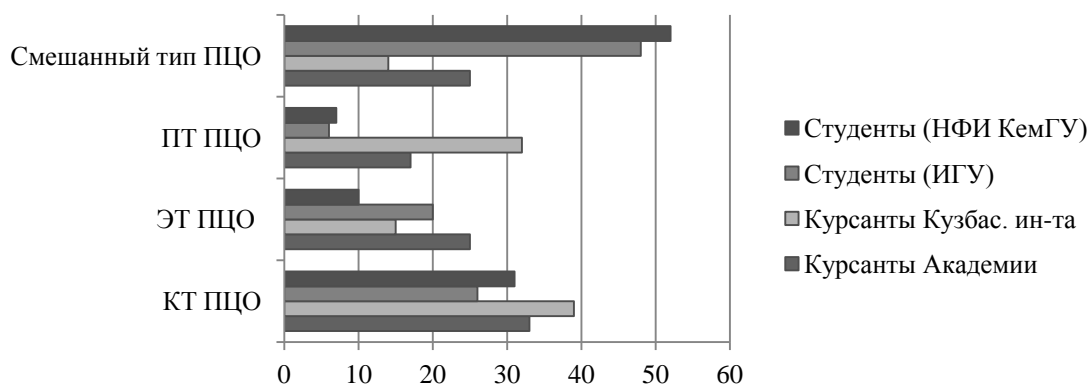

Рис. 2. Представленность типов профессионально-ценностных ориентаций в исследуемых группах (%): КТ ПЦО — когнитивный тип профессионально-ценностных ориентаций, ЭТ ПЦО — эмоциональный тип профессионально-ценностных ориентаций, ПТ ПЦО — поведенческий тип профессионально-ценностных ориентаций

Таблица 2

Сравнительный анализ выраженности профессионально-ценностных ориентаций студентов и курсантов (N=280)

Ценностные ориентации	Курсанты Академии		Курсанты Кузбас. ин-та		Студенты ИГУ		Студенты НФИ КемГУ		Н-критерий Краскала—Уоллиса
	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ	
Ц-О	5,94	0,79	6,08	1,05	5,4	1,2	5,53	1,04	297,4*
Ц-З	5,61	0,92	5,54	0,81	5,64	0,72	5,58	1,0	285,7
Ц-Ц	5,48	0,98	5,48	0,89	4,52	0,94	4,55	1,0	255,0
Ц-Р	6,06	1,01	6,65	1,10	5,6	0,94	5,7	1,05	269,5*
Ц-К	5,91	1,17	5,59	1,30	5,28	1,09	5,77	1,12	236,0
Ц-У	6,52	0,96	6,09	0,94	5,52	1,1	5,55	0,65	262,0*

Примечание: Ц-О — ценности-отношения, Ц-З — ценности-знания, Ц-Ц — ценности-цели, Ц-Р — ценности-результат, Ц-К — ценности-качества, Ц-У — ценности-умения.

Полученные результаты позволяют утверждать, что у курсантов более представлена значимость отношений в служебной деятельности. Данный факт свидетельствует о понимании важности поддержания межличностных отношений, имеющих бесконфликтный характер и предполагающих мотивацию сотрудничества. Преобладание положительного отношения к профессиональной деятельности демонстрирует потребность в достижении результатов и стремление к преодолению возникающих сложностей, как в учебной, так и в служебной деятельности. Незначительное снижение уровня значимости отношений в группах студентов обусловлено организацией учебной деятельности.

Более выражено понимание важности результата у обучающихся ведомственных вузов. Можно предположить, что осмысление результативности детерминировано субъективной оценкой себя как будущего специалиста, способного к достижению новых профессиональных высот и становлению мотивации профессионального саморазвития. Соответственно, результат предстоящей служебной деятельности курсантов представляется более очевидным вследствие четкой регламентированности законодательством данной сферы труда, в то время как результативность студентов педагогов и психологов определяется профессиональной деятельностью, которая, по мнению Н.В. Богданович и соавторов, «...связана с ситуациями неопределенности, индивидуальным подходом к каждому случаю, и, кроме того, не всегда есть понимание того, как найти «свое» место в рамках организации (карьерные перспективы не всегда понятны)» [3, с. 240].

Для курсантов наиболее высокую значимость в процессе обучения в вузе приобретают умения, которые подразумевают ориентацию на овладение комплексом профессиональных способностей для совершенствования результативности предстоящей служебной деятельности. Одним из наиболее перспективных служебных умений является самостоятельность в принятии решений. Зачастую сотрудники исправительных учреждений сталкиваются с экстремальными ситуациями, в которых нужно быстро ориентироваться, проявляя при этом аналитические и прогностические способности. От такого решения зависит не только оперативная обстановка в учреждении, но и жизнь многих людей. У студентов осмысление значимости профессиональных умений выражено умеренно. В отличие от курсантов, они еще не сталкивались с реальной практической профессиональной деятельностью, а только готовятся к ней. Курсанты же, обучаясь в вузе, выполняют некоторые служебные обязанности (несение службы в нарядах, обеспечение контрольно-пропускного режима, патрулирование территории, участие в мероприятиях совместно с правоохранительными органами), что обеспечивает формирование у них необходимых профессиональных умений.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование системы ценностных ориентаций студентов и курсантов образовательных организаций ФСИН России позволяет сделать следующие выводы.

Ценностные ориентации студентов и обучающихся ведомственных вузов характеризуются направленностью на активные социальные контакты и общение, что отражает специфику периода юношества в целом. Потребность в тесном взаимодействии более выражена у обучающихся ведомственных вузов в силу специфики профессионального обучения и предстоящей служебной деятельности. Кроме того, студенты и курсанты практически одинаково оценивают важность будущей профессиональной деятельности для себя и социума в целом. При этом студенты престижность профессии определяют для себя, а курсанты — для общества.

Выраженность у курсантов ведомственных вузов когнитивного типа профессионально-ценностных ориентаций свидетельствует об осмысленности необходимости получения знаний для успешности в служебной деятельности. На основе результатов исследования можно утверждать о складывающейся тенденции к формированию поведенческого типа профессионально-ценностных ориентаций в данной группе. В выборке студентов преобладает смешанный тип профессионально-ценностных ориентаций, отражающий неустойчивость и размытость представлений о практической профессиональной деятельности. Однако в содержание ценностной сферы студенты в качестве значимых ориентиров профессии включили креатив-

Терехова Т.А., Самойлик Н.А.,
Серегина О.С., Тавтилова Н.Н.
Диагностика системы ценностных ориентаций
студентов и курсантов образовательных
организаций ФСИН России
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 111–124.

Terekhova T.A., Samoylik N.A.,
Seregina O.S., Tavtilova N.N.
Diagnostics of the System of Value Orientations
of Students and Cadets of Educational Organizations
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 111–124.

ность и достижения, что позволяет говорить о понимании важности личностного роста для результативности своего труда.

В заключение отметим, что результаты проведенного исследования можно использовать при проведении индивидуального психологического консультирования с обучающимися вузов, при планировании и проведении тренингов, направленных на формирование системы ценностных ориентаций..

Литература

1. Алемасова М.Л. Ценностные ориентации студентов // Наука и образование. 2019. Том 4. № 2. С. 4–5.
2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб: Питер, 2001. 272 с.
3. Белогорцев Н.Н. К проблеме формирования профессионально-ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций ФСИН России // Символ науки. 2016. № 8-2 (20). С. 112–114.
4. Бережная И.Ф., Зыкова А.О. Содержание категории «социальная активность» в психологии и педагогике // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2012. Том 8. № 10-2. С. 171–177.
5. Богданович Н.В., Щеткина Е.И., Борисова А.А., Шевцова Н.А., Мусеева Л.П. Особенности ценностно-смысловой сферы у студентов в период обучения в вузе [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 232–249. doi:10.17759/psylaw.2019090216
6. Буравлева Н.А. Ценностные ориентации студентов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 6 (108). С. 124–129.
7. Бякова Н.В. Исследование ценностных ориентаций на первых этапах освоения профессии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2008. Том 14. № 1. С. 37–40.
8. Дарбинян Э.В. Формирование профессиональных ценностей курсантов вузов внутренних войск МВД России // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3 (52). С. 138–140.
9. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 333 с.
10. Зинченко В.П. Ценности в структуре сознания [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=363 (дата обращения: 12.12.2020).
11. Ицкович М.М. Ценностно-смысловые детерминанты поведения сотрудников УИС. Екатеринбург: Ажур, 2016. 116 с.
12. Красник В.С. Исследование ценностной и мотивационной сфер личности сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний на разных этапах служебной деятельности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. Том 2. № 3. С. 1–8. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n3/54064.shtml> (дата обращения: 18.12.2020).
13. Куликова Т.В. Динамика ценностных ориентаций студентов в процессе обучения в педагогическом вузе [Электронный ресурс] // GESJ: Education Science and Psychology. 2019. № 2 (52). С. 30–37. URL: <http://gesj.internet-academy.org/ge/download.php?id=3213.pdf&t=1> (дата обращения: 18.12.2020).

Терехова Т.А., Самойлик Н.А.,
Серегина О.С., Тавтилова Н.Н.
Диагностика системы ценностных ориентаций
студентов и курсантов образовательных
организаций ФСИН России
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 111–124.

Terekhova T.A., Samoylik N.A.,
Seregina O.S., Tavtilova N.N.
Diagnostics of the System of Value Orientations
of Students and Cadets of Educational Organizations
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 111–124.

14. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1996. № 4. С. 35–44.
15. Маришин С. В. Психология профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2017. 202 с.
16. Мишина Е.И. Ценностные ориентации современных студентов // Прикладная психология и психоанализ. 2018. № 1. С. 7–8.
17. Молчанов С.В. Особенности ценностных ориентаций личности в подростковом и юношеском возрастах [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2005. Том 10. № 3. С. 16–25. URL: <https://psyjournals.ru/en/psyedu/2005/n3/51741.shtml> (дата обращения: 18.12.2020).
18. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
19. Самойлик Н.А. Профессионально-ценностные ориентации специалистов особых условий труда (на примере сотрудников уголовно-исполнительной системы) [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Том 24. № 1 (76). С. 104–110. doi:10.24411/1999-6241-2019-11015
20. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. М.: МПСИ, 1999. 672 с.
21. Чеснокова О.Б., Чурбанова С.М., Молчанов С.В. Профессиональное самоопределение в юношеском возрасте как структурный компонент будущего профессионализма: социокognitive и креативные факторы [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. № 4. С. 109–118. doi:10.17759/chp. 2019150411
22. Шалаев В.А. Проблематика профессионального развития сотрудников уголовно-исполнительной системы // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 7. С. 263–269.
23. Шалова С.Ю. Профессиональные ценности в системе ценностных ориентаций студентов педвуза [Электронный ресурс] // Наукoведение. 2013. № 3. С. 1–9. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/48pvn313.pdf> (дата обращения: 18.12.2020).

References

1. Alemasova M.L. Tsennostnye orientatsii studentov [Value orientations of students]. *Nauka i obrazovanie = Science and Education*, 2019. Vol. 4, no. 2, pp. 4–5. (In Russ.).
2. Ananyev B.G. O problemakh sovremennogo chelovekoznaniya. Saint Petersburg: Piter, 2001. 272 p. (In Russ.).
3. Belogortsev N.N. K probleme formirovaniya professional'no-tsennostnykh orientatsii kursantov obrazovatel'nykh organizatsii FSIN Rossii. *Simvol nauki = Symbol of Science*, 2016, no. 8-2 (20), pp. 112–114. (In Russ.).
4. Berezhnaya I.F., Zykova A.O. Soderzhanie kategorii “sotsial'naya aktivnost'” v psikhologii i pedagogike [The concept of social activity as a category of psychology and pedagogy] *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Voronezh State Technical University*, 2012. Vol. 8, no. 10-2, pp. 171–177. (In Russ.).
5. Bogdanovich N.V., Shchetkina E.I., Borisova A.A., Shevtsova N.A., Moiseeva L.P. Osobennosti tsennostno-smyslovoi sfery u studentov v period obucheniya v vuze [Features of the Value-Semantic Sphere of Students in the Period of Study at the University] [Elektronnyi resurs].

Терехова Т.А., Самойлик Н.А.,
Серегина О.С., Тавтилова Н.Н.
Диагностика системы ценностных ориентаций
студентов и курсантов образовательных
организаций ФСИН России
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 111–124.

Terekhova T.A., Samoylik N.A.,
Seregina O.S., Tavtilova N.N.
Diagnostics of the System of Value Orientations
of Students and Cadets of Educational Organizations
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 111–124.

Psikhologiya i parvo = Psychology and Law, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 232–249.
doi:10.17759/psylaw.2019090216 (In Russ.).

6. Buravleva N.A. Tsennostnye orientatsii studentov [Valued orientations of students]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, no. 6 (108), pp. 124–129. (In Russ.).

7. Byakova N.V. Issledovanie tsennostnykh orientatsii na pervykh etapakh osvoeniya professii [Research of value orientations at the first stages of mastering the profession]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvnologiya. Sotsiokinetika = Bulletin of Kostroma State University*, 2008. Vol. 14, no. 1, pp. 37–40. (In Russ.).

8. Darbinyan E.V. Formirovanie professional'nykh tsennostei kursantov vuzov vnutrennikh voisk MVD Rossii [The formation of professional values of students of higher education institutions of internal troops of the MIA of Russia]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture and Education*, 2015, no. 3 (52), pp. 138–140. (In Russ.).

9. Zhuravleva N.A. Dinamika tsennostnykh orientatsii lichnosti v rossiiskom obshchestve. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2006. 333 p. (In Russ.).

10. Zinchenko V.P. Tsennosti v strukture soznaniya [Elektronnyj resurs]. *Voprosy filosofii = Voprosy Filosofii*, 2011, no. 8, pp. 85–97. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=363 (Accessed 12.12.2020). (In Russ.).

11. Itskovich M.M. Tsennostno-smyslovye determinanty povedeniya sotrudnikov UIS. Yekaterinburg: Azhur, 2016. 116 p. (In Russ.).

12. Krasnik V.S. Issledovanie tsennostnoi i motivatsionnoi sfer lichnosti sotrudnikov Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii na raznykh etapakh sluzhebnoi deyatelnosti [Research of axiological and motivational spheres of personality of the officers of the Federal Penal Service on different stages of professional activity] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2012. Vol. 2, no. 3, pp. 1–8. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n3/54064.shtml> (Accessed 18.12.2020) (In Russ.).

13. Kulikova T.V. Dinamika tsennostnykh orientatsii studentov v protsesse obucheniya v pedagogicheskom vuze [The dynamics of the value orientations of students in the learning process in a pedagogical university] [Elektronnyi resurs]. *GESJ: Education Science and Psychology*, 2019, no. 2 (52), pp. 30–37. URL: <http://gesj.internet-academy.org.ge/download.php?id=3213.pdf&t=1> (Accessed 18.12.2020). (In Russ.).

14. Leontiev D.A. Ot sotsial'nykh tsennostei k lichnostnym: sotsiogenez i fenomenologiya tsennostnoi regulyatsii deyatelnosti. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 1996, no. 4, pp. 35–44. (In Russ.).

15. Marishin S.V. Psikhologiya professional'noi deyatelnosti sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy. Vologda: VIPE FSIN Rossii Publ., 2017. 202 p. (In Russ.).

16. Mishina E.I. Tsennostnye orientatsii sovremennykh studentov. *Prikladnaya psikhologiya i psikhoanaliz = Applied Psychology and Psychoanalysis*, 2018, no. 1, pp. 7–8. (In Russ.).

17. Molchanov S.V. Osobennosti tsennostnykh orientatsii lichnosti v podrostkovom i yunosheskom vozrastakh [The peculiarities of valuable orientations of a personality at teenage and youthful age] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2005. Vol. 10, no. 3, pp. 16–25. URL: <https://psyjournals.ru/en/psyedu/2005/n3/51741.shtml> (Accessed 18.12.2020). (In Russ.).

Терехова Т.А., Самойлик Н.А.,
Серегина О.С., Тавтилова Н.Н.
Диагностика системы ценностных ориентаций
студентов и курсантов образовательных
организаций ФСИН России
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 111–124.

Terekhova T.A., Samoylik N.A.,
Seregina O.S., Tavtilova N.N.
Diagnostics of the System of Value Orientations
of Students and Cadets of Educational Organizations
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 111–124.

18. Rubinshtein S.L. *Chelovek i mir*. Saint Petersburg: Piter, 2003, 512 p. (In Russ.).
19. Samoylik N.A. Professional'no-tsennostnye orientatsii spetsialistov osobykh uslovii truda (na primere sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy) [Professional Values-Based Orientation of Specialists with Extra-Duty Assignments (at the Example of Penitentiary System Officers)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravoohranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2019. Vol. 24, no. 1 (76), pp. 104–110. doi:10. 24411/1999-6241-2019-11015 (In Russ.).
20. Feldshtein D.I. *Psikhologiya vzrosleniya: strukturno-soderzhatel'nye kharakteristiki protsessa razvitiya lichnosti*. Moscow: MPSI Publ., 1999. 672 p. (In Russ.).
21. Chesnokova O.B., Churbanova S.M., Molchanov S.V. Professional'noe samoopredelenie v yunosheskom vozraste kak strukturnyi komponent budushchego professionalizma: sotsiokognitivnye i kreativnye faktory [Professional Self-determination in Young Age as a Structural Component of Future Professionalism: Socio-Cognitive and Creative Factors] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2019. Vol. 15, no. 4, pp. 109–118. doi:10.17759/chp. 2019150411 (In Russ.).
22. Shalaev V.A. Problematika professional'nogo razvitiya sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy = Scientific Problems of Humanitarian Research*, 2010, no. 7, pp. 263–269. (In Russ.).
23. Shalova S.Yu. Professional'nye tsennosti v sisteme tsennostnykh orientatsii studentov pedvuza [Professional values in system of valuable orientations of students of pedagogical higher school] [Elektronnyi resurs]. *Naukovedenie = Naukovedenie*, 2013, no. 3, pp. 1–9. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/48pvn313.pdf> (Accessed 18.12.2020). (In Russ.).

Информация об авторах

Терехова Татьяна Александровна, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра общей психологии, факультет психологии, Иркутский государственный университет (ФГБОУ ВО ИГУ), г. Иркутск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9413-9817>, e-mail: terehovata@mail.ru

Самойлик Наталья Анатольевна, кандидат психологических наук, начальник, кафедра пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики, Кузбасский институт ФСИН России (ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России), г. Новокузнецк, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>, e-mail: nat-samojlik@yandex.ru

Серегина Олеся Станиславовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент, кафедра психологии и общей педагогики, факультет психологии и педагогики, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт, Кемеровский государственный университет (КГПИ ФГБОУ ВО КГУ), г. Новокузнецк, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1187-2165>, e-mail: sereginaos@mail.ru

Тавтилова Наталья Николаевна, кандидат психологических наук, заместитель начальника, кафедра социальной психологии и социальной работы, психологический факультет, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1310-0487>, e-mail: natta2575@yandex.ru

*Терехова Т.А., Самойлик Н.А.,
Серегина О.С., Тавилова Н.Н*
Диагностика системы ценностных ориентаций
студентов и курсантов образовательных
организаций ФСИН России
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 111–124.

*Terekhova T.A., Samoylik N.A.,
Seregina O.S., Tavtilova N.N.*
Diagnostics of the System of Value Orientations
of Students and Cadets of Educational Organizations
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 111–124.

Information about the authors

Tatiana A. Terekhova, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9413-9817>, e-mail: terehovata@mail.ru

Natalya A. Samoylik, PhD in Psychology, Head, Department of Penal Psychology and Penal Pedagogy, Kuzbass Institute of Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>, e-mail: nat-samojlik@yandex.ru

Olesya S. Seregina, PhD in Education, Docent, Associate Professor, Department of Psychology and General Pedagogy, Faculty of Psychology and Pedagogy, Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute, Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1187-2165>, e-mail: sereginaos@mail.ru

Natalya N. Tavtilova, PhD in Psychology, Deputy Head, Department of Social Psychology and Social Work, Psychological Faculty, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1310-0487>, e-mail: nat-ta2575@yandex.ru

Получена 16.02.2021
Принята в печать 16.01.2022

Received 16.02.2021
Accepted 16.01.2022

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ |
PERSONALITY ORIENTED PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGIES
IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

Структура субъектности руководителей органов внутренних дел Российской Федерации

Мальцева Т.В.

Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО Академия управления МВД России), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>, e-mail: mtv-psy@mail.ru

Субъектность руководителей выступает одним из оснований процесса управления в любой профессиональной сфере. На современном этапе развитость всех компонентов субъектности, в фокусе современных требований, предъявляемых к руководителю органов внутренних дел Российской Федерации, имеет ключевое значение для эффективности их профессиональной деятельности. Целью настоящего исследования является изучение особенностей структуры субъектности руководителей органов внутренних дел Российской Федерации на основе субъектно-деятельностного подхода, концепции субъектности Е.Н. Волковой и модели субъектности М.А. Щукиной. В исследовании использовались психодиагностические методики: «Тест-опросник уровня развития субъектности личности» (М.А. Щукиной, вариант для взрослых) и «Изучение структуры субъектности» Е.Н. Волковой, А.И. Серegiной. В исследовании приняли участие 104 руководителя ОВД различных уровней (N=104). Выборка состояла из 77 мужчин (74%) и 27 женщин (26%), средний возраст респондентов — 39 лет (от 30 до 50 лет). На основе факторного анализа выявлены составляющие профессиональной субъектности руководителей органов внутренних дел Российской Федерации: зрелость личности, самодостаточность, интегрированность в действительность, внутренняя гармония.

Ключевые слова: руководители органов внутренних дел Российской Федерации, субъект, субъектность, структура субъектности.

Для цитаты: Мальцева Т.В. Структура субъектности руководителей органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 125–140. DOI:10.17759/psylaw.2022120210

The Structure of Subjectivity of the Heads of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation

Tatyana V. Maltseva

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>, e-mail: mtv-psy@mail.ru

The subjectivity of leaders is one of the foundations of the management process in any professional area. At the present stage, the proper level of development of all the subjectivity components, in the light of modern requirements for the heads of the internal affairs bodies of the Russian Federation, is of key importance for the effectiveness of their professional activities. The purpose of this research is to study the specifics in the structure of subjectivity of the heads of the internal affairs bodies of the Russian Federation on the basis of the subject-activity approach, the concept of subjectivity of Volkova E.N. and the models of subjectivity of Shchukina M.A. The study used these psychodiagnostic techniques: “Test questionnaire of the level of development of personality subjectivity” (by Shchukina M.A., version for adults) and “Study of the structure of subjectivity” by Volkova E.N., Seregina A.I. The study involved 104 chiefs of internal affairs bodies (N=104), of various levels of subordination. The sample consisted of 77 men (74%), and 27 women (26%) aged 30–50, the average age of the respondents is 39 years. On the basis of factor analysis, the following components of the professional subjectivity of the heads of the internal affairs bodies of the Russian Federation are revealed: personality maturity, self-sufficiency, integration with reality, inner harmony.

Keywords: heads of the internal affairs bodies of the Russian Federation, subject (individual), subjectivity, structure of subjectivity.

For citation: Maltseva T.V. The Structure of Subjectivity of the Heads of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 125–140. DOI:10.17759/psylaw.2022120210 (In Russ.).

Введение

Одним из оснований процесса управления в силовых структурах выступает субъектность руководителей. В органах внутренних дел Российской Федерации развитость всех компонентов субъектности находится в фокусе современных требований, предъявляемых к лицам, выполняющим руководящие функции.

Субъектность является одним из неоднозначных психологических феноменов. Подходы к его толкованию разнообразны, как у зарубежных исследователей R. Harre [31], H.R. Markus, S. Kitayama [32], J. Martin, J. Sugarman, S. Hickenbottom [33] и др., так и у отечественных ученых Л.И. Анцыферовой [2], А.Л. Журавлева, А.Б. Купрейченко [10], И.В. Сыромятникова [27] и др.

В отечественной психологии дефиниции «деятельность» и «субъект» относятся к ее категориальному каркасу. Изучению субъекта и субъектности, их особенностей, дифференциации, определению функций и места в структуре личности посвящены исследования К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, Е.Н. Волковой, В.В. Знакова, А.К. Осницкого, В.А. Петровского, С.Л.Рубинштейна, Е.А. Сергиенко, В.И. Слободчикова и др., которые базируются на представлении об активной преобразующей роли индивида в процессе его жизнедеятельности. В современной психологии субъектность понимается как атрибут субъекта или как свойство индивида быть субъектом активности, т. е. быть носителем идеи Я, относиться к себе» как к деятелю, способному производить взаимообусловленные изменения в мире, в других людях, в себе» [22].

Яркое проявление субъектности, по мнению А.В. Брушлинского, В.А. Петровского, А.К. Осницкого, обнаруживаются в ситуациях, которые предъявляют высокие требования к уровню саморегуляции, в необычных условиях, ситуациях риска, неопределенности, преодо-

лении преград, творчестве [4; 17; 18]. Подобными ситуациями наполнена профессиональная деятельность руководителей органов внутренних дел Российской Федерации (далее — руководитель ОВД), что и обуславливает актуальность настоящей работы.

В юридической психологии и психологии служебной деятельности на сегодняшний день проблема субъектности руководителей ОВД рассматривается довольно ограниченно и фрагментарно. Можно обозначить всего несколько работ, так или иначе затрагивающих проблему субъектности руководителей ОВД.

Достаточно концептуально в своих работах обосновывают субъектные атрибуты личности сотрудников органов внутренних дел (далее — сотрудник ОВД) Ю.А. Шаранов и В.М. Статный, рассматривая транзитивную функцию субъекта в контексте непрерывного становления личности профессионала [25; 28]. Е.В. Бурцева рассматривает детерминацию субъектности сотрудников ОВД противоречивостью системы органов внутренних дел (далее — ОВД) как организации многофункциональной и динамичной, что требует развитой субъектности от сотрудников, но имеющей авторитарный, субъект-объектный стиль управления [5]. Санкт-Петербургские исследователи А.А. Горелов, С.А. Горелов и Н.Н. Силкин рассматривают концепты «субъект» и «субъектность» применительно к сотрудникам ОВД, обозначая субъектность фактором их личностного и профессионального совершенствования [8]. Н.Ф. Солдатов и Н.С. Урманова предприняли попытку раскрыть теоретическую сущность и операционализировать научный конструкт «профессиональная субъектность» относительно профессиональной деятельности сотрудников ОВД [24].

Субъектность руководителей, как одно из оснований процесса управления, рассматривается в ряде работ, посвященных различным сферам профессиональной деятельности [7; 13; 23; 26 и др.]. Касались вопросов субъектности руководителей ОВД в своих исследованиях И.Е. Жуковская [9], И.О. Котенев, Т.Ю. Гиздатова [11], В.М. Поздняков, И.Е. Реуцкая [20], А.С. Поршуков [21], И.В. Сыромятников [27] и др. Структура субъектности руководителей ОВД практически не изучалась.

Отметим, что нет однозначного подхода к раскрытию структуры субъектности. Е.Н. Волкова в своей концепции субъектности выделяет такие ее компоненты, как активность, способность к рефлексии, свобода выбора и принятия ответственности за него, уникальность субъекта, понимание и принятие другого, саморазвитие [7]. Ее ученица И.А. Серегина представляет структуру субъектности четырехфакторной, содержащей в себе инвариантную и вариативную части. Первая представлена сознательной творческой активностью, вторая — способностью к рефлексии, осознанием собственной уникальности, пониманием и принятием другого [23]. При этом феномен осознанности, с точки зрения исследователя, присутствует во всех структурных компонентах субъектности. Без него невозможна целенаправленная преобразующая деятельность. Е.Н. Азлецкая, выстроившая свою модель структуры субъектности на основе взглядов Л.И. Анциферовой, ее компонентами называет: ответственность, высокий уровень эмоциональной зрелости, развитый внутренний контроль, осознанность действий, эмпатию [1]. Н.В. Богданович определяет структуру субъектности через конструкты самости: самоопределение, самосознание, саморегуляция и т. д. [3]. М.А. Щукина обосновывая модель субъектности, рассматривала в ее структуре такие составляющие, как активность, автономность, целостность, опосредованность, креативность, самооценочность [29; 30].

Таким образом, в отечественной науке существует большое количество трактовок структуры субъектности, однако существуют базовые, системообразующие характеристики, которые выделяются большинством исследователей: осознанная активность в отношении своего Я, своей деятельности и окружающего мира; принятие себя в качестве субъекта, обладающе-

го определенными характеристиками наравне с признанием права других быть субъектами и проявлять субъектные качества; переживание ценности и уникальности собственного Я.

Анализируя разработанные в науке подходы к пониманию субъектности и модели ее структурно-функциональной целостности, следует отметить, что сам феномен может быть представлен одновременно и как свойство личности, и как функция личности, и как специфическая форма саморегуляции и осознанной активности.

На наш взгляд, развитость всех перечисленных компонентов субъектности, в фокусе современных требований, предъявляемых к руководителю ОВД на современном этапе, имеет ключевое значение для эффективности его профессиональной деятельности. Исходя из этого, целью настоящего исследования является изучение структуры субъектности руководителей ОВД на основе субъектно-деятельностного подхода, концепции субъектности Е.Н. Волковой и модели субъектности М.А. Щукиной.

Методы

Для достижения поставленной цели использовался комплекс взаимодополняющих методов: теоретико-методологический анализ литературы по теме исследования, сравнительный и структурный методы, психодиагностический метод, статистические методы обработки данных.

Для изучения структуры субъектности руководителей были выбраны следующие психодиагностические методики:

- методика «Тест-опросник уровня развития субъектности личности» М.А. Щукиной (вариант для взрослых), которая диагностирует уровень развития и структуру неситуативной субъектности личности;
- методика «Изучение структуры субъектности» Е.Н. Волковой, А.И. Серегиной, которая позволяет сделать качественный анализ уровня развития субъектности.

При обработке методики М.А. Щукина использовала суммарный подсчет баллов по отдельным утверждениям в итоговый балл по тесту и в оценки по шкалам. В целях возможности сравнения уровня шести шкал при анализе результатов показатели по каждой из шкал умножаются на поправочные коэффициенты.

Подсчет результатов по методике Е.Н. Волковой, А.И. Серегиной проводится с использованием станайнов.

Шкалы, включенные в методики, с точки зрения авторов, включают характеристики личности, посредством которых проявляется феномен субъектности.

Статистические методы включали описательную статистику, проверку нормальности распределения выборки (непараметрический критерий Z Колмогорова—Смирнова), сравнение выборок руководителей-мужчин и руководителей-женщин (критерий U Манна—Уитни), корреляционный анализ (критерий r Спирмена) и факторный анализ. Статистическая обработка реализовывалась в пакете прикладных программ Microsoft Excel и IBM SPSS Statistics (версия 23).

В исследовании приняли участие 104 руководителя ОВД (N=104) различных уровней, проходящие обучение по программам магистратуры или дополнительного профессионального образования в Академии управления МВД России. Выборка состояла из 77 мужчин (74%) и 27 женщин (26%), что в процентном отношении соответствует генеральной совокупности руководителей ОВД. Средний возраст респондентов — 39 лет, выборка включала руководителей ОВД от 30 до 50 лет. Средний стаж службы респондентов в ОВД — 18,4 года (мини-

мальный — 8 лет, максимальный — 28 лет), средний стаж в должности руководителя — 6,5 лет (минимальный — полгода, максимальный — 21 год).

Результаты

После проведения описательной статистики результатов исследования руководителей с помощью избранных методик можно заключить, что наиболее выражены в структуре субъектности данной выборки активность, свобода выбора и ответственность за него, понимание и принятие другого, опосредствованность и креативность.

Используемые методики предполагают высокий, средний и низкий уровни выраженности показателей. При обработке результатов исследования низкий уровень выраженности показателей субъектности у руководителей ОВД практически отсутствует.

Как видно из приведенной диаграммы на рис. 1., наиболее высокие показатели чаще встречаются по шкале активности, понимания и принятия другого человека, опосредованности; средние — по шкале автономности и целостности.

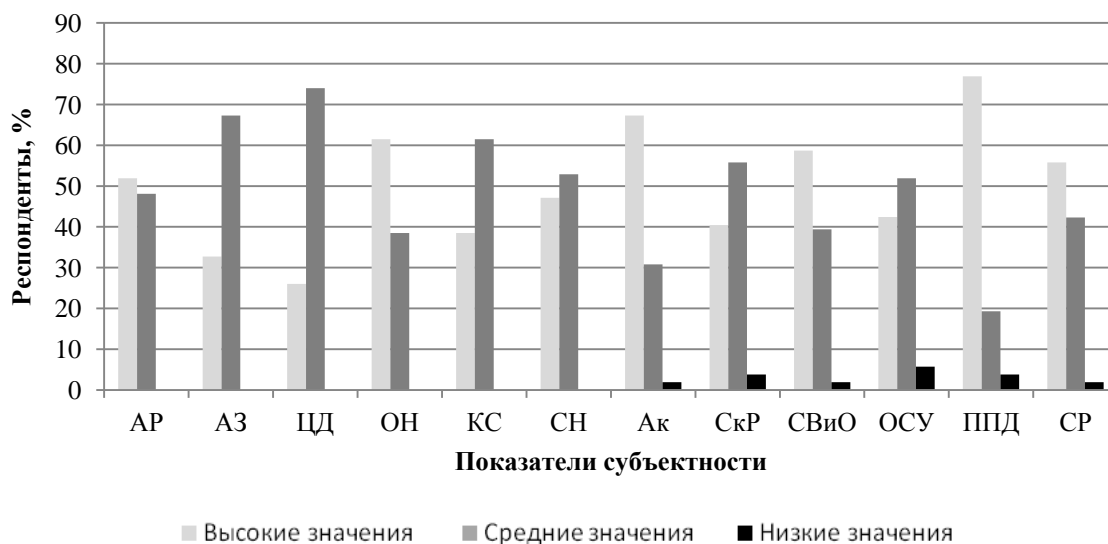

Рис. 1. Распределение испытуемых по уровням выраженности изученных компонентов субъектности, количество человек:

Ак — активность; Скр — способность к рефлексии; СВиО — свобода выбора и ответственность за него; ОСУ — осознание собственной уникальности; ППД — понимание и принятие другого; СР — саморазвитие; АР — активность / реактивность; АЗ — автономность / зависимость; ЦД — целостность / дезинтегративность, ОН — опосредствованность / непосредственность, КС — креативность / стандартность, СН — самооценочность / ничтожность.

Обсуждения

Выбранные методики включают примерно одинаковое количество вопросов (61 и 62), каждая состоит из шести шкал.

«Тест-опросник уровня развития субъектности личности» (М.А. Щукиной, вариант для взрослых) позволяет измерять шесть показателей соответственно шкалам опросника: активности / реактивности [АР], автономности / зависимости [АЗ], целостности / дезинтегративности [ЦД], опосредствованности / непосредственности [ОН], креативности / стандартности [КС], самооценочности / ничтожности [СН]) [31; 32].

Методика «Изучение структуры субъектности» Е.Н. Волковой, А.И. Серegiной измеряет следующие характеристики личности: активность [Ак], способность к рефлексии [СкР], свобода выбора и ответственность за него [СВиО], осознание собственной уникальности [ОСУ], понимание и принятие другого [ППД], саморазвитие [СР] [7; 22]. Сравнение шкал методик и их соответствие приведено в табл. 1, определенное на основе анализа подходов к разработке шкал и их содержательного наполнения.

Таблица 1

Сравнение шкал методик используемых в исследовании

Шкалы теста-опросника уровня развития субъектности личности		Шкалы методики «Изучение структуры субъектности»		Степень соответствия
1	Активность / реактивность	1	Активность	полная
2	Автономность / зависимость	3	Свобода выбора и ответственность за него	полная
3	Целостность / дезинтегративность	5	Понимание и принятие другого	частично
4	Опосредствованность / непосредственность			нет
5	Креативность / стандартность			нет
6	Самоценность / ничтожность	4	Осознание собственной уникальности	частично
		2	Способность к рефлексии	нет
		6	Саморазвитие	нет

Анализируя соответствия шкал, можно сказать, что, используя две методики, мы получаем восемь параметров проявления субъектности. Отмечая частичное соответствие по двум шкалам в методиках, мы подразумеваем, что в понимание целостности у М.А. Щукиной включено, как одно из составляющих, конструктивное взаимодействие с окружающей средой, которое у Е.Н. Волковой трактуется как результат понимания и принятия другого. Стыковка шкал самооценности / ничтожности и осознания собственной уникальности возникает через отношение к себе, к своей индивидуальности как ценности.

В научных работах авторов [6; 21; 27; 28], использованных в нашем исследовании методик, шкала активности свидетельствует о выраженности осознанной активности, которая рассматривается как специфическая форма человеческой активности, выходящей за пределы удовлетворения базовых потребностей и направленной на достижение целей в значимой деятельности, во взаимодействии с другими людьми и в развитии собственного Я. Ее высокий уровень подтверждает внутреннее стремление к эффективному освоению окружающей действительности, к самовыражению и самоутверждению в окружающей действительности. Данная форма активности предполагает наличие развитой способности к планированию и прогнозированию.

Шкала понимания и принятия другого показывает насколько человек признает уникальность окружающих людей, осознает их субъектами. Высокий уровень говорит о сформированной субъектности и высоком уровне личностного развития.

Шкала опосредствованности указывает на возможность использования личностью в самоуправлении психологических средств, в противовес прямолинейности реагирования. Высокий уровень по данной шкале может свидетельствовать о высокой гибкости поведения.

Шкала автономности раскрывает развитость таких характеристик личности, как самостоятельность, самодетерминация, самодеятельность; ответственность и др.

Шкала целостности свидетельствует о внутренней связанности, о конструктивности взаимодействия с окружающей средой, об адекватном регулировании личностных границ своего Я.

В целях более детального исследования полученных данных, был проведен расчет нормальности распределения показателей в выборке руководителей ОВД. Был использован критерий Z Колмогорова—Смирнова, результаты, которого показали, что большая часть шкал имеют ненормальное распределение (15 шкал из 16), поэтому в дальнейшем следует использовать непараметрические методы.

В связи с тем, что в выборке респондентов присутствовали как и мужчины, так и женщины, был проведен сравнительный анализ проявлений субъектности между руководителями-мужчинами и руководителями-женщинами (табл. 2). Для сравнения использовался критерий U Манна—Уитни, значимых различий выявлено не было.

Таблица 2

Эмпирические значения критерия U-Манн-Уитни при сравнении выборки руководителей-мужчин и руководителей-женщин

Названия шкал	Среднее значение в группе «мужчины»	Среднее значение в группе «женщины»	Эмпирическое значение критерия	Уровень значимости
Ак	9,037	8,753	1086,5	0,724
СкР	6,630	6,740	960,5	0,551
СВиО	9,352	9,474	957,5	0,524
ОСУ	6,852	7,026	957,5	0,54
ППД	9,037	8,909	1077,5	0,77
СР	8,574	8,539	951,5	0,509
АР	42,333	42,922	923,5	0,388
АЗ	41,693	40,396	1148,5	0,418
ЦД	39,543	39,099	1091,5	0,698
ОН	43,815	43,649	1043,5	0,976
КС	40,146	41,131	895,5	0,278
СН	43,398	42,741	1112,5	0,586

Примечание: Ак — активность; СкР — способность к рефлексии; СВиО — свобода выбора и ответственность за него; ОСУ — осознание собственной уникальности; ППД — понимание и принятие другого; СР — саморазвитие; АР — активность / реактивность; АЗ — автономность / зависимость; ЦД — целостность / дезинтегративность, ОН — опосредствованность / непосредственность, КС — креативность / стандартность, СН — самооценочность / ничтожность.

В целях уточнения взаимодействия между структурными составляющими субъектности в данном исследовании анализировалась взаимосвязь между шкалами с помощью коэффициента корреляции r Спирмена (табл. 3), которая выявила наличие большого количества значимой положительной взаимосвязи между шкалами используемых методик, а также возрастом руководителей ОВД и развитостью целостности и опосредованности, что в принципе укладывается в русло знаний возрастной психологии и свидетельствует о нечастом распростра-

нении среди респондентов внутриличностных конфликтов и кризисных явлений. Стаж в должности руководителя обнаруживает значимую положительную взаимосвязь со свободой выбора и ответственностью за него, данный факт свидетельствует о том, что продолжительное нахождение в должности руководителя формирует высокий уровень осознания личностью себя источником качества собственной жизни, сознательного принятия решений и осознания его последствий.

Таблица 3

Эмпирические значения корреляционного анализа

	Возраст	Стаж в ОВД	Стаж в должности руководителя	Ак	СкР	СВиО	ОСУ	ППД	СР	АР	АЗ	ЦД	ОН	КС	СН
Пол	0,317* *	0	- 0,301**	0,03 5	-0,059	-0,063	-0,06	0,029	-0,065	-0,085	0,08	0,038	0,003	-0,107	0,054
Возраст		0,655** *	0,271**	- 0,11 1	-0,019	0,095	-0,079	-0,026	-0,066	-0,051	0,067	0,214*	0,205*	-0,01	-0,069
Стаж в ОВД			0,502** *	- 0,13 8	-0,076	0,025	-0,079	-0,106	-0,04	-0,092	-0,084	0,085	0,095	-0,047	-0,106
Стаж в должности руководи- теля				- 0,03 2	-0,01	0,203*	0,094	0,054	-0,044	0,038	-0,034	0,114	0,131	0,084	-0,059
Ак					0,344** *	0,273* *	0,39***	0,294**	0,34***	0,398** *	0,277**	0,167	0,245* *	0,461** *	0,493** *
СкР						0,36** *	0,517** *	0,159	0,251*	0,301**	0,425** *	0,112	0,361** *	0,168	0,294**
СВиО							0,164	0,365** *	0,355** *	0,391** *	0,374** *	0,45***	0,498** *	0,139	0,205*
ОСУ								0,308**	0,027	0,273**	0,388** *	0,16	0,184	0,256**	0,39***
ППД									0,243*	0,312**	0,422** *	0,548** *	0,41***	0,31**	0,373** *
СР										0,366** *	0,311**	0,204*	0,361** *	0,282**	0,347** *
АР											0,704** *	0,268**	0,534** *	0,446** *	0,654** *
АЗ												0,426** *	0,582** *	0,299**	0,63***
ЦД													0,603** *	0,165	0,191
ОН														0,23*	0,326** *
КС															0,482** *

Примечание: «*» — значимость на уровне $p < 0,05$ — очень слабая; «**» — $p < 0,01$ — слабая; «***» — $p < 0,001$ — умеренная. Ак — активность; СкР — способность к рефлексии; СВиО — свобода выбора и ответственность за него; ОСУ — осознание собственной уни-

кальности; ППД — понимание и принятие другого; СР — саморазвитие; АР — активность / реактивность; АЗ — автономность / зависимость; ЦД — целостность / дезинтегативность, ОН — опосредствованность / непосредственность, КС — креативность / стандартность, СН — самооценностность / ничтожность.

Осознанная активность анализировалась в каждой из методик, также как автономность, в корреляционной матрице показывает значимую положительную связь практически со всеми показателями субъектности. Нами рассматривается это как факт основополагающей роли осознанной активности и автономности в субъектности; активный витальный человек с развитыми самокомпонентами имеет более сформированную субъектность, более высокий уровень развития личности. Исключение возникает при отсутствии значимости между шкалами Ак — активность, по методике «Тест-опросник уровня развития субъектности личности» (М.А. Щукиной, вариант для взрослых), и ЦД — целостность / дезинтегативность по методике «Изучение структуры субъектности» Е.Н. Волковой, А.И. Серегинной. Однако шкала АР — активность / реактивность обнаруживает с ЦД — целостность / дезинтегативность значимую взаимосвязь; возможно данная несостыковка обуславливается недостаточным количеством респондентов в выборке.

Способность к рефлексии обнаружила значимую взаимосвязь с показателями активности, свободой выбора и ответственностью за него, с осознанием собственной уникальности, саморазвитием, автономностью, опосредствованностью, креативностью, самооценностностью. Свобода выбора и ответственность за него оказались значимо не связаны с осознанием собственной уникальности и креативности, однако дублирующая ее шкала АЗ — автономность / зависимость из другой методики отсутствие взаимосвязи с данными шкалами не показала.

Осознание собственной уникальности у руководителей ОВД не связано с изменениями по шкалам свободы выбора и ответственности за него, саморазвитие, целостность и опосредствованность, а обуславливается развитостью осознанной активности, способностью к рефлексии, пониманием и принятием другого, автономностью, креативностью и самооценностностью. Частично совпадающая шкала с осознанием собственной уникальности — автономность, как уже было отмечено, тесно взаимосвязана со всеми компонентами субъектности.

Шкала понимания и принятия другого не обнаруживает взаимосвязи с развитой рефлексией, так же как саморазвитие с осознанием собственной уникальности. Креативность не зависит от того, как личность реализует свободу выбора и ответственность за него, а также от внутренней целостности. От внутренней целостности также не зависит и самооценностность.

Шкала целостности имеет меньше всего значимых связей, повышение ее уровня повышает показатели свободы выбора и ответственности за него, понимания и принятия другого, саморазвития, осознанной активности, автономности и опосредствованности.

Определение корреляционных связей раскрыло большое количество значимых положительных взаимосвязей между шкалами методик, что определило в дальнейшем использование в исследовании факторного анализа методом выделения главных компонент. Всего было извлечено четыре компоненты (табл. 4).

Использование факторного анализа дало возможность выявить четыре составляющих профессиональной субъектности руководителей ОВД. Первая из них включает в себя признание личностью самой себя источником качества собственной жизни, проектировщиком своего будущего, активным началом в принятии собственного выбора при осознании его возможных последствий; признание окружающих людей субъектами и обладателями собственной уникальности; внутреннюю целостность с сохранением собственных личностных

границ и границ личности других людей в сочетании со способностью интеграции с окружающими; высокий уровень самоуправления с использованием психологических средств. Данные характеристики соотносятся с характеристиками зрелой личности.

Таблица 4

Матрица факторного анализа

Шкалы используемых методик	Компоненты			
	1	2	3	4
Ак — активность			,812	,100
СкР — способность к рефлексии				,887
СВиО — свобода выбора и ответственность за него	,601	,141		,308
ОСУ — осознание собственной уникальности	,150		,545	,626
ППД — понимание и принятие другого	,825		,357	
СР — саморазвитие		,660		-,170
АР — активность / реактивность	,161	,832	,258	
АЗ — автономность / зависимость	,265	,664		,369
ЦН — целостность / дезинтегративность	,803			-,101
ОН — опосредствованность / непосредственность	,666	,428		,245
КС — креативность / стандартность	,156	,344	,681	-,112
СМ — самооценочность / ничтожность		,605	,647	,176

Примечание: метод вращения Варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 6 итераций. «*» — значимость на уровне $p < 0,05$ — очень слабая; «**» — $p < 0,01$ — слабая; «***» — $p < 0,001$ — умеренная.

Обозначим первую компоненту как *зрелость личности*. Вторая компонента состоит из способности инициировать собственную активность в осуществлении постоянной работы над собой, самосовершенствовании, выработке у себя конструктивных личностных качеств, достижении своих целей и жизненного успеха, а также способности дифференцировать себя от социальной среды, принимать самостоятельные решения и самооценивать результаты своей активности. Данные характеристики в большей степени будут описывать *самодостаточность* личности.

Следующая компонента раскрывается через осознанную активность, направленную на достижение целей в значимой деятельности, саморазвитии и конструктивном взаимодействии с другими, способность к планированию активности и прогнозированию ее последствий, стремление к новому, способность осуществлять преобразования в себе и других, принятие себя, уважение и доверие к себе.

Третью компоненту определим как *интегрированность в действительность*.

Последняя компонента содержит субъективное восприятие себя в действительности, понимание себя в ней, уровень внимания личности к самой себе, уравновешенность внутренних смыслов, ценностей, мотивов с внешними проявлениями активности, а также их оценка и переосмысление. Все эти характеристики свидетельствуют о *внутренней гармонии*.

Выводы

В качестве основных результатов проведенного исследования особенностей структуры субъектности руководителей ОВД отметим следующие моменты.

В исследуемой выборке не было выявлено гендерных различий в структуре субъектности, что свидетельствует о том, что особенности должностного статуса, воздействуя на личность субъекта труда, обуславливают развитость субъектности независимо от пола. Однако во многих исследованиях не раз были отмечены отличительные психологические особенности руководителей-мужчин и руководителей-женщин в органах внутренних дел [12; 14; 16; 19].

Наиболее выраженными показателями субъектности у руководителей ОВД являются: активность, направленная на достижение целей в значимой деятельности, эффективное освоение окружающей действительности, построение взаимодействия с другими людьми, саморазвитие, самовыражение и самоутверждение; наличие развитой способности к планированию и прогнозированию; признание уникальности окружающих людей и осознание их субъектами; развитое самоуправление и гибкость поведения. Как показывают результаты проведенного исследования, руководителям ОВД не свойственно частое распространение таких психологических явлений как внутриличностные конфликты и кризисы личности, что подтверждается и другими научными работами [6; 15].

Исследование выявило, что основополагающую роль в субъектности руководителей ОВД играют осознанная активность, автономность и развитые само-компоненты (самостоятельность, самодетерминация, самодеятельность, ответственность и др.). Составляющими профессиональной субъектности руководителей ОВД следует считать выявленные на основе факторного анализа компоненты: зрелость личности, самодостаточность, интегрированность в действительность, внутреннюю гармонию.

В рамках проведения дальнейших исследований актуальна разработка психодиагностических методик изучения субъектности у руководящего звена ОВД, изучение мотивационно-смысловой наполненности жизнедеятельности в условиях больших профессиональных перегрузок, стресс-травматических ситуаций и кризисах профессионального становления.

Литература

1. *Азлецкая Е.Н.* Личностные и средовые детерминанты формирования субъектности личности: Дисс. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2001. 194 с.
2. *Анциферова Л.И.* Психологическое содержание феномена «субъект» и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42.
3. *Богданович Н.В.* Субъект как категория отечественной психологии: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004. 170 с.
4. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. М.: Алетейя, 2003. 272 с.
5. *Бурцева Е.В.* Проблема субъектности сотрудников в системе органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. Том 3. № 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58309.shtml> (дата обращения: 03.01.2022).
6. *Вахнина В.В., Мальцева Т.В.* Особенности конфликтов руководителей органов внутренних дел и их проявление в профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Прикладная психология и педагогика. 2021. Том 6. № 2. С. 193–205. doi:10.12737/2500-0543-2021-6-2-193-205
7. *Волкова Е.Н.* Субъектность педагога: теория и практика: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2003. 41 с.

8. Горелов А.А., Горелов С.А., Силкин Н.Н. Субъектность как фактор личностного и профессионального совершенствования сотрудника полиции [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 190–197. doi:10.35750/2071-8284-2020-4-190-197
9. Жуковская И.В. Развивающее консультирование в психологической работе с руководителями территориальных органов МВД России на районном уровне: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2020. 227 с.
10. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство самоопределяющегося субъекта: понимание, характеристики, виды [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2007. Том 4. № 2. С. 7–13. URL: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2007/n2/28727.shtml (дата обращения: 03.01.2022).
11. Котенев И.О., Гиздатов Т.Ю. Психологические проблемы регуляции служебного поведения сотрудников органов внутренних дел // Психология и педагогика служебной деятельности. 2017. № 4. С. 58.
12. Кузнецова О.В., Марьин М.И. Женщина-руководитель в органах внутренних дел: вопросы женского лидерства в ОВД [Электронный ресурс] // Национальная ассоциация ученых. 2020. № 53-3 (53). С. 3–41. doi:10.31618/nas.2413-5291.2020.3.53.174
13. Леонтьев Д.А. Культурно-историческая психология деятельности в контексте «функциональной парадигмы» [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 2. С. 19–24. doi:10.17759/chp.2020160203
14. Мальцева С.М., Гвоздиков С.В., Хижная А.В., Шигаева Е.С. Гендерные стереотипы в управленческой деятельности: профилактика и некоторые способы борьбы [Электронный ресурс] // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Том 9. № 2 (31). С. 359–361. doi:10.26140/anie-2020-0902-0086
15. Мальцева Т.В. О проблеме психологических требований к личности руководителя в юридической психологии [Электронный ресурс] // Прикладная психология и педагогика. 2021. № 4. С. 218–226. doi:10.12737/2500-0543-2021-6-4-218-226
16. Михайлова Т.В., Балашкевич И.В. Зависимость стиля управления руководителя органа внутренних дел от его гендерных особенностей [Электронный ресурс] // Прикладная психология и педагогика. 2021. Том 6. № 4. С. 227–237. doi:10.12737/2500-0543-2021-6-4-227-237
17. Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19.
18. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. М., 1996. 512 с.
19. Поздняков В.М., Мальцева Т.В., Бурцев А.О. Особенности субъективной витальности сотрудников МВД России, имеющих разный должностной статус [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 33–50. doi:10.17759/psylaw.2020100403
20. Поздняков В.М., Реуцкая И.Е. Проблемы в профессионально-личностном росте руководителей органов внутренних дел и психологическая помощь при их разрешении: Научно-практическое пособие. М., 2005. 167 с.
21. Поришук А.С. Личностные особенности сотрудников органов внутренних дел, назначаемых на должность руководителя [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2020. № 1 (37). С. 107–114. doi:10.11621/npj.2020.0110
22. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб: Питер, 2010. 510 с.
23. Серегина И.А. Психологическая структура субъектности как личностного свойства педагога: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999. 154 с.

24. Солдатов Н.Ф., Урманова Н.С. Теоретическая сущность и операционализация понятия «профессиональная субъектность» в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Педагогика и психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел: теория, методика, практика: Материалы всероссийской научно-практической конференции. СПб, 2018. С. 329–333.
25. Статный В.М., Шаранов Ю.А. Репрезентация концепта «субъект» как транзитивной функции в онтопсихологическом становлении личности сотрудника полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2 (61). С. 32–38.
26. Стеценко А.П. Критические проблемы в культурно-исторической теории деятельности: неотложность субъектности [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 2. С. 5–18. doi:10.17759/chr.2020160202
27. Сыромятников И.В. Психология профессиональной субъектности управленческих кадров. М., 2006. 248 с.
28. Шаранов Ю.А. ИмPLICITные постулаты концепции становления и развития субъектности // Акмеологические проблемы субъектности: интерпретация и диагностика: Материалы научно-практической конференции. СПб, 2009. С. 4.
29. Щукина М.А. Особенности развития субъектности личности в подростковом возрасте: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2004. 20 с.
30. Щукина М.А. Психология саморазвития личности: субъектный подход: Дисс. ... д-ра психол. наук. СПб, 2015. 355 с.
31. Harre R. Social being. Oxford: Blackwell, 1979. P. 246.
32. Markus H.R., Kitayama S. Models of agency: sociocultural diversity in the construction of action // Nebraska Symposium on Motivation. 2003. Vol. 49. P. 1–58.
33. Martin J., Sugarman J., HicKinbottom S. Persons: Understanding psychological selfhood and agency. NY: Springer, 2010. 196 p.

References

1. Azletskaya E.N. Lichnostnye i sredovye determinanty formirovaniya sub"ektnosti lichnosti: Diss. kand. psikholog. nauk. Krasnodar, 2001. 194 p. (In Russ.).
2. Antsyferova L.I. Psikhologicheskoe sodержanie fenomena "sub"ekt" i granitsy sub"ektno-deyatelnostnogo podkhoda. In A.V. Brushlinsky, M.I. Volovikova, V.N. Druzhinin (eds.). *Problema sub"ekta v psikhologicheskoi nauke*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2000. pp. 27–42. (In Russ.)
3. Bogdanovich N.V. Sub"ekt kak kategoriya otechestvennoi psikhologii: Diss. kand. psikholog. nauk. Moscow, 2004. 170 p. (In Russ.)
4. Brushlinsky A.V. Psikhologiya sub"ekta. Moscow: Aleteiya, 2003. 272 p. (In Russ.)
5. Burtseva E.V. Problema sub"ektnosti sotrudnikov v sisteme organov vnutrennikh del [The problem of subjectivity of employees in the system of internal affairs] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2013. Vol. 3, no. 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58309.shtml> (Accessed 03.01.2022). (In Russ.).
6. Vakhnina V.V., Maltseva T.V. Osobennosti konfliktov rukovoditelei organov vnutrennikh del i ikh proyavlenie v professional'noi deyatelnosti [Features of conflicts of heads of internal affairs bodies and their manifestation in professional activities] [Elektronnyi resurs]. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika = Applied Psychology and Pedagogy*, 2021. Vol. 6, no. 2, pp. 193–205. doi:10.12737/2500-0543-2021-6-2-193-205 (In Russ.).

7. Volkova E.N. Sub'ektnost' pedagoga: teoriya i praktika: Avtoref. diss. dokt. psikhol. nauk. Moscow, 2003. 41 p. (In Russ.)
8. Gorelov A.A., Gorelov S.A., Silkin N.N. Sub'ektnost' kak faktor lichnostnogo i professional'nogo sovershenstvovaniya sotrudnika politzii [Subjectivity as a factor personal and professional development of a police officer] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 4 (88), pp. 190–197. doi:10.35750/2071-8284-2020-4-190-197 (In Russ.).
9. Zhukovskaya I.V. Razvivayushchee konsul'tirovanie v psikhologicheskoi rabote s rukovoditelyami territorial'nykh organov MVD Rossii na raionnom urovne. Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2020. 227 p. (In Russ.)
10. Zhuravlev A.L., Kupreichenko A.B. Sotsial'no-psikhologicheskoe prostranstvo samoopredelyayushchegosya sub'ekta: ponimanie, kharakteristiki, vidy [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2007, no. 2 (11), pp. 7–13. URL: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2007/n2/28727.shtml (Accessed 03.01.2022). (In Russ.)
11. Kotenyov I.O., Gizdatov T.Yu. Psikhologicheskie problemy regulyatsii sluzhebnogo povedeniya sotrudnikov organov vnutrennikh del [Psychological problems of regulation of office behavior of staff of bodies of internal affairs]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and Pedagogics in Official Activity*, 2017, no. 4, pp. 58. (In Russ.).
12. Kuznetsova O.V., Maryin M.I. Zhenshchina-rukovoditel' v organakh vnutrennikh del: voprosy zhenskogo liderstva v OVD [Woman-leader in internalaffairsagencies: questions of female leadership in the internal affairs agencies] [Elektronnyi resurs]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchennykh = National Association of Scientists*, 2020, no. 53-3 (53), pp. 38–41. doi:10.31618/nas.2413-5291.2020.3.53.174 (In Russ.).
13. Leontiev D.A. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya deyatel'nosti v kontekste "funktsional'noi paradigmy" [Cultural-Historical Activity Theory in the Framework of the "Functional Paradigm"] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 2, pp. 19–24. doi:10.17759/chp.2020160203 (In Russ.).
14. Maltseva S.M., Gvozdikov S.V., Khizhnaya A.V., Shigaeva E.S. Gendernye stereotipy v upravlencheskoi deyatel'nosti: profilaktika i nekotorye sposoby bor'by [Gender stereotypes in management: prevention and some ways to combat them] [Elektronnyi resurs]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye = Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*, 2020. Vol. 9, no. 2 (31), pp. 359–361. doi:10.26140/anie-2020-0902-0086 (In Russ.).
15. Maltseva T.V. O probleme psikhologicheskikh trebovaniy k lichnosti rukovoditelya v yuridicheskoi psikhologii [About the problem of psychological requirements for the personality of the leader in legal psychology] [Elektronnyi resurs]. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika = Applied Psychology and Pedagogy*, 2021, no. 4, pp. 218–226. doi:10.12737/2500-0543-2021-6-4-218-226 (In Russ.).
16. Mihaylova T.V., Balashkevich I.V. Zavisimost' stilya upravleniya rukovoditelya organa vnutrennikh del ot yego gendernykh osobennostei [Dependence of the management style of the head of the internal affairs body on its gender characteristics] [Elektronnyi resurs]. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika = Applied Psychology and Pedagogy*, 2021. Vol. 6, no. 4, pp. 227–237. doi:10.12737/2500-0543-2021-6-4-227-237 (In Russ.).
17. Osnitsky A.K. Problemy issledovaniya sub'ektnoi aktivnosti. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 1996, no. 1, pp. 5–19. (In Russ.).

18. Petrovsky V.A. Lichnost' v psikhologii: paradigma sub'ektnosti. Moscow, 1996. 272 p. (In Russ.)/
19. Pozdnyakov V.M., Maltseva T.V., Burtsev A.O. Osobennosti sub'ektivnoi vital'nosti sotrudnikov MVD Rossii, imeyushchikh raznyi dolzhnostnoi status [Specifics of Subjective Vitality in Officers of the Russian Ministry of Internal Affairs with Various Post Statuses] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 33–50. doi:10.17759/psylaw.2020100403 (In Russ.).
20. Pozdnyakov V.M., Reutskaya I.E. Problemy v professional'no-lichnostnom roste rukovoditelei organov vnutrennikh del i psikhologicheskaya pomoshch' pri ikh razreshenii: Nauchno-prakticheskoe posobie. Moscow, 2005. 167 p. (In Russ.).
21. Porshukov A.S. Lichnostnye osobennosti sotrudnikov organov vnutrennikh del, naznachaemykh na dolzhnost' rukovoditelya [Personality traits of department heads in the internal affairs bodies] [Elektronnyi resurs]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2020, no. 1 (37), pp. 107–114. doi:10.11621/npj.2020.0110 (In Russ.).
22. Rubinshtein S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir. Saint Petersburg: Piter, 2010. 510 p. (In Russ.).
23. Seregina I.A. Psikhologicheskaya struktura sub'ektnosti kak lichnostnogo svoistva pedagoga: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 1999. 154 p. (In Russ.).
24. Soldatov N.F., Urmanova N.S. Teoreticheskaya sushchnost' i operatsionalizatsiya ponyatiya “professional'naya sub'ektnost'” v professional'noi deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del [Theoretical essence and operationalization of the concept of “professional subjectivity” in the professional activity of employees of internal affairs bodies]. *Pedagogika i psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del: teoriya, metodika, praktika. Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Saint Petersburg, 2018, pp. 329–333. (In Russ.)
25. Statny V.M., Sharanov Yu.A. Rerezentatsiya kontsepta “sub'ekt” kak tranzitivnoi funktsii v ontopsikhologicheskom stanovlenii lichnosti sotrudnika politsii [Representation of the concept “subject” as a transitive function in onthopsychological establishing of a police officer's personality]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2015, no. 2 (61), pp. 32–38. (In Russ.).
26. Stetsenko A.P. Kriticheskie problemy v kul'turno-istoricheskoi teorii deyatel'nosti: neotlozhnost' sub'ektnosti [Critical Challenges in Cultural-Historical Activity Theory: the Urgency of Agency] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 2, pp. 5–18. doi:10.17759/chp.2020160202 (In Russ.).
27. Syromyatnikov I.V. Psikhologiya professional'noi sub'ektnosti upravlencheskikh kadrov. Moscow, 2006. 248 p. (In Russ.).
28. Sharanov Yu.A. Implitsitnye postulaty kontseptsii stanovleniya i razvitiya sub'ektnosti. *Akmeologicheskie problemy sub'ektnosti: interpretatsiya i diagnostika: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Saint Petersburg, 2009, p. 4. (In Russ.)
29. Shchukina M.A. Osobennosti razvitiya sub'ektnosti lichnosti v podrostkovom vozraste: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Saint Petersburg, 2004. 20 p. (In Russ.).
30. Shchukina M.A. Psikhologiya samorazvitiya lichnosti: sub'ektnyi podkhod: Diss. dokt. psikhol. nauk. Saint Petersburg, 2015. 355 p. (In Russ.).
31. Harre R. Social being. Oxford: Blackwell, 1979, p. 246.
32. Markus H.R., Kitayama S. Models of agency: sociocultural diversity in the construction of action. *Nebraska symposium on motivation*, 2003. Vol. 49, pp. 1–58.

Мальцева Т.В.
Структура субъектности руководителей
органов внутренних дел Российской Федерации
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 125–140.

Maltseva T.V.
The Structure of Subjectivity of the Heads
of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 125–140.

33. Martin J., Sugarman J., Hickinbottom S. Persons: Understanding psychological selfhood and agency. NY: Springer, 2010. 196 p.

Информация об авторах

Мальцева Татьяна Вячеславна, кандидат психологических наук, доцент, профессор, кафедра психологии, педагогики и организации работы с кадрами, Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО Академия управления МВД России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>, e-mail: mtv-psy@mail.ru

Information about the authors

Tatyana V. Maltseva, PhD in Psychology, Docent, Professor, Department of Psychology, Pedagogy and Personnel Management, Academy of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>, e-mail: mtv-psy@mail.ru mtv-psyi@mail.ru

Получена 12.11.2021
Принята в печать 12.02.2022

Received 12.11.2021
Accepted 12.02.2022

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ |
PERSONALITY ORIENTED PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGIES
IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

**Особенности проведения специальных
психофизиологических исследований с применением
полиграфа в отношении сотрудников органов
внутренних дел, назначаемых на иные должности
в системе МВД России**

Виноградов М.В.

Департамент государственной службы и кадров МВД России (ДГСК МВД России),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8907-3289>, e-mail: vmifa@mail.ru

Ульянина О.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: lelia34@mail.ru

В работе описывается практика использования метода специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в ОВД в историческом контексте. Проводится сравнительный анализ статистической представленности факторов риска девиантного поведения, выявленных у сотрудников в результате СПФИ в 2011 и 2020 гг. Приводятся результаты СПФИ, проводимых в рамках профессионального психологического отбора кандидатов на службу в ОВД в 2018—2020 гг. Анализируются выявленные факторы риска в региональном разрезе. С учетом описываемых результатов обосновывается необходимость и актуальность разработки методических рекомендаций, целью которых является разъяснение отдельных ситуаций, возникающих в процессе проведения СПФИ при переводе на вышестоящую должность в ОВД, соответствующую иному функциональному предназначению либо направлению деятельности. В рамках конкретизации содержания рекомендаций рассматриваются особенности проведения предтестового собеседования с обследуемым. Раскрывается содержание проверочных тем по изучаемым вопросам и их спецификация с учетом функциональных обязанностей сотрудников. Освещаются методики проведения СПФИ и подходы к оценке результатов исследования.

Ключевые слова: специальные психофизиологические исследования, полиграф, предтестовая беседа, проверочная тема, многотемное и однотемное скрининговое тестирование, сотрудник ОВД.

Виноградов М.В., Ульянина О.А.

Особенности проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа в отношении сотрудников органов внутренних дел, назначаемых на иные должности в системе МВД России // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 141–160.

Vinogradov M.V., Ulyanina O.A.

Specifics of Conducting Special Psychophysiological Studies with the Use of a Polygraph on the Employees of Internal Affairs Bodies Appointed to Other Positions in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 141–160.

Для цитаты: Виноградов М.В., Ульянина О.А. Особенности проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа в отношении сотрудников органов внутренних дел, назначаемых на иные должности в системе МВД России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 141–160. DOI:10.17759/psylaw.2022120211

Specifics of Conducting Special Psychophysiological Studies with the Use of a Polygraph on the Employees of Internal Affairs Bodies Appointed to Other Positions in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Mikhail V. Vinogradov

Department of Civil Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: ivanov@yandex.ru

Olga A. Ulyanina

Moscow State University of Psychology & Education, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: lelia34@mail.ru

The article describes the practice of using the method of special psychophysiological research (SPPR) on the polygraph in the Department of Internal Affairs in its historical context. A comparative analysis is carried out on the statistical representation of risk factors for deviant behavior that were found in employees through SPPR in 2011 and 2020. The work presents the results of the SPPR conducted as part of the professional psychological selection of candidates for service in the Department of Internal Affairs in 2018 – 2020. The identified risk factors are analyzed in the regional context. Taking into account the described results, we substantiate the necessity and relevance of developing methodological recommendations, aimed to clarify certain situations that arise in the process of conducting SPPR while transferring an individual to a higher position in the Department of Internal Affairs, with a different functional purpose or set of activities. As part of particularizing the content of the recommendations, we look into the specifics of conducting a pre-test interview with the subject. We show the contents of the test topics on the studied issues and their specification with regards to the functional responsibilities of employees. The methods of conducting an SPPR and the approaches to evaluating the results of the study are described.

Keywords: special psychophysiological studies, polygraph, pre-test conversation, test topic, multi-topic and single-topic screening testing, police officer.

For citation: Vinogradov M.V., Ulyanina O.A. Specifics of Conducting Special Psychophysiological Studies with the Use of a Polygraph on the Employees of Internal Affairs Bodies Appointed to Other Positions in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 141–160. DOI:10.17759/psylaw.2022120211 (In Russ.).

Актуальным направлением совершенствования и повышения эффективности работы органов внутренних дел с кадрами является внедрение современных и научно обоснованных психофизиологических (психологических) методов, одним из которых является специальное психофизиологическое исследование (опрос, тестирование) с применением полиграфа¹.

Данный метод, начиная с 1992 г., активно и широко используется, как в оперативно-розыскной деятельности, так и в системе отбора и расстановки кадров. За последние 30 лет применения полиграфа в органах внутренних дел произошли серьезные изменения в методологии его использования — от самых простых и достаточно примитивных методов до современных технологий [4; 16], учитывающих проблемы, связанные с серьезным противодействием тестированию со стороны лиц, скрывающих (искажающих) отдельные факты своей биографии [1].

Наиболее массовое первое применение полиграфа в работе с кадрами произошло в 2011 г., когда руководством страны было принято решение преобразовать милицию в полицию, а все желающие служить в новой полицейской структуре должны были пройти внеочередную аттестацию.

В 2011 г. психологи подразделений по работе с личным составом провели более 16,5 тыс. СПФИ, что в 2,8 раза больше по сравнению с предшествующим периодом, в год, когда была издана и зарегистрирована в Минюсте России Инструкция об организации проведения СПФИ в органах внутренних дел (2011 г. — 16592, 2010 г. — 5933). Непосредственно в ходе внеочередной аттестации СПФИ были проведены в отношении 13,5 тыс. сотрудников (13450), в основном тех, кто претендовал на замещение руководящих должностей [15].

Анализ полученных результатов показал, что наиболее распространенными формами отклоняющегося поведения (рис. 1) являлись:

- наличие недеklarированных доходов, имущества и обязательств имущественного характера (15,8% от общего количества выявленных фактов сокрытия значимой информации);
- совершение правонарушений и дисциплинарных проступков, за которые сотрудник не привлекался к ответственности (14,8%);
- злоупотребление алкоголем (13,4%);
- употребление наркотических средств и (или) психотропных веществ в немедицинских целях (9,6%);
- наличие не связанных с выполнением оперативно-служебных задач отношений с людьми, имеющими криминальное прошлое и настоящее, отрицательную репутацию (6,9%);
- склонность к конфликтным (агрессивным) формам разрешения возникающих проблем (3,7%);
- негативные мотивы поступления на службу в полицию или иное подразделение ОВД (3,2%);
- хранение (использование) незарегистрированного оружия (2,4%);
- признаки игровой зависимости (1,4%);
- склонность к аутоагрессивным действиям (суицидам) (1,2%).

Прошло 10 лет с момента аттестации и количество СПФИ увеличилось кратно. Ежегодно проводится около 90 тысяч СПФИ. В среднем в ходе каждого десятого исследования выявляются лица, скрывающие информацию, необходимую для подготовки кадрового решения.

¹ Далее — СПФИ.

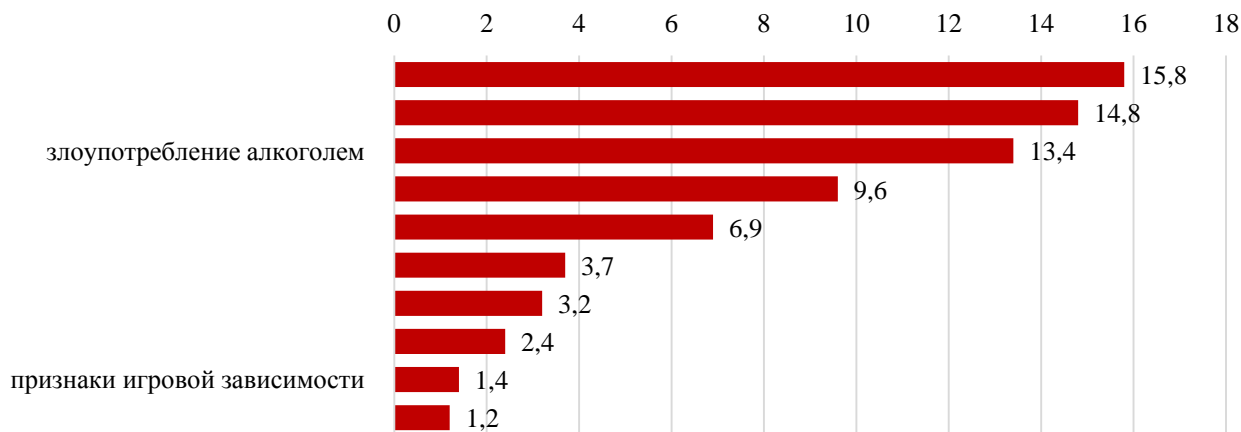

Рис. 1. Выявленные в 2011 г. факторы риска
(данные в процентном отношении от общего количества факторов риска)

Во многом этому способствовала масштабная подготовка специалистов, которая проводится Московским университетом МВД России имени В.Я. Кикотя, а также Всероссийским институтом повышения квалификации сотрудников МВД России.

В настоящее время в подразделениях по работе с личным составом осуществляют профессиональную деятельность 550 полиграфологов, применяющих в своей работе современную методологию и технические средства, основную массу которых в настоящее время составляют полиграфы отечественного производства.

В 2020 г. названными специалистами органов, организаций и подразделений МВД России проведено около 89 тыс. СПФИ (88 699; 2019 г. — 98 762). Это более чем в 5 раз больше, чем в 2011 г. Разумеется, наибольшая доля таких исследований связана с изучением кандидатов на службу в органах внутренних дел. Это 76% от общего числа проведенных СПФИ (рис. 2) [15].

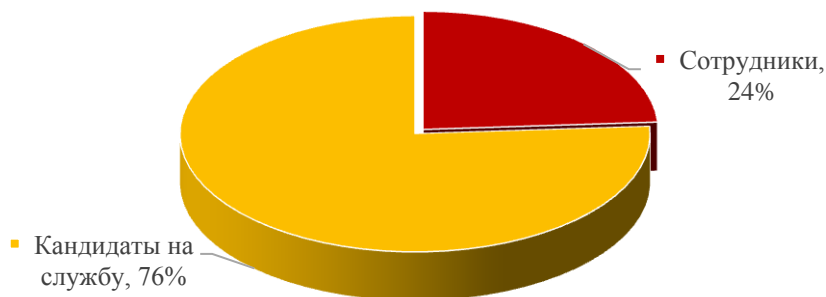

Рис. 2. Качественный состав обследуемых лиц в рамках СПФИ в 2020 г.

В ходе СПФИ в 2020 г. выявлено около 7 тыс. лиц, скрывающих информацию, необходимую для подготовки кадрового решения. Это кандидаты и действующие сотрудники (6 560; 2019 г. — 9 352).

Практически в каждом десятом случае кандидат, прошедший профессиональный психологический отбор, по тем или иным причинам был не рекомендован для поступления на службу в органы внутренних дел или обучения в ведомственной образовательной организации (рис. 3) [6].

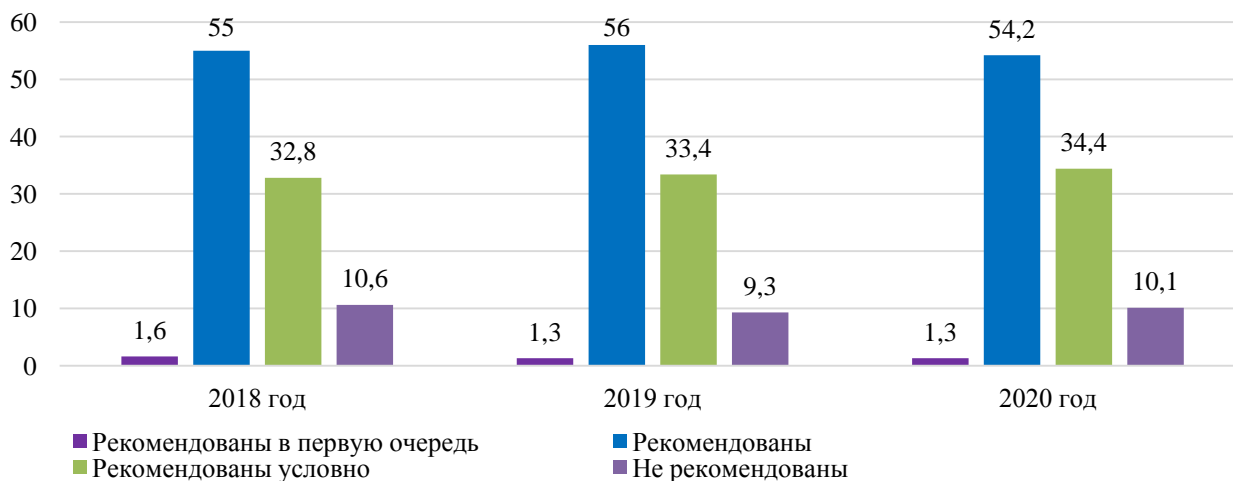

Рис. 3. Результаты профессионального психологического отбора (данные в процентном отношении от общего количества кандидатов, прошедших обследование)

Относительно сотрудников следует отметить, что СПФИ проведено в отношении 21 тыс. сотрудников (21 085; 2019 г. — 20 019), по итогам которых выявлено наличие факторов риска в 1300 случаях (1 294; 2019 г. — 1 407). Соотношение выявленных у сотрудников факторов риска в определенной степени является схожим с данными, полученными в 2011 г. (рис. 4) [15].

Рис. 4. Выявленные в 2020 г. факторы риска (данные в процентном отношении от общего количества факторов риска)

Тем не менее, мы отмечаем увеличение доли лиц, склонных к злоупотреблению должностными полномочиями. Это 34,9%² от общей количества обследованных [3].

Значительно больше выявлено и лиц, допускающих злоупотребление алкоголем — 20,3%.

² От общего числа факторов риска, выявленных у сотрудников в 2020 г.

Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера осталось примерно на том же уровне и составило 15,2%.

Допускают единичное или эпизодическое употребление без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ — 14,1% опрошенных.

Совершили те или иные противоправные действия, за исключением уже названных случаев, 7,7%.

Кроме того, нами проведен анализ выявленных факторов риска в региональном разрезе. Помимо характерной практически для всех федеральных округов проблемы в сфере реализации должностных полномочий, весьма актуальным, например для Приволжского и Уральского федеральных округов, является злоупотребление алкоголем.

Для Южного и Северо-Кавказского округов отмечается высокая распространенность таких явлений, как употребление наркотических средств без назначения врача, участие в их незаконном обороте, а также участие в деятельности запрещенных общественных объединений.

В Северо-Западном федеральном округе чаще допускается сокрытие сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, в Дальневосточном округе — участие в незаконном обороте оружия.

Полученные в результате проведенной работы сведения легли в основу методических рекомендаций по СПФИ в отношении сотрудников, назначаемых на иные должности, позволили обосновать ключевые вопросы, подлежащие изучению в ходе проведения названных исследований [5; 9]. Данные методические рекомендации разработаны в соответствии с требованиями приказов МВД России от 18 марта 2010 г. № 201 «Об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в органах внутренних дел Российской Федерации»; от 2 сентября 2013 г. № 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации», а также с целью разъяснения отдельных ситуаций, возникающих в процессе проведения СПФИ при переводе на вышестоящую должность в органах внутренних дел, соответствующую иному функциональному предназначению либо направлению деятельности.

СПФИ рекомендовано проводить в целях объективного и всестороннего изучения следующих вопросов: злоупотребление должностными полномочиями; совершение уголовно наказуемых деяний; употребление наркотических средств и (или) психотропных веществ без назначения врача; наличие проблем на службе, связанных с употреблением алкоголя; сокрытие или искажение сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. При этом по решению руководителя органа, организации, подразделения МВД России может осуществляться изучение иных вопросов, связанных с прохождением службы в органах внутренних дел.

Период изучения первых четырех вопросов составляет 5 лет, предшествующих проведению СПФИ.

Процедура СПФИ включает ряд последовательных этапов и начинается с предтестового собеседования. На этапе обсуждения вопросов, подлежащих изучению, специалист совместно с обследуемым разбирает их содержание и показывает ему соответствующую «маршрутную карту». Задаются открытые вопросы, затем закрытые и уточняющие. С целью получения от обследуемого отдельных признаний рекомендуется задавать дополнительные вопросы, например: «Если ни один из рассмотренных вариантов отклоняющегося поведения не имеет

к Вам отношения, то Ваши ответы “нет” на задаваемые вопросы по данной проверочной теме будут правдивыми?»).

Если хотя бы один из приведенных на «маршрутной карте» вариантов относится к обследуемому, то его ответ «нет» на сформулированные вопросы будет указывать на ложь в отношении всей проверочной темы.

В ходе обсуждения проверочной темы, связанной со злоупотреблением должностными полномочиями, обследуемому указывается, что такое поведение представляет собой совершение уголовно наказуемых деяний против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (рис. 5).

Ключевыми признаками злоупотребления должностными полномочиями являются действия должностного лица, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности, входящие в круг его должностных полномочий при отсутствии обязательных условий и оснований для их совершения.

Например, к злоупотреблениям должностными полномочиями можно отнести: возбуждение и прекращение уголовных дел при отсутствии достаточных оснований; незаконное проникновение в жилище; содействие в трудоустройстве, продвижении по службе или поощрении с нарушением установленного порядка, а также иное покровительство по службе; использование служебного имущества не по назначению.

Умышленное неисполнение должностным лицом своих обязанностей в том случае, если подобное бездействие было совершено из корыстной или иной личной заинтересованности (например, неисполнение предусмотренной законом обязанности по составлению протокола об административном правонарушении), также относится к должностному преступлению.

Как правило, злоупотребление связано со взяточничеством, т. е. принятием должностным лицом денег, услуг имущественного характера. Предметом взяточничества и коммерческого подкупа, наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом, могут быть незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав.

Под незаконным оказанием услуг имущественного характера следует понимать предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им; бесплатные либо по заниженной стоимости предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования; списание долга или исполнение обязательств перед другими лицами).

Превышением должностных полномочий является совершение сотрудником действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему законом.

Могут встречаться следующие деяния, квалифицируемые как злоупотребление должностными полномочиями:

- предоставление служебной информации иным лицам и организациям, если это не входит в должностные обязанности сотрудника;
- подлог служебных документов (уголовных дел, дел об административных правонарушениях, актов, справок, отчетов);
- присвоение (хищение) служебного имущества, бюджетных средств, их трата на цели, которые не соответствуют условиям получения;

- покровительство коммерческим структурам, организациям, осуществляющим предпринимательскую деятельность;
- оказание содействия в непривлечении к ответственности (уголовной, административной, гражданской, материальной и иной ответственности);
- получение взятки за осуществление или неосуществление служебных обязанностей.
- Проверочные вопросы должны быть сформулированы с учетом сведений, сообщенных обследуемым.

Рис. 5. Маршрутная карта обсуждения проверочной темы «Злоупотребление должностными полномочиями»

В ходе обсуждения проверочной темы, связанной с совершением уголовно наказуемых деяний, обследуемому сообщается, что такое поведение представляет собой деяния против личности, в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, против государственной власти, против военной службы, против мира и безопасности человечества (рис. 6).

Рис. 6. Маршрутная карта обсуждения проверочной темы «Совершение уголовно наказуемых деяний»

Под преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, которое противоречит принятым в обществе нормам и объявлено уголовным законом преступлением той или иной тяжести, т. е. предусмотрено соответствующей статьей или статьями Уголовного кодекса Российской Федерации. Не является преступлением действие (бездействие), не представляющее общественной опасности.

По результатам обсуждения, при отсутствии дополнительных сведений, сообщенных обследуемым, рекомендуется использовать в ходе тестирования следующие проверочные вопросы: «Последние 5 лет Вы находились под следствием?», «Вы привлекались к уголовной ответственности?»

При обсуждении проверочной темы, связанной с употреблением наркотических средств и (или) психотропных веществ в немедицинских целях, специалист должен разъяснить обследуемому, что наркотические средства и психотропные вещества включены в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оборот которых запрещен, ограничен или подлежит специальному контролю (рис. 7).

По результатам обсуждения, при отсутствии дополнительных сведений, сообщенных обследуемым, рекомендуется использовать в ходе тестирования следующие проверочные вопросы: «Последние 5 лет Вы потребляли наркотики в немедицинских целях?», «Последние 5 лет Вы потребляли наркотики не по назначению врачей?»

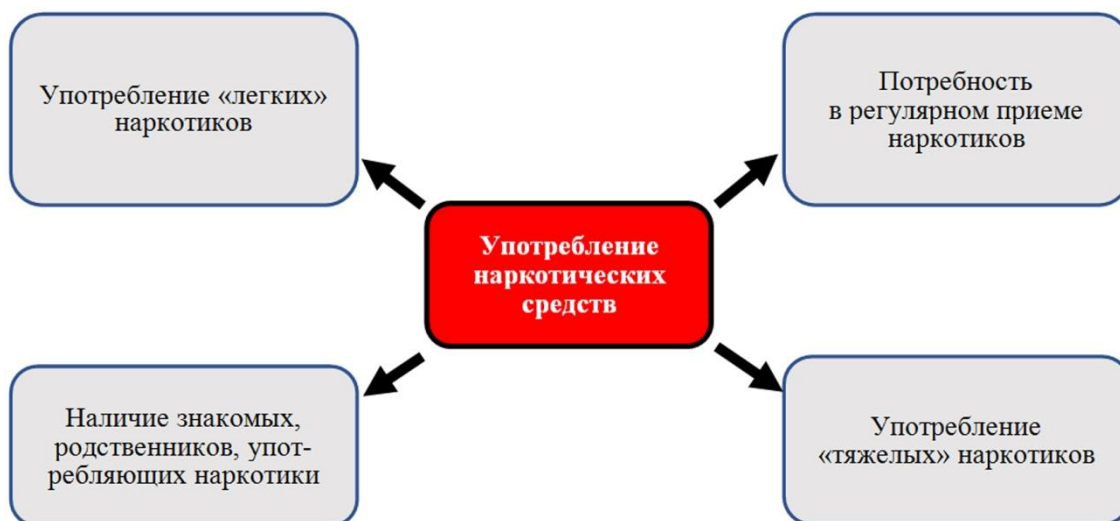

Рис. 7. Маршрутная карта обсуждения проверочной темы «Употребление наркотических средств и (или) психотропных веществ в немедицинских целях»

При обсуждении проверочной темы о наличии проблем на службе, связанных с употреблением алкоголя, специалист должен учесть, что продолжительное злоупотребление алкоголем, как правило, изменяет поведение и внешний вид человека. Тяжелые формы алкоголизма легко диагностировать, но начальные стадии иногда трудно дифференцировать от бытового пьянства (см. рис. 8).

По результатам обсуждения, при отсутствии дополнительных сведений, сообщенных обследуемым, рекомендуется использовать в ходе тестирования следующие проверочные вопросы: «У Вас были серьезные проблемы на службе из-за употребления алкоголя последние 5 лет?», «Последние 5 лет Вы меняли место службы из-за проблем с алкоголем?»

Рис. 8. Маршрутная карта обсуждения проверочной темы «Наличие проблем на службе, связанных с употреблением алкоголя»

При обсуждении проверочной темы, связанной с сокрытием или искажением сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, специалисту необходимо учесть типичные нарушения при заполнении сотрудниками соответствующих справок:

- не указывается доход, полученный супругом (супругой) от трудовой деятельности, прекращенной на отчетную дату; от осуществления педагогической, научной и иной творческой деятельности; от операций с ценными бумагами; доход, полученный в иностранной валюте, а также пенсии, пособия, доходы от реализации имущества, транспортных средств (в том числе по программе «трейд-ин») и в случаях продажи указанного имущества членам семьи или близким родственникам;
- не указываются сведения о приобретенном имуществе, ценных бумагах; информация о транспортных средствах, собственниками которых являются у сотрудников их супруга (супруг), несовершеннолетние дети, переданных в пользование по доверенности и (или) находящихся в угоне, залоге у банка, неэксплуатируемых в связи с негодностью либо снятых с учета.

У обследуемого уточняется, в отношении каких лиц им предоставляются сведения, источники и суммы денежных поступлений за отчетный период времени, наличие недвижимости, возможные проблемы на службе из-за внесения неточных сведений в соответствующую справку (рис. 9).

По результатам обсуждения, при отсутствии дополнительных сведений, сообщенных обследуемым, рекомендуется использовать в ходе тестирования следующие проверочные вопросы: «Вы вносили заведомо недостоверные сведения в последнюю поданную справку о доходах?», «В последней представленной Вами справке о доходах имеются заведомо неверные сведения?».

Рис. 9. Маршрутная карта обсуждения проверочной темы «Соккрытие или искажение сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера»

Перспективным направлением совершенствования процедуры проведения СПФИ с сотрудниками органов внутренних дел, назначаемых на иные должности в системе МВД России, является разработка перечня правонарушений, четко соотносимых с функциональными обязанностями сотрудников и правовой регламентацией их служебной деятельности (табл. 1) [7].

Таблица 1

Дифференциация проверочных тем с учетом функциональных обязанностей подразделений МВД России

Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности	
1	Факты отсутствия учета ПДН несовершеннолетних, совершивших два и более административных правонарушения в течение года. Факты занижения квалификации при составлении повторных протоколов об административных правонарушениях в отношении одного и того же лица в течение года без учета признака повторности (ч. 1 ст. 19.24, ч. 1 и 2 ст. 18.8, ч. 3 ст. 18.8, ч. 1 ст. 18.10, ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ)
2	Факты применения наказания за совершение административного правонарушения в виде предупреждения, непредусмотренного действующим КоАП РФ
3	Факты отсутствия постановки под административный надзор лиц, совершивших в течение года два и более административных правонарушения, предусмотренные гл. 19, 20 КоАП РФ, а также ст. ст. 6.8. и 6.9 КоАП РФ
4	Факты искажения отчетов по форме 1-АП в виде дублирования протоколов об административных правонарушениях в базе данных «Административная практика» СООП ИСОД МВД России
5	Факты занижения наказания за совершение административных правонарушений в виде вынесения в отношении гражданина в течение года двух и более административных правонарушений без учета повторности их совершения

6	Факты занижения профилактических учетов в отношении лиц, одновременно числящихся и состоящих под административным надзором и формально попадающих под его действие
7	Факты непринятия сотрудниками ОВД мер по пресечению уклонения граждан от административного надзора, а также лиц числившихся уклоняющимися от административного надзора, которые были установлены сотрудниками ОВД, но не были привлечены к административной ответственности по ст. 19.24 КоАП РФ
8	Факты нахождения на профилактических учетах умерших лиц
9	Факты непринятия мер сотрудниками ОВД к лицам, которые на момент привлечения к административной ответственности находились в федеральном розыске
10	Факты нарушения срока давности привлечения к административной ответственности по административным правонарушениям, рассмотрение которых осуществлялось ОВД
11	Факты нахождения в базе данных профилактируемых лиц, граждан, находящихся в местах лишения свободы
12	Факты непринятия мер сотрудниками транспортной полиции к лицам, уклоняющимся от административного надзора и беспрепятственно передвигающимся на железнодорожном и авиационном транспорте (ст. 19.24 КоАП РФ)
Обеспечение безопасности дорожного движения	
13	Факты составления административных материалов в отношении умерших лиц
14	Факты занижения квалификации допущенного правонарушения при вынесении постановления без учета повторности (без учета ранее совершенного аналогичного правонарушения) составленного по ч. 1 ст. 12.1, ч. 1 ст. 12.12, ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ
15	Факты непринятия мер по привлечению к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ лиц, повторно управляющих транспортным средством с признаками опьянения, на которых ранее были составлены административные материалы по ч. ч. 1, 3 ст. 12.8, ч. ч. 1, 2 ст. 12.26 КоАП РФ
16	Факты непринятия мер по привлечению к административной ответственности по ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ лиц, лишенных права управления транспортным средством
17	Факты нахождения на регистрационном учете и возможной эксплуатации транспортных средств, собственники которых умерли
18	Факты непринятия мер по задержанию лиц, находящихся в федеральном розыске, в отношении которых были составлены административные материалы
19	Факты внесения корректировок о гибели участников ДТП в течение 30 суток после их совершения
20	Факты непринятия мер по задержанию транспортных средств, находящихся в розыске и на которых совершены административные правонарушения
21	Факты непринятия мер по задержанию лиц, находящихся в федеральном розыске, которым были предоставлены государственные услуги в подразделениях Госавтоинспекции
Обеспечение управления силами и средствами органов внутренних дел в чрезвычайных обстоятельствах (чрезвычайных ситуациях), сбора информации об оперативной обстановке в субъектах Российской Федерации	
22	Наличие чрезвычайных происшествий с задержанными лицами, доставленными в помещение дежурной части (самоубийство, побеги)

23	Наличие фактов чрезвычайных происшествий при хранении, учете, выдаче (приеме) и обеспечении сохранности вооружения и боеприпасов, специальных средств в дежурной части территориального органа МВД России (утрата вооружения, неосторожное обращение с огнестрельным оружием)
24	Полнота внесения сведений о заявлениях и сообщениях о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях и доставленных лицах в СОДЧ ИСОД МВД России (приказ МВД России от 28.12.2016 № 914)
25	Обеспечение информационной безопасности СОДЧ ИСОД МВД России (приказ МВД России от 28.12.2016 № 914)
26	Факты нарушения сроков предоставления оперативной информации в ЦОР ОУ МВД России, установленных требованиями приказа МВД России от 08.10.2012 № 920.
Реализация государственной политики в сфере миграции	
27	Нарушение при выдаче (замене) паспорта гражданина Российской Федерации
28	Факты непринятия мер в отношении лиц, находящихся в розыске, обратившихся за получением государственных услуг
29	Факты непринятия мер в отношении лиц, допустивших утрату (порчу) паспорта гражданина Российской Федерации (ст. 19.16 КоАП РФ)
30	Факты несоблюдения требований при выдаче (аннулировании) документов, дающих право на осуществление трудовой деятельности, а также временного и постоянного проживания на территории РФ (на предмет совершения преступлений на территории РФ)
31	Факты несоблюдения требований при выдаче (аннулировании) документов, дающих право на осуществление трудовой деятельности, а также временного и постоянного проживания на территории РФ (на предмет совершения преступлений на территории РФ) (лица, привлеченные два и более раза в течение года к административной ответственности по ст. 6.1.1, 6.8 - 6.13, 6.16.1; 20.1, 20.2, 20.3, 20.20, 20.21, 20.22, 20.23, 20.28, 20.29, 20.31, 20.32, 20.33 КоАП РФ)
Материально-техническое обеспечение деятельности ОВД	
32	Факты включения недостоверных сведений в отчеты ОУМТС МВД России, подготавливаемые в соответствии с приложением № 2 к распоряжению МВД России от 25.12.2020 № 1/14862
33	Факты несоблюдения требований по своевременному и качественному направлению заявок для формирования государственного оборонного заказа
34	Факты расхождения в отчетах (предусмотренных приказом МВД России от 24.05.2003 № 345) по очередникам, состоявшим на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях (вставших на учет до 01.03.2005), а также по распределению жилых помещений по договорам социального найма
35	Факты укрытия ДТП или факты управления сотрудником служебным автотранспортом в состоянии опьянения
Кадровое обеспечение деятельности ОВД	
36	Факты прохождения службы сотрудниками ОВД, ранее судимыми за совершение преступлений
37	Факты наличия лиц, работающих в ОВД по трудовому договору или контракту, и имеющих судимость или отбывающих наказание за совершение преступления, не связанного с лишением свободы

38	Факты прохождения службы сотрудниками ОВД, имеющими вид на жительство или гражданство иного государства
39	Факты управления сотрудниками ОВД транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения
Деятельность органов предварительного следствия, дознания	
40	Факты возбуждения и расследования уголовных дел в отношении уже умерших граждан
41	Факты несвоевременного возбуждения уголовных дел, ранее приостановленных ввиду объявления в розыск лиц, подозреваемых в совершении преступлений
42	Факты несвоевременного заведения розыскных дел по уголовным делам, приостановленным ввиду объявления в розыск лиц, подозреваемых в совершении преступлений
43	Факты преждевременного приостановления расследования (по п.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) в связи с неустановлением лиц, причастных к совершению преступлений
44	Факты необоснованного приостановления (не возобновления) (по п. п. 3-4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) уголовных дел в связи с болезнью и невозможностью участия в их расследовании подозреваемых лиц
45	Факты нарушения сроков постановки на розыскной учет номерных вещей, в том числе транспортных средств, оружия
Формирование и ведение централизованных учетов, баз данных оперативно-справочной, розыскной, криминалистической, дактилоскопической, статистической и иной информации	
46	Факты нарушения разумных сроков уголовного судопроизводства и необоснованного затягивания расследования уголовных дел, возбужденных по ст. ст. 119, 264.1, 264 УК РФ, срок расследования которых превышает 6 месяцев, однако выставлена карточка формы 1.2 на заподозренное лицо
47	Факты неполной постановки вещей на номерной учет
48	Факты нарушения информационной безопасности: использование учетных записей пользователя ИСОД, ИБД после даты увольнения сотрудников ОВД со службы
49	Факты нарушения установленных УПК РФ сроков принятия решения по заявлениям (сообщениям) о преступлениях (уголовные дела, возбужденные в срок свыше 30 суток, без учета возбужденных из отказных материалов)
50	Факты необоснованного (преждевременного) приостановления уголовных дел, срок принятия решения о приостановлении по которым, менее установленного УПК РФ (следствие — 2 месяца, дознание — 1 месяц)
51	Факты непринятия мер по снятию с учета преступлений в связи с истечением срока давности уголовного преследования (прекращение производства по п. 3 ст. 24 УПК РФ)
52	Факты нарушения установленного порядка организации розыска преступника (уголовные дела, приостановленные за розыском преступника п. 2, ч. 1 ст. 208 УПК РФ и заведенные розыскные дела)
53	Факты принятия незаконных решений о прекращении уголовных дел по ст. ст. 25 (примирение сторон) и 28 (деятельное раскаяние) УПК РФ в отношении лиц, имеющих непогашенную судимость
54	Факты несоблюдения учетно-статистической дисциплины: отсутствие учтенной в базе данных карточки ф. 6 по уголовным делам, направленным в суд

55	Факты необоснованного (незаконного) принятия решений о приостановлении уголовных дел по п. п. 2, 3 и 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в отношении лиц, умерших и привлеченных к административной ответственности после даты принятия решения о приостановлении расследования
56	Факты необоснованного (незаконного) принятия решения об окончании расследования уголовного дела в отношении лиц, умерших до даты принятия решения по уголовному делу
57	Факты занижения квалификации нераскрытых преступлений при наличии значительного для гражданина ущерба (ч. 2 ст. 158 УК РФ): уголовные дела, приостановленные по ч. 1 ст. 208 УПК РФ, возбужденные по ч. 1 ст. 158 УК РФ, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, либо путем открытого хищения имущества (ст. 161 УК РФ)
58	Факты занижения квалификации нераскрытых преступлений: уголовные дела, возбужденные по ст. 166 УК РФ, по которым похищенные транспортные средства не изъяты, а дела не переквалифицированы по ч. 2 ст. 158 УК РФ
59	Факты нарушения формирования криминалистических учетов: нарушение сроков постановки на розыскной учет номерных вещей, в том числе транспортных средств, оружия, средств связи; отсутствие дактилоскопической регистрации у граждан, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации
Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений общеуголовной направленности, розыск лиц, организация и осуществление оперативно-розыскной деятельности	
60	Факты непринятия мер к задержанию лиц, находящихся в федеральном розыске
61	Выявление фактов непринятия мер к розыску лиц (незаведение РД после приостановления предварительного следствия (дознания) и невозобновление предварительного следствия, дознания после установления, задержания разыскиваемого лица)
62	Факты несвоевременного заведения или не заведения ДОУ по нераскрытым преступлениям (ст. 105, ч. 4 ст. 111, ст. 131, ст. 132 УК РФ), а также ДОУ, подлежащих прекращению по установленным основаниям
Контроль за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также противодействие их незаконному обороту	
63	Факты не привлечения к административной ответственности (по ст. 6.9 КоАП РФ, ст. 20.20 КоАП РФ, ст. ст. 20.21 КоАП РФ) за правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков
64	Факты не привлечения лиц, допускающих немедицинское употребление наркотических веществ, к административной ответственности (по ст. 12.8 КоАП РФ с привлеченными по ст. 6.9 КоАП РФ)
Осуществление экспертно-криминалистической деятельности	
65	Факты нарушения следовой обстановки на местах происшествий
66	Факты внесения недостоверной информации в СОДЧ ИСОД МВД России
67	Факты утраты вещественных доказательств (объекты, связанные с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ, а также наркотических и психотропных средств), а также нарушение сроков их сдачи в камеры вещественных доказательств

Перечень подобных правонарушений должен периодически обновляться с учетом дисциплинарной практики и изменений, вносимых в нормативные правовые акты.

При проведении СПФИ рекомендуется применять типовой многотемный скрининговый тест [8] или многотемный скрининговый метод только проверочных вопросов.

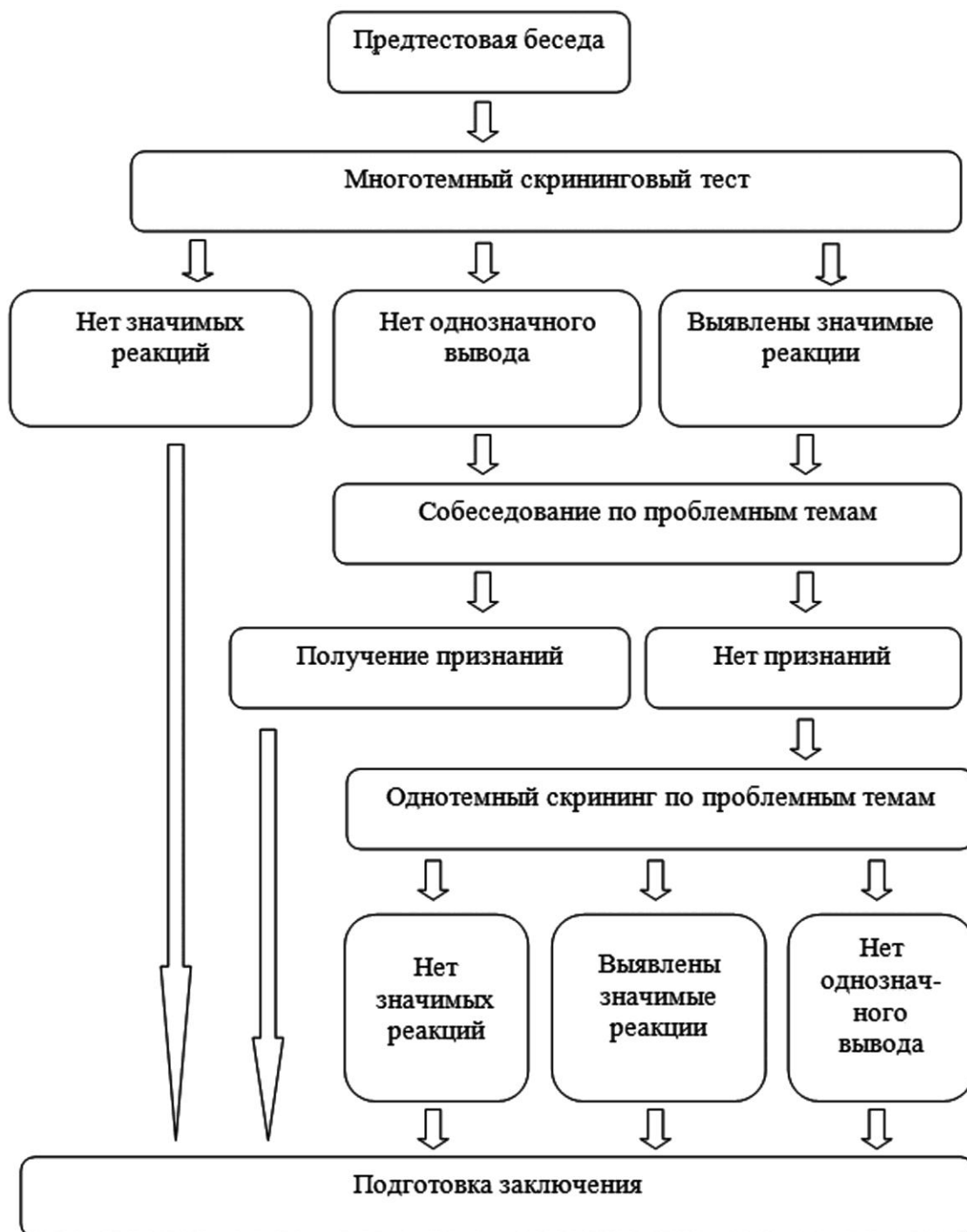

Рис. 10. Схема проведения СПФИ

Результаты скрининга, указывающие на значимость какой-либо проверочной темы, должны быть перепроверены с помощью дополнительного тестирования. Если результат находится в зоне неопределенности, решение о необходимости проведения дополнительного тестирования принимает сам специалист.

Дополнительное тестирование может быть основано на использовании однотемного скринингового теста с вопросами управляемой лжи. В этом случае при анализе зарегистрированных психофизиологических реакций применяются правила, изложенные в методических рекомендациях ДГСК МВД России от 30.09.2015 № 21/7/548.

Общая структурная схема проведения СПФИ приведена на рис. 10.

В целом, процедура и формат проведения СПФИ в отношении сотрудников аналогичен подобным обследованиям в рамках профессионального психологического отбора кандидатов на службу в ОВД, который регламентирован приказом МВД России от 1 октября 2014 г. № 840 «О мерах по реализации в органах внутренних дел Российской Федерации постановления Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259» [2]. Исключение состоит лишь в количестве проверочных тем. Метод инструментальной детекции лжи является одновременно и профилактическим, и диагностическим, а степень достоверности получаемых в ходе СПФИ результатов позволяет уточнять данные, полученные другими психологическими и психофизиологическими методами.

Проведенный анализ статистической выраженности факторов риска, выявленных как у кандидатов на службу в ОВД, так и у сотрудников за период 2011—2020 гг. позволяет обоснованно сместить акцент на пяти факторах, описанных в методических рекомендациях и подлежащих обязательному изучению в рамках СПФИ с сотрудниками, перемещаемыми на иные должности в системе МВД России. А дифференциация проверочных тем с учетом функциональных обязанностей сотрудников в совокупности позволяет повысить степень достоверность и прогностичной надежности результатов исследования, принять более обоснованное кадровое решение в отношении сотрудников, назначаемых на руководящие должности в системе МВД России.

Литература

1. *Варламов В.А., Варламов Г.В.* Противодействие полиграфу и пути их нейтрализации: Учебное пособие. М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2005. 192 с.
2. *Виноградов М.В., Ульянина О.А.* Правовые и организационно-методические аспекты проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа при проведении отбора в правоохранительные (государственные) органы: состояние и перспективы развития [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 1–24. doi:10.17759/psylaw.2018080301
3. *Гербеков И.И.* Полиграф как техническое средство профилактики коррупционных правонарушений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3 (49). С. 115–123.
4. *Гонов Ш.Х., Самойленко Р.М.* Совершенствование использования полиграфа в управлении персоналом органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2020. № 11 (301). С. 11–15. URL: <https://moluch.ru/archive/301/68034/> (дата обращения: 19.01.2021).

Виноградов М.В., Ульянина О.А.

Особенности проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа в отношении сотрудников органов внутренних дел, назначаемых на иные должности в системе МВД России // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 141–160.

Vinogradov M.V., Ulyanina O.A.

Specifics of Conducting Special Psychophysiological Studies with the Use of a Polygraph on the Employees of Internal Affairs Bodies Appointed to Other Positions in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 141–160.

5. Горностаев С.В., Поздняков В.М. Деятельностный подход как ресурс развития психологической теории лояльности группе принадлежности [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 42–58. doi:10.17759/sps.2020110404
6. Дашко М.Н., Виноградов М.В., Ульянина О.А. Организационные и правовые аспекты проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа с кандидатами на службу в органы внутренних дел [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 2 (73). С. 84–91. doi:10.24411/1999-6241-2018-12014
7. Карпинский К.В., Гижук Т.В., Кисельникова Н.В. Функциональная оптимальность личностного смысла профессии [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 1. С. 171–183. doi:10.17759/exppsy.2020130113
8. Методические рекомендации ДГСК МВД России от 30.09.2015 № 21/7/548.
9. Методические рекомендации по проведению психологического обследования сотрудников, перемещаемых по службе на иные должности в системе МВД России // Приложение к письму ДГСК МВД России от 16.12.2019 № 21/8/15646.
10. Плотников В.А. Противодействие при проведении СПФИ и контрпротиводействие в практике психологической службы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2 (61). С. 101–106.
11. Приказ МВД России от 01.10.2014 г. № 840 «О мерах по реализации в органах внутренних дел Российской Федерации постановления Правительства РФ от 6 декабря 2012 г. № 1259».
12. Приказ МВД России от 02.09.2013 г. № 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/upload/site135/folder_page/007/186/715/prikaz_660_ot_2013.pdf?ysclid=l3tzousiql (дата обращения: 19.01.2021).
13. Приказ МВД России от 18.03.2010 г. № 201 «Об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в органах внутренних дел Российской Федерации».
14. Приказ МВД России от 25.12.2020 г. № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/upload/site132/folder_page/003/316/921/Organizatsiya_moralnopsikhologicheskogo_obespecheniya.docx?ysclid=l3tzu423уу (дата обращения: 23.02.2021).
15. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2020 год: Сборник аналитических и информационных материалов. М.: ДГСК МВД России, 2021. 79 с.
16. Шоронов О.В., Коновалов А.Н. Полиграф в правоохранительных органах // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 4 (8). С. 40–44.

References

1. Varlamov V.A., Varlamov G.V. Protivodeistvie poligrafu i puti ikh neutralizatsii: Uchebnoe posobie. Moscow: PER SE-Press, 2005. 192 p. (In Russ.).
2. Vinogradov M.V., Ulyanina O.A. Pravovye i organizatsionno-metodicheskie aspekty provedeniya spetsial'nykh psikhofiziologicheskikh issledovaniy s primeneniem poligrafa pri provedenii otbora v pravookhranitel'nye (gosudarstvennye) organy: sostoyanie i perspektivy

razvitiya [Legal and organizational-methodical aspects of carrying out special psychophysiological researches with application of polygraph at carrying out selection in law enforcement (state) bodies: a condition and prospects of development] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 1–24. doi:10.17759/psylaw.2018080301 (In Russ).

3. Gerbekov I.I. Poligraf kak tekhnicheskoe sredstvo profilaktiki korrupsionnykh pravonarushenii [Polygraph as a technical means of preventing corruption offences]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2019, no. 3 (49), pp. 115–123. (In Russ.).

4. Gonov Sh.Kh., Samoilenko R.M. Sovershenstvovanie ispol'zovaniya poligrafa v upravlenii personalom organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs]. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2020, no. 11 (301), pp. 11–15. URL: <https://moluch.ru/archive/301/68034/> (Accessed 19.01.2021). (In Russ.).

5. Gornostaev S.V., Pozdnyakov V.M. Deyatel'nostnyi podkhod kak resurs razvitiya psikhologicheskoi teorii loyal'nosti gruppe prinadlezhnosti [The Activity Approach as a Resource for the Development of the Psychological Theory of Loyalty to the Group of Belonging] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4. pp. 42–58. doi:10.17759/sps.2020110404. (In Russ.).

6. Dashko M.N., Vinogradov M.V., Ul'yantina O.A. Organizatsionnye i pravovye aspekty provedeniya spetsial'nogo psikhofiziologicheskogo issledovaniya s primeneniem poligrafa s kandidatami na sluzhbu v organy vnutrennikh del [Organizational and Legal Aspects of Special Psycho-Physiological Examination via Polygraph Conducted with Applicants to the Russian Law enforcement Agencies] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2018, no. 2 (73), pp. 84–91. doi:10.24411/1999-6241-2018-12014 (In Russ.).

7. Karpinskii K.V., Gizhuk T.V., Kiselnikova N.V. Funktsional'naya optimal'nost' lichnostnogo smysla professii [Functional optimality of personal the meaning of the profession] [Elektronnyi resurs]. *Ekspertimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2020. Vol. 13, no. 1, pp. 171–183. doi:10.17759/expsy.2020130113 (In Russ.; abstr. in Engl.).

8. Metodicheskie rekomendatsii DGSK MVD Rossii ot 30.09.2015 no. 21/7/548. (In Russ.).

9. Metodicheskie rekomendatsii po provedeniyu psikhologicheskogo obsledovaniya sotrudnikov, peremeshchaemykh po sluzhbe na inye dolzhnosti v sisteme MVD Rossii. Prilozhenie k pis'mu DGSK MVD Rossii ot 16.12.2019 no. 21/8/15646. (In Russ.).

10. Plotnikov V.A. Protivodeistvie pri provedenii SPFI i kontrprotivodeistvie v praktike psikhologicheskoi sluzhby [. Resistance during special psychophysiological examination and response countermeasures used by psychological units]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2015. no. 2 (61), pp. 101–106. (In Russ.).

11. Prikaz MVD Rossii ot 01.10.2014 g. No. 840 “O merakh po realizatsii v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii postanovleniya Pravitel'stva RF ot 6 dekabrya 2012g. no. 1259”. (In Russ.).

12. Prikaz MVD Rossii ot 02.09.2013 g. No. 660 “Ob utverzhdenii Polozheniya ob osnovakh organizatsii psikhologicheskoi raboty v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii” [Elektronnyi resurs]. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. URL: https://мвд.рф/upload/site135/folder_page/007/186/715/prikaz_660_ot_2013.pdf?ysclid=13tzousiql (Accessed 19.01.2021). (In Russ.).

Виноградов М.В., Ульянина О.А.

Особенности проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа в отношении сотрудников органов внутренних дел, назначаемых на иные должности в системе МВД России *Психология и право*. 2022. Том 12. № 2. С. 141–160.

Vinogradov M.V., Ulyanina O.A.

Specifics of Conducting Special Psychophysiological Studies with the Use of a Polygraph on the Employees of Internal Affairs Bodies Appointed to Other Positions in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia *Psychology and Law*. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 141–160.

13. Prikaz MVD Rossii ot 18.03.2010 g. No. 201 “Ob organizatsii provedeniya psikhofiziologicheskikh issledovaniy s primeneniem poligrafa v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii”. (In Russ.).

14. Prikaz MVD Rossii ot 25.12.2020 g. No. 900 “Voprosy organizatsii moral’no-psikhologicheskogo obespecheniya deyatelnosti organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii” [Elektronnyi resurs]. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. URL: https://мвд.рф/upload/site132/folder_page/003/316/921/Organizatsiya_moralnopsikhologicheskogo_obespecheniya.docx?ysclid=13tzu423yy (Accessed 23.02.2021). (In Russ.).

15. Svedeniya o sostoyanii raboty s kadrami organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii za 2020 god: Sbornik analiticheskikh i informatsionnykh materialov. Moscow: DGSK MVD Rossii Publ., 2021. 79 p. (In Russ.).

16. Shoronov O.V., Konovalov A.N. Poligraf v pravookhranitel’nykh organakh. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Penza State University*, 2014, no. 4 (8), pp. 40–44. (In Russ.).

Информация об авторах

Виноградов Михаил Викторович, заместитель начальника, отдел организации психологической работы, Департамент государственной службы и кадров МВД России (ДГСК МВД России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8907-3289>, e-mail: vmifa@mail.ru

Ульянина Ольга Александровна, доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, руководитель, Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); главный научный сотрудник, научно-исследовательский центр, Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: lelia34@mail.ru

Information about the authors

Mikhail V. Vinogradov, Deputy Head, Department of Organization of Psychological Work, Department of Civil Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8907-3289>, e-mail: vmifa@mail.ru

Olga A. Ulyanina, PhD in Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Head, Federal Coordination Center for the Provision of Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education; Chief Researcher, Research Center, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: lelia34@mail.ru

Получена 15.01.2021

Принята в печать 15.01.2022

Received 15.01.2021

Accepted 15.01.2022

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ |
PERSONALITY ORIENTED PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGIES
IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

Субъектные предикторы моделей поведения курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса

Кудинов С.И.

Российский университет дружбы народов (ФГАОУ ВО «РУДН»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2117-6975>, e-mail: rudn.tgu@yandex.ru

Бурцев А.О.

Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burcev_anton@bk.ru

Кудинов С.С.

Российский университет дружбы народов (ФГАОУ ВО «РУДН»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1515-8754>, e-mail: Kudinov_ss@rudn.ru

Марьин М.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Ханалиева Д.У.

Российский университет дружбы народов (ФГАОУ ВО «РУДН»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1175-7522>, e-mail: Seda.42@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования, раскрывающие роль отдельных личностных качеств в выборе определенных паттернов поведения в ситуациях когнитивного диссонанса. В ходе исследования на выборке курсантов (N=217), установлено, что определенное соотношение таких качеств личности как самооценка, тревожность и локус контроля, являются основополагающими предикторами в выборе конструктивной либо деструктивной стратегии поведения в ситуации когнитивного диссонанса. Эмпирически доказано, что взаимосвязь низкого уровня тревожности, адекватной самооценки и интернальной саморегуляции характерна для избрания курсантами конструктивной модели поведения в ситуациях когнитивного диссонанса, обеспечивающей успешное решение когнитивной задачи. У курсантов с деструктивной стратегией поведения в подобной ситуации отмечается взаимозависимость на статистически значимом уровне умеренной или ярко выраженной тревожности, повышенной самооценки и экстернальной регуляции являющихся препятствием для выхо-

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С.,
Марьин М.И., Ханалиева Д.У.
Субъектные предикторы моделей поведения
курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177.

Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S.,
Maryin M.I., Khanaliev D.U.
Subjective Predictors of Cadets' Behavior
Patterns in Situation of Cognitive Dissonance
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177.

да из сложной когнитивной конструкции. И наконец, избегающую модель поведения при когнитивном диссонансе демонстрируют респонденты с высокой тревожностью, заниженной самооценкой и экстернальным локусом контроля. В результате полученных данных делается заключение о разработке специально-разработанной программы коррекции и развития эмоционально-волевой сферы курсантов в период обучения в вузе.

Ключевые слова: паттерны поведения, когнитивный диссонанс, студенты, субъектные предикторы, тревожность, самооценка, локус контроля, копинг-стратегии, респонденты.

Для цитаты: Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С., Марьин М.И., Ханалиева Д.У. Субъектные предикторы моделей поведения курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177. DOI:10.17759/psylaw.2022120212

Subjective Predictors of Cadets' Behavior Patterns in Situation of Cognitive Dissonance

Sergey I. Kudinov

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2117-6975>, e-mail: rudn.tgu@yandex.ru

Anton O. Burtsev

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burtsev_anton@bk.ru

Stanislav S. Kudinov

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-15-8754>, e-mail: Kudinov_ss@rudn.ru

Mikhail I. Maryin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Dagmar U. Khanaliev

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1175-7522>, e-mail: Seda.42@mail.ru

The article presents the results of an empirical study revealing the role of different personal qualities in the choice of certain patterns of behavior in situations of cognitive dissonance. In the study on a sample of cadets (N=217), it was found that a certain ratio of personality qualities such as self-esteem, anxiety and locus of control are fundamental predictors in choosing a constructive or destructive strategy of behavior in a situation of cognitive dissonance. It has been empirically proved that the correlation between low anxiety, adequate self-esteem and internal self-regulation is typical for cadets choosing a constructive model of behavior in situations of cognitive dissonance that ensures the successful solution of a cognitive task.

Cadets with a destructive strategy of behavior in such a situation have a statistically significant correlation of moderate or pronounced anxiety, inflated self-esteem and external regulation, which impedes getting out of a complex cognitive construct. And finally, the avoidant behavior model in cognitive dissonance is demonstrated by respondents with high anxiety, low self-esteem and external locus control. On the basis of the data obtained, a conclusion is made about the development of a special program for correction and enhancement of the emotional-volitional sphere of cadets during their studies at the university.

Keywords: behavior patterns, the cognitive dissonance, students, subjective predictors, anxiety, self-esteem, locus of control, coping-strategies, respondents.

For citation: Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S., Maryin M.I., Khanalieva D.U. Subjective Predictors of Cadets' Behavior Patterns in Situation of Cognitive Dissonance. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177. DOI:10.17759/psylaw.2022120212 (In Russ.).

Введение

Современные тенденции развития цифровых технологий в промышленности, экономике и социальной сфере предъявляют повышенные требования к когнитивным функциям субъекта деятельности. Специалист должен владеть навыком оперативного анализа огромного потока информации, уметь быстро принимать единственно правильные решения. Уметь выделять главное и второстепенное в ситуации неопределенности и стресса. Наиболее остро эта проблема стоит перед сотрудниками силовых ведомств, выполняющих служебную деятельность в сложных, эмоционально напряженных и информационно противоречивых ситуациях.

Обзор научных публикаций, выполненных в последние десять лет, показывает возросший интерес исследователей к проблеме поведения субъекта в эмоционально напряженных ситуациях, в том числе трудных жизненных, экстремальных и ситуациях неопределенности или неоднозначности [6; 8; 24; 40; 41; 42]. Анализ современных исследований, актуализирующих роль средовых факторов в жизнедеятельности человека [7; 12; 13; 27; 33], показывает, что в основном обсуждаются такие параметры, как успешность деятельности, адаптивность, социализация, самореализация и т. д. Недостаточно исследованными остаются вопросы, освещающие поведение личности в ситуациях когнитивного диссонанса, опосредованное субъектным потенциалом, несмотря на то, что в процессе обучения и выполнения профессиональной деятельности каждый сталкивается с подобными ситуациями. Особую важность эта проблема приобретает для будущих специалистов службы безопасности и правопорядка, когда в ограниченном временном интервале при дефиците необходимой или противоречивой информации приходится находить единственно правильное решение. Предпочтение определенного паттерна поведения в сложной когнитивной ситуации либо обеспечивает благоприятное решение сложной и неопределенной задачи, что, в свою очередь, повышает самооценку и обеспечивает успешность деятельности, либо препятствует достижению результативности в решении когнитивной задачи, создавая эмоциональный дискомфорт, снижая уровень притязаний и самооценки [34].

По мнению автора теории когнитивного диссонанса Фестингера, базисом в ситуации когнитивной неопределенности выступает стремление субъекта к гармонии когнитивных конструкций внешнего и внутреннего мира. Одной из таких конструкций, по мнению Фестингера, может выступать анализ и отбор информации, а также конфликт после принятия решения;

вынужденный поступок, который сам субъект не смог бы совершить; несогласие с убеждениями социальной группы и неожиданные результаты действий и их последствия.

Как только теория когнитивного диссонанса достигла определенной гласности в научных кругах, Брем и Коэн предприняли попытку уточнения данной концепции. Авторы выделили в проявлении диссонанса два момента: приписывание себе причин возникновения диссонанса и социально открытое осуществление деятельности. Авторы отмечают: «... мы считаем субъекта обязавшимся, если он решил делать или не делать определенную вещь, если он выбрал одну (или более) альтернативу и тем самым отверг одну (или более) альтернативу, если он активно осуществляет (или осуществил) данное поведение» [28, р. 7].

Несколько позже Аронсон внес некоторые поправки и свел диссонанс к личностно значимым факторам. Исследователь связывал эти факторы с устойчивыми ожиданиями, которые отражаются на деятельности субъекта, когда деятельность входит в противоречие с представлением о себе, искажая ожидания [2]. В это же время Брэмел писал о том, что порождением когнитивного диссонанса выступают всего лишь негативные отклонения от представлений о себе. Автор представил диссонанс в виде определенной мотивации страха перед социумом [28; 35].

Широкая известность в научных кругах данной теории послужила стимулом к проведению исследований диссонанса. К концу 80-х годов двадцатого столетия насчитывалось более 800 публикаций по данной проблеме. Значительная часть исследований была посвящена ситуативной обусловленности коммуникативной и речевой деятельности благодаря ранее проведенным исследованиям в Йельском университете под руководством Ховлэнда и Джениса [35; 39]. Экстраполяция данной теории на другие сферы исследований связана с экспериментальными работами Лоуренса и Фестингера, а также публикациями Зимбардо, характеризующими когнитивный контроль потребностей [30; 43].

В свою очередь, эксперимент, проведенный Виклундом и Бремом, дал основание предполагать, что основным условием возникновения диссонанса является переживание личной ответственности за сосуществование неустойчивых когнитивных структур [30; 39].

Теоретическое обоснование когнитивного диссонанса послужило основанием для переосмысления теории подкрепления, получившей широкое признание в американской социальной психологии, объясняющей механизм поведения.

Достаточный импульс к изучению данной проблемы задала нейрокогнитивная психология [36]. В настоящее время исследования когнитивного диссонанса в зарубежной науке можно увидеть как в психологии, так и смежных науках. Широко представлены исследования когнитивного диссонанса в экономических [25; 32; 38], а также в политических науках [3; 29].

Современные отечественные исследования когнитивного диссонанса содержат неоднозначные характеристики данного психологического образования. В большей степени различия обнаруживаются в понимании и интерпретации когнитивной ситуации, а также стиле индивидуальности [5; 18].

Теоретический обзор научной литературы по проблеме когнитивного диссонанса в рамках истории развития данного проблемного поля позволяет заключить, что указанный феномен рассматривается чаще всего как внутриличностный конфликт. Данную авторскую позицию можно обнаружить в исследованиях В.С. Мерлина, В.В. Столина, В.Н. Мясничева, К.А. Абульхановой-Славской, В.Д. Шевченко, В.А. Гриднева, Савицкой Т.В. и других. По всей видимости, это обусловлено идентичной картиной психического отражения субъектом объективной реальности в ситуациях неопределенности. По мнению вышеуказанных авто-

ров, для внутриличностного конфликта, как и когнитивного диссонанса, характерно проявление эмоциональных симптомокомплексов: психологического дискомфорта, эмоционального напряжения, негативного переживания. Известно также, что первопричиной возникновения данных феноменов выступают противоречия и несогласованность в когнитивных конструкциях, выражающихся в установках, оценках, мнениях, позициях и т. д.

Еще одним фактором, указывающим на сходство данных психологических образований, является сфера их реализации, охватывающая ценностно-смысловое и мотивационно-потребностное пространство личности, где и осуществляется противоборство разнонаправленных мотивов, идеалов, ценностей, смыслов и установок.

Обращаясь к проблеме когнитивного диссонанса в диссертационной работе, Д.У. Ханалиева отмечает, что «...внутриличностные конфликты подразделяются на несколько видов, к которым относится и когнитивный внутриличностный конфликт, который, очевидно, наиболее точно отражает понятие когнитивного диссонанса в отечественной литературе. Возможно также рассмотрение внутриличностного конфликта в рамках исследований самосознания личности. Так, некоторые ученые отмечают сущность внутриличностного конфликта в расхождении реального и идеального Я, реальных возможностей и способностей человека и требований конкретной деятельности» [23, с. 50—51].

Современные исследования, освещающие данную проблему, носят преимущественно прикладной характер. Так, например, в статье И.Б. Авдеевой анализируется причинно-следственная связь когнитивного диссонанса и трудностей обучения у будущих инженеров [1]. В работе З.Н. Афинской когнитивный диссонанс выступает предметом исследования в лингвокультуре [3]. В исследованиях О.Н. Лучко, В.А. Маренко, С.А. Кациель данный феномен выступает как инструмент межкультурного диалога личности [14]. А.И. Скрипникова, указывает, что в современной журналистике для реализации профессиональных задач все чаще прибегают к применению искусственно-созданного когнитивного диссонанса [20]. Можно также отметить исследования С.А. Кациель направленные на изучение когнитивного диссонанса среди студентов [11]. В этом же ряду находится исследование С.Б. Баглюк и Н.С. Касаткиной по выявлению роли СМИ в формировании когнитивного диссонанса при взаимодействии врача и пациента [4]. Отдельного внимания заслуживает монография Т.В. Савицкой посвященная изучению веры как способа устранения когнитивного диссонанса в обыденном сознании [19].

Указанные выше исследования позволяют констатировать, что проблема исследования субъектной детерминированности выбора моделей поведения в ситуациях когнитивного диссонанса находится преимущественно в контексте теоретического осмысления и не была предметом специального эмпирического исследования.

Цель статьи — эмпирически обосновать субъектную обусловленность выбора моделей поведения курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса.

Методология и методики исследования

Теоретико-методологическую основу проблемы исследования стратегий поведения в ситуациях когнитивного диссонанса составили экзистенциальный подход, в контексте которого уникальность личности выступает как специфическая траектория самоосуществления субъекта [27; 31]; субъектно-деятельностный подход, объясняющий становление и развитие индивидуальных особенностей личности в непосредственной учебной и трудовой деятельности; теории и концепции личности, рассматривающие предпосылки проявления поведения

личности в социальных ситуациях с учетом внешних и внутренних факторов [15; 16; 17; 42]; современные подходы к высшему образованию, регламентирующие саморазвивающееся образовательное пространство активизирующее самораскрытие, самоактуализацию и выраженную учебно-познавательную мотивацию [21].

Для выявления стратегий поведения в ситуациях когнитивного диссонанса использовались методика Д. Амирхан [26] «Индикатор копинг-стратегий», адаптированная Н.А. Сиротой и В.М. Ялтонским, и опросник Д.У. Ханалиевой «Индивидуальные предпочтения паттернов поведения в ситуациях когнитивного диссонанса» [23]. Для изучения субъектных характеристик применялись методика «Локус контроля» Дж. Роттера в модификации Е.Г. Ксенофонтовой; методика диагностики самооценки Дембо — Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан; методика Ч.Д. Спилбергера — Ю.Л. Ханина «Шкала самооценки уровня тревожности» [9; 10], экспертная оценка.

Математико-статистический анализа включал методы описательной статистики, корреляционный анализ К. Пирсона, факторный анализ. Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы «SPSS 19.0 for Windows».

Для установления устойчивых связей между определенной стратегией поведения в ситуациях когнитивного диссонанса и субъектными характеристиками использовался корреляционный анализ, позволяющий установить степень зависимости двух и более переменных. С помощью факторного анализа была выявлена структура субъектной детерминированности выбора моделей поведения у студентов в сложных когнитивных ситуациях.

В исследовании приняли участие курсанты в количестве 217 человек, в возрасте 18—25 лет, из которых 59% — представители женского пола и 41% — мужского пола, курсанты военного университета.

Результаты исследования и обсуждение

Погружение респондентов в ситуации когнитивного диссонанса осуществлялось во время занятий обучения иностранному языку. Как правило, когнитивный диссонанс возникал при изучении сложного, нового материала, не вписывающегося ни в устоявшуюся картину мира обучающегося, ни в его систему освоения знаний о родном языке, ни в культурные традиции.

Процедура исследования осуществлялась следующим образом: при использовании методики «Индивидуальные предпочтения паттернов поведения в ситуации когнитивного диссонанса» у испытуемых были выявлены следующие модели поведения: конструктивная, деструктивная и избегающая. После подробного описания типичных паттернов поведения, для каждой модели был проведен опрос педагогов, обучающих респондентов иностранному языку. Ознакомившись с описанием моделей поведения, они с помощью экспертной оценки определяли, какая из них характерна для каждого респондента в ситуациях когнитивного диссонанса. Анализ полученных результатов показал, что в ситуациях когнитивного диссонанса 48,3% респондентов используют конструктивную модель поведения, для которой характерна активная позиция. Данные методики Дж. Амирхана свидетельствуют, что 84% респондентов в этой группе выбирают в качестве базовой модели стратегию разрешения проблем. Иными словами, эти студенты используют весь арсенал знаний для решения сложной задачи, прибегают к поиску дополнительных знаний, анализируют возможные варианты решения сложной задачи, задействуют дополнительные ресурсы и в отдельных случаях прибегают к помощи экспертов.

Противоположная, деструктивная, модель поведения в ситуациях когнитивного диссонанса выявлена экспертами у 21,7% респондентов. Эти курсанты не могут использовать свои

знания и опыт для решения конкретной задачи, не готовы анализировать и дифференцировать имеющуюся информацию на предмет соответствия ее проблеме. Они склонны перекладывать ответственность на преподавателей и внешние обстоятельства за свою неспособность решить учебную задачу. Демонстрируют негативные эмоции. При выполнении трудного задания сосредоточены не на способах решения, а на возможности получить информацию в готовом виде от кого-либо. Стремятся всеми возможными способами выйти из трудной когнитивной ситуации, но не искать адекватные методы и приемы решения проблемы. Результаты методики Дж. Амирхана показали, что 72% испытуемых этой группы в сложных ситуациях прибегают к стратегии поиска социальной поддержки, 19% склонны избегать трудные ситуации и 12% готовы к решению проблем.

В третьей группе респондентов по данным экспертов оказались 30% курсантов, у которых зафиксирована избегающая стратегия поведения. Эти респонденты стремятся избегать противоречивые когнитивные ситуации. Их модель поведения обусловлена игнорированием сложных задач. Оказавшись в ситуациях когнитивного диссонанса, они всю активность и знания направляют не на решение проблемы, а на поиск аргументированного оправдания невозможности решения поставленной перед ними задачи. Результаты методики Дж. Амирхана показали, что 96% данных студентов также избрали избегающую модель поведения в сложных ситуациях.

Для выявления связей между отдельными характеристиками и выдвижения гипотезы о причинно-следственных зависимостях между разными переменными был использован корреляционный анализ. Данный метод позволил определить корреляционные плеяды с участием указанных характеристик, доказывающих статистически достоверные связи между субъектными характеристиками (самооценка, локус контроля, тревожность) и моделями поведения в ситуациях когнитивного диссонанса (табл. 1).

Таблица 1

**Корреляции субъектных предикторов и моделей поведения
в ситуациях когнитивного диссонанса (N=217)**

Совокупность личностных переменных	Модели поведения		
	Конструктивная (N-105)	Деструктивная (N-47)	Избегающая (N-65)
Низкий уровень тревожности	0,34***	0,07	0,10
Адекватная самооценка	0,28**	0,08	0,05
Интернальный локус контроля	0,40***	0,12	0,04
Умеренный уровень тревожности	0,09	0,30*	0,12
Неадекватная завышенная самооценка	0,11	0,42**	0,06
Экстернальный локус контроля	0,03	0,39**	0,27*
Высокий уровень тревожности	0,04	0,49***	0,45***
Неадекватная заниженная самооценка	0,10	0,06	0,54***

Примечание: корреляционный анализ; р — уровень значимости: * — $p > 0,05$; ** — $p > 0,01$; *** — $p > 0,001$. Жирным шрифтом выделены статистически значимые связи.

Результаты корреляционного анализа позволили установить определенные взаимосвязи между моделями поведения в ситуациях когнитивного диссонанса и отдельными личност-

ными характеристиками, выступающими, по нашему мнению, предикторами выбора данных моделей поведения. Конструктивная модель поведения статистически значимо связана с низким уровнем тревожности (0,34***), адекватной самооценкой (0,28**) и интернальным локусом контроля (0,40***), данные связи имеют положительную модальность и высокую зависимость (от $p < 0,01$ до $p < 0,001$). Деструктивная модель поведения имеет прямые корреляционные зависимости с такими личностными переменными, как умеренный и высокий уровень тревожности (от $p < 0,05$ до $p < 0,001$, неадекватно завышенная самооценка (0,42**), и экстернальный локус контроля (0,39**).

Избегающая стратегия поведения в ситуациях когнитивного диссонанса демонстрирует положительные и устойчивые связи с экстернальным локусом контроля (0,27*), высоким уровнем тревожности (0,45***) и неадекватно заниженной самооценкой (0,54***). Представленные корреляции показывают достаточную избирательность и тесноту связей между выбором модели поведения в сложной когнитивной ситуации и личностными характеристиками.

На следующем этапе исследования для подтверждения гипотезы о соотношении личностных характеристик (самооценки, локуса контроля и тревожности) и выбора модели поведения в ситуации когнитивного диссонанса был осуществлен факторный анализ.

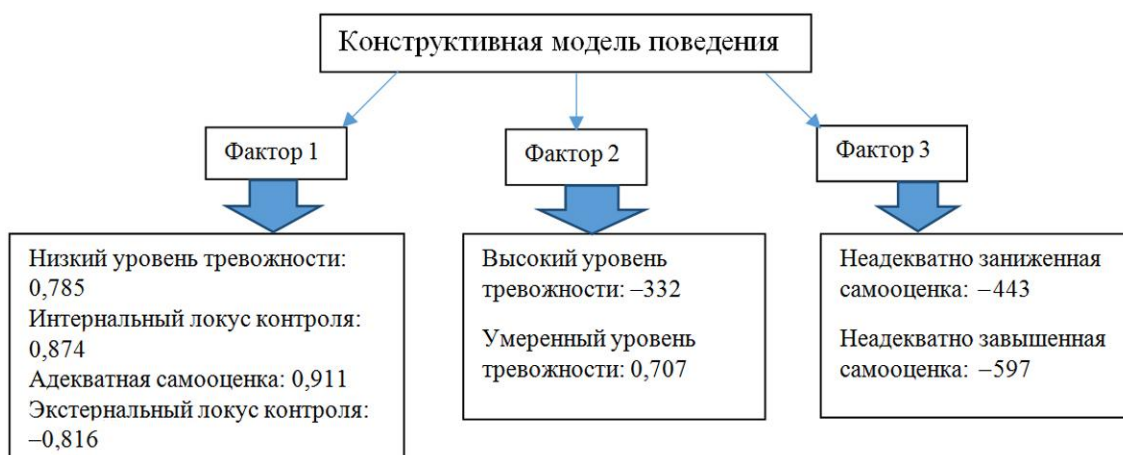

Рис. 1. Факторные нагрузки субъектных предикторов конструктивной модели поведения

Результаты факторного анализа доказывают, что в ситуации когнитивного диссонанса выбор конструктивной модели поведения, обеспечивающий продуктивную познавательную деятельность курсантов, обуславливается интернальной саморегуляцией, адекватной самооценкой и низким уровнем тревожности. Респонденты с данным набором личностных характеристик проявляют высокую познавательную активность при решении сложных и неоднозначных когнитивных задач. Сохраняют эмоциональное спокойствие, рассудительность и выраженный самоконтроль. Ориентируются исключительно на свои возможности и способности. Сложные задачи, по мнению экспертов, им скорее нравятся, они испытывают эмоциональный подъем. При взаимодействии с другими обучающимися во время деятельности демонстрируют доброжелательность, охотно помогают другим, причем сами практически не обращаются за помощью к другим и не требуют от преподавателя каких-либо дополнительных инструкций или объяснений по выполнению заданий. При невозможности решения трудной, проблемной задачи не испытывают напряжения, тревоги и каких-либо негативных эмоциональных реакций. Всегда остаются доброжелательными по отношению к преподава-

телям и сокурсникам. В редких ситуациях, когда не справляются с проблемной задачей, обращаются за дополнительным временем к педагогу. При решении когнитивной задачи тщательно анализируют возможные способы и приемы ее решения. Неоднократно перепроверяют правильность решения и только после этого сдают работу в окончательном варианте преподавателю.

Данные факторного анализа выбора курсантами деструктивной модели поведения в ситуациях когнитивного диссонанса изображены на рис. 2.

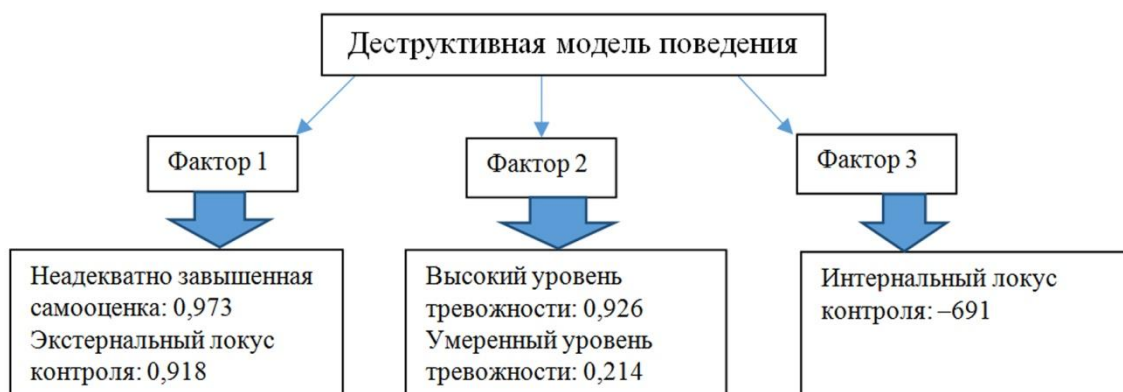

Рис. 2. Факторные нагрузки субъектных предикторов деструктивной модели поведения

Представленные результаты убедительно свидетельствуют о том, что выбор деструктивной модели поведения курсантами в ситуациях когнитивного диссонанса детерминирован завышенной самооценкой, экстернальной саморегуляцией и высокой тревожностью. Познавательная активность данных респондентов направлена не на решение проблемы, а на получение информации в готовом виде. Эти испытуемые чаще других используют всевозможные гаджеты и обычные шпаргалки из которых можно извлечь необходимую информацию для выполнения задания. Внимание концентрируется не на способах решения проблемы, а на возможности получения ответа в готовом виде. В ситуациях, когда нет возможности получить такую информацию для решения сложной когнитивной задачи, у респондентов данной группы внутреннее эмоциональное напряжение трансформируется в агрессию по отношению к ситуации или окружающим либо аутоагрессию. Если когнитивная ситуация не разрешается, усиливается эмоциональное напряжение и проявляются негативные эмоциональные реакции в виде раздражения, недовольства, отчаяния, злости. В отдельных случаях может демонстрироваться неприкрытая вербальная агрессия по отношению к сокурсникам, которые не смогли или не захотели оказать помощь в решении задачи. В некоторых случаях такие курсанты демонстративно отказываются выполнять задания ссылаясь на то, что им не хватило времени либо ресурсов для подготовки.

Обратимся к данным факторного анализа выбора курсантами избегающей модели поведения в ситуациях когнитивного диссонанса, представленным на рис. 3. Как видно на данном рисунке, в первый фактор со значимыми весами вошли такие субъектные предикторы, как неадекватно заниженная самооценка, высокий уровень тревожности и адекватная самооценка.

Второй фактор представлен экстернальным локусом контроля и в третий фактор со значимыми весами вошел показатель неадекватно-завышенная самооценка. Данный факторный конструкт свидетельствует о том, что в ситуациях когнитивного диссонанса избегающую модель поведения выбирают чаще всего курсанты с заниженной самооценкой и высокой тре-

возможностью. Совокупность проявления этих предикторов в ситуациях когнитивного диссонанса резко снижает познавательную активность и учебно-познавательную деятельность респондентов. Они обнаруживают неспособность к выполнению аналитической деятельности и проявлению креативности. Поскольку в таких ситуациях курсанты не могут выполнить задания, то, как правило, ссылаются на утомление, недомогание, недостаток времени на подготовку, а также приводят другие причины, объясняющие невозможность решения поставленной перед ними когнитивной задачи.

Рис. 3. Факторные нагрузки субъектных предикторов избегающей модели поведения

Заключение

В ходе проведения исследования была установлена зависимость выбора моделей поведения курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса от таких субъектных характеристик, как самооценка, уровень тревожности и локус контроля. Специфическое соотношение указанных характеристик обуславливает выбор определенной модели поведения курсантов в ситуациях неопределенности. Последовательное эмпирическое исследование с математико-статистическим анализом результатов явилось подтверждением предположения о том, что конструктивная, деструктивная и избегающая модели поведения в ситуациях когнитивного диссонанса являются зависимыми переменными по отношению к устойчивым сформировавшимся субъектным характеристикам, самооценке, уровню тревожности и локус контролю.

Эмпирические данные, доказывающие зависимость определенных паттернов поведения в ситуациях когнитивного диссонанса от личностных характеристик, могут быть взяты за основу при разработке коррекционно-развивающих программ направленных на формирование конструктивных моделей поведения в ситуациях когнитивной неопределенности, а также найдут применение в консультативной практике и профессиональном отборе персонала в силовых ведомствах.

Полученные результаты являются основой для более глубоких исследований данной проблематики. В настоящей работе ситуации когнитивного диссонанса были смоделированы в рамках учебной деятельности, представляется целесообразным осуществить перенос таких ситуаций в реальные, профессионально-служебные условия, а также расширить репертуар субъектных характеристик, дополнив их такими качествами, как социальный интеллект и стрессоустойчивость личности.

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С.,
Марьин М.И., Ханалиева Д.У.
Субъектные предикторы моделей поведения
курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177.

Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S.,
Maryin M.I., Khanaliev D.U.
Subjective Predictors of Cadets' Behavior
Patterns in Situation of Cognitive Dissonance
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177.

Литература

1. Авдеева И.Б. Когнитивный диссонанс как причина неуспеха при обучении РКИ в вузах инженерного профиля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 3. С. 81–87.
2. Аронсон Э. Теория диссонанса: прогресс и проблемы // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 111–126.
3. Афинская З.Н. L'Hospitalité / L'Hostilité — случай когнитивного диссонанса [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 16–23.
4. Баглюк С.Б., Касаткина Н.С. Влияние СМИ на формирование когнитивного диссонанса при взаимодействии врача и пациента [Электронный ресурс] // Клиническая практика. 2019. № 10 (1). С. 108–113. doi:10.17816/clinpract10108-113
5. Борулава Г.А. Новая методологическая платформа развития личности // Гуманизация образования. 2013. № 3. С. 11–24.
6. Бовин Б.Г. Психологическая модель профессиональной пригодности к оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 126–137. doi:10.17759/psylaw.2021110409
7. Бурцев А.О., Ефимкина Н.В., Кудинов С.И., Позин А.И. Исследование самореализации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 90–105. doi:10.17759/psylaw.2021110108
8. Глухова В.А., Мальцева А.С. Специфика личностных конструктов специалистов экстремальных сфер деятельности (на примере сотрудников МЧС и МВД России) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 2–16. doi:10.17759/psylaw.2021110201
9. Елисеев О.П. Практикум по психологии личности. СПб: Питер, 2001. 560 с.
10. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. СПб: Питер, 2004. 701 с.
11. Кацнель С.А. Определение уровня когнитивного диссонанса в студенческой среде средствами социологического мониторинга // Омские социально-гуманитарные чтения. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (20–21 апреля 2017 г.). Омск: ОмГТУ, 2017. С. 53–57.
12. Ковальчук И.А., Костина Л.Н., Карпова Г.С., Чудакова С.Н., Душкин А.С. Развитие интеллектуально-личностного потенциала сотрудников ФСИН России на начальном этапе профессионализации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 77–89. doi:10.17759/psylaw.2021110107
13. Кулишевская И.В. Стратегии поведения как условие самореализации личности сотрудников ФСИН РФ: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2020. 230 с.
14. Лучко О.Н., Маренко В.А., Кацнель С.А. Изучение когнитивного диссонанса личности как инструмента межкультурного диалога // Роль Сибири в поликультурном и многоязычном мире современного евразийского пространства. Сборник материалов Международной научной конференции (23–25 октября 2015 г.). Ч. 1. Омск: ОГИС, 2015. С. 103–105.
15. Леонтьев Д.А., Лебедев А.А., Костенко В.Ю. Траектория личностного развития: реконструкция взглядов Л.С. Выготского [Электронный ресурс] // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 98–112. doi:10.17323/1814-9545-2017-2-98-112
16. Любимов Л.Л. Книга, в которой нуждается каждая школа. Рецензия на книгу: А.А. Леонтьев. Педагогика здравого смысла. Избранные работы по философии образования и педаго-

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С.,
Марьин М.И., Ханалиева Д.У.
Субъектные предикторы моделей поведения
курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177.

Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S.,
Maryin M.I., Khanaliev D.U.
Subjective Predictors of Cadets' Behavior
Patterns in Situation of Cognitive Dissonance
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177.

- гической психологии (под ред. Д.А. Леонтьева) [Электронный ресурс] // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 234–241. doi:10.17323/1814-9545-2017-3-234-241
17. Муравьева О.И., Литвина С.А., С.А. Богомаз С.А. Средовая идентичность: содержание понятия [Электронный ресурс] // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 136–148. doi:10.17223/17267080/58/10
 18. Решетова Т.Я., Петухова Л.И. Личностно-смысловые детерминанты когнитивной оценки нарушения границ бытийного пространства личности: Монография. М.: Перо, 2014. 158 с.
 19. Савицкая Т.В. Вера как способ устранения когнитивного диссонанса в обыденном сознании: Монография. Петропавловск-Камчатский: КамГУ имени Витуса Беринга, 2017. 167 с.
 20. Скрипникова А.И. Применение искусственно созданного когнитивного диссонанса в журналистике // Филологические науки в России и за рубежом. Сборник материалов Международной научной конференции (20–23 февраля 2012 г.) СПб: Реноме, 2012. С. 197–200.
 21. Трубина Г.П., Зеер Э.Ф., Мащенко М.В. Социально-ориентированный подход в образовании как условие успешной социализации учащегося [Электронный ресурс] // Образование и наука. 2017. Том 19. № 6. С. 9–32. doi:10.17853/1994-5639-2017-6-9-32
 22. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб: Ювента, 1999. 318 с.
 23. Ханалиева Д.У. Субъектные предикторы поведения личности в ситуациях когнитивного диссонанса: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2019. 177 с.
 24. Цветкова Н.А., Кулакова С.В. Исследование стрессоустойчивости и жизнестойкости сотрудников уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 112–129. doi:10.17759/psylaw.2019090208
 25. Akerlof G.A., Dickens W.T. The Economic Consequences of Cognitive Dissonance // American Economic Review, 1982. Vol. 72(3). P. 307–319.
 26. Amirkhan J.H. A factor analytically derived measure of coping: The Coping Strategy Indicator // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 59(5). P. 1066–1074. doi:10.1037/0022-3514.59.5.1066
 27. Berzonsky M.D., Papini D.R. Identity processing styles and value orientations: the mediational role of self-regulation and identity commitment // Identity. 2014. Vol. 14(2). P. 96–112. doi:10.1080/15283488.213.858228
 28. Brehm J.W., Cohen A.R. Explorations in cognitive dissonance. N.Y., 1962.
 29. Bølstad J., Dinas E., Riera P. Tactical Voting and Party Preferences: A Test of Cognitive Dissonance Theory // Political Behavior. 2013. Vol. 35(3). P. 429–446. doi:10.1007/s11109-012-9205-1
 30. Cooper J. Cognitive Dissonance: Where We've Been and Where We're Going // International Review of Social Psychology. 2019. Vol. 32(1). P. 1–11. doi:10.5334/irsp.277
 31. Dudina M.N., Dolgova V.L. New educational paradigm: existentialism is a humanism // Man in India. 2016. Vol. 96(10). P. 4043–4050.
 32. Druckman J.N., Bolsen T. Framing, Motivated Reasoning, and Opinions about Emergent Technologies // Journal of Communication. 2011. Vol. 61(4). P. 659–688. doi:10.1111/j.1460-2466.2011.01562.x
 33. Egan L.C., Bloom P., Santos L.R. Choice-Induced Preferences in the Absence of Choice: Evidence from a Blind Two Choice Paradigm with Young Children and Capuchin Monkeys // Journal of Experimental Social Psychology. 2010. Vol. 46(1) P. 204–217. doi:10.1016/J.JESP.2009.08.014
 34. Halliwell E., Diedrichs P.C. Cognitive dissonance-based interventions to facilitate positive body image and embodiment. In N. Piran, T. Tylka (eds.). *Handbook of positive body image and*

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С.,
Марьин М.И., Ханалиева Д.У.
Субъектные предикторы моделей поведения
курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177.

Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S.,
Maryin M.I., Khanaliev D.U.
Subjective Predictors of Cadets' Behavior
Patterns in Situation of Cognitive Dissonance
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177.

embodiment: Constructs, protective factors, and interventions. New York: Oxford University Press, 2019. P. 361–374. doi:10.1093/med-psych/9780190841874.003.0034

35. Harmon-Jones E., Mills J. An introduction to cognitive dissonance theory and an overview of current perspectives on the theory // *Cognitive dissonance: Reexamining a pivotal theory in psychology* / E. Harmon-Jones (ed.). American Psychological Association, 2019. P. 3–24. doi:10.1037/0000135-001

36. Izuma K., Murayama K. Neural basis of cognitive dissonance // *Cognitive dissonance: Reexamining a pivotal theory in psychology* / E. Harmon-Jones (ed.). American Psychological Association, 2019. P. 227–245. doi:10.1037/0000135-011

37. Minozzi W. Endogenous Beliefs in Models of Politics // *American Journal of Political Science*. 2013. Vol. 57(3). P. 566–581. doi:10.1111/AJPS.12021

38. Mullainathan S., Washington E.L. Sticking with Your Vote: Cognitive Dissonance and Voting // *American Economic Journal: Applied Economics*. 2009. Vol. 1(1). P. 86–111. doi:10.1257/app.1.1.86

39. Mills J. Improving the 1957 version of dissonance theory // *Cognitive dissonance: Reexamining a pivotal theory in psychology* / E. Harmon-Jones (ed.). American Psychological Association, 2019. P. 27–39. doi:10.1037/0000135-002

40. Penn E.M. Inequality, Social Context, and Value Divergence // *The Journal of Politics*. 2017. Vol. 79(1). P. 153–165. doi:10.1086/687208

41. Voors M.J., Nillesen E.E.M., Verwimp Ph., Bulte E.H., Lensink R., Van Soest D.P. Violent Conflict and Behavior: A Field Experiment in Burundi // *American Economic Review*. 2012. Vol. 102(2). P. 941–964. doi:10.1257/aer.102.2.941

42. Vianello M., Schnabel K., Sriram N., Nosek B. Gender differences in implicit and explicit personality traits // *Personality and Individual Differences*, 2013. Vol. 55(8). P. 994–999. doi:10.1016/j.paid.2013.08.008

43. Zimbardo P.G. The cognitive control of motivation. Glenview, 1969. P. 902–922. doi:10.1111/j.2164-0947.1966.tb02395.x

References

1. Avdeeva I.B. Kognitivnyi dissonans kak prichina neuspekha pri obuchenii RKI v vuzakh inzhenernogo profilya [Cognitive dissonance as a cause of failure in teaching RCT in engineering universities]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: nazyki i spetsial'nost' = RUDN Journal. Series: Questions of education. Languages and specialty*, 2014, no. 3, pp. 81–87. (In Russ.).

2. Aronson E. Teoriya dissonansa: progress i problem. *Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984, pp. 111–126. (In Russ.).

3. Afinskaya Z.N. L'Hospitalité / L'Hostilité — sluchai kognitivnogo dissonansa [L'Hospitalité / L'Hostilité: a case of cognitive dissonance]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, no. 2, pp. 16–23. (In Russ.).

4. Baglyuk S.B., Kasatkina N.S. Vliyanie SMI na formirovanie kognitivnogo dissonansa pri vzaimodeistvii vracha i patsienta [The Influence of the Media on the Formation of Cognitive Dissonance in the Interaction Between Doctor and Patient] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya praktika = Journal of Clinical Practice*, 2019, no. 10 (1), pp. 108–113. doi:10.17816/clinpract10108-113 (In Russ.).

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С.,
Марьин М.И., Ханалиева Д.У.
Субъектные предикторы моделей поведения
курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177.

Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S.,
Maryin M.I., Khanaliev D.U.
Subjective Predictors of Cadets' Behavior
Patterns in Situation of Cognitive Dissonance
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177.

5. Berulava G.A. Novaya metodologicheskaya platforma razvitiya lichnosti [New methodological platform of personal development]. *Gumanizatsiya obrazovaniya = Humanization of Education*, 2013, no. 3, pp. 11–24. (In Russ.).
6. Bovin B.G. Psikhologicheskaya model' professional'noi prigodnosti k operativno-rozysknoi deyatel'nosti [Psychological Model of Professional Fitness for Investigative Activities] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 126–137. doi:10.17759/psylaw.2021110409 (In Russ.).
7. Burtsev A.O., Efimkina N.V., Kudinov S.I., Pozin A.I. Issledovanie samorealizatsii sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Self-realization in Officers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 90–105. doi:10.17759/psylaw.2021110108 (In Russ.).
8. Glukhova V.A., Maltseva A.S. Spetsifika lichnostnykh konstruktov spetsialistov ekstremal'nykh sfer deyatel'nosti (na primere sotrudnikov MCHS i MVD Rossii) [Peculiarities of Personal Constructs in Professionals of Extreme Spheres of Activity (with Officers of the Ministries of Emergency Situations and Internal Affairs as an Example)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 2–16. doi:10.17759/psylaw.2021110201 (In Russ.).
9. Eliseev O.P. Praktikum po psikhologii lichnosti. Saint Petersburg: Piter, 2001. 560 p. (In Russ.).
10. Il'in E.P. Psikhologiya individual'nykh razlichii. Saint Petersburg: Piter, 2004. 701 p. (In Russ.).
11. Katsiel S.A. Opredelenie urovnya kognitivnogo dissonansa v studencheskoi srede sredstvami sotsiologicheskogo monitoringa. *Omskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (20–21 aprelya 2017 g.) = Omsk Social and Humanitarian Readings – 2017. The Proceedings X International scientific-practical conference (Omsk, 20–21 April 2017)*. Omsk: OmGTU Publ., 2017, pp. 53–57. (In Russ.).
12. Kovalchuk I.A., Kostina L.N., Karpova G.S., Chudakova S.N., Dushkin A.S. Razvitie intellektual'no-lichnostnogo potentsiala sotrudnikov FSIN Rossii na nachal'nom etape professionalizatsii [Development of Intellectual and Personality Potential of the Staff of the Federal Penitentiary Service at the Initial Stage of their Professional Development] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 77–89. doi:10.17759/psylaw.2021110107 (In Russ.).
13. Kulishevskaya I.V. Strategii povedeniya kak uslovie samorealizatsii lichnosti sotrudnikov FSIN R: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2020. 230 p. (In Russ.).
14. Luchko O.N., Marenko V.A., Katsiel' S.A. Izuchenie kognitivnogo dissonansa lichnosti kak instrumenta mezhkul'turnogo dialoga. *Rol' Sibiri v polikul'turnom i mnogoyazychnom mire sovremennogo evraziiskogo prostranstva. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (23–25 oktyabrya 2015 g.)*. Ch. 1. Omsk: OGIS, 2015, pp. 103–105. (In Russ.).
15. Leontiev D.A., Lebedev A.A., Kostenko V.Yu. Traektoriya lichnostnogo razvitiya: rekonstruktsiya vzglyadov L.S. Vygotskogo [Pathways of personality development: following Lev Vygotsky's guidelines] [Elektronnyi resurs]. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*, 2017, no. 2, pp. 98–112. doi:10.17323/1814-9545-2017-2-98-112 (In Russ.).
16. Lyubimov L.L. Kniga, v kotoroi nuzhdaetsya kazhdaya shkola. Retsenziya na knigu: A.A. Leont'ev. Pedagogika zdravogo smysla. Izbrannye raboty po filosofii obrazovaniya i

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С.,
Марьин М.И., Ханалиева Д.У.
Субъектные предикторы моделей поведения
курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177.

Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S.,
Maryin M.I., Khanaliev D.U.
Subjective Predictors of Cadets' Behavior
Patterns in Situation of Cognitive Dissonance
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177.

pedagogicheskoi psikhologii (pod. red. D.A. Leont'eva) [The book that every school needs review of the russian edition of the book: Leontiev A. Pedagogy of common sense. Selected works on philosophy of education and educational psychology] [Elektronnyi resurs]. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*, 2017, no. 3, pp. 234–241. doi:10.17323/1814-9545-2017-3-234-241 (In Russ.).

17. Muravyova O.I., Litvina S.A., S.A. Bogomaz S.A. Sredovaya identichnost': sodержanie ponyatiya [Environmental identity: the concept content] [Elektronnyi resurs]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, 2015, no. 58, pp. 136–148. doi:10.17223/17267080/58/10 (In Russ.).

18. Reshetova T.Ya., Petukhova L.I. Lichnostno-smyslovye determinanty kognitivnoi otsenki narusheniya granits byitiinogo prostranstva lichnosti: Monografiya. Moscow: Pero, 2014. 158 p. (In Russ.).

19. Savitskaya T.V. Vera kak sposob ustraneniya kognitivnogo dissonansa v obydennom soznanii: Monografiya. Petropavlovsk-Kamchatsky: KamGU imeni Vitusa Beringa, 2017. 167 p. (In Russ.).

20. Skripnikova A.I. Primenenie iskusstvenno-sozdannogo kognitivnogo dissonansa v zhurnalistike. *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (20–23 fevralya 2012 g.)*. Saint Petersburg: Renome, 2012, pp. 197–200. (In Russ.).

21. Trubina G.P., Zeer E.F., Mashchenko M.V. Sotsial'no-orientirovannyi podkhod v obrazovanii kak uslovie uspeshnoi sotsializatsii uchashchegosya [Socially-oriented approach to education as a condition of successful socialization of pupils] [Elektronnyi resurs]. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*, 2017. Vol. 19, no. 6, pp. 9–32. doi:10.17853/1994-5639-2017-6-9-32 (In Russ.).

22. Festinger L. Teoriya kognitivnogo dissonansa. [A Theory of Cognitive Dissonance]. Saint Petersburg: Juventa, 1999. 318 p. (In Russ.).

23. Khanaliev D.U. Sub'ektnye prediktory povedeniya lichnosti v situatsiyakh kognitivnogo dissonansa: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2019. 177 p. (In Russ.).

24. Tsvetkova N.A., Kulakova S.V. Issledovanie stressoustoichivosti i zhiznestoikosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Study of Stress Tolerance and Resilience of Employees of Penal System] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo= Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 112–129. doi:10.17759/psylaw.2019090208 (In Russ.).

25. Akerlof G.A., Dickens W.T. The Economic Consequences of Cognitive Dissonance. *American Economic Review*, 1982. Vol. 72, no. 3, pp. 307–319.

26. Amirkhan J.H. A factor analytically derived measure of coping: The Coping Strategy Indicator. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990. Vol. 59, no. 5, pp. 1066–1074. doi:10.1037/0022-3514.59.5.1066

27. Berzonsky M.D., Papini D.R. Identity processing styles and value orientations: the mediational role of self-regulation and identity commitment. *Identity*, 2014. Vol. 14, no. 2, pp. 96–112. doi:10.1080/15283488.213.858228

28. Brehm J.W., Cohen A.R. Explorations in cognitive dissonance. N.Y., 1962.

29. Bølstad J., Dinas E., Riera P. Tactical Voting and Party Preferences: A Test of Cognitive Dissonance Theory. *Political Behavior*, 2013. Vol. 35, no. 3, pp. 429–446. doi:10.1007/s11109-012-9205-1

30. Cooper J. Cognitive Dissonance: Where We've Been and Where We're Going. *International Review of Social Psychology*, 2019. Vol. 32, no. 1, pp. 1–11. doi:10.5334/irsp.277

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С.,
Марьян М.И., Ханалиева Д.У.
Субъектные предикторы моделей поведения
курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177.

Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S.,
Maryin M.I., Khanaliev D.U.
Subjective Predictors of Cadets' Behavior
Patterns in Situation of Cognitive Dissonance
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177.

31. Dudina M.N., Dolgova V.L. New educational paradigm: existentialism is a humanism. *Man in India*, 2016. Vol. 96, no. 10, pp. 4043–4050.
32. Druckman J.N., Bolsen B. Framing, Motivated Reasoning, and Opinions about Emergent Technologies. *Journal of Communication*, 2011. Vol. 61, no. 4, pp. 659–688. doi:10.1111/j.1460-2466.2011.01562.x
33. Egan L.C., Bloom P., Santos L.R. Choice-Induced Preferences in the Absence of Choice: Evidence from a Blind Two Choice Paradigm with Young Children and Capuchin Monkeys. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2010. Vol. 46, no. 1, pp. 204–217. doi:10.1016/J.JESP.2009.08.014
34. Halliwell, E., & Diedrichs, P.C. Cognitive dissonance-based interventions to facilitate positive body image and embodiment. In N. Piran, T. Tylka (eds.). *Handbook of positive body image and embodiment: Constructs, protective factors, and interventions*. New York: Oxford University Press, 2019, pp. 361–374. doi:10.1093/med-psych/9780190841874.003.0034
35. Harmon-Jones E., Mills J. An introduction to cognitive dissonance theory and an overview of current perspectives on the theory. In E. Harmon-Jones (ed.). *Cognitive dissonance: Reexamining a pivotal theory in psychology*. American Psychological Association, 2019, pp. 3–24. doi:10.1037/0000135-001
36. Izuma K., Murayama K. Neural basis of cognitive dissonance. In E. Harmon-Jones (ed.). *Cognitive dissonance: Reexamining a pivotal theory in psychology*. American Psychological Association, 2019, pp. 227–245. doi:10.1037/0000135-011
37. Minozzi W. Endogenous Beliefs in Models of Politics. *American Journal of Political Science*, 2013. Vol. 57, no. 3, pp. 566–581. doi:10.1111/AJPS.12021
38. Mullainathan S., Washington E.L. Sticking with Your Vote: Cognitive Dissonance and Voting. *American Economic Journal: Applied Economics*, 2009. Vol. 1, no. 1, pp. 86–111. doi:10.1257/app.1.1.86
39. Mills J. Improving the 1957 version of dissonance theory. In E. Harmon-Jones (ed.). *Cognitive dissonance: Reexamining a pivotal theory in psychology*. American Psychological Association, 2019, pp. 27–39. doi:10.1037/0000135-002
40. Penn E.M. Inequality, Social Context, and Value Divergence. *The Journal of Politics*, 2017. Vol. 79, no. 1, pp. 153–165. doi:10.1086/687208
41. Voors M.J., Nillesen E.E.M., Verwimp Ph., Bulte E.H., Lensink R., Van Soest D.P. Violent Conflict and Behavior: A Field Experiment in Burundi. *American Economic Review*, 2012. Vol. 102, no. 2, pp. 941–964. doi:10.1257/aer.102.2.941
42. Vianello M., Schnabel K., Sriram N., Nosek B. Gender differences in implicit and explicit personality traits. *Personality and Individual Differences*. 2013. Vol. 55, no. 8, pp. 994–999. doi:10.1016/j.paid.2013.08.008
43. Zimbardo P.G. The cognitive control of motivation. Glenview, 1969, pp. 902–922. doi:10.1111/j.2164-0947.1966.tb02395.x

Информация об авторах

Кудинов Сергей Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра психологии и педагогики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов (ФГАОУ ВО «РУДН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2117-6975>, e-mail: rudn.tgu@yandex.ru

Кудинов С.И., Бурцев А.О., Кудинов С.С.,
Марьин М.И., Ханалиева Д.У.
Субъектные предикторы моделей поведения
курсантов в ситуациях когнитивного диссонанса
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 161–177.

*Kudinov S.I., Burtsev A.O., Kudinov S.S.,
Maryin M.I., Khanalieva D.U.*
Subjective Predictors of Cadets' Behavior
Patterns in Situation of Cognitive Dissonance
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 161–177.

Бурцев Антон Олегович, кандидат психологических наук, начальник, отделение научно-исследовательского центра, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burcev_anton@bk.ru

Кудинов Станислав Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии и педагогики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов (ФГАОУ ВО «РУДН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1515-8754>, e-mail: Kudinov_ss@rudn.ru

Марьин Михаил Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Ханалиева Дагмара Умарнашаевна, кандидат психологических наук, докторант, Российский университет дружбы народов (ФГАОУ ВО «РУДН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1175-7522>, e-mail: Seda.42@mail.ru

Information about the authors

Sergey I. Kudinov, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2117-6975>, e-mail: rudn.tgu@yandex.ru

Anton O. Burtsev, PhD in Psychology, Head, Department of the Research Center, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burcev_anton@bk.ru

Stanislav S. Kudinov, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1515-8754>, e-mail: Kudinov_ss@rudn.ru

Mikhail I. Maryin, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Dagmar U. Khanalieva, PhD in Psychology, doctoral student, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1175-7522>, e-mail: Seda.42@mail.ru

Получена 08.10.2021
Принята в печать 12.03.2022

Received 08.10.2021
Accepted 12.03.2022

Отношение молодежи к коррупции как проявление экономического менталитета россиян

Журавлев А.Л.

Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2555-7599>, e-mail: alzburavlev2018@yandex.ru

Китова Д.А.

Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8185-3974>, e-mail: j-kitova@yandex.ru

Важное значение при изучении правовых проблем имеют их психологические аспекты. В статье представлены основные направления исследований коррупции. Отмечается, что в современной юридической психологии пока еще мало рассматриваются особенности профилактики противоправного поведения молодежи в сфере экономических преступлений. В работе произведен анализ отношения молодежи, как наиболее перспективной социальной группы, к коррупционным правонарушениям. Исследование проведено среди студентов московских вузов с использованием опросных методик. Обработка результатов осуществлена с помощью контент-анализа, экспертного анализа, а также посредством количественного анализа ключевых слов и позиций по выделенным авторами тематическим направлениям. Основные результаты исследования можно свести к следующим позициям: представления молодежи о коррупции в большей степени формируются на бытовом уровне и не отражают специфику макро-социальных процессов в обществе; студенты выделяют культурно-исторические факторы распространения коррупции, которые, по их мнению, выступают исторически сложившимися социальными препятствиями на пути преодоления коррупционной ситуации в России; зачастую у студентов оценка коррупции происходит не по правовым, а по психологическим основаниям (на принципах уважительного отношения, вежливости, взаимной договоренности и т. д.), что не всегда позволяет им адекватно идентифицировать коррупционное поведение. При таком подходе к проблеме результаты исследования требуют серьезного внимания психологов, педагогов и юристов, с целью правового просвещения молодежи, что выступает перспективным планом будущих исследований.

Ключевые слова: коррупционное поведение, отношение к коррупции, психологические основания коррупции, личностные характеристики коррупционера, культурно-исторические традиции.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 21-18-00541.

Журавлев А.Л., Китова Д.А.
Отношение молодежи к коррупции как проявление
экономического менталитета россиян
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 178–193.

Zhuravlev A.L., Kitova D.A.
Youth Attitudes towards Corruption as a Manifestation
of the Economic Mentality of Russians
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 178–193.

Для цитаты: Журавлев А.Л., Китова Д.А. Отношение молодежи к коррупции как проявление экономического менталитета россиян [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 178–193. DOI:10.17759/psylaw.2022120213

Youth Attitudes towards Corruption as a Manifestation of the Economic Mentality of Russians

Anatoly L. Zhuravlev

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2555-7599>, e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Dzhuletta A. Kitova

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8185-3974>, e-mail: j-kitova@yandex.ru

In the study of legal problems, their psychological aspects are of great importance. The paper presents the main areas of research on corruption. It is noted that in modern legal psychology, the prevention of unlawful behavior of young people in the field of economic crimes is still given little focus. The paper presents an analysis of the attitude of young people, as the most promising social group, to corruption offenses. The research was carried out using surveys among the students of higher education of Moscow. The data obtained were processed with content analysis, expert analysis as well as quantitative analysis of keywords and attitudes under topical areas chosen by the authors. The main results of the study can be summarized as follows: young people's perceptions of corruption are largely formed at the household level and do not reflect the specifics of macro-social processes in the society; students highlight the cultural and historical factors in the spread of corruption, which, in their opinion, act as a historically established social obstacle to overcoming the corruption situation in Russia; oftentimes students assess corruption not on legal grounds, but on psychological ones (on the principles of respect, politeness, mutual agreement, etc.), which does not always allow them to adequately identify corrupt behavior. With this approach to the problem, the research results require serious attention from psychologists, teachers and lawyers (in view of legal education of young people), which is a promising plan for future research.

Keywords: corrupt behavior, attitude to corruption, psychological foundations of corruption, personal characteristics of a corrupt official, cultural and historical traditions.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project no. 21-18-00541.

For citation: Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Youth Attitudes towards Corruption as a Manifestation of the Economic Mentality of Russians. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 178–193. DOI:10.17759/psylaw.2022120213 (In Russ.).

Введение

При изучении проблем противоправного поведения граждан особое значение приобретает его психологическая составляющая. В частности, в юридической психологии рассматрива-

ются такие психологические направления, как особенности формирования личности правонарушителя и социальной среды проживания; психологические особенности лиц, склонных к противоправным деяниям; анализ психологических факторов, детерминант и условий поведения, вызывающих противоправные действия; виктимное поведение жертв преступления и т. д. Вместе с тем профилактика противоправного поведения молодежи пока не стала широко распространенным вопросом, рассматриваемым в рамках психолого-правовых исследований, особенно в сфере экономических преступлений [2; 4; 6; 7 и др.]. Обращение к профилактике экономико-правовых нарушений среди лиц, в силу своего возраста не вовлеченных в реальную экономическую деятельность, является новым научным направлением, которое еще не получило своего развития в русле традиционной проблемы исследования отечественной гуманитарной науки в целом и психологии — в частности. Данная ситуация во многом связана с отсутствием таких традиций, как в практической деятельности правоохранительных органов, так и в гуманитарных исследованиях. Последняя ситуация объясняет малую разработанность исследовательских концепций, методологических подходов и технологий [1; 3; 8; 10], а также конкретных методик, пригодных для организации экономико-правовых исследований в молодежной среде [7].

Анализ психологических исследований коррупции

Вместе с тем важно отметить, что в современной психологии уже наметился ряд тенденций в исследовании самого феномена коррупции как социально-психологического явления. Эти исследования можно классифицировать по различным основаниям: по уровню охвата социальных проблем (макро-, мезо- и микроуровни), по объекту изучения (личность, группа, общество), по психологической направленности (изучение психических процессов, состояний или свойств личности/группы). В целом, исходя из широкого массива исследований в этом направлении, можно с уверенностью утверждать, что психологические особенности коррупционного поведения дают обширный материал, как фундаментального, так и прикладного значения [12; 13]. К примеру, исследования личностных характеристик коррупционеров показали, что в основе коррупционных правонарушений лежит большая ориентация личности на внешнее одобрение и поддержку, а внутренняя мотивация деятельности меньше коррелирует с коррупционным поведением [8]. В частности отмечается, что в основе коррупционных правонарушений зачастую лежит неспособность человека противостоять коррупционному давлению и низкий уровень самоконтроля [9].

Обратно пропорциональную зависимость в отношении коррупционных правонарушений демонстрируют такие характеристики личности, как добросовестность и ответственность. Исследователи также выявили более выраженную склонность к коррупции среди мужчин, чем среди женщин [15]. В литературе есть указания и на социальные характеристики, обуславливающие коррупционное поведение. В частности отмечается, что наиболее «безнравственными» и «циничными» являются коррупционные акты, совершенные представителями «белых воротничков» [там же].

Многолетние исследования отечественных психологов позволили выявить, что ведущими мотивами коррупционных правонарушений выступают негативное самоотношение, импульсивный тип характера, стремление к материальным излишествам и низкий уровень нравственных установок [3]. В современной литературе отмечается, что в каждой культуре существуют национальные особенности, свойственные коррупционному поведению населения, что поддерживается желанием «сохранить свою групповую идентичность» [20, с.2].

Общеметодологические подходы к исследованию коррупции

В развитых зарубежных государствах мониторинг коррупции посредством общенациональных и международных программ анализа используется достаточно широко. Среди такого рода программ можно выделить следующие: международные рейтинги измерения уровня коррупции на микро- и макроуровнях, разработка методов количественного измерения — индексы репрезентативности, коррупционной устойчивости, а также межтрасовые подходы к ее оценке. В этом направлении можно указать и на использование *технологий мониторинга* коррупции, с учетом принимаемых правительством и обществом мер противодействия ее распространению, или же обратить внимание на *модели* выявления социально-экономических и психологических детерминант распространения коррупции и т. д. [16; 17; 18]. Такие подходы отличаются *уникальными* (не типовыми) структурой, содержанием, характером используемого научного инструментария, методологическими подходами и методами. К примеру, Методика «Индикаторы развития антикоррупционного законодательства и правоприменительной практики» содержит 6 подгрупп проблем для анализа и около 200 индикаторов для измерения уровня его распространенности.

Достаточно эффективны в противодействии коррупции и конкретно-психологические способы воздействия [19; 21]. К психологическим аспектам данного направления исследований можно отнести и культурно-психологические особенности народов, т. е. исследования характерологических составляющих *менталитета*. Препятствием к изучению субъективных компонентов коррупции выступает ее *латентность*, что исключает возможность откровенных ответов респондентов на поставленные вопросы. Распространению коррупции, с психологической точки зрения, служат широко распространенные мифы о неистребимости коррупционных преступлений, их исторической обусловленности и даже «объективной необходимости». Последний аспект проблемы связан с тем, что некоторые авторы считают, что коррупция является одним из важных экономических механизмов эффективного регулирования рыночных отношений [21]. Эти психологические проблемы заслуживают самого пристального внимания со стороны юристов, но они не всегда находят свое отражение в рамках практической реализации антикоррупционных мер. В частности, Х. Прабово указывает, что наиболее типичной ошибкой при рассмотрении коррупционных правонарушений выступает позиция, когда анализ коррупции производится без учета его психологического аспекта, а к людям относятся как «...к машинам, которые имеют одну и ту же архитектуру» [20, с. 2].

Приведенные позиции убеждают в том, что к профилактике коррупционных правонарушений необходимо относиться с пониманием «психологической природы» конкретных людей и социальных групп. При таком подходе обыденное сознание, рассматриваемое сквозь призму повседневности и практического правового опыта людей, способно выражать общее состояние общества и даже оказывать, в перспективе, влияние на его социальное развитие. Правовой опыт, порождаемый индивидуальным и групповым сознанием, накопленный многими поколениями и усвоенный в процессе социализации личности, повседневно используется гражданами в целях адаптации к реальной правовой среде, выступает как неотъемлемая характеристика национального типа сознания, что позволяет рассматривать отношение населения к коррупции в рамках теоретических концепций менталитета. Целью работы стало выявление структурных, содержательных и процессуальных паттернов концепта «коррупция» в обыденном сознании россиян.

В качестве наиболее *активной* социально-демографической группы, заслуживающей пристального внимания общества в анализируемом направлении, выступает молодежь. Молодые люди обладают высоким социальным потенциалом и способны в будущем оказывать значи-

тельное воздействие на развитие общественных процессов. Как следствие, изучение ведущих психологических особенностей данной группы имеет высокую научную и практическую значимость.

Методология и методы исследования

Изучение отношения молодежи к коррупции проведено в 2021 году, среди студентов московских вузов. В исследовании приняли участие 320 человек в возрасте от 18 до 24 лет, из них 159 составили юноши, а 161 — девушки. *Объектом исследования* выступили психологические особенности отношения людей к различным экономическим явлениям, которые не всегда носят легитимный характер. *Предметом* — психологические особенности отношения молодых людей к коррупционным правонарушениям. *Цель исследования* — выявление основных психологических особенностей отношения молодежи к коррупционным правонарушениям. *Гипотеза исследования* связана с предположением о том, что представления молодежи о коррупционных правонарушениях формируются в повседневном общении, без осознания коррупционных угроз, связанных с социальным благополучием государства и общества. В рамках гипотезы исследования ожидалось решение нескольких *задач*. Первая связана с ответом на вопрос о том, что характер отношения молодежи к коррупции может отражать культурно-исторические традиции, сложившиеся в обществе. Вторая задача относится к выявлению того, насколько четко представления молодежи о правовых и психологических аспектах коррупции соотносятся между собой, при этом предполагалось, что они могут носить противоречивый (несовместимый одного с другим) характер. Третья задача — это выявление гендерных различий в особенностях отношения молодежи к коррупции.

В *теоретико-методологическом* плане исследование опиралось на психологическую концепцию отношений, в которой последние рассматриваются как предиктор реального социального поведения человека, отражающий особенности индивидуально-психологического развития человека и социальной среды его проживания. В итоге, отношение молодежи к коррупции можно рассматривать как индивидуально-личностную и общественно обусловленную характеристику молодых людей, оказывающую непосредственное воздействие на их реальное социально-экономическое поведение в будущем.

Опросный лист включал в себя ряд вопросов, как открытого, так и закрытого типа. Непосредственно сами вопросы будут ниже представлены в ходе обсуждения результатов эмпирического исследования. По завершении ответов на вопросы студентам предлагалось указать некоторые социально-демографические сведения о себе: пол, возраст, факультет, место работы (при наличии). Обработка полученных результатов была осуществлена с помощью контент-анализа, экспертного анализа, а также посредством простого подсчета ключевых слов и позиций по тематическим направлениям. Программа исследования — обоснование, структура и содержание — подробно представлена нами в специальной работе [13]. Сформулированные в опросном листе вопросы *информационного* плана оценивались по *семибалльной* шкале, где цифра 1 означала незначительный уровень выраженности признака, а 7 — наиболее высокую его выраженность. Анализ *эмоциональных* оценок осуществлен с учетом *пяти* позиций: выражено негативный, негативный, нейтральный, позитивный, выражено позитивный. Анализ произведен по пятибалльной шкале от 1 до 5. При этом 1 — это негативная, слабо выраженная оценка; 2 — негативная, умеренно выраженная, 3 — нейтральная оценка; 4 — позитивная, слабо выраженная, 5 — позитивная, умеренно выраженная.

Результаты эмпирического исследования. Как оказалось, при оценке причин коррупционного поведения населения студенты склонны выделять 4 подгруппы факторов (рис. 1), ко-

торые, по их мнению, выступают детерминантами коррупционного поведения — это социально-экономические (указали 56% студентов), политико-правовые (18%), культурно-исторические (15%), психологические (11%). Как видно из рис. 1, психологические причины занимают наименьшую по количественным характеристикам позицию. Студенты склонны считать, что коррупция в основном обусловлена объективными социально-экономическими условиями жизнедеятельности россиян. Наиболее часто при этом они говорят о низком уровне жизни, как населения в целом, так и чиновников, реальные зарплаты большинства из которых не обеспечивают им, если не высокий, то хотя бы приемлемый уровень жизни. Студенты также указывают на наличие политико-правовых условий распространения коррупции — несовершенство законодательной базы, политическая ангажированность коррупционеров и т. д. Не отрицают они и присутствия культурно-исторических факторов распространения коррупции в условиях развития российского общества. Студенты полагают, что склонность чиновников прибегать к такой форме поведения существует в России с давних времен. В частности, одна из студенток пишет, что «в России взятки всегда брали и брать будут, этого не изменить». К культурно-историческим факторам студенты относят и сложившуюся склонность населения пренебрегать правовыми нормами, а также низкую правовую просвещенность — «отсутствие у народа привычки изучать законы»¹. К психологическим причинам коррупции, по мнению студентов, в первую очередь относятся низкий моральный уровень участников коррупционного взаимодействия, а также неразвитые представления о социальной ответственности человека перед обществом.

Рис. 1. Распределение причин коррупции в представлениях молодежи (%)

Студентами также оговариваются основные формы проявления коррупции, среди которых наиболее распространенными они считают взяточничество, воровство и вымогательство (рис. 2). К менее распространенным формам коррупции они относят отмывание денег, налоговые преступления и мошенничество, которые, по их мнению, требуют от участников коррупционных отношений владения сложными экономическими и правовыми навыками организации такой деятельности. Тяжелые уголовные преступления (разбой, грабеж, убийство и т. д.) в рамках коррупционной деятельности, по мнению студентов, явление не частое. Последнии позиции объединены между собой и представлены в графе «Иное».

К значимым последствиям, к которым коррупция приводит в развитии общества, студенты относят как прямой ущерб государственному бюджету России, так и косвенное негатив-

¹ Выдержка из текста опросного листа.

ное воздействие на него (бюджет): угнетение добросовестной конкуренции, усиление теневой экономики, отток инвестиций из страны, снижение уровня собираемости налогов. Все эти факторы в целом приводят к стагнации экономики. Среди ответов есть и указания на ухудшение социальных условий жизни населения (усиление имущественного неравенства, снижение уровня субъективного благополучия граждан и общественной морали) и негативное воздействие коррупции на качество управления государством (дисфункции государственного управления, ущерб имиджу власти, снижение авторитета страны на международной арене и др.).

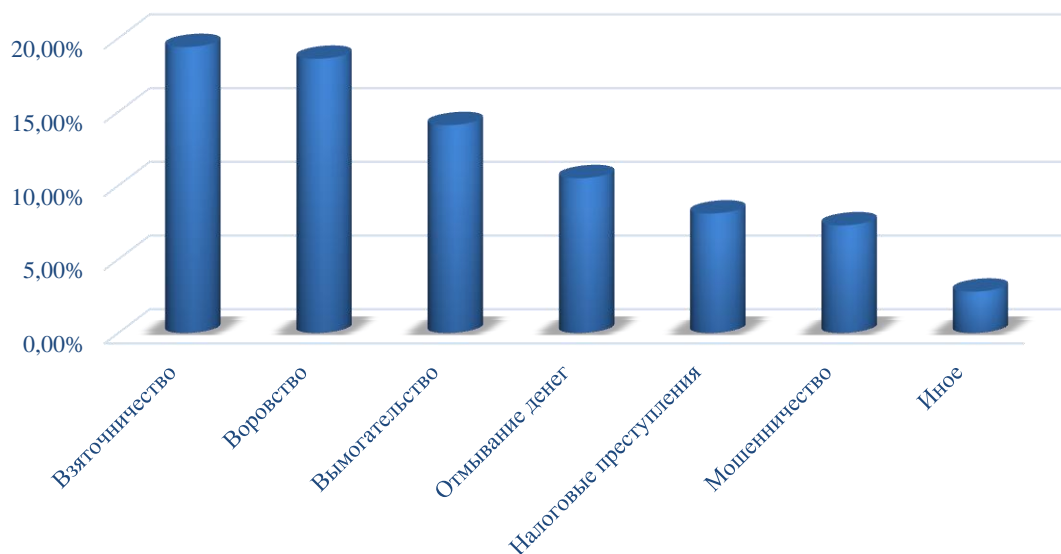

Рис. 2. Выраженность представлений молодежи о разных формах проявления коррупции (%)

Рис. 3. Последствия коррупции в представлениях молодежи (%)

Полученные ответы обобщены в рис. 3, на котором данные представлены с учетом количественных характеристик ответов и выстроены в иерархическом порядке.

В табл. 1, сгруппированы основные позиции, которые, по мнению студентов, могли бы помочь в преодолении коррупционной ситуации в стране. Как способ противодействия коррупции наиболее часто среди студентов звучат предложения по совершенствованию правовой базы государства, в том числе введению системы прямого учета всех доходов госслужащих. Студенты также предлагают увязать оплату госслужащих с количеством и качеством разрешенных ими социальных проблем, лишить их возможности непосредственно взаимодействовать с людьми, заинтересованными в положительном решении своих вопросов. В частности, они предлагают обязать чиновников к безличному взаимодействию с населением через Интернет, без прямых контактов с гражданами, а также лишить высших чиновников правового иммунитета. Основные предложения студентов нашли свое отражение в табл. 1.

Таблица 1

Возможные меры противодействия коррупции в представлениях молодежи

№ п/п	Меры по противодействию коррупции	Доля ответов ² (%)
1	Улучшить антикоррупционные законы	68,4
2	Вести учет расходов госслужащих	62,0
3	Активизировать правовое просвещение	51,3
4	Оценивать эффективность чиновников количеством положительных решений социальных проблем	29,5
5	Увеличить зарплату бюджетникам	25,6
6	Не освещать коррупционные доходы в СМИ	9,0
7	Изучать типовые коррупционные схемы	5,6
8	Разрешить чиновникам принимать заявления только в электронном виде, без контакта с заявителем	4,3
9	Отказаться от системы правового «иммунитета» высокопоставленных лиц	3,9
10	Разработать публичную электронную систему для жалоб	3,0
11	Остановить отток денег из страны	2,2

Следующим этапом исследования стало выявление причин, по которым люди склонны предлагать чиновникам взятку. В табл. 2 представлены ответы на вопрос: «Как Вы думаете, почему люди дают взятки?». Анализ ответов респондентов позволил выделить 14 основных позиций, отражающих мотивы коррупционного поведения населения.

Полученные результаты весьма разнообразны — это желание получить определенные выгоды, уйти от ответственности за неправомерное поведение, снизить бремя материальных расходов (налогов, штрафов, пени и т. п.) и др. Менее всего, по оценкам студентов, люди включаются в коррупционное взаимодействие из-за желаний подстраховаться (т. е. предложить взятку на всякий случай) или сберечь собственные силы и время. Мотивационное поведение, по мнению студентов, может быть спровоцировано и низким моральным уровнем человека, предлагающего взятку. Более подробно результаты представлены в табл. 2.

² Студенты имели возможность называть одновременно несколько позиций.

Важно отметить и то, что часть респондентов указывают и на *вынужденное* предложение взятки, что связано с необходимостью удовлетворить требования о взятке со стороны должностных лиц. При этом, как оказалось, только 8,8% студентов склонны считать *вымогательство* причиной коррупционного поведения граждан.

Таблица 2

Ранги мотивов предложения взятки должностному лицу (по мнению студентов)

№	Мотивы	Ранги по кол-ву ответов (%)
1	Получить выгоду	1 (21,3)
2	Уйти от ответственности	1 (21,3)
3	Ускорить решение вопроса	2 (9,8)
4	Повысить качество услуг	2 (9,8)
5	Вынужденно (выполнить требование чиновника)	3 (8,8)
6	Избежать конкуренции	4 (6,3)
7	Экономить силы и время	4 (6,3)
8	Безнравственность (низкий моральный уровень)	5 (5,4)
9	Подстраховаться от неприятностей	6 (5,1)

Психологические факторы коррупционного поведения

Как выяснилось, студенты выделяют ряд аспектов коррупции, связанных с разными психологическими основаниями: психологическими особенностями социальной среды, личностными характеристиками коррупционеров и лиц, предлагающих взятку. В частности, из представленных ответов нами выделены некоторые психологические условия, наличие которых позволяет студентам *отрицать* наличие коррупционной составляющей во взаимоотношениях граждан и чиновников. К числу таких условий они относят следующие:

- благодарность выражает *личную признательность* граждан к людям (чиновникам), которые оказали содействие при решении сложных административных вопросов;
- материальные ценности предложены заинтересованной в решении вопроса стороной, *добровольно*, без какого-либо принуждения со стороны чиновника;
- при первоначальном взаимодействии и в ходе решения вопроса со стороны чиновника не оговаривались никакие условия взаимодействия, которые бы, по их предположению, *могли возникнуть* при положительном решении вопроса;
- материальные ценности или услуги были предоставлены чиновникам *после* получения заявленных услуг на добровольной основе (распределение основных психологических условий оценки коррупции представлены на рис. 4).

Таким образом, студенты склонны полагать, что оказание услуг или предложение вознаграждения на добровольной основе с обоюдного согласия взаимодействующих сторон не может рассматриваться как противоправное поведение. Такого рода взаимодействие расценивается студентами как акт *бескорыстия*, проявление *культурно обусловленных* форм поведения, в оценку которого по существу *не включаются правовые* компоненты. Как итог можно признать, что при восприятии коррупционных действий должностных лиц студенты опираются на оценку *психологических* (а не правовых) *признаков коррупции*, что выступает серьезным заблуждением с их стороны.

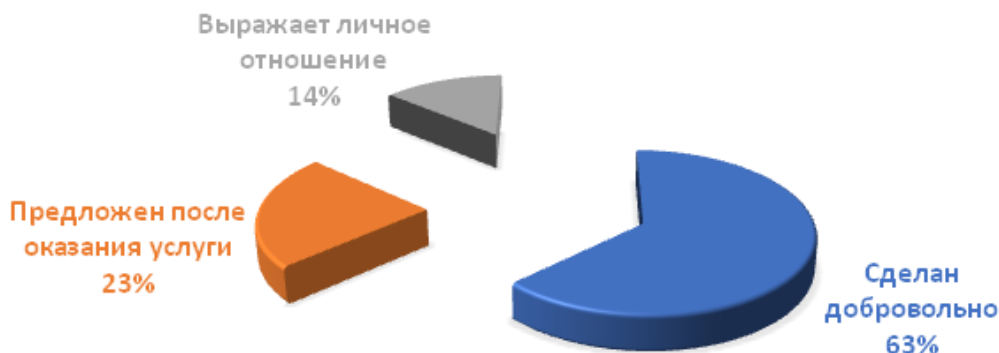

Рис. 4. Распределение мнений студентов о психологических условиях, при соблюдении которых подарок не является взяткой (%)

Психологический фон отношения к коррупции и оценка личности коррупционера

Для выявления эмоциональных факторов отношения к коррупции студентам был задан вопрос: «Как вы относитесь к коррупции?», а в качестве ответа на него предлагалось пять вариантов: очень плохо; плохо; равнодушно; хорошо; очень хорошо. Как выяснилось, отношение студентов к коррупции в основном негативное: 71,7% студентов оценивают свое отношение к ней как «очень плохое» или «плохое». Настораживает отношение тех студентов, которые к ней равнодушны, а это практически четвертая часть всей выборки (25,6%), и тем более тех, кто к ней относится позитивно (3,6%). Последние объясняют свою позицию тем, что посредством коррупции можно оперативно разрешить различного рода проблемы, включая очень значимые. Есть и такие студенты, которые затруднились ответить на этот вопрос, их общее количество также невелико и достигает 4,4%. Для наглядности полученные результаты представлены на диаграмме (рис. 5).

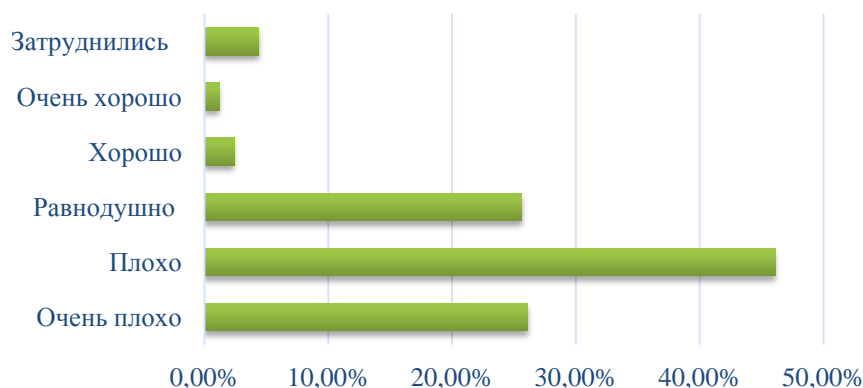

Рис. 5. Распределение эмоционально окрашенных оценок студентов к коррупции (%)

Во-первых, обращает на себя внимание преимущественно *негативная* оценка *личностных характеристик* коррупционеров. Во-вторых, оказалось, что профессиональные и интеллектуальные характеристики коррупционеров не представлены на общем фоне негативных оценок. Проведенные далее исследования подтвердили, что наиболее низкие оценки получили *нравственно-психологические* характеристики коррупционера, а наиболее высокие — *профессиональная компетентность, волевые и коммуникативные качества*.

Характер представлений о коррупционном поведении, его мотивах и допустимости в деловых отношениях обладает гендерной спецификой. Так, представления о целях, способах и технологиях организации коррупционного взаимодействия у юношей и девушек находятся на разных позициях, что требует специального изучения. Тем не менее, с уверенностью можно отметить некоторые особенности данной проблемы. Во-первых, независимо от гендерной принадлежности подавляющее большинство студентов допускают возможность своего участия в коррупционных сделках в случае возникновения неординарных ситуаций, например, при возникновении вопросов о спасении жизни/здоровья другого человека или продвижении важных социальных проектов, потенциально способных оказать помощь большому количеству людей. Во-вторых, при ответах на вопросы опросного листа юноши в большей степени психологически ориентированы на коррупционное взаимодействие (дают больше положительных ответов), чем девушки.

Обсуждение результатов исследования и выводы

На основе полученных данных можно с уверенностью сказать, что представления молодежи о коррупции в большей степени формируются на уровне повседневного взаимодействия с ближним социальным окружением (семьей, друзьями и знакомыми). Данное утверждение следует из нескольких позиций. Во-первых, полученные результаты указывают на представления студентов о *бытовом уровне* коррупции, о чем свидетельствуют такие, например, формулировки в их ответах: «услуги оказаны бескорыстно», «подарок выражает личные отношения», «необходимо повысить зарплату чиновникам». Эти высказывания не отражают специфики «верхушечного слоя» коррупции, который реализуется, например, в рамках распределения государственных заказов (госзакупок), торговли природными ресурсами за рубежом (нефть, рыба, лес и т. д.), выдачи конкурентам секретной коммерческой информации и т. д. Такого рода формы коррупции совсем не находят своего отражения в содержании ответов студентов, т. е. не осознаются (не проговариваются в принципе). Во-вторых, обсуждение коррупционного взаимодействия и последствий коррупции оценивается в рамках проблем добра и зла, правильного и неправильного, честного и бесчестного, что указывает на обсуждение *межличностного* взаимодействия как моральной (а не правовой) проблемы. В-третьих, в текстах студентов не представлены размышления о *социальных последствиях* коррупции, оказывающих негативное влияние на социальное или экономическое развитие общества / государства. Такого рода ответы получены на вопросы опросных листов, сформулированные профессиональными исследователями.

К ведущим *культурно-историческим* факторам распространения коррупции студенты относят исторически сложившуюся, по их мнению, ориентацию госслужащих на получение дополнительных доходов за рамками нормативного, формально узаконенного поведения. Отказ от такого поведения, как они полагают, будет вызывать у окружающих негативную реакцию, может провоцировать непонимание со стороны коллег и даже исключать возможность бесконфликтного взаимодействия с ними.

В ходе исследования выявлены факты преимущественно *психологической оценки* коррупции, т. е. не столько по правовым основаниям, сколько психологическим. Студенты считают, что нельзя признать коррупционным поведение, которое выстраивается на основе добровольности, взаимной договоренности или же обусловлено традиционной системой норм благодарить другого человека за оказанную им поддержку или помощь. К такого рода взаимным договоренностям госслужащих и граждан они относят выражение личного отношения (1), отсутствие заранее оговоренных требований (2) или условий (3) при начальном взаимодействии.

В исследовании установлены *дополнительные* закономерности в рамках решения исследовательских задач. Во-первых, среди студентов преобладает выраженное *негативное отношение* к личности коррупционера, если взаимодействие с чиновником признается коррупционным, что осознается студентами не всегда. Во-вторых, ни *профессиональные*, ни *интеллектуальные* характеристики коррупционеров не получают негативных оценок, так как эти качества коррупционеров студентами оцениваются высоко (на уровне выше среднего или даже высоком). Наиболее низкие оценки получают *моральные* качества коррупционера. Его *коммуникативные* и *волевые* качества оцениваются студентами по-разному, но в целом, на достаточно высоком уровне. В-третьих, *стиль взаимодействия* коррупционера с населением признается неоднозначным: возможны варианты поведения от предельно вежливого до грубого и агрессивного. В-четвертых, неожиданным оказалось мнение о том, что *инициаторами* коррупционного поведения студенты в значительной степени признают не чиновников, а самих граждан, мотивированных желанием получить различного рода выгоды и преференции — об этом говорят более 80% студентов.

Выявленная в ходе исследования проблема заключается в том, что основная часть опрошенных, *негативно* относясь к коррупции, не всегда могут адекватно *идентифицировать* коррупционные правонарушения, если они реализованы в рамках взаимовыгодного, психологически комфортного межличностного взаимодействия.

Заключение

Как оказалось, абсолютное большинство студентов (более 90%) выражают негативное отношение к коррупции. Вместе с тем результаты исследования показали, что представления молодежи о коррупционном взаимодействии находятся в рамках его бытового уровня и зачастую оно оценивается по психологическим критериям, основанным на традиционно принятых нормах поведения в обществе, обусловленных представлениями о вежливости, традиционной учтивости и благодарности. Такое поведение чаще всего не осознается студентами как коррупционное и тем более как правонарушение, а в результате ими не воспринимаются и негативные последствия коррупции для экономики и общественной морали. Такой подход студентов к пониманию проблем коррупции, как показывают результаты исследования, не может не вызывать тревогу и создает ситуацию, требующую серьезного внимания психологов, педагогов и юристов. Ожидается, что правовое просвещение студентов в *настоящее время* может оказать серьезное воздействие в *будущем* на снижение коррупционного поведения в российском обществе.

В *перспективе*, на основе полученных результатов, планируется исследовать особенности отношения к коррупции американских и японских студентов, что позволит выявить *традиционные характеристики* отношения к коррупции среди представителей народов с разным менталитетом, принципиально различных культур. Такого рода исследования могут быть проведены в интернет-пространстве, что позволит получить достоверную психологическую информацию международного уровня [5; 11; 12].

Литература

1. Бовина И.Б., Сачкова М.Е. Подчинение и неподчинение в понимании студенческой молодежи: поисковое исследование [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 76–92. doi:10.17759/psylaw.2020100406

Журавлев А.Л., Китова Д.А.
Отношение молодежи к коррупции как проявление
экономического менталитета россиян
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 178–193.

Zhuravlev A.L., Kitova D.A.
Youth Attitudes towards Corruption as a Manifestation
of the Economic Mentality of Russians
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 178–193.

2. Бойкина Е.Э., Чернов В.А. Правосознание подростков поколения центиниалов: прогноз-стическая оценка [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 135–149. doi:10.17759/psylaw.2021110111
3. Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 102. С. 323–328.
4. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Представления современной молодежи о личностных характеристиках коррупционера [Электронный ресурс] // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 4. С. 43–62. doi:10.19181/vis.2020.11.4.677
5. И вновь на перепутье? Постсоветским трансформациям 30 лет...: Монография / Горшков М.К. [и др.]. М.: Новые печатные технологии, 2019. 382 с.
6. Китова Д.А. Микроэкономическая психология субъекта жизнедеятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
7. Китова Д.А. Психолого-правовые особенности отношения к коррупции студентов из различных российских регионов [Электронный ресурс] // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 5. С. 76–91. doi:10.17805/trudy.2020.5.9
8. Киселев В.В. Психологические детерминанты антикоррупционного поведения сотрудников государственной организации: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2016. 258 с.
9. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психологические подходы к изучению личности коррупционного преступника // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 6 (56). С. 47–54.
10. Милехин А.В., Умняшова И.Б., Егоров И.А. Психолого-педагогические условия первичной профилактики наркомании в студенческой среде [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 111–125. doi:10.17759/psylaw.2020100408
11. Общество травмы: между эволюцией и революцией (круглый стол) [Электронный ресурс] / Макаров Т. [и др.] // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 3–14. doi:10.31857/S013216250005477-7
12. Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы [Электронный ресурс]. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. 503 с. doi:10.38098/soc.2020.89.12.001
13. Социально-психологические исследования коррупции / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, В.А. Соснин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 284 с.
14. Чернышева Е. В. Правосознание в детерминации коррупционного поведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 120–131. doi:10.17759/psylaw.2021110209
15. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Психологические факторы коррупции // Социологические исследования. 2014. № 7 (363). С. 63–71.
16. Agbo A.A. Corruption as a Propensity: Personality and Motivational Determinants Among Nigerians // The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied. 2016. Vol. 150(4). P. 502–526. doi:10.1080/00223980.2015.1107523
17. Corruption Perceptions Index 2018 // Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/cpi2018> (дата обращения: 17.05.2021).
18. Funk J., Brouwer J., Curtiss K., McBroom E. Parents of preschoolers: Expert media recommendations and ratings knowledge, media-effects beliefs, and monitoring practices // Pediatrics. 2009. Vol. 123(3). P. 981–988. doi:10.1542/peds.2008-1543

19. Lascomes P., Tomescu-Hatto O. French Ambiguities in Understandings of Corruption: Concurrent Definitions // *Perspectives on European Politics and Society*. 2008. Vol. 9(1). P. 24–38. doi:10.1080/15705850701825428
20. Prabowo H.Y. How to nurture an anti-corruption // *The Jakarta Post*. Mon, January 9, 2017. URL: <https://www.thejakartapost.com/academia/2017/01/09/how-to-nurture-an-anti-corruption-attitude.html> (дата обращения: 17.05.2021).
21. Simon D., Eitzen D. *Elite Deviance*. 3rd ed. Boston etc.: Allyn and Bacon, 1990. P. XII.

References

1. Bovina I.B., Sachkova M.E. Podchinenie i nepodchinenie v ponimanii studencheskoi molodezhi: poiskovoe issledovanie [Obedience and Disobedience in the Understanding of Russian Students: An Exploratory Study] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 76–92. doi:10.17759/psylaw.2020100406 (In Russ.).
2. Boykina E.E., Chernov V.A. Pravosoznanie podrostkov pokoleniya tsentinalov: prognosticheskaya otsenka [Legal Conscience of Teens from the Centennials Generation: a Prognostic Assessment] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 135–149. doi:10.17759/psylaw.2021110111 (In Russ.).
3. Vannovskaya O.V. Lichnostnye determinanty korruptsionnogo povedeniya [Personal determinants of corruptional behaviour]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2009, no. 102, pp. 323–328. (In Russ.).
4. Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Predstavleniya sovremennoi molodezhi o lichnostnykh kharakteristikakh korruptsionera [Young people's ideas on a corrupt official's human qualities] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 43–62. doi:10.19181/vis.2020.11.4.677 (In Russ.).
5. Gorshkov M.K. et al. I vnov' na pereput'e? Postsovetским transformatsiyam 30 let...: Monografiya]. Moscow: Novye pechatnye tekhnologii, 2019. 382 p. (In Russ.).
6. Kitova D.A. Mikroekonomicheskaya psikhologiya sub'ekta zhiznedeyatel'nosti. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2020. (In Russ.).
7. Kitova D.A. Psikhologo-pravovye osobennosti otnosheniya k korruptsii studentov iz razlichnykh rossiiskikh regionov [Psychological and legal features of attitudes towards corruption among students from Russian regions] [Elektronnyi resurs]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta = Scientific Works of the Moscow University for the Humanities*, 2020, no. 5, pp. 76–91. doi:10.17805/trudy.2020.5.9 (In Russ.).
8. Kiselev V.V. Psikhologicheskie determinanty antikorrupsionnogo povedeniya sotrudnikov gosudarstvennoi organizatsii: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2016. 258 p. (In Russ.).
9. Kroz M. V., Ratinova N. A. Psikhologicheskie podhody k izucheniyu lichnosti korruptsionnogo prestupnika [Psychological approaches to the study of corruption offender's personality]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2016, no. 6 (56), pp. 47–54. (In Russ.).
10. Milekhin A.V., Umnyashova I.B., Egorov I.A. Psikhologo-pedagogicheskie usloviya pervichnoi profilaktiki narkomanii v studencheskoi srede [Psychological and Educational Prerequisites for Primary Prevention of Drug Addiction among Students] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 111–125. doi:10.17759/psylaw.2020100408 (In Russ.).

Журавлев А.Л., Китова Д.А.
Отношение молодежи к коррупции как проявление
экономического менталитета россиян
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 178–193.

Zhuravlev A.L., Kitova D.A.
Youth Attitudes towards Corruption as a Manifestation
of the Economic Mentality of Russians
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 178–193.

11. Makarov T. et al. Obshhestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (kruglyi stol) [Society of trauma: between evolution and revolution (a round table discussion)] [Elektronnyi resurs]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2019, no. 6, pp. 3–14. doi:10.31857/S013216250005477-7 (In Russ.).
12. Psikhologicheskie issledovaniya v internet-prostranstve: poiskovyie sistemy, sotsial'nye seti, elektronnye bazy [Elektronnyi resurs]. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2020. 503 p. doi:10.38098/soc.2020.89.12.001 (In Russ.).
13. Zhuravlev A.L., Kitova D.A., Sosnin V.A. (eds.). Sotsial'no-psikhologicheskie issledovaniya korruptsii. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2017. 284 p. (In Russ.).
14. Chernysheva E.V. Pravosoznanie v determinatsii korruptsionnogo povedeniya [Legal consciousness in determination of corrupt behavior] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 120–131. doi:10.17759/psylaw.2021110209 (In Russ.).
15. Yurevich A.V., Zhuravlev A.L. Psikhologicheskie faktory korruptsii [Psychological factors of corruption]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2014, no. 7 (363), pp. 63–71. (In Russ.).
16. Agbo A.A. Corruption as a Propensity: Personality and Motivational Determinants Among Nigerians. *The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied*, 2016. Vol. 150, no. 4, pp. 502–526. doi:10.1080/00223980.2015.1107523
17. Corruption Perceptions Index 2018. *Transparency International*. URL: <https://www.transparency.org/cpi2018> (Accessed 17.05.2021).
18. Funk J., Brouwer J., Curtiss K., McBroom E. Parents of preschoolers: Expert media recommendations and ratings knowledge, media-effects beliefs, and monitoring practices. *Pediatrics*, 2009. Vol. 123, no. 3, pp. 981–988. doi:10.1542/peds.2008–1543
19. Lascomes P., Tomescu-Hatto O. French Ambiguities in Understandings of Corruption: Concurrent Definitions. *Perspectives on European Politics and Society*, 2008. Vol. 9, no. 1, pp. 24–38. doi:10.1080/15705850701825428
20. Prabowo H.Y. How to nurture an anti-corruption. *The Jakarta Post*, Mon, January 9, 2017. URL: <https://www.thejakartapost.com/academia/2017/01/09/how-to-nurture-an-anti-corruption-attitude.html> (Accessed 17.05.2021).
21. Simon D., Eitzen D. *Elite Deviance*. 3rd ed. Boston etc.: Allyn and Bacon, 1990. P. XII.

Информация об авторах

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2555-7599>, e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru.

Китова Джульетта Альбертовна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, лаборатория истории психологии и исторической психологии, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8185-3974>, e-mail: j-kitova@yandex.ru

Information about the authors

Anatoly L. Zhuravlev, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Psychology, Professor, Scientific Director, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2555-7599>, e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Журавлев А.Л., Китова Д.А.
Отношение молодежи к коррупции как проявление
экономического менталитета россиян
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 178–193.

Zhuravlev A.L., Kitova D.A.
Youth Attitudes towards Corruption as a Manifestation
of the Economic Mentality of Russians
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 178–193.

Dzhuletta A. Kitova, Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher, Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8185-3974>, e-mail: j-kitova@yandex.ru

Получена 31.10.2021
Принята в печать 25.01.2022

Received 31.10.2021
Accepted 25.01.2022

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Психологические особенности лиц, склонных к кибервиктимному поведению

Власова Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: L1025173@yandex.ru

Буслаева Е.Л.

Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

В статье обсуждаются результаты эмпирического исследования психологических особенностей лиц, склонных к кибервиктимному поведению. Теоретическими основаниями работы выступает анализ результатов исследований современных зарубежных и отечественных ученых, свидетельствующих о возможности выделения специфических характеристик жертвы киберпреступления. В исследовании приняли участие 78 совершеннолетних пользователей социальной сети «ВКонтакте». В качестве лиц, склонных к кибервиктимному поведению, выступила группа респондентов, которые за последние 3 года не менее двух раз становились жертвами кибермошенничества. Для сбора эмпирических данных использованы следующие методики: опросник «Многофакторное исследование личности (16 PF)» Р. Б. Кэттелла, тест «Уровень субъективного контроля» (авторы В.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд) и «Шкала реактивной и личностной тревожности» Ч. Спилбергера (в адаптации Ю.Л. Ханина). Результаты проведенного исследования показали, что склонность к кибервиктимному поведению обусловлена наличием определенных психологических особенностей эмоционального и межличностного характера. Полученные данные могут быть использованы в качестве основных мишеней при разработке программ по профилактике противозаконных действий в киберпространстве.

Ключевые слова: кибервиктимное поведение, киберпреступления, кибермошенничество, личностные особенности, субъективный контроль.

Для цитаты: Власова Н.В., Буслаева Е.Л. Психологические особенности лиц, склонных к кибервиктимному поведению [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 194–206. DOI:10.17759/psylaw.2022120214

Psychological Features of Individuals Prone to Cyber Victimization

Nataliya V. Vlasova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: L1025173@yandex.ru

Elena L. Buslaeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

The article discusses the results of the empirical research into the psychological features of individuals prone to cyber victimization. As a theoretical basis, this paper uses the analysis of the findings of the studies conducted by the Russian as well as foreign researchers, that indicate presence of the specific traits among victims of cyber crime. The focus group that took part in the research includes 78 adult users of the VK social network. The respondents who became victims of cyber scams more than twice over the past three years were identified as the individuals prone to cyber victimization. The following techniques were used for the empirical data collection: Multifactorial personality questionnaire (16 PF) by R.B. Cattell, “Level of subjective control” test by V.F. Bazhin, E.A. Golyunkina and A.M. Atkind and State-Trait anxiety inventory by C. Spielberger (adapted by Y. Khanin). The results of the conducted research show that one's tendency towards cyber victimization can be explained by the presence of certain specific emotional and interpersonal traits. The findings of this study could be used as major targets for designing preventive programs against crimes in cyber space.

Keywords: cyber victimization, cyber crime, personality traits, subjective control.

For citation: Vlasova N.V., Buslaeva E.L. Psychological Features of Individuals Prone to Cyber Victimization. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 194–206. DOI:10.17759/psylaw.2022120214 (In Russ.).

Введение

Нестабильная социально-экономическая и санитарно-эпидемиологическая ситуация в мире, вызванные этим ограничения в общественной сфере и естественное в этих обстоятельствах резкое сокращение взаимодействий межличностного характера, безусловно, оказывают негативное влияние на возможности профилактики киберпреступности. В связи с этим в настоящее время особенно актуальным становится изучение условий и факторов, способствующих защите личности от киберугроз различного характера. Согласно данным пресс-службы МВД России, за последние два года примерно в 1,5 раза выросло количество преступлений с использованием IT-технологий. При этом наиболее распространенными среди них становятся все более изощренные попытки кибермошенничества, часто сопровождаемые созданием криминальных сообществ и вовлечением в них несовершеннолетних [4].

Результаты современных исследований в области киберпреступности позволили выделить четыре основные формы кибермошенничества.

Фишинг — использование различных инструментов и схем в сети Интернет для получения доступа к конфиденциальной информации пользователей, например, к данным их логи-

нов и паролей банковских карт. Чаще всего в этом случае преступники используют схожие по интерфейсу фиктивные сайты популярных компаний.

Вишинг — реализуется посредством телефонной связи и разыгрыванием определенных социальных ролей (работника банка, сотрудника социальных служб и т. д.) с целью получения от абонента конфиденциальной информации платежных карт или осуществления им добровольных денежных переводов на реквизиты мошенников.

Письма «выигрыши» — использование специальных уведомлений, рассылаемых по электронной почте, в которых адресаты информируются о получении ими приза или крупного денежного выигрыша. При этом для их получения абоненту необходимо совершить определенные финансовые операции, например, открыть счет в банке и положить на него заранее оговоренную сумму, после чего сообщить отправителю письма реквизиты данного счета со всей конфиденциальной информацией.

«Романтическое» мошенничество — реализуется через сайты знакомств, зачастую специально создаваемые для поиска лиц, стремящихся найти потенциального партнера. Целями этих действий являются манипуляция и вымогательство у таких людей материальных средств в виде подарков, денежных сумм или доступа к их банковским счетам.

По мнению большинства как зарубежных, так и отечественных исследователей в области изучения природы киберпреступности, распространенность всех приведенных выше форм кибермошенничества и невысокая степень их раскрываемости обусловлены, прежде всего, незначительным числом обращений жертв в правоохранительные органы. Так, потерпевшие довольно часто обвиняют себя в сложившейся ситуации, считая, что были излишне доверчивы. В то же время они испытывают страх перед возможным общественным осуждением, считая, что своими действиями продемонстрировали собственную неосторожность, простодушие, наивность и, таким образом, подверглись влиянию манипулятора. И, наконец, пострадавшие не верят в эффективность расследования совершенного в их отношении преступления [11].

Следовательно, можно говорить о том, что жертвы кибермошенничества обладают определенными специфическими для виктимной личности качествами. В то же время невозможно «...рассматривать виктимность личности и ее ситуационное поведение в изоляции от категории личностного отношения человека к самому себе и другим людям, так как в ситуации совершения преступления жертва — уже «обладатель» определенных виктимных предрасположений» [7, с. 37].

Как отмечает А.В. Мудрик: «Виктимность определяется совокупностью эмоционально-личностных особенностей, способствующих дезадаптивному стилю реагирования субъекта, приводящему к ущербу для его физического или эмоционально-психического здоровья» [8, с. 78].

Наиболее подробную классификацию психологических особенностей виктимной личности предлагает Д.В. Ривман. Так, он выделяет активный тип поведения жертвы, когда вред причиняется при ее же участии и даже содействии. Этим людям присущ высокий уровень вербальной агрессии, вспыльчивость, раздражительность, импульсивность, склонность к риску и необдуманным поступкам. К пассивному типу автор относит потерпевших, не способных оказывать сопротивление преступнику, как в силу определенных личностных особенностей (высокий уровень тревожности, робость, застенчивость, заниженная самооценка), так и по причине ситуативно обусловленного неблагоприятного физического или психического состояния. Также Д.В. Ривман выделяет некритичный тип виктимного поведения. К нему он относит лиц, склонных к излишней доверчивости, неосмотрительности, не способ-

ных адекватно оценивать жизненные ситуации, либо в силу невысокого уровня интеллектуальных способностей, либо в связи с возрастными, физиологическими или психологическими особенностями [9].

К таким же выводам о свойствах личности, связанных с виктимностью, приходят коллектив авторов: Т.Е. Яценко, Н.И. Олифирович, Н.К. Плавник, И.В. Шматкова, О.В. Белановская, Л.А. Русецкая. К выраженности изучаемого феномена они относят: «...неэффективное сопротивление нарушению границ своего психологического пространства и уклонение от позиции субъекта жизнедеятельности, обуславливающие их психологическую виктимизацию или ревиктимизацию в межличностном взаимодействии» [12, с. 132].

Анализ исследований, посвященных кибервиктимному поведению, позволяет заметить, что их теоретическую основу, так же как и при исследовании поведения жертв, не связанного с IT-технологиями, составляют как теория повседневной деятельности, так и общая теория преступного поведения. Это, в свою очередь, предоставляет возможность выделить те же индивидуальные особенности личности для понимания ее предрасположенности к онлайн-виктимизации.

Так, например, Т.Т. Holt, А.М. Bossler приходят к выводу о том, что наиболее важным предиктором кибервиктимизации является низкий уровень самоконтроля. При этом авторы акцентируют внимание на том, что данный психологический феномен присущ лишь тем жертвам, которые напрямую контактировали с мошенниками посредством различных технических средств (компьютеров, телефонов и т. д.) [15].

Результаты проведенных N. Gilboa исследований в отношении лиц, компьютеры которых были подвергнуты взлому мошенниками с целью получения конфиденциальной информации, подтверждают его выводы о том, что чаще всего кибератакам подвергались люди, имеющие низкий уровень социального интеллекта. Жертвам киберпреступлений, по мнению автора, свойственны недостаточная степень понимания истинных мотивов поведения других людей, неспособность критически оценивать поступающую от них информацию, наивность и доверчивость [14].

К подобным выводам приходят С.Т. Schreck, Р.А. Wright, J.М. Miller, которые указывают, что люди, обладающие низким уровнем эмоциональной восприимчивости, с большей вероятностью могут подвергнуться киберпреследованиям. Они, во-первых, значительно реже используют специальные программы для защиты своих технических устройств. Во-вторых, такие люди чаще, чем другие, проявляют неосмотрительность при соблюдении мер предосторожности, необходимых для защиты себя и своей собственности при непосредственном контакте с онлайн-преступником [17].

Эти данные подтверждаются и заключениями, к которым приходят в своих работах Е.А. Антонян и Е.Н. Клещина. Исследователи установили, что готовность стать жертвой киберпреступления определяется чрезмерным времяпрепровождением в Сети, а также незнанием элементарных правил безопасности либо пренебрежением ими, даже если они были заведомо известны пострадавшему.

Проведя анализ особенностей личности жертв противоправных посягательств в Интернете, Ф.С. Сафуанов и Н.В. Докучаева выделили определенный «симптомокомплекс индивидуально-психологических особенностей, включающий беспокойство, неуверенность в себе, подверженность настроению, неусидчивость, неустойчивость настроения, гневливость, определенные способы совладания и психологические защиты в психотравмирующих ситуациях: поиск эмоциональной социальной поддержки, фокусировка на эмоциях, самоограничение и проекция» [10, с. 89].

А.О. Жакупжанов относит к совокупности личностных качеств, формирующих виктимное поведение в области киберпространства, следующие черты: доверчивость, беспечность, низкий уровень знаний в сфере информационной безопасности, стремление к легкому и высокому заработку, к которому абоненты Всемирной сети часто побуждаются [5].

Интересными являются также выводы, сделанные Л.Э. Кузнецовой. Согласно результатам ее исследования особенностей виктимного поведения у современной молодежи, автор утверждает, что молодым людям, склонным к данному виду девиации, в том числе и подвергавшимся кибербуллингу, свойственны следующие характеристики: «пониженное принятие себя, неспособность отказывать другим людям и сниженный уровень эмоционального комфорта» [6].

В то же время В.W. Reyns, B.S. Fisher, A.M. Bossler, T.J. Holt в своем последнем совместном исследовании, проведенном на разновозрастной выборке (от 18 до 62 лет), пытались установить связь между склонностью к кибервиктимности и особенностями самоконтроля. Они пришли к выводу об отсутствии корреляции между данными психологическими феноменами [16]. При этом в своей работе авторы используют опросник диагностики самоконтроля Р. Грасмика. Адаптированная версия данной методики представлена В.Г. Булыгиной, А.М. Абдраязковой, И.В. Коваленко [3] и направлена на изучение «...многомерного конструкта, включающего в себя разные элементы, образующие устойчивую характеристику — самоконтроль, которая является латентной чертой» [2, с. 5].

К еще более категоричным выводам, сделанным в соответствии с результатами своих исследований, приходят F.T. Ngo и R. Paternoster. Авторы обоснованно доказывают, что ни индивидуальные, ни ситуационные факторы не оказывают значимого влияния на вероятность стать жертвой мошенничества в киберпространстве [13].

Таким образом, несмотря на довольно обширный опыт проведенных в этой сфере исследований, проблема выделения личностных особенностей людей, склонных к кибервиктимному поведению, в настоящее время имеет отличающиеся друг от друга подходы, разнятся и результаты используемой в этих исследованиях диагностики.

Также важно отметить, что современные исследования в области киберпреступлений не были дифференцированы с учетом отдельных их видов. Особенности кибервиктимного поведения либо изучались как подверженность в целом любым преступлениям, совершаемым посредством технических средств и реализуемым через киберпространство, либо ограничивались анализом виктимности только в сфере кибербуллинга.

Все вышесказанное и определило цель нашего исследования — выявить психологические особенности лиц, подверженных кибермошенничеству.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие совершеннолетние пользователи социальной сети «ВКонтакте», которые согласились пройти специальный опрос о том, подвергались ли они целенаправленному воздействию со стороны кибермошенников. Средний возраст опрошиваемых составил 31,5 (+/-8,5) лет.

По результатам проведенного опроса были сформированы две группы респондентов — проблемная и контрольная. Проблемную группу составили 38 человек (18 мужчин и 20 женщин), которые не менее двух раз за последние 3 года становились жертвами кибермошенничества. В контрольную группу вошли 40 респондентов (20 мужчин и 20 женщин), контактировавших с мошенниками в киберпространстве, но сумевших противостоять манипуляциям и не стать жертвами преступных действий.

С целью выявления психологических особенностей лиц, проявивших кибервиктимное поведение, был проведен сравнительный анализ результатов исследуемых групп, полученных с использованием следующих методик: опросник «Многофакторное исследование личности (16 PF)» Р. Б. Кэттелла, тест «Уровень субъективного контроля» (авторы В.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд) и «Шкала реактивной и личностной тревожности» Ч. Спилбергера (в адаптации Ю.Л. Ханина). Для обработки полученных результатов применялся статистический критерий проверки гипотез в пакете SPSS Statistics-26: непараметрический критерий Манна—Уитни для независимых выборок.

Результаты и их обсуждение

Результаты, полученные с использованием методики «Многофакторное исследование личности (16 PF)» Р.Б. Кэттелла, представлены в табл. 1.

Согласно данным сравнительного анализа можно констатировать, что наиболее значимые различия в исследуемых группах были получены по показателям эмоциональных характеристик личности, таких как: эмоциональная стабильность, самоконтроль, напряженность и тревожность. Так, у респондентов, подвергавшихся кибермошенническим действиям, были выявлены сниженный уровень контроля эмоциональных реакций и эмоциональной стабильности. В то же время в данной группе обследуемых результаты по показателям внутреннего эмоционального напряжения и тревожности оказались значимо выше, чем в контрольной группе.

Подобные эмпирические данные свидетельствуют о том, что жертвам кибермошенничества свойственны сочетание довольно низкого порога фрустрации и такого же уровня самоконтроля, что может быть расценено как высокая подверженность неблагоприятным внешним и внутренним эмоциональным факторам, оказывающим негативное влияние на оценку ситуации и принятие решений. При этом, в сравнении с представителями контрольной группы, в условиях возникновения каких-либо жизненных проблем и затруднений они чаще испытывают тревогу и беспокойство, что не позволяет им осуществлять эффективные действия по разрешению возникших проблем.

Значимые различия в исследуемых группах были получены также по показателям коммуникативных свойств личности. В проблемной группе были обнаружены более низкие результаты по шкалам дипломатичности, общительности и подозрительности при их сравнении с данными представителей контрольной группы. При этом в сочетании с выявленными более высокими показателями по шкале беспечности в группе респондентов, ставших жертвами кибермошенничества, полученные данные свидетельствуют о том, что для лиц, склонным к кибервиктимному поведению, характерен сниженный уровень развития коммуникативных способностей. Следовательно, представителям проблемной группы свойственны излишняя доверчивость, наивность, неспособность адекватно оценивать истинные мотивы поступков и цели окружающих. Данные личностные особенности не могут быть продуктивными при попытках построить равноправный диалог с собеседником, что предоставляет кибермошенникам возможность для манипуляций своими жертвами и совершения в их отношении преступных действий.

В то же время важно отметить, что значимых различий в показателях компонентов познавательной сферы между исследуемыми группами выявлено не было. Это свидетельствует о том, что уровень интеллекта не оказывает существенного влияния на возможность человека подвергаться воздействию кибермошеннических манипуляций.

Таблица 1

**Результаты методики многофакторного исследования личности (16 PF) Р.Б. Кэттелла
 (N = 78)**

Показатели методики	Группа	Средний ранг	Асимптотическая значимость
Общительность (А)**	Контрольная группа	46,18	0,007
	Проблемная группа	32,47	
Интеллект (В)	Контрольная группа	42,21	0,267
	Проблемная группа	36,64	
Эмоциональная стабильность (С)***	Контрольная группа	52,25	0,000
	Проблемная группа	26,08	
Доминантность (Е)	Контрольная группа	38,69	0,736
	Проблемная группа	40,36	
Беспечность (F)**	Контрольная группа	31,12	0,001
	Проблемная группа	48,32	
Моральная нормативность (G)	Контрольная группа	43,04	0,149
	Проблемная группа	35,78	
Смелость в социальных контактах (Н)	Контрольная группа	42,61	0,204
	Проблемная группа	36,22	
Эмоциональная чувствительность (I)	Контрольная группа	36,90	0,284
	Проблемная группа	42,24	
Подозрительность (L)**	Контрольная группа	32,50	0,004
	Проблемная группа	46,87	
Мечтательность (M)	Контрольная группа	35,79	0,132
	Проблемная группа	43,41	
Дипломатичность (N)**	Контрольная группа	48,62	0,001
	Проблемная группа	29,89	
Тревожность (O)**	Контрольная группа	30,68	0,001
	Проблемная группа	48,79	
Радикализм (Q1)	Контрольная группа	40,44	0,703
	Проблемная группа	38,51	
Самостоятельность (Q2)	Контрольная группа	40,66	0,631
	Проблемная группа	38,28	
Самоконтроль (Q3)**	Контрольная группа	49,06	0,001
	Проблемная группа	29,43	
Напряженность (Q4)***	Контрольная группа	28,95	0,000
	Проблемная группа	50,61	

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.

Для выявления особенностей самоконтроля в различных сферах жизнедеятельности у респондентов сравниваемых групп использовался тест-опросник «Уровень субъективного контроля» (авторы: В.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд). Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Результаты тест-опросника «Уровень субъективного контроля»
 (В.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд) (N = 78)**

Показатели опросника	Группа	Средний ранг	Асимптотическая значимость
Общая шкала интернальности**	Контрольная группа	46,19	0,007
	Проблемная группа	32,46	
Шкала интернальности в области достижений	Контрольная группа	40,92	0,561
	Проблемная группа	38,00	
Шкала интернальности в области неудач	Контрольная группа	41,86	0,336
	Проблемная группа	37,01	
Шкала интернальности в семейных отношениях	Контрольная группа	41,34	0,453
	Проблемная группа	37,57	
Шкала интернальности в производственных отношениях	Контрольная группа	31,12	0,745
	Проблемная группа	38,66	
Шкала интернальности в межличностных отношениях**	Контрольная группа	46,84	0,003
	Проблемная группа	31,78	
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни	Контрольная группа	38,40	0,656
	Проблемная группа	40,66	

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.

Сравнительный анализ полученных результатов позволил выявить значимые различия в показателях по шкале общей интернальности, что свидетельствует о сниженном уровне самоконтроля поведения, свойственном жертвам кибермошенничества. В сравнении с респондентами контрольной группы они чаще принимают решения и совершают действия под влиянием внешних факторов и условий. Следовательно, для кибервиктимной личности характерны тенденция к снижению личной ответственности, неготовность проявлять активность и настойчивость при выборе цели и методов ее достижения.

Также статистически значимые различия в сравниваемых группах были получены по показателям шкалы интернальности в межличностных отношениях. Данные результаты указывают на тот факт, что потерпевшим от кибермошенничества свойственно внутреннее ощущение дефицита возможностей контролировать свои социальные контакты. Они чаще других идут на уступки и отдают инициативу окружающим в формировании социальных отношений, проявляют доверчивость и подчиняемость, а возникающие межличностные конфликты объясняют неудачно сложившимися обстоятельствами или особенностями поведения других людей.

Для проверки сформулированной выше гипотезы в части выделения тревожности как психологической особенности, характерной для лиц с кибервиктимным поведением, была

использована методика «Шкала реактивной и личностной тревожности» Ч. Спилбергера (в адаптации Ю.Л. Ханина). Результаты сравнительного анализа не выявили значимых различий в показателях шкал, как реактивной тревожности ($U=713.5$), так и личностной тревожности ($U=656$). Таким образом, согласно полученным данным, нельзя однозначно утверждать, что людям с выраженной склонностью к тревожным реакциям в стрессовых ситуациях или высокой готовностью к ним при любой внешней угрозе свойственно кибервиктимное поведение. Этот несколько неожиданный результат исследования может быть воспринят как противоречащий полученным данным сравнительного анализа по шкале «Тревожность» методики «16 PF» Р.Б. Кэттелла. В то же время, при качественном сравнении показателей по данным методикам, можно заметить, что они определяют разные характеристики такой личностной особенности, как тревожность. Так, согласно описательным характеристикам, изложенным в методике Р.Б. Кэттелла, показатель шкалы «Тревожность» определяется как субъективная оценка собственных сил и ресурсов для преодоления фрустрирующей ситуации, что, видимо, больше связано с самооценкой и внутренней уверенностью в себе и своих силах. Исследуя же этот показатель по методике Ч. Спилберга, можно трактовать описание анализируемого феномена или как непосредственную реакцию на стресс (реактивная тревожность), или как конституциональную черту личности (личностная тревожность). При этом реактивная тревожность проявляется в повышении внутреннего напряжения, беспокойстве и психомоторном возбуждении, а личностная тревожность коррелирует с наличием внутриличностного конфликта, склонностью к невротизации и психосоматическим заболеваниям.

Выводы

1. На основании результатов проведенного эмпирического исследования психологическими особенностями лиц, проявляющих виктимность от кибермошенничества, являются компоненты эмоциональной и коммуникативной сфер личности. Эмоциональными характеристиками кибервиктимной личности выступают: сниженный уровень самоконтроля, повышенный уровень эмоциональной лабильности, низкий порог фрустрации, неуверенность в себе. Особенности коммуникативной сферы таких лиц являются: доверчивость и наивность, проявляемые в формировании межличностных отношений, неумение гибко и дипломатично выстраивать социальное взаимодействие, ориентироваться в истинных мотивах поступков собеседника.

2. Наиболее характерными чертами субъективного контроля лиц, способных пострадать от мошенничества в киберпространстве, являются приоритет эмоциональной оценки ситуаций, глубокое влияние на нее со стороны других людей, а также стремление в большей степени полагаться на внешние мнения и решения. При этом любая ситуация, вызывающая реакцию фрустрации, расценивается ими как непреодолимая. Она существенно снижает их веру в себя, в собственные возможности ее преодоления, затрудняет процесс адаптации, формирование новых социальных навыков и паттернов совладающего поведения.

3. Полученные в ходе исследования противоречивые результаты при выявлении тревожности как характеристики, определяющей кибервиктимное поведение, могут быть объяснены с позиции качественного анализа показателей использованных методик. Для определения связи кибервиктимизации и особенностей проявления тревожности необходимо провести более глубокое исследование.

4. Согласно полученным результатам к психологическим особенностям личности, которые помогают человеку противостоять кибермошенничеству, можно отнести: высокий уро-

вень самоконтроля эмоциональных реакций и поведения в субъективно значимых ситуациях, а также развитые коммуникативные способности.

Заключение

Кибермошенничество является одним из наиболее распространенных способов реализации преступных деяний в интернет-пространстве. Методы, которые в настоящее время используются для предупреждения данного вида криминального поведения, построены в основном на информировании людей о различных манипуляционных способах и приемах, применяемых мошенниками. Тем не менее, как свидетельствуют данные мониторинга криминальной ситуации МВД РФ, уведомление абонентов Интернета о возможных махинациях в Сети не дает желаемого результата.

Человек, склонный к кибервиктимному поведению, в ситуации стресса, даже обладая знаниями о мошеннических схемах и возможных манипуляциях в его отношении, легко поддается влиянию преступников, передавая конфиденциальную информацию, позволяющую им получать доступ к денежным средствам жертвы.

Результаты проведенного эмпирического исследования показывают, что склонность к кибервиктимному поведению обусловлена наличием определенных психологических особенностей эмоционального и межличностного характера. Выявление и уточнение данных особенностей позволит разработать эффективные программы по предупреждению преступности в киберпространстве. Как свидетельствуют результаты проведенного исследования, формирование и совершенствование таких личностных особенностей, как самоконтроль эмоциональных реакций и поведения, интернальность в межличностных отношениях, проницательность и дипломатичность, позволяют развивать способность противостоять преступным действиям мошенников в Интернете.

В то же время представляется важным отметить, что полученные результаты не могут быть экстраполированы на описание психологических особенностей кибервиктимной личности при совершении других преступных деяний в виртуальном пространстве. Следовательно, для выявления психологических характеристик, отражающих склонность к кибервиктимному поведению, необходимо расширить границы исследования, как в сторону привлечения большего количества респондентов, в том числе пострадавших от разных видов киберпреступлений, так и с включением других психодиагностических методик, которые позволят интерпретировать некоторые нюансы полученных результатов.

Литература

1. Антонян Е.А., Клецина Е.Н. Кибервиктимность // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 3 (34). С. 5–10.
2. Белякова М.Ю., Булыгина В.Г., Токарева Г.М. Социально-психологические и патопсихологические факторы риска совершения повторных общественно опасных деяний у лиц с негативно-личностными расстройствами [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 1. С. 1–14. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76141.shtml> (дата обращения: 16.01.2022).
3. Булыгина В.Г., Абдраязова А.М., Коваленко И.В. Методика оценки самоконтроля у несовершеннолетних // Судебная психиатрия. Судебно-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних / Под ред. акад. РАМН Т.Б. Дмитриевой. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2008. Вып. 5. С. 14–28.

4. Власова Н.В. Психологическая профилактика вовлечения молодежи в киберпреступные сообщества // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций: материалы X Международного симпозиума (9–10 июля 2019 г.). Екатеринбург, 2019. С. 203–206.
5. Жакупжанов А.О. Виктимологические факторы киберпреступности // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 75–82.
6. Кузнецова Л.Э., Ерошенко А.Н. Психологические особенности проявления виктимного поведения у современной молодежи // Актуальные вопросы современной психологии: материалы II Междунар. науч. конф. Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 73–75.
7. Макаревская Ю.Э., Беленко С.С. Психология жертвы: взаимосвязь тенденции к самообвинению конформности личности // Коченовские чтения — 2020. Психология и право в современной России: сб. тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2020. С. 36–38.
8. Мудрик А.В. Виктимология. М.: Магистр, 2002. 524 с.
9. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб: Гардарика, 2000. 320 с.
10. Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В. Особенности личности жертв противоправных посягательств в Интернете [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 4. С. 80–93. doi:10.17759/psylaw.2015050407
11. Тропина Т.Л. Борьба с киберпреступностью: возможна ли разработка универсального механизма? // Международное правосудие. 2012. № 3 (4). С. 86–95.
12. Яценко Т.Е. Психологическая диагностика виктимности как социально-психологического свойства личности // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2019. Том 10. № 2. С. 128–133.
13. Ngo F.T., Paternoster R. Cybercrime Victimization: An examination of Individual and Situational level factors // International Journal of Cyber Criminology. 2011. Vol. 5(1). P. 773–793.
14. Gilboa N. Elites, Lamers, Narcs and Whores: exploring the computer underground. In L. Cherny, E. R. Weise (eds.). Wired Women: Gender and New Realities in Cyberspace. Seattle: Seal Press, 1996. P. 98–113.
15. Holt T.J., Bossler A.M. Examining the applicability of lifestyle-routineactivities theory for cybercrime victimization // Deviant Behavior. 2009. Vol. 30(1). P. 1–25. doi:10.1080/01639620701876577
16. Reyns B.W., Fisher B.S., Bossler A.M., Holt T.J. Opportunity and Self-Control: Do they Predict Multiple Forms of Online Victimization? // American Journal of Criminal Justice. 2018. Vol. 44(1). P. 63–82. doi:10.1007/s12103-018-9447-5
17. Schreck C.J., Wright R.A., Miller J.M. A study of individual and situational antecedents of violent victimization // Justice Quarterly. 2002. Vol. 19(1). P. 159–180. doi:10.1080/07418820200095201

References

1. Antonyan E.A., Kleshchina E.N. Kiberviktimmnost' [Cyber Visibility]. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii = Vestnik of Perm Institute of the Federal Penal Service*, 2019, no. 3 (34), pp. 5–10. (In Russ.).
2. Belyakova M.Yu., Bulygina V.G., Tokareva G.M. Sotsial'no-psikhologicheskie i patopsikhologicheskie faktory riska soversheniya povtornykh obshchestvenno opasnykh deyanii u lits s negativno-lichnostnymi rasstroistvami [Socio-psychological and pathopsychological factors of risk of reoffending among mentally ill with negative personality disorders] [Elektronnyi resurs].

- Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2015. Vol. 5, no. 1, pp. 1–14. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76141.shtml> (Accessed 16.01.2022) (In Russ.).
3. Bulygina V.G., Abdrazyakova A.M., Kovalenko I.V. Metodika otsenki samokontrolya u nesovershennoletnikh. *Sudebnaya psikhiatriya. Sudebno-psikhiatricheskaya ekspertiza nesovershennoletnikh*. Moscow: FGU “GNTs SSP Roszdrava” Publ., 2008. Vol. 5, pp. 14–28. (In Russ.).
 4. Vlasova N.V. Psikhologicheskaya profilaktika вовлечeniya molodezhi v kiberprestupnye soobshchestva [Psychological prevention of youth involvement into cybercriminal communities]. *Blagopoluchie i bezopasnost' v usloviyakh sotsial'nykh transformatsii: materialy X Mezhdunarodnogo simpoziuma (9–10 iyulya 2019 g.) = Wellbeing and security in the face of social transformations. Proceedings of the X International Symposium (July, 9–10, 2019)*. Yekaterinburg, 2019, pp. 203–206. (In Russ.).
 5. Zhakupzhanov A.O. Viktimologicheskie faktory kiberprestupnosti [Victimological factors of cybercrime]. *Altaiskii yuridicheskii vestnik = Altai Law Journal*, 2019, no. 3 (27), pp. 75–82. (In Russ.).
 6. Kuznetsova L.E., Eroshenko A.N. Psikhologicheskie osobennosti proyavleniya viktimnogo povedeniya u sovremennoi molodezhi. Aktual'nye voprosy sovremennoi psikhologii: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. Chelyabinsk: Dva komsomol'tsa. 2013, pp. 73–75. (In Russ.).
 7. Makarevskaya Yu.E., Belenko S.S. Psikhologiya zhertvy: vzaimosvyaz' tendentsii k samoobvineniyu konformnosti lichnosti. *Kochenovskie chteniya — 2020. Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii. Sbornik tezisov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii po yuridicheskoi psikhologii s mezhdunarodnym uchastiem*. Moscow: MGPPU Publ., 2020, pp. 36–38. (In Russ.).
 8. Mudrik A.V. Viktimologiya. Moscow: Magistr, 2002. 524 p. (In Russ.).
 9. Rivman D.V., Ustinov V.S. Viktimologiya. Saint Peterburg: Gardarika, 2000. 320 p. (In Russ.).
 10. Safuanov F.S., Dokuchaeva N.V. Osobennosti lichnosti zhertv protivopravnykh posyagatel'stv v Internetе [Personality characteristics of victims of illegal attacks on the Internet] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2015. Vol. 5, no. 4, pp. 80–93. doi:10.17759/psylaw.2015050407 (In Russ.).
 11. Tropina T.L. Bor'ba s kiberprestupnost'yu: vozmozhna li razrabotka universal'nogo mekhanizma? [Addressing the problem of cybercrime: is it possible to develop universal legal framework on the international level?] *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2012, no. 3 (4), pp. 86–95. (In Russ.).
 12. Yatsenko T.E. Psikhologicheskaya diagnostika viktimnosti kak sotsial'no-psikhologicheskogo svoistva lichnosti. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniya = Actual Problems of Contemporary Science, Technology and Education*, 2019. Vol. 10, no. 2, pp. 128–133. (In Russ.).
 13. Ngo F.T., Paternoster R. Cybercrime Victimization: An examination of Individual and Situational level factors. *International Journal of Cyber Criminology*, 2011. Vol. 5, no. 1, pp. 773–793.
 14. Gilboa N. Elites, Lamers, Narcs and Whores: exploring the computer underground. In L. Cherny, E. R. Weise (eds.). *Wired Women: Gender and New Realities in Cyberspace*. Seattle: Seal Press, 1996. P. 98–113.
 15. Holt T.J., Bossler A.M. Examining the applicability of lifestyle-routineactivities theory for cybercrime victimization. *Deviant Behavior*, 2009. Vol. 30, no. 1, pp. 1–25. doi:10.1080/01639620701876577

Власова Н.В., Буслаева Е.Л.
Психологические особенности лиц,
склонных к кибервиктимному поведению
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 194–206.

Vlasova N.V., Buslaeva E.L.
Psychological Features of Individuals
Prone to Cyber Victimization
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 194–206.

16. Reyns B.W., Fisher B.S., Bossler A.M., Holt T.J. Opportunity and Self-Control: Do they Predict Multiple Forms of Online Victimization? *American Journal of Criminal Justice*, 2018. Vol. 44, no. 1, pp. 63–82. doi:10.1007/s12103-018-9447-5

17. Schreck C.J., Wright R.A., Miller J.M. A study of individual and situational antecedents of violent victimization. *Justice Quarterly*, 2002. Vol. 19, no. 1, pp. 159–180. doi:10.1080/07418820200095201

Информация об авторах

Власова Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: L1025173@yandex.ru

Буслаева Елена Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии и педагогической антропологии, Институт гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Information about the authors

Nataliya V. Vlasova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: L1025173@yandex.ru

Elena L. Buslaeva, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, Russia, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Получена 16.02.2022
Принята в печать 16.04.2022

Received 16.02.2022
Accepted 16.04.2022

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: потенциал социально-психологического знания

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бовин Б.Г.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Проблема: терроризм существует более двух тысячелетий, развиваясь, изменяясь и приобретая новые черты и особенности, характерные для той или иной эпохи; он, однако, сохранил одну особенность неизменной: терроризм по-прежнему представляет собой серьезную угрозу для общества. Цель: в фокусе нашего внимания в настоящей работе оказывается рассмотрение потенциала социально-психологического знания для оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде. Это и определяет цель излагаемого здесь теоретико-аналитического исследования. Результаты: в ситуации отсутствия инструментов оценки риска эмпирически проверенной теорией, адекватной для объяснения процесса радикализации (принимая во внимание, что человек не радикализуется в одиночестве, совершение действий, сопряженных с крайним насилием, не является автоматическим продолжением экстремальных (или радикальных) идей), выступает теория неопределенности — идентичности М. Хогга.

Ключевые слова: радикализация, терроризм, неопределенность, социальная идентичность, оценка риска.

Финансирование. Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта (Государственное задание Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00110-22-02 от 08.04.2022 «Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде»).

Для цитаты: *Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.* Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: потенциал социально-психологического знания [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223. DOI:10.17759/psylaw.2022120215

Radicalisation among Young People: In Search of Risk Assessment Model

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Boris G. Bovin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Problem. Terrorism is a long-standing phenomenon, it has existed for more than two millennia. It has been changing over time, acquiring the new features and characteristics of a particular era, but one feature has retained unchanged: terrorism still poses a serious threat to society. Purpose: the focus of our attention in this paper is to look into the potential of socio-psychological knowledge to assess the risk of radicalization in the adolescent and youth environment. This determines the purpose of the theoretical analysis presented here. Results: In the absence of risk assessment tools, M. Hogg's theory of uncertainty-identity is an empirically proven theory adequate to explain the process of radicalisation (taking into account that a person is not radicalised alone, committing actions involving extreme violence is not an automatic continuation of extreme (or radical) ideas). The model explains why and how people join groups with extremist and radical beliefs, as well as why they prefer acts of violence, acting on behalf of these groups.

Keywords: radicalisation, terrorism, uncertainty, social identity, risk assessment.

Funding. The work was performed as a part of the research project “Assessment of the radicalisation risk among young people” (State assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation, no. 073-00110-22-02 dated 08.04.2022).

For citation: Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B. Radicalisation among Young People: In Search of Risk Assessment Model. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223. DOI:10.17759/psylaw.2022120215 (In Russ.).

Введение

В фокусе нашего внимания в настоящей работе оказывается обсуждение потенциала социально-психологического знания для оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде. Это и определяет цель излагаемого здесь теоретико-аналитического исследования.

Если считать, что первым случаем террористического акта является событие, имевшее место в Иерусалиме в первом веке до нашей эры, когда бойцы, вооруженные кинжалами, организовали ряд нападений на своих противников среди бела дня, преследуя цель спровоцировать восстание против римского правления [8], то можно заключить, что терроризм — это старинное явление в жизни цивилизации.

За все время своего существования терроризм несомненно развивался и модифицировался, приобретая новые черты и особенности, характерные для той или иной эпохи. Одна особенность этого явления осталась неизменной: терроризм представляет собой серьезную угрозу для общества. Представители различных дисциплин, будь то политические и юридические науки, история и философия, социология и психология, прикладывают свои усилия для того, чтобы понять суть явлений радикализации и терроризма, поскольку стратегия противодействия терроризму нуждается не только в теоретических построениях, но и в эмпирических фактах для своего эффективного функционирования.

Оставляя в стороне дискуссию об определении терроризма (она имеет место быть в социальных науках, в частности, в работе по политическому терроризму, увидевшей свет в 1988 [25], список определений включал более ста вариантов, за десятилетия, прошедшие с того момента, он, несомненно, пополнился еще целым рядом новых конструктов), согласимся с А. Круглянски, который утверждает, что «...понятие терроризма оказалось невосприимчивым к согласованному определению» [25, с. 2]. В настоящей работе воспользуемся определением, на которое зачастую ссылаются исследователи в своих работах: «...действия негосударственных субъектов, связанные с угрозой или фактическим применением незаконной силы или насилия для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания» [12, с. 496]. Такая трактовка терроризма позволяет объединять несколько его разновидностей: левого толка (основанный на леворадикальной идеологии), правого толка (терроризм, основанный на праворадикальной идеологии), сепаратистский (или националистический, нацеленный на борьбу за независимость), религиозный (апеллирующий к религиозным категориям) [24]. Добавим, что террористическая активность реализуется группой, и этот чрезвычайно важный момент следует принимать во внимание.

В 60-х гг. XX века, когда исследования терроризма были относительно немногочисленными, психологическое сообщество склонялось в пользу использования конструктов клинической психологии для объяснения этого феномена. Для объяснения процесса радикализации, в результате которого легитимизируется терроризм, исследователи апеллировали к идее о существовании профиля террориста, некоторой патологической личности, имеющей предрасположенность к совершению насилия [12].

В современном мире состояние дел характеризуется рядом важных трансформаций. Во-первых, изменился сам терроризм, из классического, ограниченного рамками того или иного государства, в глобализированном мире терроризм приобрел черты этого мира, превратившись в глобальный, выходящий за границы только одного государства, становящийся безграничным по своей направленности и масштабу, как подчеркивает М. Вьеверка [34]. По сути, с опорой на идеи Ж. Бодрийера [1], террористические организации так встраиваются в глобализированную систему, что сливаются с ней, используют новейшие достижения цивилизации для того, чтобы бороться с ней самой.

Дж. Виктороф [33] обозначает целый ряд взаимосвязанных процессов, происходящих в обществе, которые, несомненно, сопряжены с трансформацией терроризма из классического в современный. С одной стороны, имеет место глобализация торговли, путешествий и распространения информации (так называемая пятая информационная революция [3]). Все это высвечивает экономическое неравенство и идеологическую конкуренцию; как следствие, люди, расположенные в различных точках планеты, могут теперь объединяться и координировать свою совместную террористическую активность. С другой стороны, религиозный

фундаментализм занимает важное место в современном обществе; Дж. Викторофф обозначает его как «...обиженного конкурента рыночно-экономических, демократических и светских тенденций современности» [33, с.3]. Наконец, речь идет о доступности оружия массового уничтожения, так сказать, о его приватизации, что значительно облегчает задачу террористических организаций в совершении масштабных действий [33]. По статистическим данным, представленным в Глобальной базе данных по терроризму, с 1970 по 2019 г. взрывы и вооруженные нападения являются ведущими способами совершения террористических атак (соответственно 95966 и 51632 случаев) [13]. В то же самое время представители террористических организаций призывают к совершению атак с использованием любых доступных средств, не требующих ни больших финансовых вложений, ни специальной подготовки и квалификации для достижения цели (будь то кухонный нож или автомобиль; с помощью последнего неоднократно осуществлялись наезды на толпу мирных граждан в различных городах мира).

Во-вторых, после событий 11 сентября 2001 года в социальных науках наблюдается ошутимый рост исследовательского интереса к проблеме терроризма [28]. В современной литературе сложился своего рода консенсус относительно того, что объяснительными конструктами радикализации являются психологические переменные, применяемые для «нормальной» популяции [2; 10; 12], а также согласованная позиция исследователей относительно того, что единого психологического профиля террориста не существует. Это подкрепляется результатами систематического анализа литературы по проблеме связи психического неблагополучия и вовлеченности в террористическую деятельность: психическое неблагополучие не выступает ни единственным, ни достаточным фактором для объяснения процесса легитимизации терроризма и вовлеченности в террористическую деятельность. Психическое неблагополучие не встречается чаще среди представителей террористических групп по сравнению с популяцией того же возраста. Среди одиноких террористов, однако, представленность психического неблагополучия выше, по сравнению с населением в целом. Кроме того, в отношении этой категории террористов констатируется закономерность следующего толка: чем в большей степени изолирован человек, совершающий террористические действия, тем выше представленность психического неблагополучия среди этой категории террористов, по сравнению с населением в целом [30].

Если обратиться к логике эпистемологического континуума, предложенного В. Дуазом, где предлагается разделять ряд уровней, на которых выстраивается объяснение в социальной психологии (интраиндивидуальный, интериндивидуальный, позиционный и идеологический) [9], то представляется возможным заключить, что многочисленные объяснительные модели радикализации (процесса, который ведет к легитимизации актов насилия, терроризма [22]) занимают все уровни этого континуума.

Модели радикализации в самом простом варианте можно разделить на две группы: континуумные и поэтапные. В первом случае в фокусе внимания оказываются факторы, которые влияют на процесс радикализации; во втором случае в фокусе внимания оказывается содержание самого процесса радикализации, который разворачивается во времени [22].

Как отмечалось выше, с 2001 г. наблюдается постоянный рост работ, посвященных проблемам терроризма и радикализации, но по-прежнему неразрешенными остаются следующие проблемы.

Во-первых, практически все модели радикализации едва ли получили систематическую эмпирическую проверку, не говоря об опоре на результаты экспериментальных исследова-

ний [22; 33]. Очевидно, что проведение проспективных экспериментальных исследований не представляется возможным. В то же самое время, без систематической эмпирической проверки теоретические модели остаются описательными и едва ли могут быть использованы для прогноза или оценки риска радикализации.

Во-вторых, тезис о том, что террористические акты с необходимостью являются продолжением экстремистских идей, является ошибочным [26]. Как отмечает К. Маккалей, 99% людей, разделяющих экстремистские воззрения, никогда не перейдут к совершению экстремистских действий; кроме того, те, кто совершил террористические действия, не имеют при этом тех самых экстремистских идей, которые можно было бы ожидать для объяснения поведения, характеризующегося насилием в крайней форме (террористический акт).

Наконец, объяснительный конструкт, к которому стоило бы апеллировать, возвращаясь к идее эпистемологического континуума В. Дуаза [9], предполагает принадлежность к более высокому уровню объяснения, чем интраиндивидуальный. Напомним, что террористическая деятельность осуществляется группой. Кроме того, радикализация — это своего рода способ коллективного ответа на ситуацию реального или воображаемого межгруппового конфликта [31]. Это только еще раз говорит в пользу того, что индивиды радикализируются не в одиночестве, а как часть группы. Именно группа конструирует для них социальную реальность и создает соответствующую социальную идентичность [31; 32]. Отсюда следует, что в объяснительной модели процесса легитимизации терроризма (т. е. радикализации) должны учитываться групповые процессы.

Если принимать во внимание высказанные выше замечания, то модель оценки риска должна основываться на такой объяснительной схеме, которая бы имела солидный запас экспериментальных фактов, позволила бы объяснить проблему радикализации как групповой процесс, не допуская при этом ошибочного суждения о том, что совершение действий, сопряженных с крайним насилием, не является автоматическим продолжением экстремальных (или радикальных) идей.

Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: возможности и ограничения

В широком смысле «...оценка риска может быть определена как попытка предсказать вероятность будущего, обычно — негативного события, путем рассмотрения факторов, которые, как считается, связаны с вероятностью события» [15, с. 283]. Традиционно оценка риска в психологии используется специалистами в области психического здоровья для принятия решения о риске совершения насилия тем или иным индивидом [15; 27]. По сути, та же самая логика была заимствована для оценки риска в случае радикализации и перехода к актам терроризма.

Оценка риска радикализации представляет собой часть широкой стратегии предупреждения терроризма на ранней стадии. Если акцентировать внимание на деятельности по профилактике терроризма и радикализации, то станет очевидным, что оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде обладает высокой ценностью и значимостью, с учетом того факта, что присоединение к террористическим группам и организациям (как показывают социально-демографические данные [6]) происходит скорее в молодом возрасте. Таким образом, появляется инструмент для ранней диагностики и профилактики радикализации.

В то же самое время, существует целый ряд серьезных препятствий для того, чтобы оценить или спрогнозировать риск радикализации. Одно препятствие касается проблемы про-

гноза в психологии в целом [4; 11]. Попытка предсказать то, как будет действовать тот или иной индивид, скорее всего, базируется на постулатах теоретической модели или закономерности и требует особой аккуратности в применении, на что неоднократно указывалось в литературе [11; 14; 27]. Отсюда вытекает другое препятствие — этического характера. Построение прогноза в нашем случае может означать, что индивид наделяется своего рода «ярлыком», относительно риска участия в терроризме, в то время как субъект не будет осуществлять действий террористического характера [27]. Тем не менее, логика построения модели оценки риска не является новой, обозначенные выше препятствия на пути построения прогноза должны быть, несомненно, приняты во внимание для поиска более надежного и тонкого инструмента оценки риска радикализации.

С опорой на анализ литературы предлагается различать три подхода к оценке риска: на одном полюсе располагается подход, при котором специалисты принимают решение об оценке риска, основываясь на своем профессиональном опыте и знаниях особенностей индивида, относительно которого оценивается риск радикализации. К недостаткам этого подхода относят различного рода пристрастности и субъективности при принятии решения [27]. На другом полюсе находится подход, основанный на оценке риска с помощью ряда индикаторов, что позволяет вычислить интегральный показатель риска с помощью определенного алгоритма. К несомненным преимуществам этого подхода относится эксплицированность процедуры и объективность при принятии решения о риске [27]. В качестве недостатка этого подхода можно усмотреть ту теоретическую конструкцию, которая операционализируется в виде системы эмпирических индикаторов для измерения риска. Наконец, промежуточная позиция на континууме соответствует третьему подходу, который комбинирует эти два подхода, преодолевая, до определенного предела, недостатки каждого из них и используя преимущества. Как подчеркивает К. Сарма, третий подход, оказывается более гибким и более адекватным в ситуации неопределенности (характеризующейся недостатком информации при принятии решения о риске) [27].

Модели оценки риска нашли свое применение в пенитенциарной системе ряда стран [23; 27]. При работе с осужденными использование инструмента для оценки риска радикализации позволяет принимать то или иное решение о реинтеграции осужденных [27]. Однако в меньшей степени разработанным оказывается система мониторинга, которая могла бы позволить выявить уязвимых к радикализации индивидов до того, как будет совершен террористический акт (т. е. будет совершено преступление) [27].

В ряде Европейских стран в образовательных учреждениях и в организациях, работающих с молодежью, на практике нашли свое применение системы индикаторов для оценки уязвимости индивидов [27]. К примеру, в рамках проекта SAFIRE (при поддержке ЕС), на основе консультаций со специалистами по борьбе с радикализацией (N=28), была разработана система наблюдаемых показателей (21 признак), которые были сгруппированы следующим образом: 1) идентичность и поиск идентичности; 2) ингрупповая и аугрупповая дифференциация; 3) социальное взаимодействие, способствующее насилию, сочетающееся с дистанцированием от привычного окружения (друзья и семья); 4) трансформация имиджа; 5) ассоциирование с экстремистскими группами [27].

В Великобритании в образовательных учреждениях и в организациях, работающих с молодежью, используется практическое руководство, направленное на диагностику уровней уязвимости к радикализации. Первый уровень включает когнитивно-эмоциональные особенности, которые делают человека уязвимым к воздействию со стороны террористической ор-

ганизации. Второй уровень объединяет ряд признаков, которые указывают на готовность индивида к применению насилия, в сочетании с дегуманизацией тех или иных категорий населения, на которых направлены действия террористических организаций. Наконец, третий уровень касается способности причинить вред (включает знания, умения и навыки, а также доступ к соответствующему оборудованию) [27].

В обоих случаях открытыми оказываются вопросы о психологических механизмах, по которым происходит радикализация, о теоретической модели, которая бы объясняла действие этих механизмов. Эти примеры наглядно демонстрируют, что модель оценки риска радикализации должна иметь под собой адекватную теоретическую основу: применимую для объяснения процесса радикализации, в которой отношения между переменными концептуализированы и опираются на экспериментальные факты. Любопытно, что В. Херрингтон и К. Робертс в главе, посвященной оценке риска и контртерроризму, приходят к сходному заключению: «При отсутствии инструментов оценки риска <...> вместо того, чтобы полагаться на субъективное мнение с сопутствующим риском предвзятости, оценке риска может помочь использование эмпирически подтвержденной теории из социальных наук» [14, с. 303]. В качестве примера такой теории авторы отдают предпочтение теории развития малой группы Такмена. С нашей точки зрения, кандидатом на роль такой теории является теория неопределенности — идентичности М. Хогга; рассмотрим ее основные положения.

Радикализация с точки зрения теории идентичности — неопределенности М. Хогга

В теории неопределенности — идентичности М. Хогга [16—20], основанной на идеях теории социальной идентичности Г. Тэшфела [29], предлагается психологический механизм радикализации, т. е. объясняется то, почему и как индивид осуществляет выбор в пользу группы с жесткими правилами. Преимущества данной теории по сравнению с другими объяснительными схемами радикализации состоят в следующем.

1. В качестве объяснительного конструкта используется социальная идентичность, т. е. индивидуальные действия определяются социальными силами [17]. Другими словами, уровень объяснения этой теории в терминах эпистемологического континуума В. Дуаза адекватен для объяснения процесса радикализации, поскольку позволяет говорить о групповых и межгрупповых процессах.

2. Подход социальной идентичности — одна из ключевых теоретических традиций европейской социальной психологии. Таким образом, имеет место не только концептуализация переменных теории, но и многократная проверка положений теории экспериментальным образом. Это говорит в пользу объяснительного потенциала теории неопределенности — идентичности, унаследованного от подхода социальной идентичности. Как отмечалось выше, объяснительные схемы процесса радикализации (так называемые частные теории) не получили систематической эмпирической проверки [22; 26].

3. Теория неопределенности — идентичности нацелена на рассмотрение мотивационного аспекта в рамках подхода социальной идентичности, она релевантна для объяснения процессов современного общества, ибо демонстрирует способ разрешения парадокса постмодернизма: получая свободу, индивид страдает от неопределенности (Что делать? Кем быть? Что думать? Что чувствовать?); как следствие, возникает стремление к определенности и абсолюту, что и делает привлекательными группы с жесткими правилами и идеологическими системами убеждений [20].

4. Наконец, теория неопределенности — идентичности апеллирует к историческим фактам: неопределенность в обществе сопровождается религиозным фанатизмом и предпочтением в пользу экстремистских и радикальных идей [21]. В качестве примеров, восходящих к событиям XX века, М. Хогг с коллегами указывают на Великую депрессию, которая привела к росту национально-политического экстремизма, обернувшись мировой войной и Холокостом, стоившим человечеству десятков миллионов жизней [21]. Неопределенность и неуверенность в завтрашнем дне, порожденные быстрыми технологическими, социокультурными и нормативными преобразованиями в США в 60—70 гг. прошлого столетия, сопровождалась интересом молодежи к экстремистским контркультурным движениям, религиозным культам и радикальным политическим организациям, которые в понимании М. Хогга с коллегами [21] соответствуют экстремистским. Этот список, несомненно, можно дополнить событиями XXI века. В такие исторические моменты, заставляющие людей переживать неопределенность, привлекательными оказываются радикальные и экстремистские воззрения в силу их однозначности и определенности, к которой стремится индивид, испытывающий чувство неопределенности.

Теория неопределенности — идентичности, восходя к идеям Г. Тэшфела, унаследовала ряд ключевых положений подхода социальной идентичности, в частности, трактовку социальной идентичности, под которой предлагается понимать «... знание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него принадлежности к этой группе» [29, с. 292]. Человеку необходимо это знание, поскольку именно из него он извлекает чувство self. С точки зрения подхода социальной идентичности, группа — это категория людей, разделяющих одну и ту же социальную идентичность, оценивающих себя сходным образом (ингруппа), отличающихся от людей с другой идентичностью (аутгруппа), стремящихся к поддержанию позитивной социальной идентичности [16]. Человек нуждается в устойчивом чувстве идентичности (Кто я такой? Где мое место в мире?), ибо неопределенность о себе затрудняет построение поведения в мире [7; 18]. Социальная идентичность является интернализированной групповой принадлежностью, она дает ответ на вопрос «Кто мы такие?» в том или ином контексте [18]. Последствия идентификации человека с группой таковы: обретение ценностей и норм этой группы и действие в соответствии с ними; влияние друг на друга; обретение чувство сходства с другими членами группы, взаимозаменяемость и доверие, готовность оказать помощь членам своей группы и ожидать того же от других; обретение смысла, цели и ценности своего существования, чувства эффективности и власти [14]. Таким образом, получая от группы социальную идентичность, индивид обретает определенность в отношении того, кем он является, каково его место в социальном мире, что ему думать, чувствовать и как поступать, как другие воспринимают его и каких действий от них ожидать [16; 17].

Человек может обладать рядом социальных и персональных идентичностей (другой вид идентичности, характеризующий человека в терминах личностных атрибутов). Важность той или иной социальной идентичности варьирует в зависимости от контекста, в определенный момент только одна идентичность является актуализированной; через призму этой социальной идентичности человек интерпретирует себя, воспринимает других и выстраивает свое социальное взаимодействие с окружающими [16]. Психологическому благополучию индивида способствует обладание рядом совместимых друг с другом позитивных социальных идентичностей [14].

К подходу социальной идентичности восходит тезис о том, что люди представляют группу или социальную категорию как некоторый прототип (расплывчатый набор атрибутов, объединяющих восприятие, аттитюды, чувства, и предписывающий индивиду то или иное поведение). Прототип позволяет говорить о том, что характеризует одну группу («мы — такие») и отличает ее от других групп («они — иные»).

В традиционном понимании в повседневной жизни человека все время окружает неопределенность, сопряженная с различными событиями: безработица, война, кризис, эпидемия. Кроме того, в современной ситуации глобализованного мира жизнь человека становится еще более непредсказуемой, непонятной и пугающей [21]. Она полна неопределенности на разных уровнях: глобализация, иммиграция, технический прогресс, неограниченный доступ к информации и пр. [18]. Процесс общения в современном мире трансформировался, его преимущественная часть связана с использованием информационно-коммуникативных технологий. Интернет, с точки зрения А. Хогга, — это своего рода инструмент для повышения дискомфорта от неопределенности. Не любая неопределенность мотивирует индивида к действиям, но только та, которая затрагивает его self, значима для него, на разрешение которой индивид тратит свою когнитивную энергию [19].

В теории неопределенности — идентичности можно обнаружить специфическую трактовку неопределенности, отличающуюся от тех, что имеются в психологическом знании (тема неопределенности не является новой, уже привлекала внимание ранее — Э. Фромм, Л. Фестингер, Д. Канеман [19]): 1) в фокусе внимания теории находятся социальная идентичность и коллективное Я; 2) неопределенность не является атрибутом личности, она зависит от контекста; 3) социально-когнитивный процесс позволяет трансформировать неопределенность в групповое поведение [20].

Чувство неопределенности ассоциировано с целым рядом вопросов, например: Кто я такой? Где мое место в этом мире? что нужно думать, чувствовать и как именно поступать в той или иной ситуации? Для того чтобы снизить это неприятное чувство неопределенности человек стремится к другим, которые помогут ему понять, что думать, как чувствовать и действовать. С одной стороны, важна роль коммуникации, которая позволяет получить нормативную информацию о прототипе ин- и аутгруппы, по сути, о социальной идентичности [5]. С другой стороны, социальная категоризация способствует снижению чувства неопределенности, поскольку она придает смысл миру и делает предсказуемым поведение в этом мире [5]. И чем больше человек испытывает чувство неопределенности, связанное с self, тем больше он стремится к группам с высокой энтитативностью. Характерными особенностями таких групп являются: наличие четких границ, внутренняя однородность, иерархическая структура группы и общность судьбы ее членов [19]. Привлекательность именно таких групп объясняется тем, что эти группы обладают специфическим прототипом: ясным, предписывающим, согласованным (любое инакомыслие исключается, так как оно способствует возникновению неопределенности, ставит под сомнение вопрос о валидности групповых норм, расшатывает межгрупповое отличие [5]).

Иначе говоря, люди, испытывая чувство неопределенности, становятся уязвимыми к разделению радикальных идей и членству в соответствующих группировках (с ортодоксальными или экстремистскими взглядами, имеющими жесткую идеологическую систему убеждений, авторитарное лидерство [5; 16]), поскольку таким образом индивиды получают простые и однозначные ответы на беспокоящие их вопросы, обретают искомую социальную идентичность, получают нормы и правила поведения, направление мыслей и чувств. Группа с ради-

кальными или экстремистскими взглядами становится основой для самоопределения. Происходящая трансформация объясняется контекстом, а не личностными диспозициями индивида, поскольку в ситуации неопределенности люди испытывают острую потребность в том, чтобы им указывали направление мыслей и действий, в результате предпочтение отдается авторитарному лидеру; те же самые люди вне ситуации неопределенности не отдают предпочтений ни такой группе, ни такому стилю лидерства [5].

Как подчеркивает М. Хогг, атрибуты групп, к которым стремится человек в ситуации неопределенности, напоминают нарциссизм, только на уровне группы [19]. В таких общностях ценностное сходство является определяющим признаком, ценности и установки переплетены с идеологическими системами, образуя, таким образом, прочную основу для объяснения и ответа на вопросы. Очевидно, что эти особенности эффективны для снижения неопределенности: присоединяясь к такой группе, человек получает всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность и чувство Я [16; 19]. Группы с экстремистскими или радикальными взглядами задают своим членам четкий стандарт того, что является правильным, а что ошибочным. Как следствие, члены группы получают однозначную основу для оценки представителей аутгруппы, дегуманизируя их, что в результате оправдывает любые действия в отношении этих людей [16]. Чем выше идентификация с такими группами у индивида, тем больше вероятность, что он будет вовлекаться в радикальные действия во имя этой группы, поскольку социальная идентичность, особенно если она единственная, эксклюзивная и ригидная, способствует мобилизации. Обратим особое внимание на это положение теории, оно позволяет проводить водораздел между участниками некоторой деятельности и сочувствующими, теми, кто имеет позитивные установки, но не имеет соответствующей социальной идентичности. Сочувствующие никогда не перейдут к конкретным действиям, что лишний раз говорит в пользу идентичности как механизма, который подталкивает к действию от имени группы [16].

Если обобщать суть теории неопределенности — идентичности, то представляется возможным говорить о том, что снижение неопределенности является собой трехступенчатый процесс: 1) человек испытывает неопределенность, переживая ее как некоторую угрозу в отношении self; 2) для того чтобы управлять неопределенностью, человек ищет группу (групповой прототип); 3) в ситуации неопределенности привлекательными оказываются не любые, а только определенные группы, дающие индивиду ясный, простой, четкий прототип. Как следствие: неопределенность снижается, ибо человек получает информацию о том, что думать, чувствовать и как поступать, а также чего именно ждать от окружающих, как взаимодействовать с ними [5]. Этот процесс отражает основное предположение теории неопределенности — идентичности, получившее многочисленную эмпирическую поддержку в экспериментальных исследованиях: в метааналитическом исследовании, реализованном на 35 исследованиях из 30 статей (N = 4,657), было показано, что неопределенность в отношении self усиливает групповую идентификацию [7].

Безусловно, речь не идет об экспериментальных исследованиях процессов радикализации в случае религиозного терроризма, но логика модели М. Хогга демонстрирует, что теория неопределенности — идентичности описывает психологический механизм, объясняющий то, почему и как люди присоединяются к группам с экстремистскими и радикальными взглядами, стремясь преодолеть чувство неопределенности и как следствие — почему они отдают предпочтение актам насилия, действуя от имени этих групп [5]. Кроме того, эта теория про-

демонстрировала свою действенность для объяснения того, почему подростки присоединяются к бандам [35].

Если вновь взглянуть на индикаторы, используемые в руководстве по оценке риска, только теперь через призму теории неопределенности — идентичности, то ряд признаков, которые были описаны в модели SAFIRE, становятся понятными в логике этой теории. Итак, индивид радикализуется не в одиночестве, но как член группы [32]. Именно группа конструирует определенную социальную реальность, именно группа задает социальную идентичность. Подчеркнем особо, что этой социальной идентичности присущи специфические особенности: она является всеохватывающей, ригидной, эксклюзивной и предписывающей в крайней степени [16; 19]. Как следствие, индивид, приобретая ее, отходит от привычных групп, что оборачивается дистанцированием от семьи и друзей, новая социальная идентичность заменяет собой все остальные социальные идентичности.

Если вернуться к другой системе оценки риска, где с помощью набора индикаторов предлагается путем наблюдения фиксировать особенности поведения радикализирующихся субъектов, то опять же параметры одного из уровней станут понятными через призму теории неопределенности — идентичности: так, группы с экстремистскими и радикальными взглядами задают своим членам четкий стандарт того, что является правильным, а что нет. Как следствие, члены группы получают однозначную основу для оценки представителей аутгруппы, включая их дегуманизацию, что в результате оправдывает любые действия в отношении этих людей [16]. Все это становится понятным, если опираться на логику групповых и межгрупповых процессов, представленных в подходе социальной идентичности в целом и в теории неопределенности — идентичности — в частности.

Позволим заметить, что распознавание признаков, связанных с радикализацией, в обеих системах свидетельствует в пользу того, что индивид под вопросом прошел значительную часть пути под названием «радикализация» (в соответствии с определением, использованным выше [21], это путь, ведущий к легитимизации терроризма). В связи с этим технология оценки риска должна опираться на такие способы диагностики, которые позволили бы распознать признаки радикализации на более ранней стадии. И в том смысле теория неопределенности — идентичности М. Хогга [16—20] является той самой теоретической рамкой, которая имеет потенциал для разработки модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Заключение

Итак, в фокусе нашего внимания в настоящей работе оказалось обсуждение потенциала социально-психологического знания для оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде. Если опираться на определение, согласно которому «...оценка риска может быть определена как попытка предсказать вероятность будущего, обычно негативного события, путем рассмотрения факторов, которые, как считается, связаны с вероятностью события» [15, с. 283], то необходимо принимать во внимание тот факт, что существуют серьезные препятствия для того, чтобы оценить или спрогнозировать риск радикализации. Во-первых, это касается проблемы прогноза в психологии в целом [4; 11]. Попытка предсказать то, как будет действовать тот или иной индивид, скорее всего базируется на постулатах теоретической модели или закономерности и требует особой аккуратности в применении [27]. Во-вторых, речь идет о препятствии этического характера. Построение прогноза в случае радикализации сопряжено с опасностью надления человека «ярлыком» относительно риска

участия в терроризме, в то время как субъект не будет осуществлять действий террористического характера [27]. Отсюда необходимость адекватного инструмента для того, чтобы построить прогноз.

В ситуации отсутствия инструментов оценки риска эмпирически проверенной теорией, адекватной для объяснения процесса радикализации (принимая во внимание, что человек не радикализуется в одиночестве, совершение действий, сопряженных с крайним насилием, не является автоматическим продолжением экстремальных (или радикальных) идей), выступает теория неопределенности — идентичности М. Хогга, основные положения которой и были рассмотрены выше.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик. 2017. 226 с.
2. Гомес А. Различия между джихадистами и нерадикальными мусульманами и программы дерадикализации в Испании. Научно-методологический семинар «Психология экстремизма, радикализации и дерадикализации». Москва, МГППУ, 11 мая 2021 [Электронный ресурс] // Канал МГППУ на YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kEiNNpK0uoQ> (дата обращения: 14.03.2022).
3. Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 14–34.
4. Юревич А.В. Методология и социология психологии. М.: Институт психологии РАН, 2010. 272 с.
5. Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication // *Advances in Group Processes* / S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.). Bingley: Emerald Publishing Limited. 2019. P. 61–77. doi:10.1108/S0882-614520190000036006
6. Brugh C.S., Desmarais S.L., Simons-Rudolph J., Zottola S.A. Gender in the jihad: Characteristics and outcomes among women and men involved in jihadism-inspired terrorism // *Journal of Threat Assessment and Management*. 2019. Vol. 6. P. 76–92. doi:10.1037/tam0000123
7. Choi E.U., Hogg M.A. Self-uncertainty and group identification: A meta-analysis // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2019. P. 1–19. doi:10.1177/1368430219846990
8. Cronin A.K. Behind the curve. Globalization and international terrorism // *International Security*. 2002/2003. Vol. 27. P. 30—58.
9. Doise W. Levels of explanation in social psychology. Cambridge : Cambridge University Press. 1986. 242 p.
10. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69 (3). P. 586–604. doi:10.1111/josi.12030
11. Fowler J.C. Suicide risk assessment in clinical practice: pragmatic guidelines for imperfect assessments // *Psychotherapy*. 2012. Vol. 49(1). P. 81–90.
12. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69(3) P. 495–517. doi:10.1111/josi.12026
13. Global Terrorism database. 2020. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (дата обращения: 26.01.2022).

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации
в подростково-молодежной среде:
потенциал социально-психологического знания
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B.
Radicalisation among Young People:
In Search of Risk Assessment Model

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223.

14. *Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The new psychology of health. London: Routledge, 2018. 490 p.
15. *Herrington V., Roberts K.* Risk assessment in counterterrorism // *Countering terrorism: Psycho-social strategies* / U. Kumar, M.K. Mandal (eds.). London, United Kingdom: Sage, 2012. P. 282–305.
16. *Hogg M.A.* Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism // *Extremism and psychology of uncertainty* / M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 19–35.
17. *Hogg M.A.* Social identity theory // *Contemporary social psychological theories* / P.J. Burke (ed.). Palo-Alto: Stanford University Press, 2006. P. 111–136.
18. *Hogg M.A.* To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty // *Revista de Psicologia Social*. 2015. Vol. 30. P. 586–613. doi:10.1080/02134748.2015.1065090
19. *Hogg M.A.* Uncertainty-identity theory // *Advances in experimental social psychology*. Vol. 39 / M.P. Zanna (ed.). San Diego, CA: Academic Press, 2007. P. 69–126.
20. *Hogg M.A.* Uncertainty-identity theory // *Handbook of theories of social psychology* / P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). London: Sage Publications Ltd, 2012. P. 62–80. doi:10.4135/9781446249222.n29
21. *Hogg M., Kruglanski A., Van den Bos K.* Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69(3). P. 407–418.
22. *King M., Taylor D.M.* The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // *Terrorism and Political Violence*. 2011. P. 602–622. doi:10.1080/09546553.2011.587064
23. *Knudsen R.A.* Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2020. Vol. 12(1). P. 37–54. doi:10.1080/19434472.2018.1509105
24. *Koomen W., Van der Pligt J.* Introduction // *The Psychology of Radicalization and Terrorism* / W. Koomen, J. van der Pligt (eds.). New York: Routledge, 2016. P. 1–10.
25. *Kruglanski A., Fishman S.* Psychological Factors in Terrorism and Counterterrorism: Individual, Group, and Organizational Levels of Analysis // *Social Issues and Policy Review*. 2009. Vol. 3. P. 1–44. doi:10.1111/j.1751-2409.2009.01009.x
26. *McCauley C.* The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization // *Terrorism and Political Violence*. 2020. Vol. 34. P. 451–459. doi:10.1080/09546553.2020.1763964
27. *Sarma K.M.* Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72(3). P. 278–288. doi:10.1037/amp0000121
28. *Silke A.* The study of terrorism and counterterrorism // *Routledge Handbook of terrorism and counterterrorism* / A.Silke (ed.). New York: Routledge, 2019. P. 1–10.
29. *Tajfel H.* La catégorisation sociale // *Introduction à la psychologie sociale* / S. Moscovici (ed.). Paris: Larousse, 1972. P. 272–302.
30. *Trimbur M.* Les terroristes et personnes radicalisées ont-ils des troubles mentaux ? Une revue systématique de la littérature. Thèse pour le diplôme d’Etat de docteur en médecine. Lille: Université de Lille, 2019. 141 p.

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации
в подростково-молодежной среде:
потенциал социально-психологического знания
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B.
Radicalisation among Young People:
In Search of Risk Assessment Model

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223.

31. *van Stekelenburg J., Klandermans P.G.* Radicalization // Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective / A. Azzi, X. Chryssochoou, B. Klandermans, B. Simon (eds.). Blackwell Wiley, 2010. P. 181–195.
32. *van Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans P.G.* No radicalization without identification: How ethnic Dutch and Dutch Muslim web forums radicalize over time // Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective / A. Azzi, X. Chryssochoou, B. Klandermans, B. Simon (eds.). Blackwell Wiley, 2010. P. 256–274.
33. *Victoroff J.* The Mind of the Terrorist: A Review and Critique of Psychological Approaches // Journal of Conflict Resolution. 2005. Vol. 49. P. 3–42. doi:10.1177/0022002704272040
34. *Wieviorka M.* From the “classic” terrorism of the 1970s to contemporary “global” terrorism // Societies under threat / D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska (eds.). Cham: Springer, 2020. P. 75–85.
35. *Woo D.J., Giles H., Hogg M.A., Goldman L.* A social psychology of gangs: An intergroup analysis // Handbook of gangs and gang responses / S.H. Decker, D.C. Pyrooz (eds.). New York: Wiley-Blackwell, 2015. P. 186–212.

References

1. Baudrillard J. Dukh terrorizma. Voyny v Zalive ne bylo [Spirit of terrorism. The Gulf War will not take place]. Moscow: Ripol-Klassik. 2017. 226 p. (in Russ.).
2. Gomez A. Razlichiya mezhdu dzhikhadistami i neradikal'nymi musul'manami i programmy deradikalizatsii v Ispanii. Nauchno-metodologicheskii seminar “Psikhologiya ekstremizma, radikalizatsii i deradikalizatsii” [Differences between jihadists and non-radical Muslims and deradicalization programs in Spain. Scientific and methodological seminar “Psychology of extremism, radicalization and deradicalization”], Moskva, MGPPU, 11 maya 2021 [Elektronnyi resurs]. *Kanal MGPPU na YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kEiNNpK0uoQ> (Accessed 14.03.2022). (In Russ.).
3. Rakitov A.I. Novyi podkhod k vzaimosvyazi istorii, informatsii i kul'tury: primer Rossii. *Voprosy filosofii = Voprosy Filosofii*, 1994, no. 4, pp. 14–34. (In Russ.)
4. Yurevich A.V. Metodologiya i sotsiologiya psikhologii. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2010. 272 p. (in Russ.).
5. Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In: S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.). *Advances in Group Processes*. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019, pp. 61–77. doi:10.1108/S0882-614520190000036006
6. Brugh C.S., Desmarais S.L., Simons-Rudolph J., Zottola S.A. Gender in the jihad: Characteristics and outcomes among women and men involved in jihadism-inspired terrorism. *Journal of Threat Assessment and Management*, 2019, pp. 76–92. doi:10.1037/tam0000123
7. Choi E.U., Hogg M.A. Self-uncertainty and group identification: A meta-analysis. *Group processes and intergroup relations*, 2019, pp. 1–19. doi:10.1177/1368430219846990
8. Cronin A.K. Behind the curve. Globalization and international terrorism. *International Security*, 2002/2003. Vol. 27, pp. 30–58.
9. Doise W. Levels of explanation in social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 242 p.

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации
в подростково-молодежной среде:
потенциал социально-психологического знания
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B.
Radicalisation among Young People:
In Search of Risk Assessment Model

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223.

10. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, pp. 586–604. doi:10.1111/josi.12030
11. Fowler J.C. Suicide risk assessment in clinical practice: pragmatic guidelines for imperfect assessments. *Psychotherapy*, 2012. Vol. 49, pp. 81–90.
12. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 495–517. doi:10.1111/josi.12026
13. Global Terrorism database. 2020. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (Accessed 26.01.2022).
14. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The new psychology of health*. London: Routledge, 2018. 490 p.
15. Herrington V., Roberts K. Risk assessment in counterterrorism. In: U. Kumar, M.K. Mandal (eds.). *Countering terrorism: Psychosocial strategies*. London, United Kingdom: Sage, 2012, pp. 282–305.
16. Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In: M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012, pp. 19–35.
17. Hogg M.A. Social identity theory. In: P.J. Burke (ed.). *Contemporary social psychological theories*. Palo-Alto: Stanford University Press, 2006, pp. 111–136.
18. Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicología Social*, 2015. Vol. 30, pp. 586–613. doi:10.1080/02134748.2015.1065090
19. Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In: M.P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. Vol. 39. San Diego, CA: Academic Press, 2007, pp. 69–126.
20. Hogg M. A. *Uncertainty-identity theory*. In P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. London: Sage Publications Ltd, 2012, pp. 62–80. doi:10.4135/9781446249222.n29
21. Hogg M., Kruglanski A., K. Van den Bos. Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 407–418.
22. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence. *Terrorism and Political Violence*, 2011, pp. 602–622 doi:10.1080/09546553.2011.587064
23. Knudsen R.A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2020. Vol. 12, no. 1, pp. 37–54. doi:10.1080/19434472.2018.1509105
24. Koomen W., Van der Pligt J. Introduction. In: W. Koomen, J. van der Pligt (eds.). *The Psychology of Radicalization and Terrorism*. New York: Routledge, 2016, pp.1–10.
25. Kruglanski A., Fishman S. Psychological Factors in Terrorism and Counterterrorism: Individual, Group, and Organizational Levels of Analysis. *Social Issues and Policy Review*, 2009. Vol. 3, pp. 1–44. doi:10.1111/j.1751-2409.2009.01009.x
26. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization. *Terrorism and Political Violence*, 2020. Vol. 34, pp. 451–459. doi:10.1080/09546553.2020.1763964
27. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. *American Psychologist*, 2017. Vol. 72, no. 3, pp. 278–288. doi:10.1037/amp0000121

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации
в подростково-молодежной среде:
потенциал социально-психологического знания
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B.
Radicalisation among Young People:
In Search of Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223.

28. Silke A. The study of terrorism and counterterrorism. In: A. Silke (ed.). *Routledge Handbook of terrorism and counterterrorism*. New York: Routledge, 2019, pp. 1–10.
29. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, 1982. Vol. 33, pp. 1–39. doi:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245
30. Trimbур М. Les terroristes et personnes radicalisées ont-ils des troubles mentaux ? Une revue systématique de la littérature. Thèse pour le diplôme d’Etat de docteur en médecine. Lille: Université de Lille, 2019. 141 p.
31. van Stekelenburg J., Klandermans P.G. Radicalization. In: A. Azzi, X. Chrysochoou, B. Klandermans, B. Simon (eds.). *Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective*. New York: Wiley Blackwell, 2010, pp. 181–195.
32. van Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans P. G. No radicalization without identification: How ethnic Dutch and Dutch Muslim web forums radicalize over time. In: A. Azzi, X. Chrysochoou, B. Klandermans, B. Simon (eds.). *Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective*. Blackwell Wiley, 2010, pp. 256–274.
33. Victoroff J. The Mind of the Terrorist: A Review and Critique of Psychological Approaches. *Journal of Conflict Resolution*, 2005. Vol. 49, pp. 3–42. doi:10.1177/0022002704272040
34. Wiewiorka M. From the “classic” terrorism of the 1970s to contemporary “global” terrorism. In: D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska (eds.). *Societies under threat*. Cham: Springer, 2020, pp. 75–85.
35. Woo D.J., Giles H., Hogg M.A., Goldman L. A social psychology of gangs: An intergroup analysis. In: S.H. Decker, D.C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs and gang responses*. New York: Wiley-Blackwell, 2015, pp. 186–212.

Информация об авторах

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Docent, Dean, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Docent, Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации
в подростково-молодежной среде:
потенциал социально-психологического знания
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223.

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B.
Radicalisation among Young People:
In Search of Risk Assessment Model
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223.

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Получена 14.04.2022
Принята в печать 14.05.2022

Received 14.04.2022
Accepted 14.05.2022

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
PROBLEMS OF TRAINING OF SPECIALISTS IN LEGAL PSYCHOLOGY

**Тренинги офлайн или онлайн: тенденции
в подготовке юридических психологов**

Богданович Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Делибалт В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Дегтярёв А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

В данной статье раскрываются особенности подготовки психологов для проведения развивающей и психокоррекционной деятельности в контексте юридической психологии. Даются определения и дифференциация этих видов деятельности, а понятие «тренинг» определяется в качестве групповой формы их реализации. Отмечаются этапы подготовки специалистов: клиентский опыт, теоретическая подготовка, практикум, практика. Описываются алгоритмы разработки развивающих и психокоррекционных тренингов, в том числе раскрываются четыре логики разработки тренинговых программ: содержательная логика, логика тренинговой программы, логика тренингового «дня», логика смены активностей. Выделяется специфика онлайн-тренингов: ограничения такого формата и возможности их преодоления. Подчеркивается важность супервизий в становлении компетенций обучающихся, а также формирования компетенций в области супервизорского анализа тренингов. В целом, делается вывод о необходимости расширения подготовки психологов за счет овладения интернет-технологиями.

Ключевые слова: тренинг, психокоррекция, развивающая деятельность, онлайн-тренинг, подготовка юридических психологов.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь студентов и магистрантов факультета «Юридическая психология» ФГБОУ ВО МГППУ 2018, 2019, 2020 и 2021 годов набора.

Для цитаты: *Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярёв А.В.* Тренинги офлайн или онлайн: тенденции в подготовке юридических психологов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 224–238. DOI:10.17759/psylaw.2022120216

Online and Offline Training: Trends in Education of Specialists in the Field of Forensic and Legal Psychology

Bogdanovich N.V.

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Delibalt V.V.

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Degtyarev A.V.

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

This article reveals the features of training psychologists for developmental and psycho-corrective activities in the context of legal psychology. Definitions and differentiation of these activities are given, and the concept of “training” is defined as a group form of their implementation. These stages in training of specialists are noted: client experience, theoretical training, workshop, practice. The algorithms for designing of developmental and psycho-corrective trainings are described, including four types of logic for the development of training programs: the content logic, the logic of the training program, the logic of the training “day”, the logic of activity switching. The specifics of online trainings are highlighted: the limitations of this format along with the possibilities for overcoming them. The study emphasizes the importance of supervision in the development of students' expertise, as well as the formation of their expertise in the field of supervisory analysis of trainings. On the whole, the study concludes the need to expand the scope of training of psychologists by helping them to master Internet technologies.

Keywords: training, psychological correction, developmental activities, online training, development of skills, education of psychologists.

Acknowledgements. the authors express their gratitude to the students and undergraduates of the Faculty of Legal Psychology of Moscow State University of Psychology and Education (enrolled in 2018–2021) for their assistance.

For citation: Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. Online and Offline Training: Trends in Education of Specialists in the Field of Forensic and Legal Psychology. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 224–238. DOI:10.17759/psylaw.2022120216 (In Russ.).

Тренинг как форма развивающей и психокоррекционной деятельности в контексте девиантного поведения

Психологические тренинги как форма развивающей работы уже давно заняли принадлежащее им по праву ведущее место одних из самых действенных методов психологической работы с разными категориями клиентов. Проверка их эффективности через проведение формирующего эксперимента почти всегда показывает высокие результаты.

Намного меньше описано, хоть также востребовано, проведение психокоррекционной работы с различными видами девиантного поведения. Однако по сравнению с развивающей деятельностью психолога психокоррекция реже ассоциируется с тренингами.

На наш взгляд, этому способствует некая традиция, в которой не признается, что под термином «тренинг» понимается особая форма взаимодействия психолога, а именно — групповая, где все участники имеют равные возможности, что закреплено в пространственном размещении — в круге.

Чтобы разобраться с терминологией, важной для данной статьи, начнем с определения двух видов деятельности, которые мы неоднократно упоминали. Так, под *развивающей работой* предлагается понимать деятельность психолога, направленную на изменение исходного состояния субъекта в направлении желаемого, а *психокоррекцию* — как деятельность психолога, направленную на исправление (преодоление) имеющихся отклонений от норм (в первую очередь, возрастных, но в случае юридической психологии — социальных) [8; 11; 12; 19], а, следовательно, речь идет не столько о психических процессах (проблемы с памятью, вниманием, мышлением и т. д.), но и о поведении.

Таким образом, главное различие развивающей деятельности и психокоррекции — это наличие нормативного предписания. В рамках развивающей работы клиент находится в ситуации, где он повышает свои способности, навыки, расширяет поведенческие стратегии в тех областях, где он сам (или его окружение) видит необходимость в развитии. Это желательное, но не обязательное направление изменений; например, развитие лидерских способностей, креативности и т. д. нигде не описывается как необходимость. Некоторое исключение составляет профессиональная деятельность (например, профессиограмма того или иного специалиста), но все равно по большому счету это скорее рекомендация, чем предписание.

В случае психокоррекции дело обстоит по-другому. В этой деятельности всегда есть проблема с отклонением от норм. Большинство психологов согласны с тем, что в рамках общей психокоррекции речь идет о психической норме, т. е. работа ведется с людьми без психиатрических диагнозов. Однако тогда встает вопрос: о каких нормах идет речь. И тут есть несколько ответов. Во-первых, традиционно психокоррекция имеет дело с отклонениями от возрастных норм, и это в первую очередь касается развития психических процессов. Во-вторых, в рамках юридической психологии существует понятие социальных (в первую очередь юридических) норм, что, соответственно, отражается в поведении человека. Конечно, сейчас остро стоит проблема подвижности социальных норм. Но уже разработано немало программ, посвященных снижению девиантного поведения, в частности агрессивного или зависимого.

Среди психологов есть представление о том, что все, что связано с понижением чего-либо, можно отнести к психокоррекции, а с повышением — к развивающей деятельности. Отсюда возникает интересный, на наш взгляд, вывод: поскольку в психике все взаимосвязано, то невозможно что-то снизить без того, чтобы что-то повысить. Поэтому часто психокоррекцию называют коррекционно-развивающей работой. Получается, что психокоррекция — это более сложный вид деятельности, чем развивающая работа.

Подготовка в вузе

Определившись с основными характеристиками развивающей деятельности и психокоррекции, необходимо вернуться к тому, как они представлены в системе высшего образования.

Подготовка психологов (в частности, юридических) происходит в соответствии с государственными образовательными и профессиональными стандартами. И в тех, и в других стан-

дартах есть требования по применению психологами и развивающей, и психокоррекционной деятельности. Так, в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 37.03.01 «Психология» выделяется коррекционно-развивающий тип профессиональной деятельности, а далее в ряду общепрофессиональных компетенций в группе «Психологическое вмешательство» (развитие, коррекция, реабилитация) уже происходит разделение на две деятельности: ОПК-5. Способен выполнять организационную и техническую работу в реализации конкретных мероприятий профилактического, развивающего, коррекционного или реабилитационного характера [16].

И в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования — магистратура по направлению подготовки 37.04.01 «Психология» тоже выделен тот же тип профессиональной деятельности, в той же группе общепсихологических компетенций предлагается более глубокая формулировка компетенции: ОПК-5. Способен разрабатывать и реализовывать научно обоснованные программы вмешательства профилактического, развивающего, коррекционного или реабилитационного характера для решения конкретной психологической проблемы отдельных лиц, групп и (или) организаций [17].

При анализе Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 44.05.01 «Педагогика и психология девиантного поведения» среди типов профессиональной деятельности выделена коррекция. ОПК-10 содержит следующую формулировку: Способен реализовывать программы коррекции девиантного поведения и ресоциализации несовершеннолетних с девиантным поведением [15].

Таким образом, все образовательные стандарты, по которым осуществляется подготовка юридических психологов, в той или иной степени требуют освоения психокоррекции как типа профессиональной деятельности. Анализ профессиональных стандартов, регламентирующих работу юридических психологов, показал, что в них заложена развивающе-коррекционная деятельность [2].

В связи с этим встает вопрос о том, как это реализовать в учебном процессе в рамках подготовки в высшем учебном заведении [18].

Нами уже был описан общий подход, реализуемый на факультете Юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ [3], поэтому сейчас мы подробнее коснемся организации процесса подготовки специалистов в рамках развивающей и психокоррекционной деятельности.

В ходе подготовки юридических психологов нами были сформулированы довольно сложные задачи: научить студентов (вне зависимости от направления подготовки) разрабатывать и реализовывать развивающие программы, а затем на их основе — психокоррекционные (в рамках бакалавриата решается частично, так как предполагается, что бакалавры продолжат свое обучение в магистратуре).

Для решения данной задачи используются классические шаги: сначала на первом курсе все студенты проходят тренинги, получая клиентский опыт; далее уже на более старших курсах дается лекционный материал, где излагаются алгоритмы разработки тренинговых программ; затем идет практикум, в рамках которого студенты применяют полученные алгоритмы для разработки, а потом и для реализации этих разработок в рамках своих подгрупп под супервизией преподавателей. После прохождения практикума студенты выходят на базы практики, составляют свои программы под конкретные запросы и проводят тренинги с клиентами. Немного более сложная схема — при реализации такой дисциплины как «специальная подготовка», которая была предусмотрена стандартом «Педагогика и психология девиантного поведения», где практикум переплетен с практикой.

Разработка тренинговых программ

Таким образом, со студентами начинается обсуждение следующих положений.

Любой вид деятельности психолога начинается с *запроса*. Можно выделить несколько типов запросов. Наиболее распространен запрос-заказ, когда не сам клиент приходит к психологу, а его отправляет заказчик. Это может быть родитель, учитель, работодатель и т. д. Особенностью данного типа запроса является немотивированность клиента, так как он может искренне не понимать, зачем ему психолог. Иногда бывает, что действительно помощь нужна не ему, а заказчику.

Второй тип запросов — это собственно запрос. Психологи уже давно обсуждают проблему развития психологической культуры общества с целью повышения такого рода запросов, когда люди начинают понимать, с чем можно обращаться за психологической помощью, и само оказание психологической помощи становится нормой.

Третий тип запросов — самозапрос, когда заказчиком психологической помощи является сам психолог. Наличие психологических проблем у клиентов может быть выявлено через различные методы психодиагностики.

После получения запроса необходимо провести ряд действий, связанных с переформулированием запроса с использованием психологической терминологии, что связано с формулировкой и проверкой гипотез (то ли, что входит в содержание запроса, подразумевает клиент). Иногда бывает, что достижение цели развивающей или психокоррекционной деятельности может привести к ряду артефактов. Так, например, развитие креативности приводит к действию не по правилам, следовательно, к более девиантному поведению. А тренинг на развитие мотивации — к смене работы. Такие последствия важно обсудить с клиентом или заказчиком до начала работы.

Уточнение запроса может проводиться с помощью психодиагностики, которая может состоять и в наблюдении, и в беседе, и в проведении тестирования. Отметим, что часто в рамках развивающей работы психодиагностический этап является необязательным или проводится в рамках уже реализуемых занятий. В случае психокоррекции многие психологи отмечают его обязательность. Наличие и величина отклонений (не связанных с психическими проблемами) будут напрямую влиять на содержание психокоррекционной программы.

Кроме того, психодиагностика дает представление о группе, в рамках которой предполагается проведение развивающей или психокоррекционной деятельности. Иногда есть возможность повлиять на состав группы (если работа проводится не с естественной группой: классом, рабочим коллективом и т. д.). В этом случае необходимо опереться на знание того, что в гетерогенной группе (участники которой различаются такими характеристиками, как пол, возраст, социальный статус, наличие вариативности по различным психологическим свойствам и качествам) будет более высокая динамика, а следовательно, изменения будут идти быстрее и глубже.

После установления феномена, с которым предполагается работа, формулируется *цель тренинга*. В случае и развивающей, и психокоррекционной деятельности цель должна быть позитивной, т. е. не содержать отрицания (борьба с тревожностью, устранение агрессии и т. д.). Особенно это важно в случае психокоррекционной работы, когда необходимо учитывать, через действие какого механизма будет идти психокоррекция. Современная психология исходит из идеи целостности психики и ее баланса. Нельзя что-то снижать (особенно такие энергетически емкие феномены, как агрессия, тревожность) без повышения каких-то других феноменов. Обычно говорят о развитии уверенности, расширении репертуара стратегий разрешения конфликтов и т. д. Еще одним требованием является достижимость цели. Очень

часто цель ставится расплывчато и недостижимо. Например, говорят о развитии общения или вообще о формировании личности. Понятно, что достижение такого рода целей потребует чуть ли не целой жизни клиента. Иными словами, цель должна не только входить в сферу компетентности специалиста, но и быть по силам клиенту. Не менее важно, чтобы цель формулировалась конкретно, была описана как определенный результат, а не процесс. И, наконец, цель должна быть измеримой, т. е. она должна позволять оценивать эффективность проделанной работы.

Постановка цели позволяет задуматься о **названии** тренинговой программы. Можно выделить два типа названий:

- рекламное (брендовое). Служит для привлечения клиентов (должно быть им понятно и привлекательно). Например, «Давайте жить дружно!»;
- научно-методическое. Предназначено для коллег-психологов для проведения научно-методической экспертизы, для обмена опытом. Оно должно содержать название психологического феномена и обозначение вида деятельности (развивающая программа или психокоррекция). Например, «Развитие креативности».

Формулировка цели тесно связана и с поиском и/или разработкой **теоретической модели тренинговой программы**. Данная модель должна быть инструментальной, измеримой и полной (желательно системной). Иногда можно найти уже существующую модель, которая разработана в рамках какой-либо теории. Так, для развития креативности можно воспользоваться теорией Д. Гилфорда и П. Торренса, в которой выделяются четыре компонента креативности: беглость, гибкость, оригинальность, разработанность. Можно говорить о нескольких видах специфических моделей: статических и динамических. В первых идет речь о структуре феномена, т. е. перечисляются структурные компоненты, редко обозначаются связи между ними (что жаль, так как это позволило бы уловить порядок формирования данных компонентов). В динамических моделях как раз делается акцент на разворачивании какого-либо феномена во времени, что дает представление о формировании данного феномена. Так, модель Д. Гилфорда и П. Торренса можно отнести к статическим, а теорию планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий П.Я. Гальперина — к динамическим.

Но порой приходится пользоваться, как мы ее называем, общепсихологической моделью, которая делит любой феномен на когнитивный, эмоциональный и регуляторный компоненты.

Иногда разработчики делают более сложную модель, синтезируя несколько теоретических подходов. Так, если автором теории предложены не очень инструментальные компоненты, то для каждого из них приходится искать свою теоретическую модель, при этом важно, чтобы методологически было все однородно. Другой вариант создания сложной модели, когда авторы тренинга совмещают структурную и динамическую модели (например, при разработке темы разрешения конфликта).

Более сложная работа с теоретической моделью предстоит в рамках психокоррекционной деятельности, так как там работа идет с двумя феноменами: первый фиксирует отклонение от нормы (например агрессию), второй определяет механизм исправления данного отклонения (например, развитие саморегуляции). Для того чтобы создать собственно психокоррекционную программу необходимо не просто регламентировать, но совместить теоретические модели данных феноменов. И это может оказаться не легко, в первую очередь из-за разницы в методологической основе. Однако в психокоррекции данная проблема должна решаться в том числе и для психодиагностического этапа, так как необходимо отслеживать наличие отклонения и динамику его преодоления, а тем самым подбор психодиагностических методов и

методик тоже связан с теоретической моделью. И в этом можно найти подсказку. В основе почти любой психодиагностической методики лежит инструментальная теоретическая модель.

Можно заметить, что существуют проблемы с выбором теоретической модели, поэтому нами уже был поставлен вопрос о необходимости создания банка теоретических моделей [4].

Важность проработки теоретической модели тренинга заключается в том, что она ляжет в основу задач и блоков тренинга, обеспечит содержательную логику тренинговой программы.

Так по отношению к **задачам** (которые часто путают с этапами: установить контакт, стимулировать мотивацию к прохождению тренинга, содействовать сплоченности группы, обеспечить выход из групповой работы — перенос опыта из искусственной среды в естественную) должно соблюдаться требование содержательности, т. е. каждая задача должна быть специфична для конкретной цели тренинга. Основываясь на теоретической модели довольно легко сформулировать задачи. Так, пользуясь моделью креативности Д. Гилфорда и П. Торренса возможны следующие формулировки задач:

- увеличить скорость выдвижения идей;
- развить самобытность, уникальность, специфичность творческого мышления;
- повысить способность детально разрабатывать придуманные идеи;
- расширить разнообразие идей и стратегий, сформировать способность переходить от одного аспекта к другому.

Можно заметить, что каждая задача соответствует выделенным в теоретической модели компонентам. Другой вопрос — о расположении этих задач. Но к этому мы вернемся, когда будем говорить о **логике** построения тренинговой программы.

Исходя из запроса, феномена, характеристик групп и остальных факторов, необходимо запланировать **время** тренинга. Выделяют несколько видов тренинга: собственно тренинг, тренинг-интенсив, тренинг-марафон. Собственно тренинг проводится 1—2 раза в неделю, продолжительностью от 45 минут до 3 часов. Тренинг-интенсив проводится иногда на выезде, отличается длительностью (6—8 часов). Тренинги-марафоны продолжаются несколько дней, поэтому проводятся на выезде.

Тренинговые логики. Конечно, для определения продолжительности программы необходимо понять, сколько будет тренинговых дней. Для этого необходимо построить **содержательную логику** — это системообразующий фактор, который позволяет выстроить тренинговую программу в направлении цели.

Для выстраивания содержательной логики необходимо ориентироваться на задачи. Если выбрана достаточно инструментальная модель, то они становятся целями основных блоков тренинговой программы, которые могут содержать в себе несколько тренинговых дней. Соответственно, целями этих дней становятся подзадачи.

Если модель многоаспектная, то каждая задача может стать целью одного тренингового дня.

В соответствии с целями тренинговых дней ищутся пиковые упражнения, т. е. те, в которых происходит наибольшее воздействие для изменения в нужном направлении. Можно проследить данную логику через тематический план.

Далее необходимо воспользоваться **логикой построения программы**. Как мы знаем, тренинговая группа проходит через определенные стадии своего развития. В соответствии с этими стадиями можно расставить задачи в определенном порядке, чтобы динамика группы способствовала нужным процессам изменения. Так, если взять универсальную модель, то первым блоком пойдет когнитивная часть, когда осознание необходимых изменений наложится на «эйфорию», что будет способствовать мотивации клиентов. Фазу конфликта, соот-

ветственно, можно наложить на блок работы с эмоциями, когда участники будут переживать опыт изменений. Предпоследняя фаза — конструктивная — совпадает с блоком регуляции, что, собственно, даст возможность для апробации измененных конструкторов. И, наконец, последняя фаза выхода позволит интегрировать полученный опыт и спроецировать его.

Специфические модели тоже могут быть наложены в соответствии с логикой построения программы. Так, в уже обсуждаемой модели креативности можно условно разделить блоки на проблематизирующие, конфликтные и продуктивные, соответственно фазам развития группы. Таким образом, первой задачей можно поставить увеличение скорости выдвижения идей; далее пойдет задача, способствующая решению конфликта — расширить разнообразие идей и стратегий, сформировать способность переходить от одного аспекта к другому; на продуктивной фазе следует отработать задачу повышения способности детально разрабатывать придуманные идеи; на фазе выхода — развить самобытность, уникальность, специфичность творческого мышления.

Соответственно каждой задаче формируются блоки: «Скорость выдвижения идей», «Разнообразие идей», «Детальная проработка идей», «Творческое мышление».

Следующая логика — *логика дня* — выдвигает свои требования для подбора упражнений. Мы выделили четыре типа таких логик в зависимости от положения кульминации — пикового упражнения.

Так, в соответствии с первым типом (довольно редко используемым) кульминация стоит сразу после начала тренингового дня. Обычно это связано с самодиагностикой участников тренинга — они понимают, что данный навык, способность и т. д., нужно развивать и до конца дня есть энергия для различных упражнений.

Второй тип предлагает кульминацию в конце тренингового дня. Часто это связано с тем, что предыдущие упражнения дают опыт развития элементов, а в пиковом упражнении участникам предлагается применить полученный опыт целиком.

Третий тип является самым распространенным, когда кульминация расположена в середине тренингового дня. Так есть возможность для подготовки участников к пиковому управлению, а затем интеграции опыта.

Четвертый тип логики дня обычно используют для интенсивных тренингов, в которых предполагается обеденный перерыв. Соответственно, при подготовке такой программы нужно учесть, что пиков будет два — в первой и во второй половине дня. Конечно, в рамках этого типа возможны вариации.

И еще одна логика, которую необходимо учитывать при разработке программы тренингов — это *логика смены активности*. Уже при выборе упражнений необходимо учитывать, какое оно по активности — вербальное или двигательное. Среди творчески направленных упражнений (арттерапевтических) можно выделить разные модусы этой активности — танцевально-двигательные, художественные (рисование, лепка и т. д.). Активность переключается, когда группа разбивается на пары, подгруппы, когда передвигаются по помещению или вне его. Можно использовать классификацию И.В. Вачкова, где упражнения направлены на разные пространства (внутриличностные, межличностные и предметные) и времена (прошлое, настоящее, будущее) [6; 7]. Переключение активности позволяет поддержать динамику группы в течение дня.

Проверить, что тренинговая программа построена с учетом данных логик, позволяет так называемый *тематический план*, где можно обозначить не только темы, но и цели каждого дня, а также записать предполагаемые упражнения (тоже с обозначением целей). Темы и цели ярко отражают соответствие теоретической модели и задачам программы. В примечаниях

можно отмечать пиковые упражнения (или выделить их жирным шрифтом) и другие виды упражнений для отслеживания логики дня и всей программы.

Также можно указать виды активности — с целью отслеживания предполагаемой динамики.

Одна из важных функций тематического плана — подготовка **материально-технического обеспечения** тренинговой программы. Сюда включаются вопросы как помещения (помещений), так и необходимого оборудования. К помещению предъявляются определенные требования: изолированность, световое и цветовое оформление, наличие необходимой мебели и возможности ее перемещения. Иногда необходимы коврики, столы, доски и т. д.

Обычно к такому оборудованию относят расходные материалы (бумага, пишущие принадлежности, скотч и т. д.), методическое обеспечение (распечатки, метафорические карты и т. д.) и технические средства (колонки, проектор и т. д.). Необходимо заранее предупредить клиентов, если предполагается какое-либо их участие в материально-техническом обеспечении (наличие бумаги, ручки и т. д.).

Разработка и проведение онлайн-тренингов

Спецификой современной ситуации (а именно пандемии COVID-19) стало то, что многие специалисты, в частности психологи, столкнулись с необходимостью проведения развивающей и психокоррекционной деятельности онлайн [1; 14]. И несмотря на то, что пандемия начала отступать, потребность в такой форме есть, что обусловлено несколькими преимуществами онлайн-формата. Во-первых, это связано с доступностью такой работы. Людям не нужно тратить много времени на то, чтобы добраться до психологического центра (или организации, где проводятся такие занятия). Иногда это позволяет привлечь клиентов из труднодоступных районов, где нет таких центров. Во-вторых, онлайн-тренинги, как инновация, более привлекательны для клиентов, особенно молодого возраста, так как соответствуют общей тенденции цифровизации. В-третьих, человек, находясь в привычной ему обстановке, может быстрее проходить фазу адаптации к новому для него режиму работы, а, следовательно, будет больше открыт изменениям.

К сожалению, сейчас есть некоторые проблемы с методическими разработками онлайн-тренингов, поэтому, на наш взгляд, очень важны результаты, полученные нами на протяжении уже нескольких лет при работе со студентами и магистрантами.

В принципе, те алгоритмы, которые были изложены для подготовки тренинга офлайн, можно использовать и при подготовке онлайн-тренингов. Однако есть некоторые нюансы.

Под онлайн-тренингом понимается «...тренинг, который полностью проходит в глобальной сети Интернет. Данная форма дистанционного обучения сочетает в себе обсуждение вопросов, проведение групповых упражнений, с одной стороны, и изложение теоретических аспектов заявленной проблемы или направление обучаемых на выполнение четко сформулированной групповой или индивидуальной системы заданий — с другой стороны» [9].

Конечно, основной особенностью онлайн-тренингов является опосредованность, т. е. использование технических средств, которые являются барьером для непосредственного контакта [13]. Безусловно, современные гаджеты обладают множеством достоинств, таких как мобильность, доступность и т. д., однако все-таки многие пользователи испытывают трудности.

Поэтому психологам, которые разрабатывают онлайн-тренинги, тоже необходимо их знать и уметь их использовать, а при необходимости нивелировать.

Одной из таких трудностей является техническая компетентность клиентов. При этом клиент может быть довольно продвинут во владении компьютерными технологиями, однако

именно с данной технологией, используемой в ходе тренингов, не сталкивался. Поэтому важно предусмотреть так называемые репетиции и техническую поддержку (т. е. тренер или ко-тренер должны быть в состоянии ответить на вопросы технического характера, возникшие у клиента, до начала тренинга и/или в его процессе). Иногда бывает так, что по техническим характеристикам самих гаджетов какая-либо программа не работает, поэтому у тренеров должны быть менее затратные заменители (например, дополнительные ссылки на другую конференц-связь, онлайн-доску и т. д.). Вообще группа очень благодарно принимает работу со стороны тренеров (например, напоминание о тренинге; ссылка на вход, присланная заранее; возможность протестировать платформу; запасная ссылка на другую платформу; помощь в случае технических трудностей (в том числе возможность созвониться)).

Нельзя также забывать, что клиенты могут находиться дома, на работе, в общественном месте, где, возможно, они не одни. Соответственно, нужно с ними заранее обговаривать, что на тренинге будет необходимость высказываться, выполнять какие-либо упражнения двигательного характера. Им нужно продумать свое тренинговое место, а тренер может прописать требования к нему или помочь с установлением специального фона, если позволяет конференц-связь.

При использовании компьютерных технологий появляется множественность каналов связи: например, с одной стороны, реплики, замечания в чате — это возможность для ответа тем, кто иначе не может по техническим причинам, но и трудность для тех, у кого чат не виден. Тренеру нужно решить: зачитывает ли он чат или нет, пишет ли он ответы в чат или отвечает вслух. Участники могут присылать в общий чат музыку, мемы, картинки в ходе шерингов для отражения чувств и настроения.

Для обеспечения связности всей программы можно использовать презентации, где будут размещаться инструкции, различные картинки и видео для выполнения упражнения, вопросы к шерингу.

Необходимо понимать, что в онлайн-тренингах важна динамика, так как участникам легче «выпасть» из процесса. Поэтому необходимо охватывать как можно больше каналов связи: зачитывать инструкцию, кидать в чат, выводить на слайде презентации.

Вообще сейчас существует большое количество различных программ и онлайн-сервисов, которые можно использовать в ходе тренингов, например, онлайн-тестирование с получением результатов и их обсуждением.

Можно использовать мультфильмы или фрагменты фильмов, как ситуаций для обсуждения, музыкальные фрагменты (например, для угадывания эмоций), клипы (например, для тренировки саморегуляции), компьютерные игры (как упражнения).

Изменяется материальная подготовка тренинга: можно попросить участников что-то взять для тренинга (лист бумаги, цветные карандаши, кружку с чаем и т. д.) или заранее (на очном тренинге) передать какие-то материалы, а в ходе онлайн-тренинга использовать их, если предполагается смешанный формат тренингов (частично очно, частично онлайн).

При разработке онлайн-тренинга тренерам приходится модифицировать упражнения, отбирать те, которые подходят по вышеописанным логикам и под реализацию в компьютерных технологиях.

Так для соблюдения логики активности нужно не забывать о физической активности или совместной релаксации. Интересная находка — дать задание что-то найти и принести или пойти посмотреть в свое окно, а потом рассказать, что заметил. Однако нужно помнить, что такое хождение может привести к отключению от формата тренинга (переключение на разговоры с кем-то вне тренинга и т. д.).

При переходе на онлайн-формат иногда трудности вызывают самые простые для очного тренинга вещи, например, как определить порядок ответов на шеринге. Обычно это делается путем передачи игрушки-талисмана, но в онлайн-тренинге порядок участников на экране может изменяться (из-за переключения на выступающего), может быть плохо видно из-за особенностей освещения или веб-камеры и т. п. Поэтому приходится придумывать разные новые способы, например, участники говорят в алфавитном порядке (имена, фамилии), по плюсикам готовности в чате, передавая слово (тот, кто ответил, называет того, кто следующий будет отвечать), по заведенному порядку (как это установилось в группе) и т. д.

Нужно понимать, что основной формат онлайн-тренинга — общегрупповой, но его можно (и нужно!) совмещать с работой в малых группах. Для этого используется, например, создание комнат в ходе онлайн-тренинга, если это позволяет сделать вебинарная платформа. Во время такой работы тренер должен заходить в каждую подгруппу и смотреть как идет процесс (так как в дистанте сложно проконтролировать работают ли вообще участники в отдельных комнатах, поняли ли инструкцию, не нужна ли помощь). Конечно, разные платформы предоставляют разные возможности (есть возможность разойтись по комнатам или нет), но практикуется совмещение разных технологий (например, создавать отдельные ссылки для созвона участников или вообще использовать чаты или телефон). Для регуляции работы в подгруппах можно использовать таймеры, обратное время, чтобы участники могли синхронизироваться.

Не стоит забывать и об общегрупповых формах, вроде совместного рисования на онлайн-доске, общей фотографии, коллажа, облака слов (имен, настроений и т. п.) для сплочения всего коллектива.

Нужно помнить, что в дистанционном формате сложнее отследить ответную реакцию людей на фразу или действие (поскольку участники не видят друг друга полностью), поэтому от тренеров требуется больше комментариев.

Необходимо продумать и взаимодействие ко-тренеров: можно использовать дополнительные программы для связи (чат), тематический фон у тренеров как настрой на тренинг. Тренеры могут вести заметки, чтобы отмечать тех, кто выступил, собирать информацию для обратной связи с участниками.

Супервизии

Важно, что в ходе реализации данной подготовки студенты и магистранты выходят из пассивной роли, так как именно они определяют, каким будет тренинг (с чем будут работать, какими методами). У них, безусловно, есть возможность проконсультироваться с преподавателем по поводу возникающих проблем, но при этом вся ответственность лежит на них. Еще немаловажный аспект — это то, что оценку разработанного и проведенного тренинга осуществляют в ходе практикума их сокурсники в форме супервизии. Студенты получают возможность дать обратную связь ведущим, как из позиции участников, так и проанализировав их программы по предложенным критериям [5; 10]. В результате такой работы стимулируется профессиональное развитие студентов в качестве тренеров. Преподаватель осуществляет внешнюю супервизию (невключенную), что позволяет ему передавать все большую ответственность самим студентам, но при этом контролировать процесс, обращая внимание обучающихся на наиболее важные моменты, осуществляя вместе с ними решение возникающих трудностей.

Выводы

Таким образом, подготовка психологов (в частности, юридических) предполагает развитие компетенций в рамках развивающей и психокоррекционной деятельности, что требуют как федеральные государственные образовательные, так и профессиональные стандарты. Однако можно (и по нашему мнению, нужно) углубить содержание образования за счет не только очных форм групповой работы, но и использования онлайн-формата. Но реализовывать онлайн-тренинги без опыта ведения офлайн-тренингов тоже не рационально, так как многие навыки (вхождения в контакт, управления динамикой группы и т. д.) формируются лучше именно в очном формате. Онлайн-тренинги расширяют эти навыки за счет использования компьютерных технологий, что позволяет выпускникам быть более востребованным на рынке труда, кроме того чувствовать себя инноваторами, которые не только продвигают науку, но и расширяют репертуар практических технологий, что очень важно в эпоху перемен.

Литература

1. *Аршинова В.В., Кузнецова Н.В.* Тренинговые онлайн-технологии работы в период пандемии COVID-19 // *Личность в пространстве и времени: Сборник статей. Выпуск 9.* Смоленск, 2020. С. 22–33.
2. *Богданович Н.В.* Анализ основных профессиональных стандартов, предполагающих работу психологов в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях [Электронный ресурс] // *Психология и право.* 2016. Том 6. № 2. С. 1–12. doi:10.17759/psylaw.2016060201
3. *Богданович Н.В.* Компетентностный подход в процессе подготовки специалистов по педагогике [Электронный ресурс] // *Психологическая наука и образование psyedu.ru.* 2014. Том 6. № 4. С. 1–12. doi:10.17759/psyedu.2014060401
4. *Богданович Н.В., Делибалт В.В.* Актуальные проблемы подготовки специалистов в области профилактики девиантного поведения в образовательных учреждениях [Электронный ресурс] // *Вестник практической психологии образования.* 2020. Том 17. № 2. С. 87–96. doi:10.17759/bppe.2020170208
5. *Богданович Н.В., Делибалт В.В.* Технология супервизорского анализа психологических тренингов [Электронный ресурс] // *Ананьевские чтения — 2016: Психология: вчера, сегодня, завтра: материалы международной научной конференции, 25–29 октября 2016 г.: В 2 т. Т. 1.* / Отв. ред. А.В. Шаболтас, Н.В. Гришина, С.В. Медников, Д.Н. Волков. СПб: Айсинг, 2016. С. 53–55. URL: <https://psy.spbu.ru/attachments/article/720/2016-an-chten-v1.pdf> (дата обращения: 10.04.2022).
6. *Вачков И.В.* Психологический тренинг: методология и методика проведения: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. М.: Эксмо, 2010. 560 с.
7. *Вачков И.В.* Психология тренинговой работы: содержательные, организационные и методические аспекты ведения тренинговой группы: Учебное пособие. М.: Эксмо, 2008. 416 с.
8. *Истратова О.Н., Эксакусто Т.В.* Справочник по групповой психокоррекции. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. 443 с.
9. *Компаниец А.А.* Некоторые особенности проектирования онлайн-тренинга // *Вопросы педагогики.* 2018. № 6-1. С. 98—102.
10. *Лавринович Е.В., Молостова А.Н.* Супервизия при подготовке ведущих психологических тренингов [Электронный ресурс] // *Консультативная психология и психотерапия.* 2011. Том 19. № 4. С. 58–68. URL: https://psyjournals.ru/mpj/2011/n4/49247_full.shtml (дата обращения: 02.04.2022).

11. Мандель Б.Р. Общая психокоррекция: Учебное пособие. М.: Вузовский учебник, 2013. 347 с.
12. Осипова А.А. Общая психокоррекция: Учебное пособие. М.: Творческий Центр «Сфера», 2008. 512 с.
13. Панова И.В., Олиферук В.В. Реализация онлайн тренинга с использованием платформы для проведения вебинаров // Информационные технологии в организации единого образовательного пространства: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции преподавателей, студентов, аспирантов, соискателей и специалистов (декабрь 2017 г.). Н. Новгород: Мининский университет, 2017. С. 68–73.
14. Петрова П.Н. Онлайн-тренинги: сравнение с аудиторными и перспективы развития // Современный тренинг и коучинг: новые возможности в бизнесе и образовании: материалы по итогам VI Международной научно-практической конференции 20 октября 2020 года / Отв. ред.: Е.Л. Пожарская, Н.А. Дебердеева. М.; Саранск: Издатель Афанасьев В.С., 2021.
15. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 15 апреля 2021 г. № 297 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 44.05.01 “Педагогика и психология девиантного поведения”» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/400799271/> (дата обращения: 10.05.2022).
16. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 29 июля 2020 г. № 839 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 37.03.01 “Психология”» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/74536803/> (дата обращения: 10.04.2022).
17. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 29 июля 2020 г. № 841 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — магистратура по направлению подготовки 37.04.01 “Психология”» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/74536807/> (дата обращения: 10.05.2022).
18. Федюковская М.Г. Методика разработки и проведения психологического тренинга: Электронный курс. СПб: СПбУТУиЭ, 2018. 191 с..
19. Эксакусто Т.В. Групповая психокоррекция: тренинги и ролевые игры, упражнения для личностного и профессионального развития. 2-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс, 2016. 254 с.

References

1. Arshinova V.V., Kuznetsova N.V. Treningovye onlain-tekhnologii raboty v period pandemii COVID-19 [Online training technologies for working during the COVID-19 pandemic]. *Lichnost' v prostranstve i vremeni: Sbornik statei*. Vypusk 9. Smolensk, 2020, pp. 22–33. (In Russ.).
2. Bogdanovich N.V. Analiz osnovnykh professional'nykh standartov, predpolagayushchikh rabotu psikhologov v trudnykh zhiznennykh i yuridicheski znachimyykh situatsiyakh [Analysis of the basic professional standards involving the work of psychologists in difficult and legally significant situations] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2016. Vol. 6, no. 2, pp. 1–12. doi:10.17759/psylaw.2016060201 (In Russ.).
3. Bogdanovich N.V. Kompetentnostnyi podkhod v protsesse podgotovki spetsialistov po pedagogike [Competence Approach in the Process of Specialists Training in Pedagogy and Psychology of Deviant Behavior] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru = Psychological-Educational Studies*, 2014. Vol. 6, no. 4, pp. 1–12. doi:10.17759/psyedu.2014060401 (In Russ.).

4. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Aktual'nye problemy podgotovki spetsialistov v oblasti profilaktiki deviantnogo povedeniya v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh [Actual Problems of Training Specialists in the Field of Deviant Behavior Prevention in Educational Institutions] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2020. Vol. 17. no. 2, pp. 87–96. doi:10.17759/bppe.2020170208 (In Russ.).
5. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Tekhnologiya supervizorskogo analiza psikhologicheskikh treningov [Elektronnyi resurs]. In A.V. Shaboltas, N.V. Grishina, S.V. Mednikov, D.N. Volkov (eds.). *Anan'evskie chteniya — 2016: Psikhologiya: vchera, segodnya, zavtra: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 25–29 oktyabrya 2016 g.: V 2 t. T. 1*. Saint Petersburg: Aising, 2016, pp. 53–55. URL: <https://psy.spbu.ru/attachments/article/720/2016-an-chten-v1.pdf> (Accessed 10.03.2022). (In Russ.).
6. Vachkov I.V. Psikhologicheskii trening: metodologiya i metodika provedeniya: Uchebnoe posobie. 2nd ed. Moscow: Eksmo, 2010. 560 p. (In Russ.).
7. Vachkov I.V. Psikhologiya treningovoi raboty: sodержatel'nye, organizatsionnye i metodicheskie aspekty vedeniya treningovoi gruppy: Uchebnoe posobie. Moscow: Eksmo, 2008. 416 p. (In Russ.).
8. Istratova O.N., Eksakusto T.V. Spravochnik po gruppovoi psikhokorreksii. Rostov-on-Don: Feniks, 2011. 443 p. (In Russ.).
9. Kompaniets A.A. Nekotorye osobennosti proektirovaniya onlain-treninga. *Voprosy pedagogiki = Voprosy Pedagogiki*, 2018, no. 6-1, pp. 98–102. (In Russ.).
10. Lavrinovich E.V., Molostova A.N. Superviziya pri podgotovke vedushchikh psikhologicheskikh treningov [Supervision in the preparation of the leading psychological training] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2011. Vol. 19, no. 4. pp. 58–68. URL: https://psyjournals.ru/mpj/2011/n4/49247_full.shtml (Accessed 10.03.2022). (In Russ.).
11. Mandel B.R. Obshchaya psikhokorreksiya: Uchebnoe posobie. Moscow: Vuzovskii uchebnik, 2013. 347 p. (In Russ.).
12. Osipova A.A. Obshchaya psikhokorreksiya: Uchebnoe posobie. Moscow: Tvorcheskii Tsentr Sfera, 2008. 512 p. (In Russ.).
13. Panova I.V., Oliferuk V.V. Realizatsiya onlain treninga s ispol'zovaniem platformy dlya provedeniya vebinarov [Implementation on-line training with using the platform for webinars]. *Informatsionnye tekhnologii v organizatsii edinogo obrazovatel'nogo prostranstva: sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, studentov, aspirantov, soiskatelei i spetsialistov (dekabr' 2017g.)*, Nizhny Novgorod, Mininskii universitet, 2017, pp. 68–73. (In Russ.).
14. Petrova P.N. Onlain-treningi: sravnenie s auditornymi i perspektivy razvitiya [Online-training: comparison with classroom training and development prospects]. In E.L. Pozharskaya, N.A. Deberdeeva (eds.). *Sovremennyyi trening i kouching: novye vozmozhnosti v biznese i obrazovanii: materialy po itogam VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 20 oktyabrya 2020 goda*. Moscow; Saransk: Izdatel' Afanas'ev V.S., 2021. (In Russ.).
15. Prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya RF ot 15 aprelya 2021 g. No. 297 “Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya — spetsialitet po spetsial'nosti 44.05.01 “Pedagogika i psikhologiya deviantnogo povedeniya”” (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyi resurs]. *GARANT.RU = Garant.ru*. URL: <https://base.garant.ru/400799271/> (Accessed 10.03.2022). (In Russ.).

Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярёв А.В.
Тренинги офлайн или онлайн: тенденции
в подготовке юридических психологов
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 224–238.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V.
Online and Offline Training: Trends in Education of
Specialists in the Field of Forensic and Legal Psychology
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 224–238.

16. Prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya RF ot 29 iyulya 2020 g. No. 839 “Ob utverzhdenii federal’nogo gosudarstvennogo obrazovatel’nogo standarta vysshego obrazovaniya — bakalavriat po napravleniyu podgotovki 37.03.01 “Psikhologiya”” (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyi resurs]. GARANT.RU = Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/74536803/> (Accessed 10.03.2022) (In Russ.).

17. Prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya RF ot 29 iyulya 2020 g. No. 841 “Ob utverzhdenii federal’nogo gosudarstvennogo obrazovatel’nogo standarta vysshego obrazovaniya — magistratura po napravleniyu podgotovki 37.04.01 “Psikhologiya”” (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyi resurs]. GARANT.RU = Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/74536807/> (Accessed 10.03.2022). (In Russ.).

18. Fedyukovskaya M.G. Metodika razrabotki i provedeniya psikhologicheskogo treninga: Elektronnyi kurs. Saint Petersburg: SPbUTUiE, 2018. 191 p. (In Russ.).

19. Eksakusto T.V. Gruppovaya psikhokorreksiya: treningi i rolevye igry, uprazhneniya dlya lichnostnogo i professional’nogo razvitiya. 2nd ed. Rostov-on-Don: Feniks, 2016. 254 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Богданович Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Делибалт Варвара Васильевна, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Дегтярёв Артем Викторович, старший преподаватель, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Information about the authors

Nataliya V. Bogdanovich, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Varvara V. Delibalt, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Artem V. Degtyarev, Senior Lecturer, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Получена 01.04.2022
Принята в печать 15.05.2022

Received 01.04.2022
Accepted 15.05.2022

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД И МЕДИАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В ОБРАЗОВАНИИ И СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ |
RESTORATIVE APPROACH AND MEDIATION TECHNOLOGIES
IN EDUCATION AND IN THE SYSTEM OF PREVENTION OF SOCIAL RISKS

Судебная примирительная процедура в системе защиты гражданских прав

Михайлова Е.В.

Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0313-3813>, e-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Статья посвящена исследованию правовой природы судебной примирительной процедуры как средства правовой защиты. Российское законодательство не определяет место примирительных процедур в системе защиты прав и законных интересов. Несмотря на активную законодательную деятельность по введению в правоприменение различных форм примирения, они по большей части остаются невостребованными обществом. В отличие от всех прочих форм урегулирования правовых конфликтов, судебное примирение регламентировано нормами процессуального законодательства, что делает его институтом публичного права и разновидностью государственной деятельности. Но для его успешной интеграции в систему правовой защиты необходима теоретическая разработка этого института. Показаны отличия судебного примирения от иных форм урегулирования правовых конфликтов. Институт судебного примирения предлагается называть «суррогатом судебного разбирательства». Предлагается также установить специальное требование к судебным примирителям: наличие у них специального дополнительного образования в области психологических наук.

Ключевые слова: правосудие, судопроизводство, процессуальная форма защиты, внесудебное примирение, судебное примирение, судебная примирительная процедура, мировое соглашение.

Для цитаты: Михайлова Е.В. Судебная примирительная процедура в системе защиты гражданских прав [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 239–248. DOI: [10.17759/psylaw.2022120217](https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120217)

Conciliation Procedure in the Russian System of Protection of Civil Rights

Ekaterina V. Mikhailova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0313-3813>, e-mail: e.v.mihailova@bk.ru

The article is devoted to the study of the legal nature of judicial conciliation procedure as a means of legal protection. Russian legislation does not determine the place of conciliation procedures in the system of protection of rights and legitimate interests. Despite the active legislative activity on the introduction of various forms of reconciliation into law enforcement, for the most part they remain unclaimed by the society. Unlike all other forms of settlement of legal conflicts, judicial conciliation is regulated by the norms of procedural legislation, which makes it an institution of public law and a kind of state activity. But for its successful integration into the system of legal protection, theoretical development of this institution is necessary. The differences between judicial conciliation and other forms of settlement of legal conflicts are shown. The institute of judicial conciliation is proposed to be called “a surrogate of judicial proceedings”. It is also proposed to establish a special requirement for judicial conciliators: they must have a higher education in the field of psychological sciences.

Keywords: justice, legal proceedings, procedural form of protection, extrajudicial conciliation, judicial conciliation, judicial conciliation procedure, amicable agreement.

For citation: Mikhailova E.V. Conciliation Procedure in the Russian System of Protection of Civil Rights. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 239–248. DOI:10.17759/psylaw.2022120217 (In Russ.).

Введение

Правовой конфликт — это социальное явление, которое находится на стыке психологии и права. С одной стороны, любой правовой конфликт — явление социальное; с другой стороны, не любой социальный конфликт является правовым — необходимо, чтобы он возник и развивался в области общественных отношений, регулируемых правом. Поэтому природа правового конфликта напрямую связана с природой того правоотношения, из которого он возник.

Правовые конфликты не единожды становились предметом серьезных научных исследований, как представителей юридической науки, так и виднейших ученых в области психологии и социологии. Например, Т.Н. Сафронова считает, что одним из основных признаков правового конфликта выступает активное действие, под которым следует понимать различные поведенческие реакции, включая вербальные [11]. Это — важное обстоятельство, подтверждающее, что посредник, призванный урегулировать конфликт, должен быть не только специалистом в области права, но и обладать знаниями психологии.

Понимание того, что правовой конфликт в своей основе возникает и развивается по законам психологии, привело к появлению в отечественном законодательстве такого института, как «урегулирование спора». Частными случаями урегулирования выступают медиация (привлечение в дело «профессионального» примирителя), онлайн-урегулирование спора (в котором в роли примирителя выступает специальная цифровая платформа) и т. д.

Следует высоко оценить инициативы высших судебных инстанций и законодательной власти в области внедрения в систему государственной защиты нарушенных или оспоренных прав различных примирительных процедур.

Во-первых, в сферу гражданской юрисдикции был введен институт медиации. За данным термином скрывается внесудебная процедура переговоров сторон, в которую они по взаимному согласию привлекают третье, независимое и незаинтересованное в конфликте лицо — медиатора. От «обычного» посредника медиатор отличается в основном тем, что проходит

специальную подготовку — в том числе и в области психологии. Однако подчеркну, что получаемые им психологические познания носят фрагментарный характер в силу краткосрочности соответствующих курсов. Требование о наличии у медиаторов высшего юридического образования вовсе отсутствует в действующем законодательстве.

Так или иначе, внесудебная медиация не была востребована российским обществом в полном объеме. Причиной видится то, что результатом медиации является обычное гражданско-правовое соглашение, не подкрепленное возможностью его принудительного исполнения (в отличие, например, от решений третейских судов).

Вторым важным шагом законодателя стало закрепление обязательного досудебного (претензионного) порядка урегулирования отдельных категорий гражданских дел. Здесь важно отметить, что отсутствие у сторон правового конфликта намерения к примирению на практике приводит к формализации процесса досудебного урегулирования спора: одна сторона (истец) направляет в адрес второй стороны (ответчика) формальное предписание о необходимости исполнить взятые на себя обязательства и при неполучении ответа в установленный срок обращается в суд.

В 2019 г. в законодательство, регулирующее гражданское и арбитражное судопроизводство, были включены нормы, предусматривающие возможность проведения процедуры судебного примирения спорящих сторон. Для того чтобы эта процедура была успешно интегрирована не только в процессуальное законодательство, но и в судебную практику, необходимо понимание ее природы, правовых свойств заключаемых ее участниками соглашений. Кроме того, функции судебного примирителя не должны дублировать функции суда, рассматривающего дело по существу: у него совершенно другая задача — не определить «правых и виноватых», а урегулировать конфликт в интересах обеих спорящих сторон. Поэтому судебный примиритель должен, помимо юридического образования и опыта работы в судебной сфере, обладать и специальными познаниями в области психологии и конфликтологии.

Исследование проблемы

Судебная защита нарушенных прав — это основной способ реализации нарушенного права в условиях правового конфликта. Основная масса правовых споров в России разрешается именно в судебном порядке. Практика убедительно показывает, что больше всего обладатели нарушенных прав доверяют именно государственному суду.

Как писал Е.В. Васьковский, «...суд является опорой правового порядка; он проводит законы в жизнь; он восстанавливает нарушенные права и карает нарушителей; благодаря ему граждане могут спокойно пользоваться своим имуществом и плодами своих трудов» [2].

При этом судебная защита нарушенного или оспоренного права — не единственная возможность для его обладателя добиться «правды».

Еще ученые дореволюционного периода выделяли несколько способов защиты права. Так, А.Х. Гольмстен писал: «Благодаря тому, что гражданские права суть средства для удовлетворения различных индивидуальных, частных интересов, государство вовсе не заинтересовано в том, чтобы споры об этих правах были непременно разбираемые коронным судом; если стороны более доверяют частному лицу, чем коронному судье, то им должно быть дано право входить между собою в соглашение, по силе коего данный спор их должен быть разрешен избранным ими посредником, хотя бы спор находился уже на рассмотрении государственного суда. Посредник этот называется третейским судьей, соглашение же сторон между собою и между ними и посредником — третейским договором или записью» [3].

Отечественная система защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов включает в себя деятельность только государственных и третейских судов по рассмотрению и разрешению отнесенных к их ведению дел. В этой системе вплоть до настоящего времени не нашлось места такому правовому явлению, как урегулирование спора. Гражданский кодекс Российской Федерации не называет примирительные процедуры в числе средств защиты нарушенных прав и законных интересов. Равным образом к числу субъектов, осуществляющих защиту гражданских прав и законных интересов, не отнесены посредники и медиаторы.

Однако государство в последнее время уделяет повышенное внимание различным формам правового примирения. Это происходит в условиях колоссальной нагрузки на судебную систему; становится очевидно, что необходимо часть правовых конфликтов переводить в сферу урегулирования. При этом нельзя «сбросить со счетов» и то обстоятельство, что больше всего наши сограждане доверяют именно судебной власти.

Поэтому система государственной (судебной) защиты нарушенных прав обогатилась новыми элементами. Помимо введения обязательного досудебного (претензионного) урегулирования споров, наибольшее влияние на нее оказало введение в судопроизводство судебной примирительной процедуры.

Таким образом, государственный суд с этого момента выступает в новой для себя «роли» — роли профессионального посредника в урегулировании правовых конфликтов. А государство, в свою очередь, стало не просто и не только «верховным регулятором», но пособником мира и поддержания общественного спокойствия.

При этом сравнение медиаторов и судебных примирителей является теоретически и практически неверным: в отличие от медиации, судебное примирение осуществляется в соответствии с нормами процессуального законодательства, а судебным примирителем является судья в отставке. Следует сразу отметить, что закон не предъявляет в настоящее время никаких дополнительных требований к судебным примирителям (например, не требуется обучение по программам подготовки медиаторов).

Деятельность государственных судов по рассмотрению и разрешению отнесенных к их ведению дел по правилам соответствующей процессуальной формы называется правосудием. Поэтому все действия, которые совершаются судом и участниками судопроизводства, должны отвечать признакам и свойствам правосудия. Под это требование подпадает и институт судебного примирения.

При этом понятия правосудия в законодательстве не закреплено. По справедливому замечанию В.М. Шерстюка, «...в Конституции РФ нет норм, определяющих содержание и сущность правосудия» [15].

Поэтому в науке выработан ряд подходов к определению понятия правосудия. Так, Ю.А. Попова отмечала, что правосудие характеризуется, в частности, признаком осуществления его только судом и в рамках соответствующей процессуальной формы [9]. Н.А. Колоколов подчеркнул, что правосудие во всех его формах осуществляется исключительно в рамках публично-правовых, властных отношений [6]. Это отметила и Л.А. Прокудина [10].

Процессуалисты советского периода подчеркивали, что регулируемая законом деятельность суда, осуществляющего правосудие, гарантирует соблюдение законности, прав и интересов лиц, участвующих в деле, установление истины по каждому делу и в итоге — выполнение задач судопроизводства [7].

Итак, все правоотношения, регулируемые процессуальным законодательством, есть публично-правовые отношения, связанные с отправлением правосудия. Это касается и института

судебного примирения. Поэтому судебная примирительная процедура, в отличие от медиации и иных форм внесудебного примирения, — это одна из форм отправления правосудия.

В юридической литературе категории «мировое соглашение» и «судебное примирение» часто рассматривают как тождественные, что неверно. Мирное соглашение — это возможный результат примирения. Как верно отмечают авторы, в действующем законодательстве отсутствует определение понятия мирного соглашения [13]. Но еще по Уставу гражданского судопроизводства 1864 г. мирное соглашение рассматривалось как двусторонняя сделка, заключаемая сторонами в установленной законом форме [8]. Так, Р.Е. Гукасян мирное соглашение понимал в качестве одного из способов регулирования общественных отношений [4]. В дореволюционный период под мировым соглашением ученые также понимали гражданско-правовое соглашение, которое может быть заключено спорящими сторонами как вне судебного процесса, так и в его рамках. «Мировая сделка есть договор, в силу которого истец и ответчик соглашаются прекратить существующий между ними спор», — писал великий русский процессуалист А.Х. Гольмстен [3]. Е.В. Васьковский называл мирное соглашение, наряду с решением третейского суда, «...суррогатом судебного решения» и отмечал, что «мировая сделка создает между тяжущимися новое договорное отношение, к которому применяются все правила относительно договоров» [1].

Само примирение может завершиться заключением сторонами правового конфликта мирного соглашения, а может остаться безрезультатным. Но даже если примирительная процедура не привела стороны правового конфликта к заключению мирного соглашения, она не утрачивает своего правового значения, влечет определенные правовые последствия (например, свидетельствует о соблюдении или несоблюдении истцом досудебного (претензионного) порядка). Поэтому примирительная процедура — это самостоятельное психолого-правовое понятие, требующее глубокой научной проработки.

Итак, в настоящее время мирное соглашение может быть результатом как внесудебного примирения, так и судебной примирительной процедуры. Это не может не оказывать влияния на его природу. Заключенное во внесудебном порядке соглашение является актом частного права. Трудно согласиться с тем, что «...из первоначально альтернативной правосудию системы способов и порядков внесудебные процедуры переходят в систему способов и порядков, конкурирующих с судопроизводством» [12]. Поскольку результаты внесудебного примирения не обеспечены возможностью принудительного исполнения, они не могут претендовать на роль самостоятельного средства защиты права.

Одной из основных теоретических проблем, связанных с понятием судебного примирения, является вопрос о том, возникают ли между участниками судебной примирительной процедуры и судебным примирителем гражданско-процессуальные правоотношения.

Большинство процессуалистов гражданско-процессуальные правоотношения определяют как публично-правовые, властные, «вертикальные» отношения. Н.А. Чечина, например, указывала на то, что «...процессуальные правоотношения являются властеотношениями, так как их субъекты находятся в отношениях власти и подчинения» [14].

Если бы судебную примирительную процедуру реализовывал суд, рассматривающий дело по существу, ее можно было бы уверенно рассматривать как часть гражданского и арбитражного судопроизводства.

Однако судебное примирение осуществляет не тот судья, который рассматривает дело, а судебный примиритель, в качестве которого выступает судья в отставке. Кроме того, судебный примиритель не является участником судебного разбирательства и не вправе совершать действия, влекущие за собой возникновение, изменение либо прекращение прав или обязан-

ностей лиц, участвующих в деле, и других участников арбитражного и гражданского процесса. Тем самым законодатель прямо «выводит» судебную примирительную процедуру из судебного рассмотрения и разрешения дела. Однако при этом процедура судебного примирения прямо закреплена в нормах гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства, поэтому неизбежно является частью судопроизводства в целом.

Правовой статус судебного примирителя (от которого зависит природа правоотношений по судебному примирению) на настоящий момент не определен ни законодательно, ни на уровне руководящих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

Судебным примирителем является судья, пребывающий в отставке и включенный в список судебных примирителей, который утверждается Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. В этой связи возникают вопросы: «Каково правовое положение указанных лиц?», «Являются ли они работниками соответствующего арбитражного суда или выступают в той же роли, в какой действуют, например, помощники судей?»

Прототип судебной примирительной процедуры существовал еще в дореволюционном законодательстве. Так, Е.В. Васьковский писал, что «...тяжущиеся могут просить, чтобы суд принял меры к соглашению их и сделал это при закрытых дверях» [2].

Как видно, судебное примирение в то время проводил судья, рассматривающий дело и его правовой статус был вполне определен. Судья обладает публично-властными полномочиями, действует от имени государства, его указания и распоряжения носят императивный характер, а попытки оказания какого-либо воздействия на него являются незаконными.

Однако в современный период судебные примирительные процедуры организуют и проводят судьи в отставке, выполняющие функции «примирителей», т. е. посредников.

Строго говоря, они не обладают статусом действующего судьи, а следовательно, не имеют публичных полномочий. Как отмечают некоторые авторы, судья в отставке является гражданином, не имеющим никакого отношения к исполнению полномочий по государственной должности судьи, не обладающим вообще какими бы то ни было властными полномочиями [5].

Можно прийти к выводу, что судебное примирение — это некая «дополнительная» функция государственного суда. Следовательно, оно не охватывается понятием правосудия. Коллизия заключается в том, что при этом институт судебного примирения урегулирован нормами процессуального права, а значит, он выступает составной частью судопроизводства. Поэтому судебное примирение нельзя «вывести» из-под рамок цивилистической процессуальной формы. Представляется, что по аналогии с дореволюционными авторами, судебную примирительную процедуру можно назвать «суррогатом судебного разбирательства».

Характер правоотношений, связывающих судебного примирителя и участников правового конфликта, сложно определить однозначно.

С одной стороны, можно предположить, что судьи в отставке на время проведения судебной примирительной процедуры наделяются властными полномочиями. С другой стороны, задача судебного примирителя особая — не разрешить спор, а урегулировать его, поэтому его роль второстепенна, а на первый план выходят намерения и воля сторон.

Выводы

Судебное примирение не является альтернативой государственному судопроизводству, а выступает его составной частью. Будучи «суррогатом» судебного разбирательства, судебная примирительная процедура должна обладать чертами правосудия, а ее результатом может

выступать мировое соглашение, которые дореволюционные ученые именовали «суррогатом судебного решения».

Действующее процессуальное законодательство нуждается в серьезном совершенствовании: необходимо закрепить правовой статус судебного примирителя (его права и обязанности, а также мера ответственности в настоящее время регулируются «Регламентом судебного примирения» и характеризуются отсутствием четкости).

Судебная примирительная процедура, несомненно, часть арбитражного и гражданского судопроизводства, и реализуется она в рамках отправления правосудия, а значит, от имени государства. В этом принципиальное отличие судебной примирительной процедуры от всех прочих форм примирения, в частности, медиации. Судебный примиритель, в силу его «закрепления» за конкретным арбитражным судом или судом общей юрисдикции, должен наделяться определенными полномочиями, связанными с организацией и проведением судебного примирения, и нести ответственность за их реализацию.

Следует обратить внимание еще на один аспект рассматриваемого вопроса. В порядке арбитражного судопроизводства рассматриваются и разрешаются как частноправовые, так и публично-правовые конфликты. Как уже было отмечено, природа правового конфликта определяется природой того правоотношения, из которого он возник. Однако урегулирование применимо лишь в отношении частноправовых дел, основанных на равенстве спорящих субъектов. Действующее арбитражное процессуальное законодательство допускает заключение мировых соглашений по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, но при этом урегулирование возможно лишь в той части требований, которые распространяются на одно конкретное лицо. Недопустимо, например, заключение мировых соглашений, отменяющих или изменяющих санкцию правовой нормы (нагляднее всего это демонстрируют дела, возникающие из налоговых правоотношений). Это правило в полной мере относится и к судебному примирению; и еще одной из ближайших задач законодателя видится внесение соответствующих дополнений в процессуальное законодательство, регламентирующих условия и порядок применения института судебного примирения к делам публично-правового характера.

В действующем процессуальном законодательстве не определена природа соглашения о примирении, заключенного в результате применения судебной примирительной процедуры. Безусловно, в случае утверждения его судом, рассматривающим дело, оно приобретает статус мирового соглашения. Однако какова его «судьба» в случае, если стороны не представят его суду для утверждения? Является ли оно в таком случае «обычным» актом частного права, несмотря на то, что было заключено в рамках судебной примирительной процедуры? Если ответить на этот вопрос утвердительно, мы сведем часть судопроизводственной деятельности, каковой является судебное примирение, к частноправовому результату, что принципиально недопустимо и противоречит теоретическим основам цивилистического процесса.

Представляется также, что судебные примирители для успешной реализации возложенных на них функций должны обладать специальными познаниями в области психологии, конфликтологии. При этом эти соответствующие знания должны быть академическими, формального окончания каких-либо краткосрочных курсов судебному примирителю явно недостаточно.

Литература

1. Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. Вып. 1. Введение и общая часть. СПб: Издание книжного магазина Н.К. Мартынова, 1894. 174 с.
2. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М.: Зерцало, 2003. 464 с.
3. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб: Типография М. Меркушева, 1913. 429 с.
4. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. 480 с.
5. Ермошин Г.Т. Судья в отставке: статус, права, обязанности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 87–97.
6. Колоколов Н.А. Формирование судебной власти в самоопределившихся государствах: основы управления генезисом и эволюцией // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации: Сборник научных статей. Краснодар; СПб: Юридический центр Пресс, 2011. 805 с.
7. Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / Под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. М.: Юрид. лит., 1976. 600 с.
8. Николайченко О.В. Сущность мирового соглашения в разрешении гражданско-правовых споров // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 2 (115). С. 135–139.
9. Попова Ю.А. Правосудие — основная функция судебной власти // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации: Сборник научных статей. Краснодар; СПб: Юридический центр Пресс, 2011. 805 с.
10. Прокудина Л.А. Защита экономических прав организаций и граждан арбитражными судами (вопросы профессионализации судопроизводства) // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации: Сборник научных статей. Краснодар; СПб: Юридический центр Пресс, 2011. 805 с.
11. Сафронова Т.Н. Понимание конфликта с точки зрения психологии и права [Электронный ресурс] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1. С. 334–342. doi:10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3317
12. Фильченко Д.Г. Об отдельных последствиях стимулирования субъектов спорных отношений к использованию внесудебных процедур урегулирования или разрешения споров // Возникновение гражданских и семейных прав и их защита: традиционные и новые подходы: Сборник научных трудов / Отв. ред. С.С. Занковский. М.: Институт государства и права РАН; ООО «Издательство Планета», 2021. 352 с.
13. Худойкина Т.В., Синдянкина Е.О. Практика применения мирового соглашения // European science. 2015. № 3 (4). С. 73–75.
14. Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 656 с.
15. Шерстюк В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М.: Издательский Дом «Городец», 2021. 400 с.

References

1. Vas'kovskii E.V. Uchebnik grazhdanskogo prava. Vypusk 1. Vvedenie i obshchaya chast'. Saint Petersburg: Izdanie knizhnogo magazina N.K. Martynova, 1894. 174 p. (In Russ.).
2. Vas'kovskii E.V. Uchebnik grazhdanskogo protsessa. Moscow: Zertsalo, 2003. 464 p. (In Russ.).

3. Gol'msten A.Kh. Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva. 5th ed. Saint Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva, 1913. 429 p. (In Russ.).
4. Gukasyan R.E. Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu. Moscow: Prospekt, 2008. 480 p. (In Russ.).
5. Ermoshin G.T. Sud'ya v otstavke: status, prava, obyazannosti [Judge in retirement: status, rights, duties]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2012, no. 4, pp. 87–97. (In Russ.).
6. Kolokolov N.A. Formirovanie sudebnoi vlasti v samoopredelivshikhsya gosudarstvakh: osnovy upravleniya genezisom i evolyutsiei. *Zashchita prav v Rossii i drugikh stranakh Soveta Evropy: sovremennoe sostoyanie i problemy garmonizatsii: Sbornik. nauchnykh statei*. Krasnodar; Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2011. 805 p. (In Russ.).
7. Kallistratova R.F., Lesnitskaya L.F., Puchinsky V.K. (eds.). Nauchno-prakticheskii kommentarii k Grazhdansko-protsessual'nomu kodeksu RSFSR. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1976. 600 p. (In Russ.).
8. Nikolaichenko O.V. Sushchnost' mirovogo soglasheniya v razreshenii grazhdansko-pravovykh sporov [The essence of the settlement agreement in the resolution of civil disputes]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, 2017, no. 2 (115), pp. 135–139. (In Russ.).
9. Popova Yu.A. Pravosudie — osnovnaya funktsiya sudebnoi vlasti. *Zashchita prav v Rossii i drugikh stranakh Soveta Evropy: sovremennoe sostoyanie i problemy garmonizatsii: Sbornik. nauchnykh statei*. Krasnodar; Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2011. 805 p. (In Russ.).
10. Prokudina L.A. Zashchita ekonomicheskikh prav organizatsii i grazhdan arbitrazhnymi sudami (voprosy professionalizatsii sudoproizvodstva). *Zashchita prav v Rossii i drugikh stranakh Soveta Evropy: sovremennoe sostoyanie i problemy garmonizatsii: Sbornik. nauchnykh statei*. Krasnodar; Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2011. 805 p. (In Russ.).
11. Safronova T.N. Ponimanie konflikta s tochki zreniya psikhologii i prava [Understanding conflict in terms of psychology and law]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2021, no. 1, pp. 334–342. doi:10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3317 (In Russ.).
12. Filchenko D.G. Ob otdel'nykh posledstviyakh stimulirovaniya sub'ektov spornykh otnoshenii k ispol'zovaniyu vnesudebnykh protsedur uregulirovaniya ili razresheniya sporov. In Zankovsky S.S. (ed.). *Vozniknovenie grazhdanskikh i semeinykh prav i ikh zashchita: traditsionnye i novye podkhody: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN Publ., OOO "Izdatel'stvo Planeta", 2021. 352 p. (In Russ.).
13. Khudoikina T.V., Sindyankina E.O. Praktika primeneniya mirovogo soglasheniya [The practice of the settlement agreement]. *European science*, 2015, no. 3 (4), pp. 73–75. (In Russ.).
14. Chechina N.A. Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu. Saint Petersburg: Izdatel'skii Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2004. 656 p. (In Russ.).
15. Sherstyuk V.M. Teoreticheskie problemy razvitiya grazhdanskogo protsessual'nogo, arbitrazhnogo protsessual'nogo prava i ispolnitel'nogo proizvodstva v Rossiiskoi Federatsii. Moscow: Izdatel'skii Dom "Gorodets", 2021. 400 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Михайлова Екатерина Владимировна, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, сектор процессуального права, Институт государства и права Российской акаде-

Михайлова Е.В.

Судебная примирительная процедура
в системе защиты гражданских прав
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 239–248.

Mikhailova E.V.

Conciliation Procedure in the Russian System
of Protection of Civil Rights
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 239–248.

мии наук (ИГП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0313-3813>, e-mail: e.v.mikhailova@bk.ru

Information about the authors

Ekaterina V. Mikhailova, Doctor of Law, Docent, Leading Researcher, Department of Procedural Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0313-3813>, e-mail: e.v.mikhailova@bk.ru

Получена 28.12.2021

Принята в печать 28.03.2022

Received 28.12.2021

Accepted 28.03.2022